

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2025 Том 25 № 3

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2025 Volume 25 No. 3

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba**

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2313-2272 (Print); ISSN 2408-8897 (Online)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 21.09.2025. Выход в свет 30.09.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 27,3. Тираж 500 экз. Заказ № 1261. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Аль Гарайбе Ф., профессор социальной работы и социальной политики, директор научно-исследовательского Института гуманитарных и социальных наук, Университет Шарджи (ОАЭ); профессор кафедры социальной работы, Университет Иордании

Базаров А.В., доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Гаспариишвили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Данилов А.Н., доктор социологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Ивченков С.Г., доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Саратовского национально-исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

Хазуров Т.А., доктор социологических наук, профессор, первый проректор Кубанского государственного университета

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Чулуун С., доктор истории, академик Монгольской академии наук, Генеральный секретарь Международной ассоциации монголоведческих исследований, директор Национального музея Чингисхана (Монголия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Эбзеева Ю.Н., доктор социологических наук, первый проректор-проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов

Литературный редактор **К.В. Зенкин**

Компьютерная верстка: **И.А. Чернова**

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Al Gharaibeh F., Professor of Social Work and Social Policy, Director of the Research Institute of Humanities and Social Sciences, University of Sharjah (United Arab Emirates); Professor, Department of Social Work, University of Jordan

Bazarov A.V., D.Sc (History), Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of RAS (Russia)

Čambálíková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Chuluun S., PhD (History), Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Secretary General of the International Association of Mongolian Studies, Director of the Chinggis Khaan National Museum (Mongolia)

Daniilov A.N., D.Sc. (Sociology), Corresponding Member of National Academy of Sciences of Belarus, Head of Sociology Chair, Belarusian State University (Belarus)

Diez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ebzeeva Yu.N., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector for Educational Work, RUDN University (Moscow, Russia)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Ivchenkov S.G., D.Sc (Sociology), Professor, Dean of Faculty of Sociology, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Russia)

Khagurov T.A., D.Sc (Sociology), Professor, First Vice-Rector, Kuban State University, Krasnodar (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor **Konstantin V. Zenkin**

Computer design: **Irina A. Chernova**

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 1, 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation

Printed at the RUDN Publishing House: 3 Ordzhonikidze St., 115419 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО:

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Козырева П.М., Ди Жу, Смирнов А.И. Сравнительный анализ структурной трансформации потребления в России и Китае (на англ. яз.).....	565
Назарова И.Б. Люди отдыхают: дифференцирующие факторы в выборе развлечений	580
Белов А.А., Данилов А.Н., Корнеевец М.А., Филинская Л.В. Белорусская семья в фокусе вызовов будущего.....	596
Барановская Т.В. К вопросу о динамике восприятия пожилого возраста: факторы позитивных изменений в условиях демографического старения	619
Шихова О.Н., Шалагина Е.В., Прямикова Е.В. Новая индустриальность и профессиональные планы молодежи: от школьников и студентов до специалистов промышленного предприятия.....	633
Пузанова Ж.В., Кострикин Е.Г. Проектный подход в обучении: практика в вузах.....	652
Касаткина Н.П., Полутин С.В., Шумкова Н.В. Перспективы реинтеграции вахтовиков в рынок труда региона постоянного проживания (на примере Республики Мордовия)	665

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Василенко Л.А., Степнова Л.А., Литаш-Сорокина Е.А. Взаимовлияние развития ИИ-зрелых организаций и личностно-профессиональной эффективности ее сотрудников	681
Чуев С.В., Поляков М.Б., Бугаков И.А., Иванов В.Г. Приоритетные направления государственной поддержки некоммерческого сектора Юга России и Приазовья как инструмент достижения национальных целей развития России.....	701
Захаров Н.Л., Сметанина Т.В. Интеграция стандартов качества в деятельность вуза: социальные регуляторы и их социологическая оценка.....	717
Ишмухаметов Р.Р. Самоуправление как инструмент преодоления рисков в управлении школой.....	731

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Костина Н.Б., Нархов Д.Ю. Поколенческие взаимодействия образовательных общностей в российских вузах: предметное поле исследований	743
Ефанов А.А., Музыкант В.Л. Трансформация социальной структуры в неинформационном обществе (на англ. яз.).....	762
Троцук И.В., Калуга А.Е. Основные компоненты социологического изучения счастья	780
Голубкова Е.А., Грунт Е.В., Атлагич С. Ambient media в формировании образа социокультурного пространства города	797
Рахмонов А.Х. Образовательная миграция как новое направление трудовой миграции из стран Центральной Азии: теоретический анализ (на англ. яз.).....	812
Сумская А.С., Симонс Г., Бисвас А.К. Значимые темы в местных новостях национальных цифровых СМИ и общественная безопасность: международное сравнительное исследование (на англ. яз.).....	823
Хан А.К., Хоссейн А., Шазед А.Н. Незападное освещение локальных кризисов в контексте оценки общественной безопасности (на англ. яз.).....	835

РЕЦЕНЗИИ

Нарбут Н.П., Иванов В.Н. Философские основания многозначности понятия «забота»	845
Пашигорова Л.В. Типология как результат включенного наблюдения в медицине	851

ЮБИЛЕЙ

Поздравляем Н.Г. Скворцова!	858
-----------------------------------	-----

НАШИ АВТОРЫ	860
-------------------	-----

CONTENTS

CONTEMPORARY SOCIETY:

THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Kozyreva P.M., Zhu Di, Smirnov A.I. Comparative analysis of the structural transformation of consumption in Russia and China	565
Nazarova I.B. People have fun: Differentiating factors of entertainment choices	580
Belov A.A., Danilov A.N., Korneevets M.A., Filinskaya L.V. Belarusian family in the context of future challenges.....	596
Baranovskaya T.B. On the dynamics of the perception of the elderly: Factors of positive changes under demographic aging.....	619
Shikhova O.N., Shalagina E.V., Pryamikova E.V. New industrialization and professional plans of the young generation: From schoolchildren and students to young specialists of the industrial enterprise.....	633
Puzanova Zh.V., Kostrikin E.G. Project-based approach in teaching: University practice	652
Kasatkina N.P., Polutin S.V., Shumkova N.V. Prospects for reintegration of shift workers into the labor market of their home region (on the example of the Republic of Mordovia).....	665

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Vasilenko L.A., Stepnova L.A., Litash-Sorokina E.A. Personal-professional efficiency of employees in the mature digital organization	681
Chuev S.V., Polyakov M.B., Bugakov I.A., Ivanov V.G. Priority measures of the state support for the non-profit sector in the South of Russia and the Azov Region as a tool for achieving national development goals.....	701
Zakharov N.I., Smetanina T.V. Integration of quality standards into the university activities: Social regulators and their sociological assessment	717
Ishmukhametov R.R. Self-management as a tool for overcoming risks in school management	731

SOCIOLOGICAL LECTURES

Zborovsky G.E., Ambarova P.A., Kostina N.B., Narkhov D.Yu. Generational interactions of educational communities in Russian universities: The subject field of research.....	743
Yefanov A.A., Muzykant V.L. Transformation of social structure in the neo-information society	762
Trotsuk I.V., Kaluga A.E. Main components of the sociological study of happiness	780
Golubkova E.A., Grunt E.V., Atlagic S. Ambient media in the formation of the social-cultural space image of the city	797
Rakhmonov A.Kh. Educational migration as a new direction of labor migration from Central Asia: A theoretical analysis	812
Sumskaya A.S., Simons G., Kumar Biswas A. Salient topics in the local news of the digital media and societal security: A cross-national comparative study	823
Khan A.K., Hossain A., Shazed A.N. Non-Western coverage of local crises in the societal-security perspective.....	835

REVIEWS

Narbut N.P., Ivanov V.N. Philosophical foundations of the polysemy of the concept of “care”	845
Pashigorova L.V. Typology as a result of participant observation in medicine	851

ANNIVERSARY

N.G. Skvortsov	858
-----------------------------	-----

AUTHORS	860
----------------------	-----

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-565-579

EDN: BJGNKK

Comparative analysis of the structural transformation of consumption in Russia and China*

P.M. Kozyreva^{1,3}, Zhu Di², A.I. Smirnov¹

¹Institute of Sociology of the FCTAS RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

²Institute of Sociology of CASS,
Jian Guo Men Nei Da Jie, 5, Beijing, 100732, China

³HSE University,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: pkozyreva@isras.ru; zhudi123@cass.org.cn; smir_al@bk.ru)

Abstract. The article is based on the results of the joint Russian Chinese research project. The authors use sociological and statistical data to consider the specifics of the structural shifts in the population's consumption, which occurred under modernization in Russia and China. During the last thirty years, given an increase in population's income and expenses, the proportion of household spending on food has decreased, but in China this decrease was more intensive and steady. Both countries show a considerable increase in the consumption of services. In China, the main focal point is a gradual transition from consuming to survive towards consuming for development (household spending on education, travel, leisure, household appliances, communication services and transportation), while in Russia the authors focus on the increasing demand for recreational services (spending on healthcare, fitness-wellness, entertainment, educational, tourism) that improve a family's quality of life. However, despite positive trends, household consumption structure in both countries is still not on par with today's demands. Moreover, in recent years,

*© P.M. Kozyreva, Zhu Di, A.I. Smirnov, 2025

The article was submitted on 16.03.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

a point of particular concern for China has become high spending on housing and low demand for services in culture and leisure, while in Russia a recent decrease in purchasing power among the impoverished and the middle class has raised concerns. In both countries, there is a significant discrepancy in consumption between different income groups, urban and rural areas. The authors emphasize that the growing consumption in Russia and China is also determined by new trends in the development of information-communication technologies and the formation of a digital economy.

Key words: modernization; inequality in consumption; consumption in Russia and China; household expenses; consumption structure; living standards; digital consumption

For citation: Kozyreva , P.M., Zhu Di, Smirnov A.I. Comparative analysis of the structural transformation of consumption in Russia and China. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 565–579. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-565-579>

Fundamental modernization in Russia and China over the last three decades has not been limited to the economic realm. One of the most significant results of the reforms is the transformation of the population's consumption structure, which is the product of a variety of different factors. In both countries, consumer behavior was affected by mostly the same set of factors; however, the nature, substance and forms in which these factors manifested somewhat differed, which to a considerable degree determines the structural differences in the population's consumption. Aside from an increase in consumption of goods and services and shifts in consumption structure that have had an increasingly positive effect in terms of modernizing industry, technological innovations and social-economic development, there are still quite a few consumption features specific to each country. The joint Russian Chinese research team conducted a comparative analysis of the transformation and main trends in the development of the population's consumption structure in Russia and China under modernization. The Russian side used materials of the Federal State Statistical Service of the Russian Federation (FSSS RF) and the Russia Longitudinal Monitoring Survey of the Higher School of Economics (RLMS-HSE, 1994–2023). The empirical basis of the Chinese side consists of annual reports by the National Bureau of Statistics (NBS) and the Chinese Social Survey (CSS; 2006–2023).

Modernization of consumption in China and Russia

Although Russia and China entered a period of radical reforms from different starting points, in both countries the main direction for reforms was a market economy, both countries still go through a deep modernization phase, and reforms are implemented by the government. However, modernization in Russia and China unfolds in different ways, at a different pace, with different mechanisms and different results, which inevitably affects the consumer sphere. According to Chinese researchers, after the introduction of the reform and opening-up policy of 1978 and until 2012, a market economy was developing, and the population's consumption was rapidly growing. Given that in China, like in Russia and other former Soviet

states, consumption was strongly influenced by the government, the transformation in consumption structure was intricately linked to the modernization strategies implemented by the state [22; 23]. The role that consumption played in economic development was becoming more evident, and the government realized certain measures to expand the market and facilitate modernization of consumption. This resulted in considerable growth of incomes and consumption, but at the same increased discrepancies in consumption between regions and demographic groups [18; 20; 21].

The next stage, which continues from 2012, is considered a period of qualitative development of consumption. The main distinctive feature of consumption transformation was a transition from consuming mainly physical goods to an increase in consuming services, which reflects a transition from basic consumption for survival to consumption based on quality rather than quantity. The demand for high-quality and diverse consumption has become more apparent. Regardless of whether we are talking about housing or transportation, cultural, healthcare or recreational services, there is a high potential demand [24]. Over the last decade, together with a constantly improving and more diverse supply of consumer goods, there has been a considerable increase in consumption of services and digital technologies.

In China the population's material prosperity rapidly grows, accompanied by an increase in the number of people living in cities and a decrease in rural population, which changes traditional consumer preferences. There is a significant discrepancy in consumption structure between urban and rural areas and between social strata. Studies show that urban residents and the middle class have been the main driving force for optimizing consumption structure in China, and that the tendency towards increasing consumption first originated among the middle class and then slowly disseminating among lower strata [26]. As modernization unfolded, including programs for modernizing the village, the impoverished population of rural areas somewhat caught up to the more prosperous urban population. As a result, the gap in consumption between urban and rural areas began to gradually decrease, and consumption structure changes at a faster pace in the village compared to the city [19]. Internal inequality in urban areas has gradually increased, which is not the case for inequality in rural areas [15].

Unlike China, where reforms were implemented gradually and consistently, maintaining the balance between stability and development, reforms in Russia were more sweeping and comprehensive, sometimes even chaotic due to the so-called "shock therapy" methods. However, despite the enormous costs of traumatic reforms, the main goals of the market transition were ultimately achieved. Russian reforms helped to boost the development of trade and service sector, which initially turned out to be much more potent than in China, as many sectors of the economy critical for the functioning and development of social infrastructure and for reproducing crucial social resources were in a deep crisis. One of the most

significant outcomes of economic reforms was the transformation of the population's consumption structure, the updated version of which was mostly established by the mid-2000's when the transition to a market economy was complete. These changes were largely a product of the market economy and a consumer market of a type never seen in the country, and of production on a wider scale, an increase in the supply of new goods and services and rapid development of digital technologies.

Subsequent years became a period of further development, which resulted in the formation of the consumer society, transforming the population's consumer behavior and promoting new consumer practices [5; 6]. However, the purchasing ability of the Russian population remains on a relatively low level, lagging behind China quite significantly. This can be explained by the fact that in Russia prices are affected by inflation, high tax rates and other factors, while in China, there is a wide range of cheap alternative products, which reduces household expenses. Another factor is different priorities when it comes to choosing goods: Russian consumers tend to purchase more expensive goods compared to the Chinese [12]. Overall changes in the Russian population's consumption structure have been a result of the transformation of mechanisms for (re) distributing income, saturation of the consumer market and a certain decrease in prices of non-food products and services that used to be in short supply, gradual transition to a more rational food consumption structure, growing potential and developing infrastructure of retail commerce, increasing number and expanding functionality of large commercial enterprises, improved possibilities for leisure and an broader range of such services together with a significantly increased demand for them, rapid development of information technologies and digitization, increasing popularity of social practices associated with environmental consciousness and a healthy lifestyle [7; 9–11].

In Russia, just like in China, economic inequality that grew during the reforms was accompanied by exacerbation of inequality in many areas of consumption, which resulted in that different groups do not have the same access to education, healthcare and other social resources. Inequality, reflected in differentiation of consumer spending between groups, applies to almost all categories of goods and paid services. However, the dynamics of several indicators of consumption over 15 years indicates positive qualitative shifts in the population's material status and purchasing power, which have affected all income groups with, albeit to varying degrees. In China, positive shifts in consumption have mostly affected the higher income groups, while in Russia they have manifested most clearly among groups with average income [8]. Moreover, inequality in consumption between urban and rural population in Russia has never been as pressing as in China. This is largely due to the fact that modernization in China differs from modernization in other countries: its economic system undergoes transformation simultaneously with the social structure, and agricultural, industrial and post-industrial societies coexist [16]. In the last two decades, Russia has made great strides from the time

of emerging “consumer society oases” [3] to the society for which consuming goods and services becomes one of the main priorities [4]. Also, there is a developing trend towards the convergence of the city and the village in terms of consumption structure, which is deeply rooted in history, back to Soviet times. Since in recent years there has been a considerable decrease in the consumption gap between urban and rural households, increasingly more urban and rural residents share the same orientation when it comes to purchasing food and non-food products.

During the last few decades, Russia and China, just like most countries, have entered a completely new stage of development — rapid proliferation of information technologies. Informatization and digitization do not just cause changes in the realm of producing goods and services but also determine shifts in consumer behavior and structure. A new segment of consumers has emerged — the so-called digital consumers, for whom the Internet is the primary means of communication when it comes to purchasing goods and services. A huge role in the development of consumption was played by the pandemic and the associated restrictive measures, all of which led to fundamental changes in the structure of global demand for purchasing products online and to the increased use of digital means of communication and remote consumption.

Studies show that the Internet use in Russia and China is on a comparable level: about two thirds of citizens use it in one way or another, however, Russia has a higher share of people who use the Internet to purchase essential goods and services, which is largely explained by Russia being a more urbanized country. Both in China and Russia, the Internet coverage in rural areas is lacking, which limits rural inhabitants in purchases through e-commerce resources. Although China is a global leader when it comes to e-commerce, Russia’s e-commerce sector is currently the most dynamic and the fastest growing on the planet [2]. Digital access is a critical factor that significantly affects family consumption: households with a higher level of digital access tend to have a higher degree of consumer activity and higher consumer expenses. Advanced Internet users more often gain access to diversified and comprehensive information pertaining to consumption and have better knowledge of resources for purchases and consumption, which allows them to satisfy their own and their household needs more effectively.

Changes in the consumption structure of the populations of China and Russia

Consumption is inexorably linked to spending money on essential goods and services, and in many cases can be evaluated this way. Structural changes in the population’s spending can largely be tracked by household spending on certain types of goods and services. The primary aim of such expenses that satisfy consumer demand is personal consumption. The structure of household spending shows what sort of needs consumers allocate their funds to, which goods and services they acquire, and the proportions (structure) of their spending [1].

According to China's National Bureau of Statistics, out of the eight main categories of consumer expenditure, the ones citizens consider to be the most important are food products, tobacco and alcohol, and housing, with the share of such spending being considerably higher compared to other categories (figure 1). Also, in these two categories the most significant changes have occurred over the last quarter of the century: the share of spending on food, tobacco and alcohol dropped from 48% in 1998 to 29.8% in 2023. Such changes prove how significantly the population's living standards have improved in China. However, at the same time the share of spending on housing increased from 12.2% in 1998 to a peak value of 24.6% in 2020 and dropped to 22.8% in 2023. One of the most pronounced tendencies of the last decade has been an increase in the consumption of goods that improve people's living standards. Thus, the share of consumer spending on services (including public catering, education, culture and leisure, medical and other essential services) increased from 39.7% in 2013 to 45.9% in 2019 (its peak). After dipping during the pandemic, this indicator resumed growth and reached 45.2% in 2023.

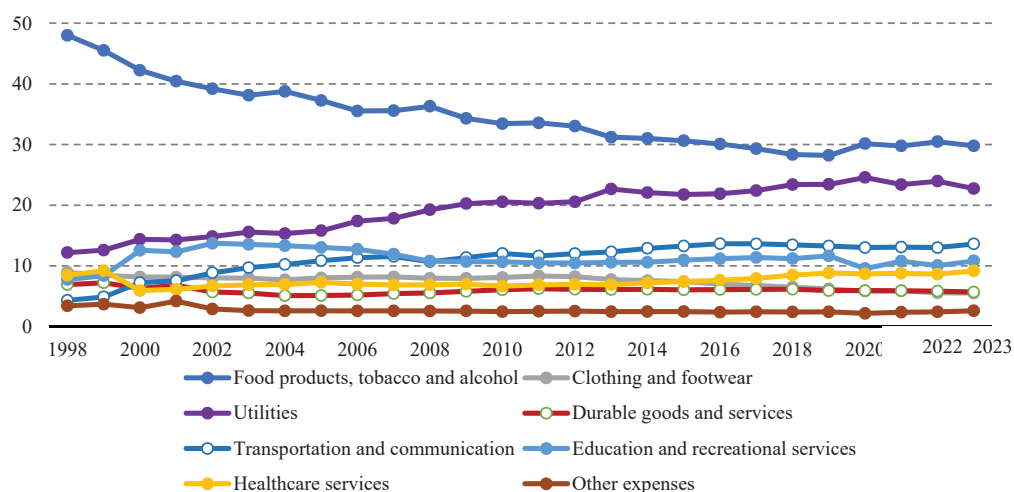

Figure 1. Dynamics of per capita consumer spending by basic categories of goods in China, 1998–2023 (%)

More detailed analysis based on the CSS data (2006–2023) showed that categories that account for a relatively large share and have shown significant changes include food, down payments and mortgages. Thus, spending on food dropped considerably — from 36.5% in 2006 to 29.3% in 2023. Conversely, spending on down payments and mortgages increased from 1.8% to 7.5%. Moreover, for households with such expenses, mortgage payments account for almost half of consumer expenses. Categories of consumer spending that account for a large share of overall spending but have not changed significantly include healthcare and medical services (not accounting for reimbursements), education and gifts. In the last 20 years, spending on healthcare and medical services has

remained within the 10%–13% range, with a slight decrease after the pandemic — 9.8% in 2023. Spending on education remained within the 7%–11% range, while spending on gifts, weddings and other events — around 7%–10%. The sphere of culture, leisure and tourism continues to be both important and customary: spending on it has been consistently low, amounting to 1%–2% in the last 20 years. Although spending on culture, leisure and tourism plays an important role in improving living standards, in 2023 76.4% of Chinese households declared that they do not spend any money on such services.

People in China are usually less inclined to consume compared to Western countries with highly advanced economies. Both in China and in major developed countries, there has been a decrease in consumption inclination under the pandemic; however, in Western countries consumption recovered at a faster rate. Highly developed countries typically have better and more comprehensive social security systems, which is one of the main reasons for their populations' higher inclination for consumption. Given that the consumer needs of China's population have not been fully satisfied, one might assume that this should result in higher inclination for consumption. However, there is a downward trend despite economic growth, which deserves further investigation. Curiously, in Russia consumer demand recovered more quickly after the pandemic than in China.

Chinese researchers use an analysis model that distinguishes “consumption for survival” and “consumption for development” [25]: household spending on groceries, clothing, utility payments, housing, healthcare, financial support for elderly relatives is defined as consumption necessary for satisfying family members' basic needs, i.e., consumption for survival. On the other hand, household spending on education, travel, leisure, household appliances, communication and transportation are considered as consumption for development, aimed at satisfying future needs for the development of an individual and family members. According to the CSS data, farmers, laborers and members of the old middle class have a higher maximum inclination for consuming to survive, while members of the new middle class have a higher maximum inclination for developmental consumption.

To a certain degree similar trends were observed in Russia: just like in China, one of the most important and noticeable tendencies was a decrease in household spending on food. According to the RLMS-HSE data, from 1994 to 2014 this indicator dropped from 62.4% to 29.8%, subsequently remaining within 29.3%–30.9% range. But within overall spending on food, tobacco and alcohol, the share of such spending turns out to be higher compared to Chinese households, while it dropped from 40.9% in 2003 to 31.7% in 2023. Despite such a significant reduction, spending on food in the overall structure of household consumption remained at a high level, even given a considerable increase in income. The main distinction here is that in China the trend towards a reduction in household spending on food was ongoing together with an increase in incomes in the 15 years (except for the pandemic), while in Russia it was essentially in stagnation. This phenomenon is not

inherent to other countries and is often referred to as the “Russian consumption paradox”. Growing income usually means a decrease in the share of household spending on groceries and other essential goods, while nutritional structure shifts to higher quality food. The reasons for this paradox might include, on the one hand, changes in prices and a wider range of available products; on the other hand, severe differentiation when it comes to the population’s income [13]. Russia is still characterized by a high share of food expenses in the structure of consumer spending, and the lower the family income the more of it is allocated to purchasing food. For wealthier groups, possibilities for satisfying new needs broaden, for groups that are impoverished or of modest means, despite certain changes in their structure of necessities, the main priority is usually satisfying the need for essential food products.

A decrease in spending on food was accompanied by an increase in spending on various non-food products and services (figure 2). However, the capacity of households to purchase consumer goods and services was limited by a considerable increase in spending on various mandatory payments (debts, bank loans, insurance, alimony etc.). The share of spending on mandatory regular payments showed a consistent increase from the minimum value of 1.9% in 1998 to a peak of 22.4% in 2022, only after the pandemic, in 2023, it dropped to 17.9%. Such payments constitute the bulk of what is marked on the graph as “other expenses”.

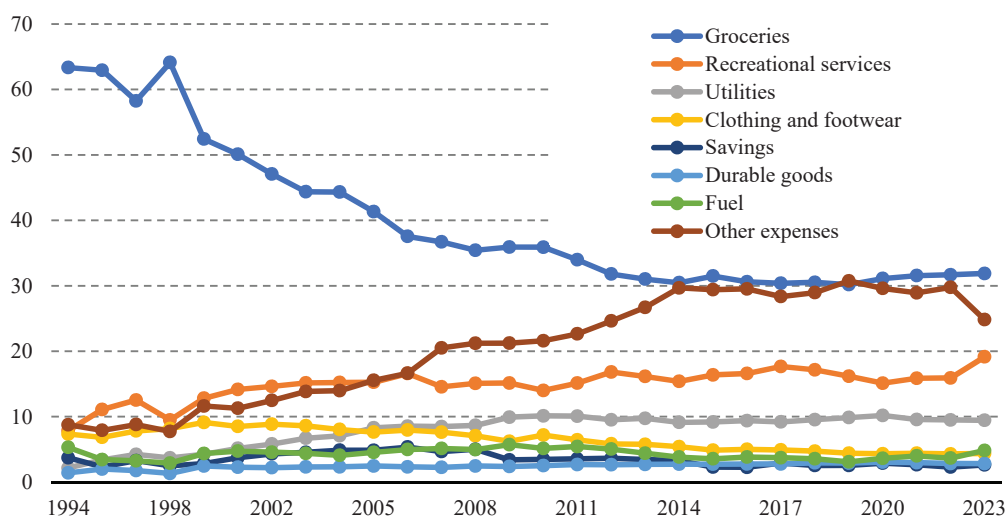

Figure 2. Dynamics of household consumption structure in Russia, 1994–2023
(on average per member of household, %)

In Russia, just like in China, an increasingly more important role in consumption is played by services, which over the last three decades have undergone significant changes. In the years of reforms, many new services were introduced, while for certain services demand diminished or they are no longer

relevant. In the overall structure of household expenses, an increase in spending on various services has been the most significant. For instance, from 1994 to 2023, the share of spending on recreational services (health resorts, fitness-wellness, entertainment, education, tourism, sports) increased 2.4 times — from 7.9% to 19.1%. There was a particularly significant increase in spending on healthcare: from 0.9% in 1994 to a peak value of 6.7% in 2018, then there was a slight gradual decrease to 6.2% in 2023. An increase in spending on healthcare services was determined, on the one hand, by Russians taking better care of their health, on the other hand, by an increase in consumption of paid healthcare services. Moreover, payment for healthcare is a component of Russian family budgets of high priority, regardless of the level of income. The main period of an increase in spending on utility payments (one of the most pressing issues for Russian families) was at the start of reforms: from 1994 to 2010, the share of spending on rent and utility payments increased 4.6 times — from 2.2% to 10.2%, with it subsequently remaining within the 9.4%–10.2% range. Today these expenses remain among the most burdensome in the consumer structure of Russian households; however, they do account for a considerably lesser share than in China.

In both countries, similar tendencies were observed in the shares of family spending on clothing, footwear and durable goods. Given an increase in spending on services, such expenses showed a gradual decrease. Thus, in Russia the share of household spending on clothing and footwear had grown from 7.3% in 1993 to 9.1% in 2000 and then slowly declined to a minimum value of 4.3% in 2023. As for the share of household spending on durable goods, after increasing from 3% in the 1990s to a peak of 5.4% in 2007 it gradually dropped to 2.3% in 2023.

Structural shifts in consumption for different groups in China and Russia

A crucial factor that affects the population's consumption is income, and with median income as the benchmark respondents in two countries were divided into four groups with different income levels: low income strata — 0.75 of median income or lower; lower-middle — 0.75–1.25; upper-middle — 1.25–2 median incomes; high income strata — 2 median incomes or more. According to the Chinese study, the most significant changes were registered in the high-income group: from 2006 to 2023, per capita spending increased 4.5 times (from 11393.5 to 51602.1 Yuan), which is more than for other groups. Then come the low-income group and the group with upper-middle income: their increase in per capita household consumer spending amounted to 4.4 and 4.3 times, respectively.

In the high-income group, the share of spending on groceries was consistently the lowest, while on healthcare, medical services and education — the lowest but approaching the share for the group with upper-middle income. At the same time, their share of spending on household appliances, furniture and other durable goods, culture, leisure and tourism turned out to be much higher compared to other groups.

Higher share of these constantly growing expenses (consumption for development) indicates the improved living standards: in 2023—15.8% of spending for high-income households (figure 3); since 2006 — an increase of 8%, which is the highest among all income groups. In 2023, the upper-middle income strata's share of spending on development consumption was 13.1%, which indicates the group's high consumer potential. Conversely, in the low-income group, this spending was the lowest and was growing the slowest: from 2006 to 2023, an increase of 3%.

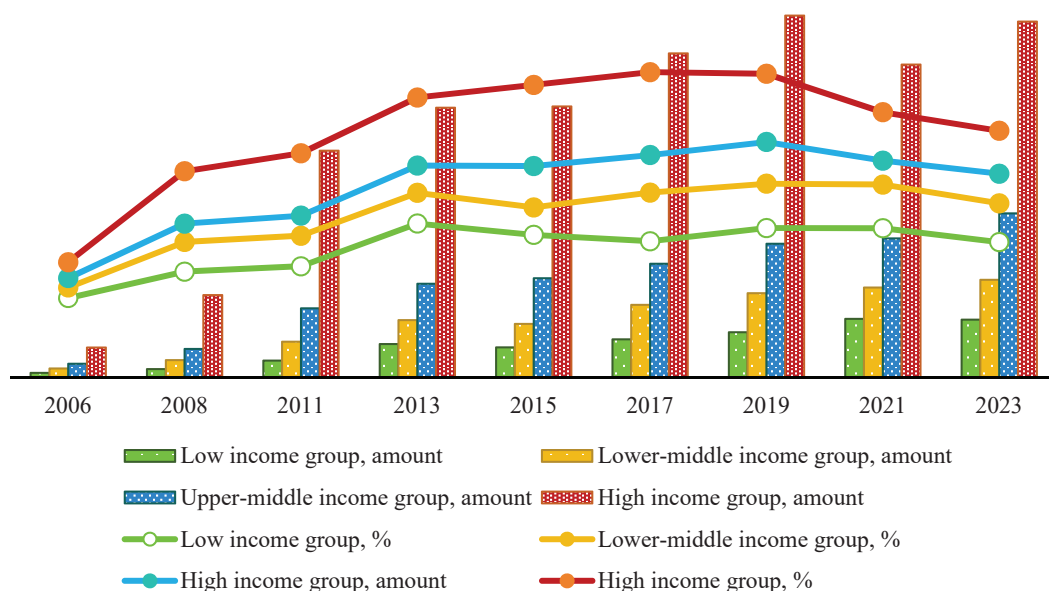

Figure 3. Dynamics of consumer spending for development in China, 2006–2023 (%)

The presented data shows that insufficient consumption continues to be a pressing issue for a considerable part of the Chinese population. Therefore, further efforts to improve living standards for lower-income groups are considered a key task and the primary course for improving the population's well-being. This issue is closely related to an equally important issue of increasing the size of the middle-income group, which will lead to an increase in consumption and to further evolution of consumption structure. This can be explained by the fact that, compared to other income groups, this group is more flexible in consumption, has higher purchasing power and a greater desire to make purchases [14; 17].

The Russian data also reveals considerable differences between income groups in consumption, although the primary are differences in spending on food, which have only increased over the years. Thus, in 1994 the share of spending on food for the low-income group was 1.3 times of that of the high-income group (67.9% and 53.3%, respectively), but in 2023 the difference increased 1.7 times (36.6% and 22.2%). Moreover, there was a continuous increase in by how much the high-income group surpassed all other households in the share of spending

on mandatory regular payments: in the 1990's, this share was very low and barely varied by income group, in 2023 it amounted to 22.5% for the high-income group, 20.5% — for the upper-middle, 15.1% — for the lower-middle, and 13.6% — for the low-income group. Given simultaneous positive dynamics, the consumption structure of high-income groups is characterized by a higher share of spending on recreational services and a lower share of spending on utility payments (figure 4): from 1994 to 2023, spending on recreational services increased from 10% to 21.7%, while for the low-income group — from 6.9% to 16.4%. In 2023, per capita spending on recreational services in the low-income group was 20% of the same expenses for the high-income group. The share of continuously increasing household spending on healthcare remained on almost the same level for all income groups (about 1% in 1994 and 6% in 2023). At the same time the share of household spending on utility payments grew in the high-income group from 1.8% in 1994 to 7.2% in 2023, while in the low-income group — from 2.3% to 10.2%. However, the dynamics of spending on clothing, shoes and durable goods was inverted.

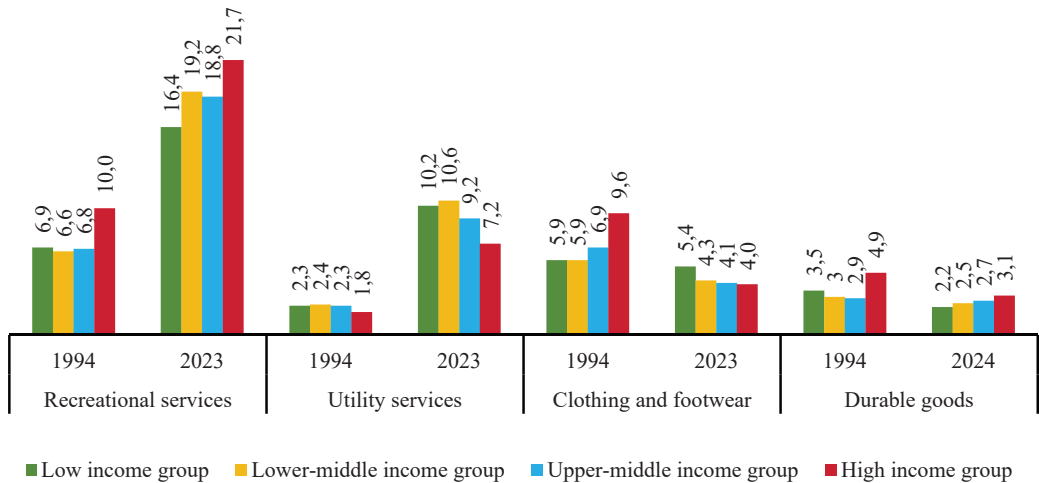

Figure 4. Dynamics of household spending on certain types of goods and services in Russia (on average per member of household monthly; %)

Overall consumption priorities for different income groups have been shifting to spending on healthcare, cultural-educational, tourism, health-resort and fitness-wellness services. These tendencies are to a greater extent typical for wealthier groups: in the most impoverished groups' consumption, the highest share of spending is usually on utility payments, while in the wealthiest groups — on paid services associated with investment in human capital. These differences are reflected in both quantitative indicators and the quality of services.

According to the Chinese studies, urban households spend more on development consumption (a higher share of overall budget), but these discrepancies gradually decrease. For instance, in 2013 the share of spending for

developmental purposes among rural population for the first time got up to 10%, and since then has consistently been on an even higher level, while the share of the same spending for urban households has gradually declined since 2019. By 2023, the difference between urban and rural households in spending on development decreased to a minimum (12.5% and 10.7%, respectively).

In recent years, the share of rural households' spending on food, tobacco and alcohol, healthcare and medical services was higher, while on housing — lower compared to urban residents: in 2023, the share of spending on food, tobacco and alcohol, and housing amounted to 32.4% and 20.3%, respectively, while for urban residents — 28.8% and 23.7%. At the same time the share of villagers' spending on healthcare and medical services rapidly growth — from 4.3% in 1998 to 10.5% in 2023, compared to a decrease in case of townspeople — from 11.5% in 1998 to a record minimum in 2013, after which there was an increase to 8.6% in 2023. Consumer spending on education, healthcare and medical services, and on material support for parents was on a constant rise, accounting for about one fifth of all expenses of Chinese households. These consumption categories can be characterized as collective spending or social provisioning. A high level of development of corresponding public services and social welfare would result in a considerable reduction in personal expenses. However, the fact that over the last 20 years the share of spending on such services saw a negligible decrease indicates that government services and social welfare are still underdeveloped. Urban residents have greater access to social welfare and public services, since the corresponding share in collective consumer spending is considerably lower than for rural population.

In Russia, just like in China, the consumption structure of urban households compared to rural ones is more in line with satisfying people's needs when it comes to preserving and improving health and human capital. Today, just like before, urban households allocate a significantly lower share of spending to purchasing food products. However, from 1994 to 2023, spending on groceries for urban households dropped from 61.5% to 31.4%, while for rural households — from 70.8% to 34.2%. At the same time the share of development spending (on recreational services) for urban households is considerably higher: from 1994 to 2023 it increased from 8.7% to 20.1% compared to from 4.7% to 14.9% for rural households. These negative discrepancies for rural households are partly offset by lower spending on rent and utility payments: from 1994 to 2023 spending on utility services increased from 1% to 6.3% for rural households (for urban households — from 2.5% to 10.2%). Compared to these significant shifts, changes in the share of urban and rural household spending on clothing and footwear were not as dramatic: for urban households it decreased from 7.8% to 2.7%, for rural households — from 5.5% to 4.8%. Even less noticeable but no less important were changes in spending on durable goods: for urban households this share decreased from 4.1% to 2.7%, while for rural households increases from 2% to 2.4%.

The comparative analysis of the structural transformation of consumption in Russia and China revealed the most obvious characteristics and relevant trends that determine the country-specific differences and common features in the dynamics of structural shifts in the population's consumption under modernization. Since it unfolds in both countries, there have been noticeable shifts in household consumption due to growing income and spending and to growing demand for higher quality goods and services. The direction and rate of shifts in the structure of household consumer spending point towards continuous optimization of consumption models in both countries, although in China the intensity of this process is somewhat higher compared to Russia. One of the most substantial and important tendencies in China is the advancement of consumption models which facilitate a continuous increase in consumption for development, while in Russia the main trend is an increase in spending on recreational services that improve living standards. In both countries inequality in consumption continues to be a pressing issue: consumer spending on food, durable goods, housing, cultural, leisure activities and entertainment is still the most differentiating factor. However, Russia suffers more from regional inequality in consumption, while China — from inequality between types of settlements. In both countries, manufacturers and consumers tend to prefer digital trade and consumption. It would be fair to assume that future structural shifts in household consumption will be linked to further development of a digital economy and increasing significance of digital consumption.

References

1. Belyaevsky I.K. Denezhnye dokhody naseleniya i potrebitelskie raskhody: uroven, tendentsii, differentsiatsiya [Population income and consumer expenditures: Level, trends and differentiation]. *Economy, Statistics and Informatics. Bulletin of the UMO*. 2013; 2. (In Russ.).
2. Dementieva I.N., Sheng Fangfu. Roznichnaya onlayn-torgovlya v Kitaye i Rossii: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Online retail in China and Russia: Current state and development prospects]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022; 15 (4). (In Russ.).
3. Il'yin V.I. Obshchestvo potrebleniya: teoreticheskaya model i rossiyskaya realnost [Consumer society: Theoretical model and Russian reality]. *Mir Rossii*. 2005; 2. (In Russ.).
4. Kozlovsky V.V. Obshchestvo potrebleniya i tsivilizatsionny poryadok sovremennosti [Consumer society and civilizational order of modernity]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2011; 14 (5). (In Russ.).
5. Kostina A.V. Obshchestvo potrebleniya i tsennosti rossiyskoy tsivilizatsii [Consumer society and values of the Russian civilization]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2016; 4. (In Russ.).
6. Koftunkin D.E. Razvitie obshchestva potrebleniya v Rossii: kreditny faktor [Development of consumer society in Russia: A credit factor]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2011; 14 (5). (In Russ.).
7. Medvedeva E.I., Kroshilin S.V., Avacheva T.G. Transformatsiya paradigmy potrebleniya v sovremennom rossiyskom obshchestve [Transformation of the consumption paradigm in the contemporary Russian society]. *Science. Culture. Society*. 2023; 29 (1). (In Russ.).

8. *Model dokhodnoj stratifikatsii rossijskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhsranovye sravneniya* [Income Stratification Model of the Russian society: Dynamics, Factors, Cross-Country Comparisons]. Ed. by N. Tikhonova. Moscow; Saint Peterburg; 2018. (In Russ.).
9. Nanakina Yu.S., Nanakin D.G. Izmenenie potrebitelskogo povedeniya domokhozyaystv v usloviyah intellektualizatsii ekonomiki: teoriya pokoleniy [Changing consumer behavior of households under the intellectualization of the economy: Theory of generations]. *Age of Quality*. 2024; 4. (In Russ.).
10. Pivkina N.Yu. Izmenenie struktury potrebleniya domokhozyaystv v usloviyah perekhoda k informatsionnomu obshchestvu [Changing structure of household consumption under the transition to the information society]. *Aktualnye Problemy Sotsialno-Ekonomicheskogo Razvitiya Rossii*. 2018; 4. (In Russ.).
11. Smirnov S.N. Transformatsiya potrebleniya naseleniya Rossii: naskolko znachimy izmeneniya? [Transformation of the Russian population's consumption: How significant are changes?]. *Social Novelties and Social Sciences*. 2022; 3. (In Russ.).
12. Tinkova E.V., Akzhigitova L.R., Tinkov S.A. Sravnenie pokazateley otsenki urovnya zhizni naseleniya v Rossii i Kitae [Comparison of indicators for assessing the standard of living in Russia and China]. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2024; 2. (In Russ.).
13. Shirov A.A., Potapenko V.V. Paradoks rossiyskogo potrebleniya [Russian consumption paradox]. *ECO*. 2020; 6. (In Russ.).
14. Cai Fang. Common prosperity requires efforts to expand the middle-income group. *Economic Daily*. 2020; 7 (1). (In Chinese).
15. Fan Jing, Gao Yanyun. Consumption inequality of Chinese households: Measurement, formation mechanism and policy implications. *Consumer Economics*. 2023; 1. (In Chinese).
16. Li Peilin. Chinese-style modernization and new developmental sociology. *Social Sciences in China*. 2021; 12. (In Chinese).
17. Liu Shijin, Wang Zihao, Jiang Shujia, Zhao Jianxiang. Potential, timeframe and path for doubling the middle-income groups. *Management World*. 2022; 8.
18. Mao Zhonggen, Jia Yuyun, Ye Xu. 100 years of consumption development under the leadership of the CPC: Process, thought transformation and livelihood practices. *Reform*. 2021; 9. (In Chinese).
19. Sun Hao, Song Pingping. Trends and dynamic mechanism of the transformation and upgrading of urban and rural consumption structure. *Social Sciences in Xinjiang*. 2022; 2. (In Chinese).
20. Tang Qi, Xia Qingjie, Li Shi. Consumption structure of Chinese urban households: 1995–2013. *Economic Research Journal*. 2018; 2. (In Chinese).
21. Tan Shun, Guo Qian. Centennial change in the consumption policies of the Communist Party of China: Trajectory, motivation and logic. *Social Research*. 2022; 4. (In Chinese).
22. Wang Ning. Paradigm of the state transference: On the formation of consumerism in China. *Journal of Sun Yat-sen University: Social Science*. 2007; 4. (In Chinese).
23. Wang Ning. *From the Ascetic Society to the Consumer Society: Transformations of Consumption Institutions, Incentives to Labor and Structures of Subjectivity in Urban China*. Beijing; 2009. (In Chinese).
24. Wang Yun. New characteristics and new trends of the current Chinese consumption change. *People's Tribune*. 2022; 24. (In Chinese).
25. Zhang Yi. Consumption tendencies among social classes in today's China: From survival consumption to development consumption. *Sociological Studies*. 2016; 4. (In Chinese).
26. Zhu Di. White collar, middle class and consumption: Occupational structure of the contemporary middle class and its life situations. *Journal of Beijing University of Technology: Social Sciences*. 2018; 3. (In Chinese).

Сравнительный анализ структурной трансформации потребления в России и Китае*

П.М. Козырева^{1,3}, Жу Ди², А.И. Смирнов¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, Москва, 117218, Россия

²Институт социологии КАОН,
ул. Цзянь Го Мэнь, 5, Пекин, 100732, Китай

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

(e-mail: pkozyreva@isras.ru; zhudi123@cass.org.cn; smir_al@bk.ru)

Аннотация. Статья основана на результатах совместного российско-китайского исследовательского проекта. На базе социологических и статистических данных рассмотрены особенности структурных изменений потребления населения в процессе модернизации в России и Китае. Показано, что в течение последних тридцати лет на фоне роста доходов и расходов в обеих странах наблюдалось снижение доли расходов домохозяйств на питание, однако в Китае более интенсивное и последовательное. В обеих странах отмечен значительный рост потребления услуг: в Китае наблюдается поступательное движение от потребления для выживания к потреблению для развития (расходы на образование, путешествия, отдых, бытовую технику, связь и транспорт), а в России растет потребление рекреационных услуг (расходы на медицинские, физкультурно-оздоровительные, развлекательные, познавательные, туристические услуги), улучшающих качество жизни семей. Несмотря на эти и некоторые другие позитивные тенденции, структура потребления домохозяйств в обеих странах все еще не соответствует потребностям сегодняшнего дня. При этом в последние годы в Китае особое беспокойство вызывают высокие расходы домохозяйств на жилье и низкий уровень потребления в сфере культуры и отдыха, а в России — снижение покупательской способности бедных и средних слоев. В обеих странах зафиксирован большой разрыв в потреблении между доходными группами, а также между городскими и сельскими жителями. В целом росту потребления в России и Китае способствует совершенствование информационно-коммуникационных технологий и развитие цифровой экономики.

Ключевые слова: модернизация; неравенство в потреблении; потребление в России и Китае; расходы домохозяйств; структура потребления; уровень жизни; цифровое потребление

Для цитирования: Козырева, П.М., Жу Ди, Смирнов А.И. Сравнительный анализ структурной трансформации потребления в России и Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 565–579. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-565-579>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-580-595

EDN: BEMKUV

Люди отдыхают: дифференцирующие факторы в выборе развлечений*

И.Б. Назарова

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Россия

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: inna-nazarova@mail.ru)

Аннотация. Развлечения — важная составляющая жизни человека. Цель исследования — оценить востребованность развлечений (кино, театры, спортивные зрелища, музеи), определить приоритеты в развлечениях различных социальных групп взрослого населения России и основные типы потребления развлечений. Статья основана на данных официальной статистики и репрезентативных данных базы Росстата за 2022 год — Комплексном наблюдении условий жизни населения (КОУЖ) для респондентов старше 15 лет (N=117634: 45 % мужчин и 55 % женщин); был использован факторный анализ. В результате были выявлены два основных типа потребления: 1) ориентированный на зрелищные мероприятия (кино, спортивные зрелища) и посещение ресторанов; 2) ориентированный на высокодуховные, интеллектуальные развлечения (театры, выставки, концерты). Приоритеты в выборе развлечений различаются в зависимости от социально-демографических и экономических характеристик: молодежь предпочитает кино, женщины — театр, мужчины — спортивные зрелища. Представители разных типов семей посещают развлекательные мероприятия чаще, чем средний россиянин, что позволяет говорить о совместных развлечениях. Молодые семьи без детей — наиболее активные потребители развлечений, поскольку все типы развлекательных мероприятий они посещают чаще, чем в среднем по стране: кино — 64 % (в среднем по стране — 36 %), рестораны — 69 % (в среднем по стране — 48 %). Сельские жители посещают развлекательные мероприятия реже, их развлечения менее разнообразны, чем у жителей города. Обеспеченные группы тратят на развлечения больше средств и большую долю своих расходов. В последние годы наметился общий тренд роста расходов на развлечения, но наиболее депривированные в этом отношении группы — неработающие пенсионеры и инвалиды.

Ключевые слова: развлечения; потребление развлечений; досуг; образ жизни; зрелищные мероприятия; КОУЖ; типология

Для цитирования: Назарова И.Б. Люди отдыхают: дифференцирующие факторы в выборе развлечений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 580–595. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-580-595>

*© Назарова И.Б., 2025

Статья поступила в редакцию 05.02.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Развлечения — неотделимая составляющая жизни человека [см., напр.: 10; 11; 19]: они доставляют удовольствие посредством физических ощущений и дают воображаемые ощущения в отсутствии реальных стимулов [40], поэтому потребность в развлечениях может проявляться более ярко на фоне личных и общественных проблем [18]. В последние годы россияне пережили пандемию, которая отразилась на их психологическом самочувствии, вслед за пандемией началась специальная военная операция (СВО) — они могли повлиять не только на уровень стресса в обществе, но и на потребность в позитивных ощущениях, которые дают и развлечения.

Развлечения — не только часть времяпровождения, досуга, но и поведение — посещение определенных мероприятий: спортивно-развлекательных [13], зрелищных (торжественные и публичные, организуемые в форме массовых культурно-просветительных, театральных и др.), включая те, что требуют специальной инфраструктуры (кинотеатры, ледовые дворцы, филармонии, боулинги, театры и др.) [1]. Вместе с тем, например спортивное зрелище — это любое мероприятие, которое организовано не только в специальном спортивном сооружении (на стадионе с трибунами), но и обычное спортивное соревнование, показательное выступление спортсменов, товарищеские матчи [14]. К развлечениям также относится посещение ресторанов, баров, кафе [15].

Сегодня меняется структура развлечений — исследователи по всему миру отмечают резкое изменение в потреблении развлечений: произошел всплеск удаленной активности и переосмысление традиционной парадигмы досуга. Так, в период пандемии произошел переход на онлайн концерты, и впоследствии возник вопрос о восстановлении интереса к живой музыке. Сегодня появились гибридные концерты, сочетающие онлайн- и офлайн-элементы [35]. В то же время люди продолжают развлекаться в привычном формате — посещая развлекательные мероприятия и учреждения, выбирая их в зависимости от своих потребностей, интересов, ценностей и других личных характеристик, а также исходя из доступности развлечений.

В целом к развлечению можно отнести любую деятельность, направленную на то, чтобы доставлять удовольствие посредством демонстрации особых навыков участников развлечения. К развлечению можно отнести любой вид игры, в том числе спортивной, соревновательной, независимо от того, был человек зрителем или принимал в ней участие, была игра групповой или индивид играл в одиночку [36]. Важность развлечений исследователи обосновывают не только возможностью развлечь человека, но и разнообразить жизнь, помочь переключиться с одного вида деятельности на другой [31], развеселить и заставить рефлексировать [29]. Потребность в духовной пище у человека сохранялась даже в самых сложных обстоятельствах: в военном Ленинграде, чтобы выстоять и выжить, была необходима серьезная музыка и оптимистичные спектакли и фильмы, поскольку люди нуждались в радости [18].

Развлечения являются частью культуры (кино, театр, музеи) [8], но выполняют также функции, основные для иных институтов, например функции социализации, обучения, ухода и терапевтическую. В то же время такие институты, как образование, медицина и семья, выполняют развлекательную функцию, включая игры в процесс социализации [25], используя в обучении развлекательные технологии [9; 22], которые не только формируют положительное отношение к учебе, но и снижают информационную перегрузку [26]. Музеи, оформляя коллективный опыт, выполняют функцию коллективной памяти, сохранения традиций и обучения, дают духовную и эстетическую пищу (через коллекционные предметы и их истории) [см., напр., 6]. Улучшение настроения и психоэмоционального состояния имеет терапевтический эффект и может ускорять выздоровление больного [27] (арт-терапия [21], музыка [7]).

Разнообразие развлечений и их функций позволяет людям выбирать развлечения на любой вкус, в зависимости от потребностей (настроения) и возможностей. В концепции потребления развлечение рассматривается как товар, который может быть продан или куплен [28], имеет цену и спрос. Развитие системы культурного производства сопровождается процессом дифференциации, о чем говорит диверсификация публики: разным ее типам производители адресуют свою культурную продукцию (произведения). Условие существования такой продукции — природа символических благ (относительно независимая от их рыночной ценности) [5]. Развлечения потребляются в зависимости от вкусов и возможностей [30; 32; 33], чем объясняется интерес к экстремальным видам спорта или просмотр телевизора дома.

С точки зрения теории капиталов совокупность ресурсов и власти порождают экономический, культурный и социальный капитал. Разные классы обладают разными объемами этих капиталов, поэтому могут по-разному проводить свободное время, потребляя в том числе культурную продукцию, в зависимости от объема и структуры своего капитала (различия определяются доходом, образованием и возможным объемом потребления). У представителей каждой социальной группы формируется свой особый стиль жизни и одинаковые вкусы, но таковые, как правило, различаются у мужчин и женщин.

В статье развлечения рассматриваются как времяпровождение человека, составная часть досуга и повседневной жизни, связанная с посещением развлекательных (зрелищных) мероприятий, причем люди выбирают развлечения в соответствии со своим экономическим и культурным капиталом.

В работе использованы данные официальной статистики — последние по времени доступные базы Росстата (2022) — Комплексное наблюдение условий жизни населения (КОУЖ), которое проводится во всех субъектах Российской Федерации (N=60 тысяч домохозяйств, опрашиваются все члены). В расчетах используются репрезентативные данные (взвешенные в соответствии с коэффициентом Росстата). Респонденты старше 15 лет составили 117634 человека: 45 % мужчин и 55 % женщин, большинство — жители городских населенных пун-

ктов (75 %). В базе данных информация о развлечениях представлена ограничено — только в отношении посещения театров, кинотеатров, выставок, музеев, спортивно-зрелищных мероприятий, ресторанов, кафе, также указаны онлайн развлечения. Расчеты проводились в пакете SPSS: статистическая значимость определялась с помощью коэффициентов корреляции Спирмана; в рамках факторного анализа применялся метод главных компонент (переменные объясняют 56 % информации; метод вращения — Варимакс с нормализацией Кайзера; вращение сошлось за три итерации; рассматривались индексы более 0,4).

Также в исследовании были использованы последние доступные данные официальной статистики «Уровень и структура располагаемых ресурсов домашних хозяйств различных социально-экономических категорий» (2023), позволяющие оценивать расходы на организацию отдыха и культурные мероприятия, гостиницы, кафе и рестораны — уровень потребительских расходов домохозяйств (в среднем на члена; рублей в месяц), а также структуру таких расходов (в процентах к итогу).

Следует отметить, что вторичный анализ позволяет учитывать только те развлечения, которые упоминаются в базе данных. Кроме того, хотя рестораны и кафе рассматриваются как развлечения, люди могут не воспринимать их в качестве таковых. С другой стороны, невозможно включить в анализ все виды развлечений, которыми люди занимаются на досуге. В целом люди могут более широко трактовать развлечения, относя к ним любимые занятия во время досуга (пение, рисование и т.д.) — то, что существует в приватной сфере, и то, что люди придумывают себе сами. Как правило, люди выделяют два основных вида значимых развлечений: на собственной территории и вне дома [17].

Важный индикатор потребления — расходы населения и их динамика в отношении товаров и услуг. За последние двадцать лет тренд в расходах на организацию отдыха (проживание в гостиницах, питание в кафе и ресторанах в среднем на члена домашнего хозяйства) неуклонно шел на увеличение (рисунок 1). К данным расходам относятся расходы на аудиовизуальное оборудование, игры, товары для спорта и досуга, печатную продукцию и т.п., а также услуги по организации отдыха и культурных мероприятий. Достигнув максимума в предпандемийный период, величина расходов пошла на снижение в условиях ковида с последующим возвратом к росту. Уровень потребительских расходов домохозяйств на посещение ресторанов и кафе не только восстановился, но и превысил показатели до 2019 года.

В постпандемийный период наметилась тенденция на незначительное повышение доли расходов на организацию отдыха, спортивных и культурных мероприятий в структуре потребительских расходов домохозяйств (в процентах к итогу), но не достигла величины двадцатилетней давности (рисунок 2). «Отыграли» свою прежнюю долю (2017 года) расходы на гостиницы, кафе и рестораны.

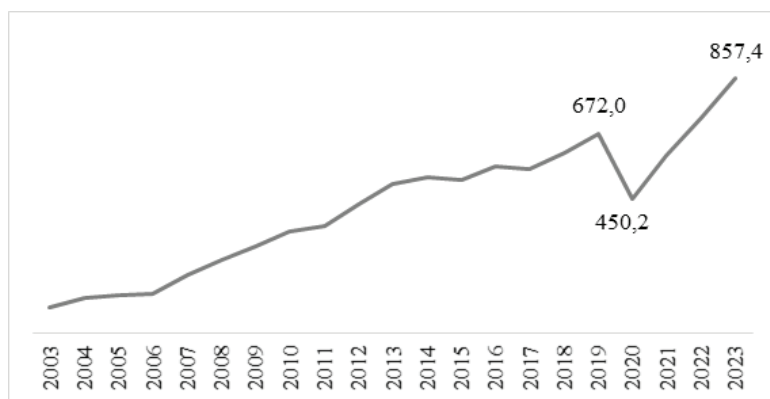

Рис. 1. Расходы на организацию отдыха и культурные мероприятия, гостиницы, кафе и рестораны — уровень потребительских расходов домохозяйств (в среднем на члена; рублей в месяц) *

Источник: Доходы и расходы домашних хозяйств на потребление // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>

Рис. 2. Структура потребительских расходов домохозяйств (в процентах к итогу; с 2021 года учитываются расходы на спортивные мероприятия)

Структура потребительских расходов в сфере развлечений различается у бедного и богатого населения по децильным группам (в процентах к итогу): в 2023 году в первой децильной группе (с наименьшими располагаемыми ресурсами) расходы на организацию отдыха, спортивные и культурные мероприятия составили 2 %, а в десятой (с наибольшими располагаемыми ресурсами) — 7 % (общие потребительские расходы составляют 100 %). Аналогичная ситуация наблюдается в отношении расходов на гостиницы, кафе и рестораны: в первой децильной группе они составили 0,8 %, в пятой — 2,2 %, в десятой — 3,5 %. Общие потребительские расходы в месяц в расчете на трех членов семьи составили в первом полугодии 71063 рубля, что на 7,2 % больше, чем в первом полугодии 2022 года, а расходы на кафе и рестораны увеличились на 13 %, причем наибольшее увеличение произошло в Воронежской области — на 1687 %, значительное — в Республике Калмыкия — на 370 % (таблица 1). Небольшое снижение произошло в столи-

це, но общие траты все равно превышают уровень других регионов: в Москве 5085 рублей в месяц в расчете на трех членов семьи, в Санкт-Петербурге — 3783 рубля. На треть (29 %) увеличились расходы на организацию отдыха, посещение спортивных и культурных мероприятий. На общем фоне выделяются регионы, где произошло значительное увеличение расходов на организацию отдыха, посещение спортивных и культурных мероприятий в месяц в расчете на трех членов семьи, например, в Алтайском крае — на 304 %.

Таблица 1

Расходы на кафе и рестораны, на организацию отдыха, посещение спортивных и культурных мероприятий в месяц в расчете на трех членов семьи, руб.

Сфера расходов и регионы (примеры)	Расходы		
	I полугодие 2022	I полугодие 2023	Динамика, %
<i>на кафе и рестораны</i>			
Российская Федерация	1695	1923	13
Москва	5094	5085	−0,2
Санкт-Петербург	3125	3783	21
Ленинградская область	2089	2537	21
Севастополь	974	1698	74
Воронежская область	92	1642	1687
Республика Калмыкия	89	418	370
<i>на организацию отдыха, посещение спортивных и культурных мероприятий</i>			
Российская Федерация	1789	2311	29
Москва	3636	4326	19
Санкт-Петербург	6517	6482	−0,5
Ленинградская область	2044	2812	38
Севастополь	924	2182	136
Ненецкий автономный округ	926	4988	439
Ульяновская область	642	3092	381
Алтайский край	167	676	304

Важность экономического статуса в потреблении развлечений подтверждается тем, что малоимущие реже посещают развлекательные мероприятия (кроме спортивных), театры (в два раза реже — 7 % против 16 % в целом по России) и кафе (39 % и 48 %, соответственно) (таблица 2). Неработающие пенсионеры также реже посещают развлекательные мероприятия, в шесть

раз реже — кинотеатры, чем средний житель России. В самом сложном положении находятся неработающие инвалиды, хотя они больше остальных не удовлетворены жизнью [16] и нуждаются в позитивных эмоциях.

Половина россиян посещали кафе и рестораны в течение года (50 % мужчин и 46 % женщин), прежде всего люди в возрасте 15–39 лет (67 %). С увеличением возраста ходят в кафе реже: после 60 лет только пятая часть, после 70 лет — менее десятой части (рисунок 3). Для жителей села время, проведенное в кафе, также в приоритете.

Таблица 2

**Структура посещений развлекательных мероприятий/учреждений
в зависимости от экономического статуса, %**

Посетили	Все жители России	Представители социальных групп		
		малоимущий	неработающий пенсионер	инвалид неработающий
театр	16	7	10	5
концерт	20	16	12	7
музей, выставка	12	8	7	4
кино	36	30	6	4
ресторан, кафе	48	39	14	10
спортивное мероприятие	16	19	4	3

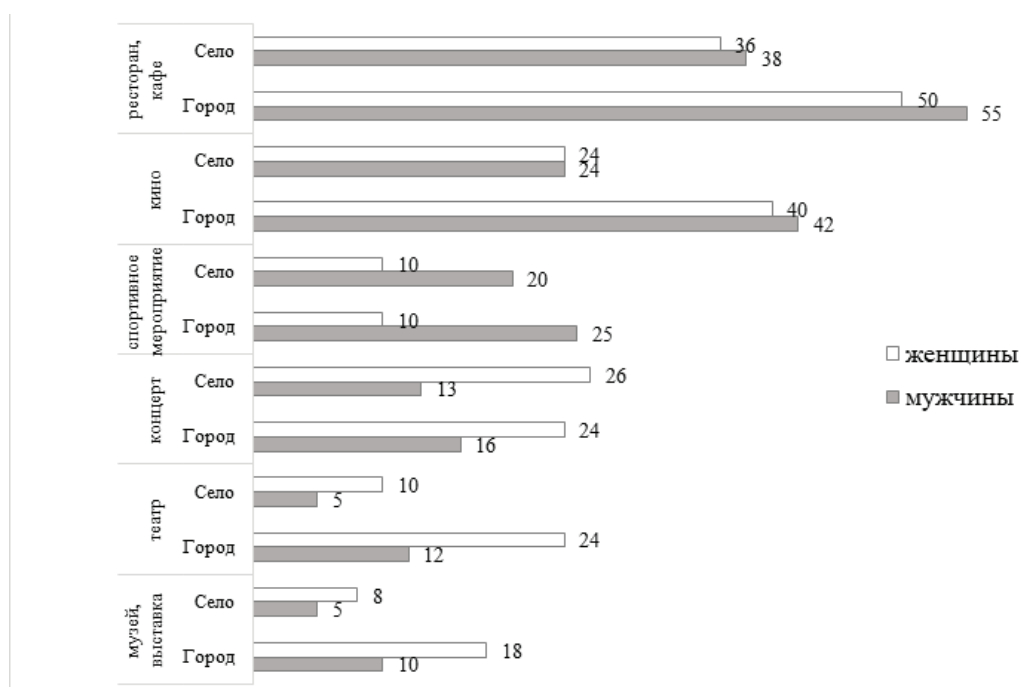

Рис. 3. Структура развлечений (посещали в последние 12 месяцев), %

Один из наиболее доступных видов развлечений — посещение кино-театра: каждый третий россиянин смотрит кино вне дома, но жители села в два раза реже, чем горожане. Кино — наиболее доступное развлечение для учащихся и студентов (30 %). Кино также является коммуникативным видом досуга — большинство (95 %) ходят в кино с родными или друзьями [2]. На стадион, в спортивный зал или на спортивную площадку приходит посмотреть соревнования каждый четвертый мужчина и каждая десятая женщина, наибольший интерес такие мероприятия вызывают у молодежи до 30 лет. Пятая часть населения посещает концерты, но предпочитают их женщины и молодежь: каждая третья женщина до 30 лет в течение года была на концерте, каждая четвертая — в театре. Приверженность театру сохраняется на протяжении жизни: в старшей возрастной группе женщины посещают театр так же часто, как в молодости (до 60 лет). Наименее востребованы музеи и выставки: их посещает десятая часть мужчин и пятая часть женщин.

Аналогичные тенденции прослеживаются в столице: культурно-образовательный досуг (посещение выставок, музеев, театров) характерен в большей степени для старшего поколения, а молодежь чаще посещает кафе, бары, рестораны, предпочитает шопинг и экстремальные развлечения, что исследователи связывают с переживанием стресса в городе [12]. Пожилые люди отказывают себе в развлечениях прежде всего в силу отсутствия финансов и в связи с проблемами со здоровьем [3]. В целом половина населения и молодое поколение предпочитают посещение ресторанов и кафе — расходы на них постоянно растут, тем более что места массового посещения, включая торговые центры, предлагают множество вариантов общественного питания [20].

Россияне, проживающие в городе, посещают одно (20 %) или два (22 %) из рассматриваемых развлекательных мероприятий (учреждений), сельские жители — аналогично (17 %). Тем не менее, в выборе развлечений жители села ограничены: не были ни на одном из указанных мероприятий 30 % мужчин и 26 % женщин в городе, но 47 % мужчин и 39 % женщин на селе. Важным фактором может быть отдаленность развлекательной инфраструктуры от места проживания и плохая транспортная доступность мест отдыха и развлечений для сельских жителей. Так, при плохой организации работы общественного транспорта люди отмечают, что реже ходят в кино (32 %) и рестораны (43 %), при хорошей работе транспорта — что чаще (38 % и 50 % соответственно). Большая отдаленность учреждений культуры и мест проведения отдыха и досуга в населенном пункте на развлекательную активность населения не влияют.

Исследователи отмечают различия структуры развлечений в семьях разного типа, например однообразие досуга в молодых семьях — супруги проводят свободное время за компьютером [24]. Вместе с тем молодые семьи с детьми посещают концерты, кино, выставки и музеи на уровне среднего россиянина (таблица 3), что, видимо, объясняется посещением мероприятий

для детей. Молодые семьи без детей еще более активны в потреблении развлечений: все развлекательные мероприятия посещают чаще, чем в среднем по стране, например, ходят в кино 64 % (в среднем по стране 36 %), в рестораны — 69 % (в среднем по стране 48 %). Находящиеся в отпуске по уходу за ребенком до трех лет имеют возможность сходить в кино (39 %) или посетить театр (11 %) на уровне среднего россиянина. Семейные люди посещают развлекательные мероприятия чаще, чем средний россиянин, что говорит о совместном досуге супругов, родителей и детей.

Таблица 3

Структура посещений развлекательных мероприятий/учреждений в зависимости от семейного статуса, %

Посетили мероприятие, учреждение	Все жители России	Представители социальных групп				
		В незарегистрированном браке	Разведен (а)	Молодая семья	Молодая семья с детьми	Многодетная семья
театр	16	13	20	18	9	11
концерт	20	21	21	25	17	18
музей, выставка	12	10	14	16	12	11
кино	36	41	34	64	36	37
ресторан, кафе	48	54	51	69	55	47
спортивное мероприятие	16	16	14	20	10	22

Существуют и другие причины, влияющие на возможность посещать развлекательные мероприятия: нагрузки на работе, большая занятость и длительные поездки на работу могут отнимать время на отдых и развлечения. Например, чаще имеют возможность развлекаться те, чья работа имеет дистанционный формат (таблица 4): развлекательные мероприятия они посещают в 1,5–2 раза чаще, чем средний житель страны, тогда как те, у кого нет возможности работать дистанционно, чаще среднего посещают только кино, кафе и рестораны.

Таблица 4

Структура посещений развлекательных мероприятий/учреждений в зависимости от возможности работать дистанционно, %

Возможность работать дистанционно	Посетили мероприятие, учреждение					
	театр	концерт	музей, выставка	кино	ресторан, кафе	спортивное мероприятие
все население	16	20	12	36	48	16
есть возможность	32	33	25	59	75	25
нет возможности	15	19	11	41	58	18

Наряду с социально-демографическими, экономическими и инфраструктурными и культурные факторы определяют предпочтения и возможности людей выбирать развлечения. Для понимания основных типов предпочтений в развлечениях был проведен факторный анализ и получены две латентные переменные (таблица 5) — условные виртуальные группы (компоненты не повторяются), которые были названы «духовность и интеллект» и «хлеба и зрелищ». Для первой группы характерен комплекс духовно-интеллектуальных предпочтений — посещение театров, концертов, музеев, выставок, и «отвечают» за этот набор преимущественно женщины. Комплекс предпочтений «хлеба и зрелищ» связан с просмотром кинофильмов и спортивных программ, а также с посиделками в кафе (поесть вне дома) и в большей мере присущ мужчинам, занятым в экономике, молодежи, увлеченной каким-то видом спорта, и людям с хорошим здоровьем. Таким образом, большинство предпочитающих первый набор развлечений не увлекаются кино, ресторанами и спортивными мероприятиями, и наоборот.

Таблица 5

Компоненты развлечений*

Виды развлечений	Компоненты	
	1	2
Были в театре	0,796	
Были на концерте	0,629	
Были в музее, на выставке	0,762	
Были в кино		0,736
Были в ресторане, кафе		0,752
Были на спортивном мероприятии в качестве зрителя		0,687

* Повернутая матрица компонентов; метод главных компонент; переменные объясняют 56,1 % информации; метод вращения Варимакс с нормализацией Кайзера; три итерации; представлены индексы более 0,4.

Мы не можем утверждать, что разница в предпочтениях определяется культурным капиталом, но такая возможность существует, о чем говорят ярко выраженные предпочтения. Специальные исследования, нацеленные на проверку гипотезы (основанной на теории П. Бурдье) о притяжении между родами высокой культуры (например, авангардным кино и постмодернистской прозой), показали, что, напротив, студенты вузов склонны одновременно интересоваться разными произведениями — высокоинтеллектуальными и для широкого потребителя [22], что можно объяснить в том числе принадлежностью молодежи к группе, получающей высшее образование, тогда как для населения в целом работает гораздо больше дифференцирующих факторов.

Сегодня отмечается все большее вовлечение молодого поколения в индустрию развлечений, поэтому в регионах наблюдается перепрофилирование объектов для организации досуговых мероприятий по таким направлениям, как концертно-гастрольная и образовательно-досуговая деятельность, организация спортивных мероприятий. В крупных городах разрабатываются проекты реновации потерявших актуальность объектов — превращения их в центры досуга, развлечений и культурного отдыха молодежи [14]. Вероятно, развлечения детей и молодежи будут все больше связаны с онлайн-сферой и общественным питанием (менее интеллектуальными и менее подвижными развлечениями).

* * *

Тренд на увеличение доли людей, посещающих развлекательные мероприятия, очевиден после пандемии и в целом возвращается к допандемийному уровню, но одновременно развлекательные предпочтения дифференцируются по разным основаниям — экономическому, социально-демографическому, территориальному. В целом в культуре потребления можно выделить два основных типа предпочтения развлечений: ориентированный на зрелищные мероприятия и на высокодуховные, интеллектуальные. Приоритеты в развлечениях различаются в зависимости от социально-демографических и экономических характеристик: молодежь предпочитает кино, женщины — театр, мужчины — спортивные зрелища; обеспеченные тратят большую долю своего дохода, чем бедные. Структура потребления развлечений зависит от многих составляющих — личных характеристик, финансовых возможностей, культурного капитала и инфраструктурной доступности. Разнообразие современных развлечений позволяет каждому удовлетворить свои потребности — согласно возрасту, социальному положению, физическим возможностям и настроению. Однако сельские жители и пожилые люди больше ограничены в развлечениях, чем городские жители и молодое поколение.

С одной стороны, исследователи отмечают изменение инфраструктуры, что позволяет развивать гибридные формы развлечений: например, в кафе можно не только заказать еду, но поиграть в игры, посмотреть фильм и оплатить время пребывания [15]. Данная тенденция может стать шагом на пути к созданию более разнообразной инфраструктуры развлечений, подходящей для людей с разнообразными запросами и возможностями (экономическими, возрастными, культурными). С другой стороны, структура развлечений дает информацию о населении в целом, поскольку ее структура и изменения отражают состояние общества (культурные особенности) и качества человека (приоритеты, ценности, интересы и возможности).

Библиографический список

1. *Алексушин Г.В., Мельникова И.Ю.* Клубы по интересам Самарской области // Science and Technology Research. Петрозаводск, 2024.
2. *Андреанова Е.В., Давыденко В.А.* Социология кино: нарративные оценки зрительских практик // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.
3. *Байматова А.А., Скларова Я.В.* Досуг пожилых людей // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2017. Т. 7. № 1.
4. *Барышева А.А.* Культура и развлечение в российском и немецком медиадискурсах // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2024. № 4.
5. *Бурдые П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993. № 1/2.
6. *Васильева Т.Е.* Региональный музей как центр духовной жизни // Регионология. 2009. № 2.
7. *Гао Ю.* «Music therapy» в сфере медицинской практики как важная проблема современного общества в XXI веке // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 6А.
8. *Грушевская Е.Г.* Влияние массовой культуры на элитарную (на примере итальянского футуристического театра) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3.
9. *Дьяконова О.О.* Понятие «эдьютейнмент» в зарубежной и отечественной педагогике // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 6.
10. *Дюмазедье Ж.* На пути к цивилизации досуга // Вестник МГУ. Серия 12: Социально-политические исследования. 1993. № 1.
11. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.
12. *Емельянова Т.П., Тарасов С.В.* Досуг в структуре жизнеспособности двух поколений москвичей // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2021. № 4.
13. *Ермилова В.В., Кротова Е.Е.* Особенности зрелищности в спорте и их трансформация в условиях современного общества // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 2.
14. *Караваева Н.М., Гончарова Н.В., Дайнеко Л.В., Юрасова И.И.* Редевелопмент и реконцепция избыточной торговой недвижимости // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 17. № 4.
15. *Лубочкина М.И., Кальнедела А.Г.* Новые направления развития рынка общественного питания // Стратегии развития предпринимательства в современных условиях. М., 2020.
16. *Назарова И.Б.* Детерминанты субъективной неудовлетворенности жизнью: анализ российских данных за 1994–2021 годы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 6.
17. *Назарова И.Б.* Развлечения как способ противодействия стрессу в условиях социальной турбулентности // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16. № 1.
18. *Пянкевич В.Л.* «Очередь за билетами больше, чем за продуктами»: востребованность и доступность зрелищ в заблокированном Ленинграде // Труды Института истории обороны и блокады Ленинграда. 2023. № 1.
19. *Рывкина Р.В.* Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социологические исследования. 2001. № 4.
20. *Рынок торговых центров Санкт-Петербурга сменил тренд: хлеба вместо зрелищ* // Логистика. 2022. № 1.
21. *Семенова Н.В., Федорова М.Д., Вяльцин А.С., Вяльцин С.В.* Влияние арт-терапии (песочной анимации) на психическое здоровье детей, в том числе после чрезвычайных ситуаций // Научное обозрение. Педагогические науки. 2021. № 4.
22. *Соколов Д.В.* Знаний и зрелищ! // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 2.
23. *Соколов М.М., Сафонова М.А., Чернецкая Г.А.* Культурный капитал, пространство вкусов и статусные границы среди российских студентов // Мир России. 2017. Т. 26. № 1.
24. *Сычев А.А., Фофанова К.В., Якина Л.А.* Бюджет времени молодой семьи в региональном социуме // Регионология. 2010. № 4.

25. Федорова Н.В. Онлайн-игры как фактор социализации современных детей // Вестник ТОГИРРО. 2016. № 1.
26. Фомина Т.К., Гончаренко Н.В. Обучение через развлечение: эдьютейнмент в преподавании русского языка иностранным студентам-медикам // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10. Ч. 3.
27. Bains G., Berk L., Lohman E. et al. Decrease in inflammation (CRP) and heart rate through mirthful laughter // *FASEB Journal*. 2018. Vol. 31. No. 1S.
28. Barnouw E. *The Golden Web: A History of Broadcasting in the United States. 1933–1953*. N.Y., 1968.
29. Erhan T.P., Bangun C.R.A. Investigating the impact of event experience on satisfaction and behavioral intention of music event audiences // *Matrik Jurnal Manajemen Strategi Bisnis dan Kewirausahaan*. 2024. Vol. 18. No. 1.
30. Lieb C. Entertainment: An examination of functional theories of mass communication // *Poetics*. 2001. Vol. 29. No. 6.
31. Shusterman R. Entertainment: A question for aesthetics // *British Journal of Aesthetics*. 2003. Vol. 43. No. 3.
32. Vorderer P. Entertainment theory // *Communication and Emotion: Essays in Honor of Dolf Zillmann* / Ed. by J. Bryant, D. Roskos-Ewoldsen, J. Cantor. Mahwah, 2003.
33. Vorderer P., Klimmt C., Ritterfeld U. Enjoyment: At the heart of media entertainment // *Communication Theory*. 2004. Vol. 14. No. 4.
34. Wurst K. *Fabricating Pleasure: Fashion, Entertainment and Cultural Consumption in Germany*. Detroit, 2005.
35. Zhao Ch. The future landscape of live entertainment in the post-pandemic era // *Communications in Humanities Research*. 2024. Vol. 24. No. 1.
36. Zillmann D., Jennings B. Entertainment as media effect // *Media Effects: Advances in Theory and Research* / Ed. by J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale, 1994.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-580-595

EDN: BEMKUV

People have fun: Differentiating factors of entertainment choices*

I.B. Nazarova

Institute of Sociology of FCTAS of RAS,
Krzhizhanovskogo St., 24/35–5, Moscow, 117218, Russia

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: inna-nazarova@mail.ru)

Abstract. Entertainment is an important part of human life. The study aims at assessing the demand for entertainment (cinema, theater, sports spectacles, museums) and at identifying entertainment priorities of various social groups of Russian adult population and the main types of entertainment consumption. The article is based on the official statistical data and representative

*© I.B. Nazarova, 2025

The article was submitted on 27.02.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

data from the Federal State Statistics Service (Rosstat) database for 2022 — Comprehensive Survey of Living Conditions of the Population (CSLC) for respondents over 15 years old (N=117,634: 45 % men and 55 % women); factor analysis was used. Two main types of consumption were identified: 1) focused on spectacular events (cinema, sports) and visiting restaurants; 2) focused on highly spiritual, intellectual entertainment (theaters, exhibitions, concerts). Priorities in the choice of entertainment vary depending on social-demographic and economic characteristics: young people prefer cinema, women — theater, men — sports spectacles. Representatives of different types of families attend entertainment events more often than the average Russian, which may mean joint entertainment. Young families without children are the most active consumers of entertainment, since they attend all types of entertainment events more often than the national average: cinema — 64 % (the national average — 36 %), restaurants — 69 % (the national average — 48 %). Rural residents attend entertainment events less often, and their choices are less diverse than those of city residents. Wealthy groups spend more money on entertainment and a larger share of their expenses. In recent years, there has been a general trend of increasing spending on entertainment, but the most deprived groups in this regard are non-working pensioners and the disabled.

Key words: entertainment; entertainment consumption; leisure; lifestyle; entertainment events; CMLC; typology

For citation: Nazarova I.B. People have fun: Differentiating factors of entertainment choices. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 580–595. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-580-595>

References

1. Aleksushin G.V., Melnikova I.Yu. Kluby po interesam Samarskoj oblasti [Interest clubs in the Samara Region]. *Science and Technology Research*. Petrozavodsk; 2024. (In Russ.).
2. Andrianova E.V., Davydenko V.A. Sotsiologiya kino: narrativnye otsenki zritelskih praktik [Cinematic sociology: Narrative assessments of the audience practices]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (3). (In Russ.).
3. Baimatova A.A., Sklyarova Ya.V. Dosug pozhilyh lyudej [Leisure activities of the elderly]. *Byulleten Meditsinskih Internet-Konferentsiy*. 2017; 7 (1). (In Russ.).
4. Barysheva A.A. Kultura i razvlechenie v rossijskom i nemetskom mediadiskursah [Culture and entertainment in Russian and German media discourses]. *Verba. Severo-Zapadny Lingvistichesky Zhurnal*. 2024; 4. (In Russ.).
5. Bourdieu P. Rynok simvolicheskoy produktsii [The market of symbolic goods]. *Voprosy Sotsiologii*. 1993; 1/2. (In Russ.).
6. Vasilyeva T.E. Regionalny muzej kak tsentr dukhovnoj zhizni [Regional museum as a center of spiritual life]. *Regionologiya*. 2009; 2. (In Russ.).
7. Gao Yu. “Music therapy” v sfere meditsinskoj praktiki kak vazhnaya problema sovremennogo obshchestva v XXI veke [“Music therapy” in medical practice as an important issue of contemporary society in the 21st century]. *Psikhologiya. Istoriko-Kriticheskie Obzory i Sovremennye Issledovaniya*. 2021; 10. (In Russ.).
8. Grushevskaya E.G. Vliyanie massovoj kultury na elitarnuyu (na primere italyanskogo futuristicheskogo teatra) [The influence of mass culture on high culture (on the example of the Italian futurist theatre)]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 19: Lingvistika i Mezhkulturnaya Kommunikatsiya*. 2020; 3. (In Russ.).
9. Dyakonova O.O. Ponyatie “edutainment” v zarubezhnoj i otechestvennoj pedagogike [The concept of “edutainment” in foreign and domestic pedagogy]. *Sibirsky Pedagogicheskyy Zhurnal*. 2012; 6. (In Russ.).
10. Dumazedier J. Na puti k tsivilizatsii dosuga [Towards a society of leisure]. *Vestnik MGU. Seriya 12: Sotsialno-Politicheskie Issledovaniya*. 1993; 1. (In Russ.).
11. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Social Labor. The Method of Sociology]. Moscow; 1991. (In Russ.).

12. Emelyanova T.P., Tarasov S.V. Dosug v strukture zhiznesposobnosti dvuh pokolenij moskvichej [Leisure in the structure of viability of two generations of Muscovites]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie*. 2021; 4. (In Russ.).
13. Ermilova V.V., Krotova E.E. Osobennosti zrelishchnosti v sporte i ih transformatsiya v usloviyah sovremennogo obshchestva [Features of spectacle in sports and their transformation in contemporary society]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2015; 2. (In Russ.).
14. Karavaeva N.M., Goncharova N.V., Daineko L.V., Yurasova I.I. Redevelopment i rekontseptsiya izbytochnoj torgovoj nedvizhimosti [Redevelopment and reconception of surplus retail property]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya: Ekonomika*. 2022; 17 (4). (In Russ.).
15. Lubochkina M.I., Kalynedelia A.G. Novye napravleniya razvitiya rynka obshchestvennogo pitaniya [New directions in the development of the market of public catering]. *Strategii razvitiya predprinimatelstva v sovremennykh usloviyah*. Moscow; 2020. (In Russ.).
16. Nazarova I.B. Determinanty sub`ektivnoj neudovletvorennosti zhizniyu: analiz rossijskikh dannyh za 1994–2021 gody [Determinants of subjective dissatisfaction with life: Analysis of Russian data for 1994–2021]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2023; 6. (In Russ.).
17. Nazarova I.B. Razvlecheniya kak sposob protivodeystviya stressu v usloviyah sotsialnoy turbulentnosti [Entertainment as a way to counteract stress under social turbulence]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2025; 16 (1). (In Russ.).
18. Piankevich V.L. “Ochered za biletami bolshe, chem za produktami”: vostrebovannost i dostupnost zrelishch v blokirovannom Leningrade [“The line for tickets is longer than for food”: Demand and availability of entertainment in blockaded Leningrad]. *Trudy Instituta Istorii Oborony i Blokady Leningrada*. 2023; 1. (In Russ.).
19. Ryvkina R.V. Obraz zhizni naseleniya Rossii: sotsialnye posledstviya reform 90-h godov [Lifestyle of Russian population: Social consequences of the 1990s reforms]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2001; 4. (In Russ.).
20. Rynok torgovykh tsentrov Sankt-Peterburga smenil trend: khleba vmesto zrelishch [Saint Petersburg shopping-center market has changed the trend: Bread instead of shows]. *Logistika*. 2022; 1. (In Russ.).
21. Semenova N.V., Fedorova M.D., Vyaltzin A.S., Vyaltzin S.V. Vliyanie art-terapii (pesochnoj animatsii) na psikhicheskoe zdorovye detej, v tom chisle posle chrezvychajnykh situatsij [Impact of art therapy (sand animation) on mental health of children, including after emergencies]. *Nauchnoe Obozrenie. Pedagogicheskie Nauki*. 2021; 4. (In Russ.).
22. Sokolov D.V. Znaniy i zrelishch! [Knowledge and spectacles!]. *Upravlenie Naukoy: Teoriya i Praktika* 2023; 5 (2). (In Russ.).
23. Sokolov M., Safonova M., Chernetskaya G. Kulturny kapital, prostranstvo vkusov i statusnye granitsy sredi rossijskikh studentov [Cultural capital, space of tastes and status boundaries among Russian students]. *Mir Rossii*. 2017; 26 (1). (In Russ.).
24. Sychev A.A., Fofanova K.V., Yakina L.A. Byudzhety vremeni molodoj semyi v regionalnom sotsiume [Time budget of young family in regional society]. *Regionologiya*. 2010; 4. (In Russ.).
25. Fedorova N.V. Onlajn-igry kak faktor sotsializatsii sovremennykh detej [Online games as a socialization factor for today's children]. *Vestnik TOGIRRO*. 2016; 1. (In Russ.).
26. Fomina T.K., Goncharenko N.V. Obuchenie cherez razvlechenie: edutainment v prepodavanii russkogo yazyka inostrannym studentam-medikam [Education through entertainment: Edutainment in teaching Russian to foreign medical students]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*. 2016; 10. (In Russ.).
27. Bains G., Berk L., Lohman E. et al. Decrease in inflammation (CRP) and heart rate through mirthful laughter. *FASEB Journal*. 2018; 31 (1S).
28. Barnouw E. *The Golden Web: A History of Broadcasting in the United States. 1933–1953*. New York; 1968.

29. Erhan T.P., Bangun C.R.A. Investigating the impact of event experience on satisfaction and behavioral intention of music event audiences. *Matrik Jurnal Manajemen Strategi Bisnis dan Kewirausahaan*. 2024; 18 (1).
30. Lieb C. Entertainment: An examination of functional theories of mass communication. *Poetics*. 2001; 29 (6).
31. Shusterman R. Entertainment: A question for aesthetics. *British Journal of Aesthetics*. 2003; 43 (3).
32. Vorderer P. Entertainment theory. *Communication and Emotion: Essays in Honor of Dolf Zillmann*. Ed. by J. Bryant, D. Roskos-Ewoldsen, J. Cantor. Mahwah; 2003.
33. Vorderer P., Klimmt C., Ritterfeld U. Enjoyment: At the heart of media entertainment. *Communication Theory*. 2004; 14 (4).
34. Wurst K. *Fabricating Pleasure: Fashion, Entertainment and Cultural Consumption in Germany*. Detroit; 2005.
35. Zhao Ch. The future landscape of live entertainment in the post-pandemic era. *Communications in Humanities Research*. 2024; 24 (1).
36. Zillmann D., Jennings B. Entertainment as media effect. *Media Effects: Advances in Theory and Research*. Ed. by J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale; 1994.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-596-618

EDN: BDCTQC

Белорусская семья в фокусе вызовов будущего*

А.А. Белов¹, А.Н. Данилов², М.А. Корнеевец², Л.В. Филинская³

¹Научно-технологический парк ООО «ИнКата»,
Пекинский просп., 18, Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень»,
Минская область, 222210, Республика Беларусь,

²Белорусский государственный университет
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь,

³Центр социологических и политических исследований БГУ
ул. Академическая, 25, Минск, 220072, Республика Беларусь,

(e-mail: belov404.net@gmail.com; a.danilov@tut.by;
max.berg711@gmail.com; filinskalv@gmail.com)

Аннотация. Программа «Поколения и гендер» (GGP — Generations and Gender Programme) — международное сравнительное исследование, направленное на изучение демографических, социальных и экономических аспектов жизни населения, чтобы выявить, как новые вызовы влияют на изменения в семейной и демографической динамике, включая брачность, рождаемость, разводы, гендерные роли и межпоколенческие отношения. Основной исследовательский инструмент программы — панельное обследование Generations and Gender Survey (GGS), которое предоставляет детализированные данные о повседневной жизни, семейных связях и социально-экономическом положении населения. На основе последней доступной для анализа волны исследования были отобраны по несколько стран из каждого из четырех профилей, выделенных авторами (чтобы обеспечить репрезентативность описания каждого профиля): в первый профиль вошли Австрия и Германия, во второй — Норвегия и Великобритания, в третий — Эстония и Хорватия, в четвертый — Беларусь. Установлено, что демографическое развитие Беларуси соответствует глобальным тенденциям: наблюдается относительно равномерное распределение рождаемости по возрастным группам, сохраняется тенденция на смещение деторождений на более поздний репродуктивный возраст, фиксируется разрыв между декларируемыми установками на желаемое число детей и фактическим уровнем рождаемости. Бездетность остается наименее предпочитаемой моделью, тогда как двухдетная семья — наиболее распространенный ориентир, однако в Беларуси и Эстонии наблюдается тренд снижения желаемого числа детей среди молодых поколений. Такие факторы, как получение образования, финансовая стабильность, жилищные условия и государственная поддержка, могут смещать рождение детей на более поздний возраст, что влияет на итоговое число рожденных детей.

Ключевые слова: Республика Беларусь; программа «Поколения и гендер»; белорусская семья; репродуктивный возраст; образование; финансовая стабильность; жилищные условия; государственная поддержка

*© Белов А.А., Данилов А.Н., Корнеевец М.А., Филинская Л.В., 2025

Статья поступила в редакцию 17.02.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Для цитирования: Белов А.А., Данилов А.Н., Корнеевец М.А., Филинская Л.В. Белорусская семья в фокусе вызовов будущего // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 596–618. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-596-618>

Новые вызовы и сопутствующие им риски оказывают значительное влияние на устойчивое функционирование современного общества, а тем более на его долгосрочное развитие. Речь идет о вызовах, связанных с глобальной нестабильностью, биологическими и киберугрозами, проблемами цифровизации и искусственного интеллекта [6; 12]. Они помогают человечеству выживать, находить правильные ответы на новые вопросы, но нельзя не видеть и порождаемые ими масштабные кризисы: экономические, экологические, антропологические и др. В условиях глобальной нестабильности возникают связи и взаимодействия, которые фиксируют социальные изменения, некую иную целостность, кризис техногенной цивилизации. Катализаторами перемен на пути к безопасному будущему выступают ценности, прежде всего ценность семьи [4; 5; 13], которая также претерпевает изменения под влиянием социальных трансформаций. Будущее через современность предъявляет свои требования к процессам в обществе и во многом определяет ход глобальной эволюции — как восхождение сложноорганизованных систем к более высоким уровням организованности и сложности. В XXI веке вместо упрощения ситуации происходит резкое обострение нерешенных проблем. Предстоит тщательная ревизия накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, преодоление собственных ошибок и утверждение нового гуманизма как основы нравственного самосохранения — необходимого условия безопасного будущего и нового мировоззрения, связанного с возвращением способности осознавать реальные смыслы человеческого бытия.

На протяжении XX века на территории Республики Беларусь наблюдалось стремительное и однонаправленное изменение поселенческой и образовательной структуры — в сторону увеличения доли населения, проживающего в крупных городах, и доли населения с высшим образованием. В первой четверти XXI века данные тенденции ускорились, особенно в части образовательной структуры. В результате группы, которые и сегодня характеризуются высоким уровнем рождаемости (около трех детей на женщину), — сельское население без высшего образования, в настоящее время составляют менее 15 % в общей численности женщин фертильного возраста. Сложившаяся ситуация обусловила ускорение второго демографического перехода, с которым в предыдущие десятилетия столкнулось большинство развитых стран. Его отличительные особенности — низкая смертность, высокая продолжительность жизни

и невысокий уровень рождаемости [6]. Вместе с тем нельзя утверждать, что страны, в которых произошел второй демографический переход и для которых характерна высокая доля городского и высокообразованного населения, однородны с точки зрения показателей рождаемости: их суммарный коэффициент рождаемости (скорректированный на темпо-эффект) варьирует от 1,38 (Италия) до 2,03 (Франция). Эти различия порождают ситуацию, когда в одних развитых странах наблюдается стремительная естественная убыль населения, а для других прогнозируется его естественный прирост как минимум до 2070-х годов.

Соответственно, актуальной научно-практической задачей становится выявление факторов, которые способствуют более высокой рождаемости в странах второго демографического перехода. Для ее решения необходимо изучение репродуктивного и matrimoниального поведения, которое во многом определяет уровень рождаемости. Наиболее полное представление о факторах, влияющих на репродуктивное и matrimoниальное поведение, позволяет получить исследовательская программа «Поколения и гендер» (GGP — Generations and Gender Programme) [2; 3] — международное сравнительное изучение демографических, социальных и экономических аспектов жизни населения. Основная цель GGP — анализ факторов изменений в семейной и демографической динамике, включая брачность, рождаемость, разводы, гендерные роли и межпоколенческие отношения; главный исследовательский инструмент — панельное обследование Generations and Gender Survey (GGS), которое предоставляет детализированные данные о повседневной жизни, семейных связях и социально-экономическом положении. В статье использованы данные последней волны GGS II [15], в которой был существенно расширен круг семейно-бытовых вопросов.

Итак, демографическое поведение представляет собой совокупность действий и установок, определяющих динамику воспроизводства населения, а также изменения в структуре брачно-семейных отношений. Анализ демографического поведения становится особенно актуальным в условиях второго демографического перехода, который сопровождается кардинальными изменениями в репродуктивных и matrimoниальных установках, которые отражают как общие тенденции, характерные для большинства европейских стран, так и уникальные особенности, обусловленные социально-экономическими и институциональными факторами каждой страны. Изучение трансформации ценностных ориентиров и установок целесообразно проводить в поколенческом разрезе, что позволит отразить общие тренды в конкретный временной интервал и учесть гетерогенность общества. Определение различий между поколениями — важный этап разработки адаптивной социально-демографической политики, направленной на стабилизацию

брачно-семейных отношений и повышение уровня реализации репродуктивных установок.

Рождаемость — одна из ключевых характеристик демографического развития, важная для понимания долгосрочных изменений в численности и структуре населения. В рамках текущего статистического учета наиболее валидным индикатором рождаемости выступает ее суммарный коэффициент, скорректированный на темпо-эффект. Поскольку в условиях второго демографического перехода снижение рождаемости тесно связано с изменением ценностных ориентаций, ростом индивидуализации, увеличением возраста вступления в брак и рождения первенца, скорректированный коэффициент позволяет устранить искажения, вызванные временными изменениями, и более точно оценить долгосрочные тенденции. Так, общая динамика показателя среди европейских стран с 2008 по 2018 годы демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению [14], что отражает как структурные изменения в социально-экономической ситуации европейского региона, так и трансформацию репродуктивных установок в условиях второго демографического перехода. Однако, несмотря на общие тренды, наблюдаются и значительные различия в профилях демографического поведения — как в уровне рождаемости, так и в особенностях брачно-семейных отношений, что обусловлено неоднородностью социально-экономических условий, семейной политики и доминирующих культурных ценностей.

Для выявления основных демографических профилей стран был использован суммарный коэффициент рождаемости, скорректированный на темпо-эффект, и объем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, рассчитанный по паритету покупательской способности. Данный подход позволяет выделить четыре основные группы стран (рисунок 1): с высоким уровнем экономического развития и низким уровнем рождаемости (Италия, Германия, Австрия, Швейцария, Испания и Мальта); с относительно высоким уровнем как экономического развития, так и рождаемости (Норвегия, Дания, Великобритания, Финляндия, Франция); с невысоким уровнем экономического развития и высоким уровнем рождаемости относительно среднего уровня европейского региона (Хорватия, Эстония, Румыния, Латвия, Болгария); с невысоким относительно прочих европейских стран уровнем экономического развития и рождаемости (Латвия, Сербия, Беларусь, Польша). Данные последней волны GGP доступны по 17 странам, 13 из которых относятся к европейскому региону. На основе выявленных профилей целесообразно отобрать несколько стран для каждого профиля, которые будут выступать в качестве типичных представителей своей группы. Для анализа первого профиля были использованы данные по Австрии и Германии, второго — Норвегии и Великобритании, треть-

его — Эстонии и Хорватии. Четвертый профиль представлен только Беларусью, поскольку это единственная страна из соответствующей группы, по которой имеются данные.

Характеристика демографических профилей

Для описания демографических профилей были рассмотрены следующие страны: Германия (профиль 1), Норвегия (2), Эстония (3) и Беларусь (4). Анализ репродуктивных и matrimониальных процессов требует учета ключевых демографических характеристик, которые могут варьировать в зависимости от социально-экономических условий. Для характеристики демографических профилей были выбраны две переменные: среднее количество детей на одну женщину и средний возраст рождения первого ребенка.

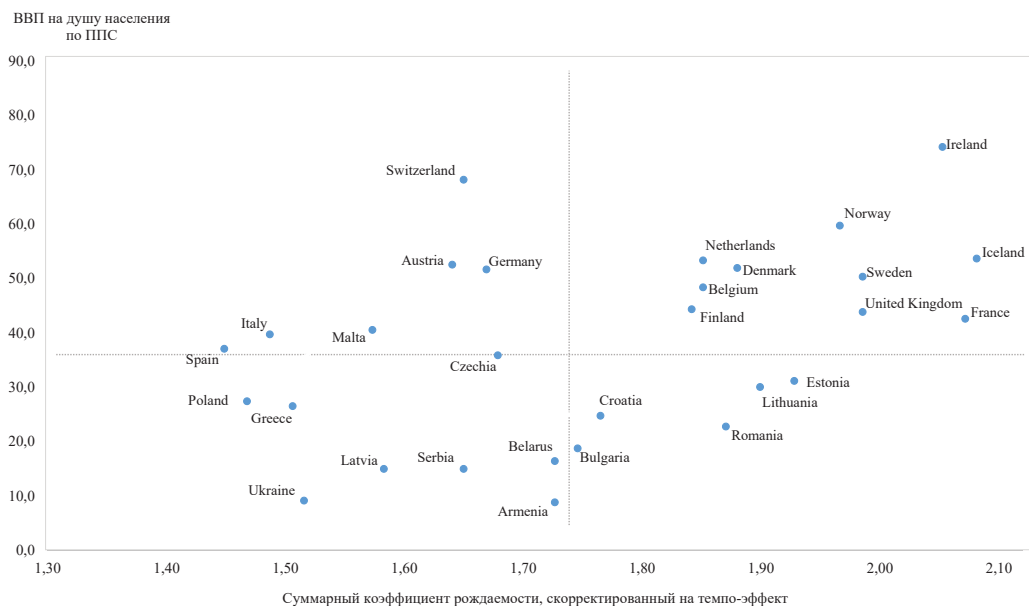

Рис. 1. Распределение стран Европы по показателям суммарного коэффициента рождаемости и ВВП на душу населения относительно среднего уровня по всем странам

В идеальном сценарии для обеспечения воспроизводства населения необходимо, чтобы каждая женщина родила как минимум двух детей, однако если брать в учет внешние факторы (ранняя смертность — до вступления в репродуктивный период, бесплодие и др.), данного количества недостаточно. В основном динамика численности населения определяется количеством многодетных семей (3 и более ребенка), и именно снижение их доли в общей структуре чаще всего приводит к общему снижению уровня воспроизводства населения (таблица 1).

Таблица 1

Распределение населения по количеству рожденных детей, %

Страна	Количество детей	Поколение 1970–1974	Поколение 1975–1979
Германия	Нет детей	25,1	25,6
	1 ребенок	22,7	23
	2 ребенка	36,1	37,4
	3 ребенка и более	16	13,9
Норвегия	Нет детей	13,9	18,8
	1 ребенок	10,9	10,2
	2 ребенка	41,7	43,2
	3 ребенка и более	33,5	27,8
Эстония	Нет детей	6,5	8
	1 ребенок	26	22,1
	2 ребенка	42,6	41,5
	3 ребенка и более	24,9	28,4
Беларусь	Нет детей	11,8	13,4
	1 ребенок	36,6	33,1
	2 ребенка	41,1	41,4
	3 ребенка и более	10,5	12,1

Страны, характеризующиеся рождаемостью выше средневропейской, имеют наибольшую долю многодетных семей. Одна из основных предпосылок, определяющих количество рожденных детей, — возраст рождения первого ребенка, и данные говорят о тренде увеличения среднего возраста рождения первого ребенка: для поколения 1965–1969 годов рождения он составлял 24,2 года, для поколения 1980–1984 годов — 28,5 лет. Данная тенденция характерна для всех рассматриваемых демографических профилей, причем в странах, где уровень ВВП на душу населения выше среднего, женщины предпочитают заводить первого ребенка позже (27–29 лет), тогда как в странах с более низким ВВП рожают первенца в среднем на 3–4 года раньше (таблица 2).

Таблица 2

Средний возраст рождения первого ребенка

Страна	1965–1969	1970–1974	1975–1979
Германия		28,3	29,5
Норвегия	26,8	27,4	28,5
Эстония	23,2	23,9	25,4
Беларусь	23,8	24,1	25

Увеличение возраста рождения первого ребенка обусловлено множеством социальных, культурных и экономических факторов — их можно свести ко все возрастающим стандартам в сфере образования, карьеры и материального положения, которые считаются достаточными для принятия решения о рождении ребенка. В демографическом плане данная тенденция приводит уменьшению продолжительности активного репродуктивного периода, поскольку верхняя граница фертильности относительно стабильна, т.е. тенденция приводит к уменьшению количества детей, которых женщина успевает родить к концу фертильного возраста (таблица 3).

Таблица 3

**Среднее количество детей на женщину
к концу репродуктивного возраста в зависимости
от возраста рождения первого ребенка (поколение 1970–1979 гг.р.)**

Возраст рождения первого ребенка	Среднее количество детей на одну женщину к концу репродуктивного возраста			
	Германия	Норвегия	Эстония	Беларусь
до 20 лет	1,93	3,31	2,25	2,19
от 20 до 24 лет	1,91	2,57	2,18	1,96
от 25 до 29 лет	1,85	2,21	1,85	1,78
от 30 до 34 лет	1,69	1,96	1,63	1,61
от 35 до 39	1,39	1,59	1,43	1,33
от 40 лет и более	1	1,21	1,06	1,19

Проследить динамику деторождения и оценить возрастные различия в реализации репродуктивных установок можно на основе накопленного уровня рождаемости в течение репродуктивного периода: верхняя граница активного репродуктивного возраста практически одинакова для всех стран — около 33–35 лет, для стран с более развитой экономикой — 36–37 лет, т.е. решение о деторождении в верхних границах интервала значительно снижает шансы последующих рождений (рисунок 2).

Для стран, характеризующихся относительно низким уровнем ВВП на душу населения, основной прирост рождаемости приходится на более ранний возраст — 20–24 года: к этому моменту большинство женщин Беларуси и Эстонии вступили в репродуктивный период и обеспечили более половины общего уровня рождаемости. Для стран первого и второго демографического профиля реализация репродуктивных намерений характерна в более поздних возрастах — 24–31 год, однако, в отличие от предыдущих стран, распределение деторождений в Германии и Норвегии имеет более равномерный характер в течение фертильного возраста, т.е. деторождение, видимо, в меньшей степени зависит от внешних факторов и больше связано

с индивидуальными установками (рисунок 3). В частности, Норвегия на протяжении последних десятилетий проводит активную демографическую политику, направленную на поддержку семей с детьми и создание благоприятных условий для рождения и воспитания детей: значительные пособия, включая единовременные выплаты при рождении ребенка и ежемесячные пособия до достижения ребенком 18 лет; меры по защите прав беременных и молодых матерей; гибкий график работы и возможность удаленной занятости позволяют женщине сохранять профессиональную активность, не откладывая рождение детей на более поздние периоды жизни; стимулирование участия отцов в уходе за детьми дает женщинам после рождения ребенка больше возможностей для реализации в профессиональной сфере.

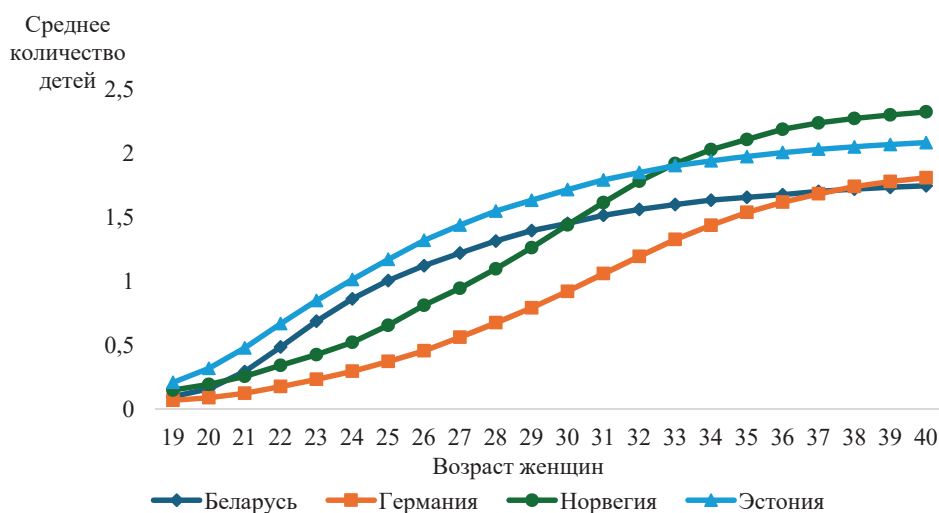

Рис. 2. Динамика накопленного уровня рождаемости для поколения 1970–1979 гг.р

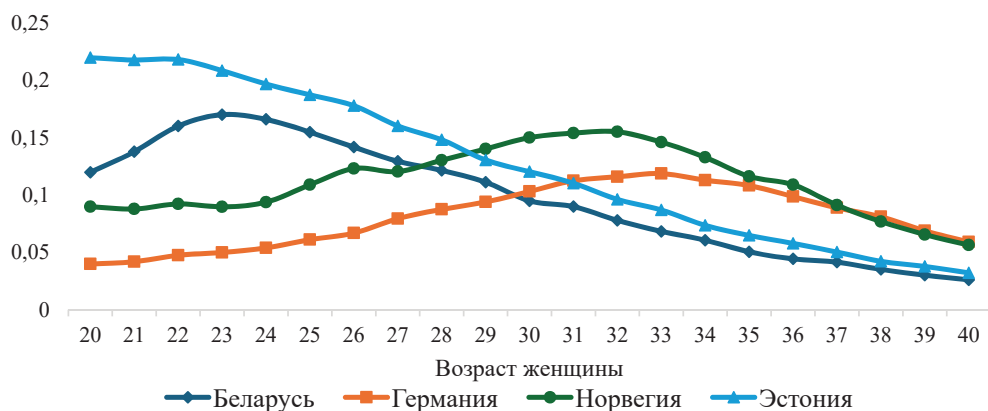

Рис. 3. Динамика прироста накопленного уровня рождаемости

Поздняя реализация репродуктивных установок может быть не критична, если интергенетический интервал между рождением первого и второго ребенка незначителен — тогда женщина имеет высокую вероятность родить более одного ребенка (таблица 4). Так, для стран с менее высоким ВВП на душу населения (Беларусь и Эстония) интергенетический интервал между первым и вторым ребенком составляет от 3 до 9 и более лет: ориентация на более продолжительный интервал между деторождениями может быть обусловлена чрезмерной финансовой нагрузкой, связанной с рождением и одновременным воспитанием нескольких детей младшего возраста. В Германии и Норвегии данный интервал короче — в среднем от 2 до 6 лет.

Таблица 4

**Интергенетический интервал
между рождением первого и второго ребенка, %**

Интервал	Беларусь	Германия	Норвегия	Эстония
до 1 года	1,3	4,8	3,9	5
от 1 до 2 лет	5,8	7,4	6,2	9,8
от 2 до 3 лет	15,1	25,8	27,2	16,7
от 3 до 6	36,7	44,7	47,5	30,3
от 6 до 9	20,8	9,9	10,1	20,3
от 9 и более	20,3	7,4	5,1	17,9

Репродуктивные установки и уровень их реализации

Репродуктивные установки отражают представления о желаемом числе детей и предпочтительных моделях деторождения и во многом определяют демографическую динамику, оказывая влияние на уровень рождаемости и характер воспроизводства населения. Однако реализация репродуктивных намерений не всегда соответствует ожиданиям, что может быть связано как с индивидуальными обстоятельствами, так и с макроуровневыми условиями (государственная политика, экономическая ситуация и семейные ценности). Динамика желаемой рождаемости позволяет оценить долгосрочные демографические тенденции: в отличие от фактической рождаемости, зависящей от множества внешних факторов, желаемая рождаемость отражает представления о семье и репродуктивные планы (таблица 5).

Динамика желаемой рождаемости в реальных поколениях в большинстве рассматриваемых стран демонстрирует высокую стабильность при минимальных колебаниях значений. Вместе с тем в Эстонии и Беларуси для молодых поколений характерна тенденция снижения количества желаемых детей: в Беларуси среди поколения 2000-х — 1,94, в Эстонии желаемое количество детей сократилось с 2,48 до 2,12. В среднем женщины за-

являли о желании иметь больше детей, чем мужчины, особенно в Германии и Великобритании, но в целом гендерный разрыв в репродуктивных установках незначителен. Бездетность остается наименее предпочтительной моделью, а большинство респондентов отдают предпочтение двухдетной модели семьи. Установки на многодетную семью характерны преимущественно для стран с высокой текущей рождаемостью (Норвегия, Хорватия и Эстония): доля населения, ориентированного на рождение трех и более детей, составляет около 40 % (таблица 6).

Таблица 5

Динамика желаемой рождаемости в реальных поколениях

Страна	1980–1984	1985–1989	1990–1994	1995–1999	с 2000
Австрия	2,13	2,12	2,18	2,07	2,2
Германия	2,21	2,22	2,31	2,27	2,27
Норвегия	2,49	2,41	2,36	2,4	2,43
Великобритания	2,17	2,15	2,15	2,24	2,36
Хорватия	2,47	2,37	2,4	2,37	2,42
Эстония	2,48	2,38	2,23	2,18	2,12
Беларусь	2,18	2,21	2,21	2,05	1,94
Мужчины					
Австрия	2,12	2,04	2,21	2,15	2,2
Германия	2,19	2,2	2,31	2,22	2,16
Норвегия	2,46	2,35	2,33	2,32	2,44
Великобритания	2,08	2,07	2,02	2,07	2,31
Хорватия	2,55	2,33	2,46	2,53	2,49
Эстония	2,53	2,36	2,18	2,12	2,08
Беларусь	2,1	2,21	2,06	2,16	1,89
Женщины					
Австрия	2,14	2,18	2,16	2,02	2,2
Германия	2,22	2,24	2,32	2,32	2,35
Норвегия	2,52	2,45	2,4	2,45	2,42
Великобритания	2,22	2,19	2,21	2,31	2,39
Хорватия	2,4	2,4	2,36	2,26	2,35
Эстония	2,44	2,39	2,26	2,21	2,15
Беларусь	2,26	2,22	2,31	2,01	1,95

Таблица 6

**Распределение респондентов по количеству желаемых детей, %
(для поколений, родившихся после 1980)**

Страна	Не желают	1 ребенок	2 ребенка	3 и более
Австрия	6,74	9,93	56,84	26,5
Германия	7,24	7,76	51,14	33,86
Великобритания	9,91	7,92	50,81	31,36
Норвегия	1,49	1,82	57,76	38,93
Хорватия	3,72	7,3	50,51	38,47
Эстония	4,52	8,64	48,42	38,43
Беларусь	1,34	14,41	60,11	24,13

Однако желаемое количество детей не отражает в полной мере репродуктивные установки, поскольку деторождение тесно сопряжено с социально-экономическими факторами: ориентация на получение образования, финансовое положение, доступность жилья и прочие условия смещают деторождение в более поздний возраст, что в значительной мере определяет и итоговое число рожденных детей. В данном контексте целесообразно оценить влияние возраста и количества детей на репродуктивные намерения в ближайшее время (в течение следующих трех лет) (таблица 7).

Таблица 7

**Доля женщин, намеревающихся родить ребенка
в течение следующих трех лет, %**

Страна	Вариант	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет
Беларусь	Нет детей	47,9	63,9	50
	Один ребенок	50	43,1	24,4
	Два ребенка	43	34,6	15,7
Германия	Нет детей	37,3	52,1	36,3
	Один ребенок	57,9	51,7	29,7
	Два ребенка	38,9	43,8	21,1
Норвегия	Нет детей	38,1	47,86	31,7
	Один ребенок	81,5	79,7	46,4
	Два ребенка	42,8	44,4	19,8
Эстония	Нет детей	55,6	60,2	57,7
	Один ребенок	64,6	62,3	40,1
	Два ребенка	50,8	44,6	27,5

Во всех рассматриваемых странах с увеличением возраста и числа детей вероятность рождения ребенка снижается: среди женщин, кто в 25–29 лет родил первого ребенка, вероятность рождения второго ребенка выше, чем среди тех, чей репродуктивный период не начался. Наибольшая вероятность рождения второго ребенка характерна для стран второго и третьего демографического профиля, таких как Эстония (65 % женщин в возрасте 25–29 лет, имеющие одного ребенка, планируют в ближайшие три года завести второго) и Норвегия (79 %). Похожая ситуация наблюдается в этих странах и в более позднем возрасте — у женщин 30–34 лет. Более того, больше трети женщин в возрасте 25–29 лет в данных странах намерены родить третьего ребенка в ближайшее время. В группе 25–29-летних в Беларуси 50 % женщин имеют ребенка и планируют рождение второго в ближайшие три года, среди 30–34-летних этот показатель снижается до 43 %, среди 35–39-летних — до 24 %. Схожая динамика прослеживается и в Германии, где доля женщин, планирующих второго ребенка, варьирует от 58 % в 25–29 лет до 30 % в 35–39 лет. Если в 25–29 лет женщина в данных странах имеет двух детей, то вероятность рождения третьего оказывается ниже, чем в других странах — в Германии 21 %, в Беларуси 16 %.

Таким образом, возраст и наличие детей — основные факторы вероятности рождения ребенка в ближайшие годы, но важную роль играют социально-экономические условия и государственная семейная политика.

Связь матримониального и репродуктивного поведения

Матримониальные установки и фактическое матримониальное поведение — ключевые детерминанты реализации репродуктивных установок: возраст вступления в брак и устойчивость семейных союзов оказывают непосредственное влияние на рождаемость и структуру семей. Взаимосвязь брачных установок и репродуктивного поведения принципиально важна для демографического анализа, поскольку вступление в брак традиционно рассматривается как важное условие рождения и воспитания детей.

Матримониальный статус напрямую определяет репродуктивную стратегию женщины и, как следствие, конечное число рожденных детей. В статье рассмотрены три матримониальных статуса, описывающих отношение женщины к браку и партнерству: прежде не было постоянного партнера, прежде не вступала в брак и прежде вступала в брак (единожды и не разводилась, ранее была в браке и вступила в новый после развода, ранее была в браке и не вступала в новый брак). Первый статус — прежде не было постоянного партнера — характеризуется наименьшей репродуктивной активностью: во-первых, женщины, не имевшие ранее постоянного партнера, вероятнее всего находятся в начале своего репро-

дуктивного периода; во-вторых, традиционное представление о родителестве предполагает наличие постоянного партнера, что обусловлено и социально-экономическими факторами. Соответственно, низкая репродуктивная активность характерна для тех женщин, кто ранее не состоял в браке, а наибольшая — для женщин, состоявших в браке (в данной группе наименьшие показатели у тех, кто расторг брак и не вступил в новые отношения, поскольку женщины без постоянного партнера сталкиваются с серьезными затруднениями в реализации репродуктивных намерений) (таблица 8).

Таблица 8

Среднее количество детей к концу фертильного возраста в зависимости от матримониального статуса женщины (для поколения 1970–1979 гг.р.)

Варианты	Германия	Великобритания (в силу несопоставимости данных по Норвегии)	Эстония	Беларусь
Не было постоянного партнера	0,17	1,13	1	0,71
Не вступала в брак	0,78	1,22	1,78	0,87
Вступала в брак	1,73	1,94	2,25	1,68
в том числе				
Единожды и не разводилась	1,76	2,02	2,29	1,77
Вступила в повторный брак после развода	1,7	2,05	2,18	1,68
Не вступила в повторный брак после развода	1,57	1,74	1,85	1,42

Современные технологии, в том числе мобильные приложения для знакомств, могут сыграть значимую роль в решении проблемы снижения рождаемости среди разведенных женщин. Цифровые платформы, ориентированные на поиск серьезных отношений, могут выступить инструментом преодоления социально-экономических и психологических барьеров, мешающих повторному вступлению в отношения и, как следствие, увеличению вероятности рождения детей. Женщинам, которые после развода сталкиваются с ограниченным социальным окружением и сниженной возможностью знакомств, такие платформы предоставляют альтернативный способ поиска партнера. Кроме того, в отличие от случайных знакомств в реальной жизни, приложения помогают отбирать партнеров, которые заинтересованы в создании семьи и рождении детей, что повышает вероятность успешного развития отношений. В контексте демографиче-

ской политики государство и социальные институты могут поддерживать такие платформы путем их интеграции в программы, направленные на стимулирование рождаемости.

Возрастной сдвиг в реализации репродуктивных установок говорит о необходимости учета не только фактического числа рождений, но и установок женщин относительно брака и деторождения (насколько готовность к созданию семьи связана с планами деторождения). В качестве показателей, отражающих намерения женщины вступить в брак и родить детей, используются вопросы о планах реализации репродуктивных и матримониальных установок в ближайшие три года. Таблица 9 показывает положительную корреляцию между установками на брак и репродуктивными намерениями ($r = 0,42$). Так, среди тех, кто намерен вступить в брак, высока доля тех, кто намерен родить ребенка в ближайшее время. Аналогичная ситуация наблюдается и среди тех, кто не рассматривает брак как ближайшую перспективу. Небольшие группы респондентов демонстрируют расхождения в установках, что может указывать на новые демографические модели, в частности, на рост числа людей, допускающих рождение ребенка вне брака или, наоборот, вступление в брак без немедленного деторождения.

Таблица 9

Зависимость намерения рождения ребенка в течение ближайших трех лет от установок на вступление в брак, %

Установки на вступление в брак в течение ближайших трех лет	Доля планирующих рождение ребенка
Определенно не намерены вступать в брак	28,7
Скорее не намерены вступать в брак	37,9
Затрудняются ответить	52,2
Скорее намерены вступать в брак	75,9
Определенно намерены вступать в брак	85

Во всех рассматриваемых странах прослеживается следующая тенденция: чем выше намерение вступить в брак, тем выше готовность женщины родить ребенка в ближайшие три года, что подтверждает взаимосвязь брачных и репродуктивных установок. Беларусь, в отличие от остальных стран, демонстрирует самые высокие намерения на вступление в брак вне зависимости от планов по рождению ребенка: видимо, в Беларуси готовность к браку выражена сильнее и в меньшей степени зависит от репродуктивных планов по сравнению с другими странами (таблица 10).

**Средняя оценка намерений женщин вступить в брак
в зависимости от намерений родить ребенка,
в баллах (вступление в брак)**

Намерение родить ребенка	Германия	Великобритания	Эстония	Беларусь
Определенно не намерена	2,62	2,65	2,38	3,04
Скорее не намерена	3,04	2,71	2,8	3,35
Не уверена	3,36	3,09	2,88	3,78
Скорее намерена	3,78	3,64	3,22	3,67
Определенно намерена	4,1	3,94	3,61	4,36

**Материальные факторы
реализации репродуктивных установок**

В качестве материальных факторов мы рассмотрели два показателя, наиболее релевантно отражающих финансовое положение респондента: совокупный доход и жилищные условия. Поскольку вопросы о финансах характеризуются высокой степенью сенситивности, опросные данные содержат много пропущенных и некорректных значений (до трети массива в вопросах об абсолютных значениях дохода домохозяйства), что затрудняет анализ. Целесообразно использовать вопросы о субъективном восприятии респондентами своего финансового положения, но они применимы лишь в случае высокого уровня соотнесенности объективного уровня дохода и его восприятия. Имеющиеся данные демонстрируют рост средних интервальных значений чистого дохода по мере роста субъективных оценок финансового положения — средние интервальные значения чистого дохода последовательно увеличиваются при переходе от ответов «с большим трудом» к «очень легко» (таблица 11), т.е. можно использовать субъективные оценки в качестве показателя финансового положения, влияющего на решения, связанные с созданием семьи и рождением детей. Поскольку в нуклеарной семье значительную долю финансовой ответственности за рождение и воспитание ребенка берет на себя мужчина, целесообразно учитывать ответы не только женщин, но и мужчин.

Таблица 11

Зависимость ответов на вопрос «Насколько легко или трудно Вам обеспечивать текущие расходы?» от значения чистого дохода, в баллах

Варианты	Беларусь	Германия	Норвегия	Эстония
С большим трудом	3,58	3,1	3,74	3,22
С трудом	3,68	3,7	4,36	3,85
С некоторыми трудностями	4,47	4,13	4,96	3,79
Довольно легко	5,11	4,57	5,8	4,34
Легко	5,55	5,02	6,12	4,83
Очень легко	5,88	5,44	6,54	5,45

Интервальные значения чистого дохода включали 8 значений, где 1 — минимально возможный уровень, 8 — максимально возможный. Для обеспечения сопоставимости результатов в инструментarii использовались шкалы, наиболее полно отражающие особенности странового интервала, например, в Беларуси 8 — от 5500 белорусских рублей и выше (1500 евро), а в Германии — от 4500 евро и выше.

Данные опроса говорят о значительных различиях в субъективной оценке финансового положения: в Германии и Норвегии финансовая уверенность респондентов выше, а в Беларуси и Эстонии выше доля испытывающих финансовые трудности (таблица 12). Согласно таблице 13, чем лучше респонденты оценивают свое финансовое положение, тем выше доля тех, кто планирует рождение ребенка в ближайшее время, т.е. материальная обеспеченность способствует реализации репродуктивных намерений, и группы населения со стабильным высоким доходом — основа репродуктивного потенциала страны. Соотношение доходных групп в структуре населения позволяет оценить динамику репродуктивного поведения: численно доминирующая группа определяет основной репродуктивный тренд, например, 45 % 25–29-летних в Беларуси сталкиваются с некоторыми финансовыми трудностями, и 44 % из них планируют родить ребенка в ближайшее время, тогда как среди 12 % самых обеспеченных в этой группе 59 % планируют завести ребенка в ближайшее время. Среди респондентов со сложным финансовым положением с возрастом снижается доля планирующих рождение ребенка в ближайшие три года. Среди обеспеченных основная доля планирующих рождение ребенка приходится на группу 30–34-летних, т.е. высокий доход (за счет образования и профессиональной реализации) способствует более поздней реализации репродуктивных установок.

Таблица 12
Распределение ответов на вопрос «Насколько легко или трудно Вам обеспечивать текущие расходы?», %
(«с большим трудом» и «с трудом» были объединены в «с трудом»;
«очень легко» и «легко» были объединены в «легко»)

Варианты	Беларусь (данные первой волны GGSS-II – 2017 год)			Германия			Норвегия			Эстония		
	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39
С трудом	14,9	17,5	19,9	7,2	6,3	6,2	9,8	8,8	10,2	9,5	6,8	7,1
С некоторыми трудностями	45	44	47,2	13,5	11,7	13,1	22,5	25,4	24,9	19,9	18,3	20,7
Довольно легко	28,3	26	22,9	24,5	23,7	26,7	30	28,1	28,6	32,5	33,9	34,9
Легко	11,8	12,5	10	54,8	58,3	54	37,7	37,7	36,3	38,1	41	37,3

Таблица 13
Доля респондентов, планирующих завести ребенка в ближайшие годы в зависимости от ответа на вопрос
«Насколько легко или трудно Вам обеспечивать текущие расходы?», %

Варианты	Беларусь (данные первой волны GGSS-II – 2017 год)			Германия			Норвегия			Эстония		
	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39
С трудом	35,5	29,7	16,7	30,5	36,4	17,6	29,3	28,2	22,4	46,5	40,3	28,6
С некоторыми трудностями	43,6	30,9	18,2	25,8	31,9	21,7	34,7	34,8	18	41,4	33,3	23,2
Довольно легко	53,1	42,7	21,7	27,6	38	19,8	34,4	49,2	27,5	44,3	41,7	31,3
Легко	59,1	47,5	23,5	35,6	46,1	25,4	44	49,4	23,6	49,8	53,5	32,8

Второй ключевой материальный фактор — жилищные условия: так, в Беларуси наблюдается закономерное увеличение доли собственников жилья с возрастом, т.е. по мере роста финансовых возможностей. В молодом возрасте значительная часть респондентов либо проживает с родителями, либо арендует жилье (одно- или двухкомнатное), но к 35–39 годам доля владельцев возрастает до 69 % (половина владеет недвижимостью с тремя и более комнатами). Таким образом, противоречие заключается в том, что в оптимальном возрасте для деторождения большая часть населения не располагает необходимыми жилищными условиями. В Германии фиксируется высокий уровень аренды даже среди старших возрастных групп; более трех четвертей 25–29-летних проживают отдельно, но не имеют жилья в собственности даже к 35–39 годам. Доминирование долгосрочной аренды (преимущественно трехкомнатного жилья) в Германии связано как с высокой стоимостью недвижимости, так и с высокой трудовой мобильностью населения. В Норвегии и Эстонии среди молодежи наблюдается высокая доля владельцев жилья вследствие доступности ипотечного кредитования и развитой системы социальной поддержки. Молодые норвежцы и эстонцы приобретают недвижимость в раннем возрасте, что способствует ранней социальной и экономической самостоятельности и, как следствие, стимулирует рождение детей в более молодом возрасте.

Таким образом, распределение респондентов по уровню жилищных условий позволяет отчасти объяснить уровень рождаемости: Норвегия и Эстония, отличающиеся высоким показателем рождений на одну женщину, характеризуются более благоприятными предпосылками для раннего вступления в брак и рождения детей, в отличие от Беларуси и Германии, где жилищный вопрос стоит более остро, что ведет к откладыванию деторождения на более поздние этапы жизни (таблица 14). Высокое качество жилищных условий — условие реализации репродуктивных намерений: невозможность предоставить будущему ребенку комфортные условия вынуждают откладывать его рождение на неопределенный срок, а смещение календаря рождений в более поздний возраст значительно снижает число возможных рождений.

У белорусских женщин, проживающих с родителями, рождаемость находится на уровне чуть более одного ребенка, у проживающих в арендуемом жилье — около 1,3, у тех, кто имеет собственное жилье, — 1,5. С другой стороны, важен не столько факт владения жилой недвижимостью, сколько размер жилого пространства: наличие нескольких комнат обычно связано с лучшими условиями для воспитания детей и с возможностью разделить пространство между детьми, что повышает качество жизни всей семьи. По этой причине основной прирост числа рождений приходится на женщин, которые проживают в квартирах с тремя и более комнатами (таблица 15).

Таблица 14

Распределение респондентов по жилищным условиям, %

Варианты	Беларусь (2017)			Германия			Норвегия			Эстония		
	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39	25–29	30–34	35–39
Проживают с родителями	25	18,4	15	12,1	3,9	3,1	4,5	0,4	1,1	8,1	5,7	6,8
Проживает отдельно, но нет своего жилья	26,4	24,4	16,1	76,4	67,8	54,4	48,3	22,3	19,1	40	24,4	16,3
в том числе												
одна комната	9,7	6,2	3,5	7,9	4	2,1	8,9	5,0	1,6	10,0	4,9	2,7
две	10,8	11	7,9	24,7	17,3	11	17,8	7,9	6,6	21,7	11,3	7
три и более	5,9	7,2	4,7	43,8	46,6	41,3	21,6	9,5	10,9	8,3	8,2	6,6
Проживает отдельно, есть свое жилье	48,6	57,2	68,9	11,5	28,3	42,6	47,3	77,3	79,8	51,9	69,9	76,9
в том числе												
одна комната	9,7	7,4	5,5	0,3	0,1	0,2	3,4	2,1	0,5	2,3	2,5	1,8
две	20,3	23,6	27,2	1,1	1,2	1	14	12,8	5,5	18,9	17	15
три и более	18,6	26,2	36,2	10,2	27	41,4	29,8	62,4	73,8	30,7	50,4	60,1

Таблица 15

Среднее количество детей на одну женщину в Беларуси

Варианты	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет
Проживают с родителями	0,96	1,18	1,17
Проживает отдельно, но не имеет жилья в собственности	0,97	1,47	1,55
в том числе			
одна комната	0,83	1,37	0,94
две	0,8	1,34	1,65
три и более	1,52	1,74	1,83
Проживает отдельно и имеет собственное жилье	1,16	1,58	1,73
в том числе			
одна комната	0,83	1,19	1,21
две	1,2	1,37	1,63
три и более	1,28	1,88	1,89

Приведенные данные позволяют оценить возможный уровень рождаемости, если бы жилищные условия в стране были сопоставимы с европейскими странами, отличающимися высокими показателями рождаемости на одну женщину. Так, если бы распределение населения по типам жилищных условий в Беларуси было бы таким же, как в Норвегии или Эстонии, то уровень рождаемости составил 1,83 и 1,74 рождений на одну женщину, соответственно, что на 0,21 и 0,12 выше текущего уровня, т.е. жилищная политика может стать важным инструментом стимулирования рождаемости. Увеличение доступности жилья, особенно многокомнатных квартир и частных домов, способно повысить рождаемость, а, значит, необходима жилищная поддержка семей, субсидирование ипотечного кредитования для многодетных семей и развитие программ арендного жилья.

Таким образом, в статье были обозначены ключевые особенности демографического поведения в странах второго демографического перехода: трансформация демографических моделей сопровождается изменениями в репродуктивных установках, матримониальном поведении и ценностных ориентациях. Во-первых, страны второго демографического перехода характеризуются существенными различиями в демографическом поведении, несмотря на общие тенденции снижения рождаемости и смещения календаря деторождений на более поздний возраст: различия обусловлены сочетанием экономических, социальных и культурных факторов, а также особенностями государственной демографической политики. Во-вторых, во всех рассматриваемых странах наблюдается разрыв между декларируемыми установками на желаемое число детей и фактической рождаемостью, хотя в целом наблюдается устойчивость желаемого числа детей (бездетность — наименее предпочитаемая модель, двухдетная семья — наиболее распространенный ориентир). В-третьих, матримониальные установки и фактическое матримониальное поведение играют ключевую роль в реализации репродуктивных установок: вступление в брак и его устойчивость прямо влияют на уровень рождаемости, поэтому государственная политика, направленная на поддержку семейных ценностей и устранение барьеров для создания устойчивых партнерских отношений, может улучшить демографическую ситуацию. В свою очередь, материальное благополучие (стабильный высокий доход и комфортные жилищные условия) — ключевой фактор репродуктивного поведения, особенно в молодых возрастных группах, что также представляется важным направлением для государственного стимулирования репродуктивного потенциала страны.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития», поддержанного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12.03.2021 № 141 «Об одобрении проектов международной технической помощи» и зарегистрированного в базе данных проектов и программ международной технической помощи Министерства экономики Республики Беларусь 15.03.2021 за № 2/21/001130».

Библиографический список

1. *Архангельский В.Н., Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В.* Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3.
2. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Т. 2: Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / Под ред. О. Терещенко, Т. Кучера. Минск, 2018.
3. Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение. Т. 1: Методология и опыт проведения исследования «Поколения и гендер» / Под ред. Д.Г. Ротмана, Т. Эмери. Минск, 2018.
4. *Белов А.А., Данилов А.Н., Денисов А.Ю., Филинская Л.В.* Белорусская семья в меняющемся мире // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.
5. *Белов А.А., Похомова А.А., Соглаева Л.А., Филинская Л.В.* Лонгитюдное исследование белорусской семьи по методологии программы «Поколения и гендер» // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024. № 1.
6. *Данилов А.Н., Безнюк Д.К., Богдевич И.М. и др.* Современный социум: новые вызовы и риски // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 4.
7. *Меньшиков В., Кудиньш Я., Кокаревича А., Комарова В., Чижо Э.* Междисциплинарное исследование среднесрочного тренда рождаемости в Латвии (1970–2022 годы) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 4.
8. *Назарова И.Б., Зеленская М.П.* Репродуктивные установки студенческой молодежи: ценностный аспект (обзор эмпирических исследований) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4.
9. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
10. *Ростовская Т.К., Кучмаева О.В.* Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3.
11. *Троцук И.В., Парамонова А.Д.* «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 3.
12. *Филинская Л.В., Левицкая И.В., Мисун А.А.* Искусственный интеллект и образование: проблемы, риски, перспективы // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024. № 3.
13. Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018 / Под ред. Д.М. Булышко, Д.Г. Ротмана. Минск, 2019.
14. Eurostat (European Statistical Office) // URL: <https://ec.europa.eu/eurostat>.
15. Generations & Gender Programme // URL: <https://www.ggp-i.org>.
16. Vienna Institute of Demography // URL: <https://www.oeaw.ac.at/vid>.

Belarusian family in the context of future challenges*

A.A. Belov¹, A.N. Danilov², M.A. Korneevets², L.V. Filinskaya³

¹Technopark of InKata LLC,
*Pekin Avenue, 18, China-Belarus Industrial Park “Great Stone”,
Minsk Region, 222210, Republic of Belarus*

²Belarusian State University,
Kalvaryiskaia St., 9, Minsk, 220004, Republic of Belarus,

³Center for Sociological and Political Research of BSU
Akademicheskaya St., 25, Minsk, 220072, Republic of Belarus,

(e-mail: belov404.net@gmail.com; a.danilov@tut.by,
max.berg711@gmail.com; filinskay@gmail.com)

Abstract. Generations and Gender Programme (GGP) is an international comparative study aimed at examining demographic, social and economic aspects of population life to identify how emerging challenges affect changes in family and demographic dynamics, including marriage, fertility, divorce, gender roles and intergenerational relations. The programme’s main research tool is the Generations and Gender Survey (GGS) — a panel study that provides detailed data on daily life, family relationships and social-economic status. Based on the latest available wave of the GGS II survey, the authors examined the data on several countries as representing four profiles (to ensure a representative description of each): the first profile includes Austria and Germany, the second — Norway and the United Kingdom, the third — Estonia and Croatia, and the fourth — Belarus. Belarusian demographic development follows global trends: birth rates are rather evenly distributed across age groups; there is a noticeable shift in childbearing toward later reproductive ages and a persisting gap between the declared ideal number of children and actual fertility rates. Childlessness remains the least preferred model, while the two-child family is the most desired model in all countries under study; however, in Belarus and Estonia younger generations show a trend of declining desired number of children. Such factors as education, financial stability, housing conditions and state support contribute to postponing childbirth, which affects the total number of children born.

Key words: Republic of Belarus; Generations and Gender Programme; Belarusian family; reproductive age; education; financial stability; housing conditions; state support

For citation: Belov A.A., Danilov A.N., Korneevets M.A., Filinskaya L.V. Belarusian family in the context of future challenges. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 596–618. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-596-618>

*© A.A. Belov, A.N. Danilov, M.A. Korneevets, L.V. Filinskaya, 2025

The article was submitted on 17.02.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

References

1. Archangelsky V.N., Shulgin S.G., Zinkina Y.V. Reproductivnoe povedenie rossiyskikh zhenshchin v zavisimosti ot obrazovatel'nogo statusa [Reproductive behavior of Russian women as depending on their level of education]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3). (In Russ.).
2. *Belarus: struktura semyi, semeynye otnosheniya, reproductivnoe povedenie. T. 2: Analiz rezultatov issledovaniya "Pokoleniya i gender"* [Belarus: Family Structure, Family Relations, Reproductive Behavior. Vol. 2. : Analysis of the Results of the Study "Generations and Gender"]. Pod red. O. Tereshchenko, T. Kuchera. Minsk; 2018. (In Russ.).
3. *Belarus: struktura semyi, semeynye otnosheniya, reproductivnoe povedenie. T. 1: Metodologiya i opyt provedeniya issledovaniya "Pokoleniya i gender"* [Belarus: Family Structure, Family Relations, Reproductive Behavior. Vol. 1. : Methodology and Results of the Study "Generations and Gender"]. Pod red. D.G. Rotmana, T. Emery. Minsk; 2018. (In Russ.).
4. Belov A.A., Danilov A.N., Denisov A.Yu., Filinskaya L.V. Belorusskaya semya v menya-yushchemsya mire [Belarusian family in the changing world]. *RUDN Journal of Sociology*. 2024; 24 (3). (In Russ.).
5. Belov A.A., Pokhomova A.A., Soglaeva L.A., Filinskaya L.V. Longityudnoe issledovanie belorusskoy semyi po metodologii programmy "Pokoleniya i gender" [Longitudinal study of the Belarusian family based on the methodology of the Generations and Gender Programme]. *Zhurnal Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2024; 1. (In Russ.).
6. Danilov A.N., Beznyuk D.K., Bogdevich I.M. et al. Sovremenny sotsium: novye vyzovy i riski [Contemporary society: New challenges and risks]. *Zhurnal Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2022; 4. (In Russ.).
7. Menshikov V., Kudins J., Kokarevica A., Komarova V., Cizo E. Mezhdistsiplinarnoe issledovanie srednesrochnogo trenda rozhdayemosti v Latvii (1970–2022 gody) [Interdisciplinary study of the medium-term fertility trend in Latvia (1970–2022)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (4). (In Russ.).
8. Nazarova I.B., Zelenskaya M.P. Reproktivnye ustanovki studencheskoy molodezhi: tsennostny aspekt (obzor empiricheskikh issledovaniy) [Reproductive attitudes of the student youth (a review of empirical studies)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (4). (In Russ.).
9. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chexii): sravnitelny analiz tsennostnykh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
10. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Transformatsiya obraza zhelaemoy modeli semyi u raznykh pokoleniy: rezultaty vserossiyskogo sotsiologicheskogo issledovaniya [Transformation of the desired family model in different generations: Results of the All-Russian sociological study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3). (In Russ.).
11. Trotsuk I.V., Paramonova A.D. "Status" instituta semyi v sovremennom obshchestve i semeyno-brachnye tsennosti molodezhi ["Status" of family institution in the contemporary society, and family and marriage values of the youth]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 16 (3).
12. Filinskaya L.V., Levitskaya I.V., Misun A.A. Iskusstvenny intellekt i obrazovanie: problemy, riski, perspektivy [Artificial intelligence and education: Problems, risks, prospects]. *Zhurnal Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2024; 3. (In Russ.).
13. *Tsennostny mir sovremennogo cheloveka: proekt "Issledovanie evropeyskikh tsennostey", volna-2018* [Value World of Today's Man: Project "European Values Study", Wave–2018]. Pod red. D.M. Bulynko, D.G. Rotmana. Minsk; 2019. (In Russ.).
14. Eurostat (European Statistical Office). URL: <https://ec.europa.eu/eurostat>.
15. Generations & Gender Programme. URL: <https://www.ggp-i.org>.
16. Vienna Institute of Demography. URL: <https://www.oeaw.ac.at/vid>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-619-632

EDN: BCWYFL

К вопросу о динамике восприятия пожилого возраста: факторы позитивных изменений в условиях демографического старения*

Т.В. Барановская

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия

(e-mail: btv20100404@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу динамики восприятия пожилого возраста в России в контексте продолжающегося демографического старения и усиливающегося кадрового дефицита. Традиционно межпоколенческие отношения и положение старшего поколения связаны с негативными стереотипами, которые долгое время препятствовали полноценной интеграции пожилых людей и реализации их социально-трудового потенциала. В последнее время складывается ситуация, характеризующаяся интересом со стороны государства и рынка труда к активному участию пожилых людей. Цель исследования — выявление изменений в общественном восприятии старости и старения, определение факторов, лежащих в основе этих изменений. Была применена количественная методология вторичного анализа: сопоставляются результаты нескольких крупных всероссийских социологических опросов (2005, 2022, 2023, 2024). Полученные данные свидетельствуют о позитивном сдвиге в общественном отношении к старости и пожилым людям, несмотря на сохраняющуюся амбивалентность. Старость начинает ассоциироваться преимущественно с положительными качествами, такими как мудрость и богатый опыт. Одновременно зафиксировано заметное снижение межпоколенческих противоречий и неприязни вследствие комплексного взаимодействия нескольких факторов: с одной стороны, наблюдается повышение образовательного уровня и общей активности старшего поколения, его готовность к новым формам участия в жизни общества; с другой стороны, значимую роль сыграли изменения в мировоззрении молодого поколения, для которого «время для себя» и реализация личных увлечений стали приоритетом, и молодые люди (особенно группа 18–24 лет) демонстрируют наибольшее сходство взглядов с поколением 60+, что способствует формированию взаимных симпатий и сокращению межпоколенческого разрыва. Обнаруженные тенденции обозначают новые возможности для построения эффективного межпоколенческого взаимодействия, в частности для развития наставничества в профессионально-деловой сфере.

Ключевые слова: пожилые люди; социальные стереотипы; старение населения; наставничество; ценности; рынок труда

*© Барановская Т.В., 2025

Статья поступила в редакцию 06.04.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Для цитирования: Барановская Т.В. К вопросу о динамике восприятия пожилого возраста: факторы позитивных изменений в условиях демографического старения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 619–632. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-619-632>

Межпоколенческие отношения традиционно вызывают большой интерес исследователей: если они позитивны, то обеспечивают не только успешную передачу традиций и культурного капитала молодежи, но высокое качество жизни старшего поколения, а также решение многих проблем стареющего общества.

Доля лиц старше трудоспособного возраста в структуре населения России неуклонно растет, составляя в настоящее время более 24 % при сохранении тенденции роста (1). Достижения современной медицины, улучшение условий проживания, рост числа пожилых людей с высшим образованием сделали возможным пролонгирование активного периода старости. Повышается заинтересованность представителей третьего возраста в реализации социально-трудового потенциала [21]. Меняется понимание возраста старости — границы социальной старости отодвигаются как формально (повышение пенсионного возраста), так и в восприятии граждан [1; 3]. В то же время сегодня фиксируется новая тенденция на рынке труда — кадровый дефицит: уровень безработицы составляет менее 2,4 %, демонстрируя рекордно низкое значение (2), а в органах службы занятости на 100 вакансий приходится 24,8 зарегистрированных безработных.

Таким образом, мы имеем новую, довольно благоприятную картину взаимного интереса государства и рынка труда, с одной стороны, и пожилых людей, сохранивших социально-трудовой потенциал и активную жизненную позицию — с другой. Однако, много лет занимаясь социальной геронтологией, мне приходилось видеть, как самые эффективные стратегии, благоприятные ситуации и лучшие начинания в русле интеграции и реинтеграции представителей старшего поколения на рынке труда, их карьерной мобильности разбивались о негативные стереотипы о старости и старении, о неготовность общества к равноценному взаимодействию с пожилыми людьми. Эти явления сохранялись на протяжении четверти века с небольшими флуктуациями и тенденциями к ухудшению.

Отношение к старости и пожилым людям в обществе всегда было неоднозначным: кардинально менялось в разные исторические периоды, находило отражение в народном творчестве в виде полярных типажей — от образа мудреца или доброй бабушки до самых пугающих персонажей. В XX веке социальное положение старшего поколения стало объектом пристального внимания ученых, и целый ряд социogerонтологических теорий

нередко обосновывает противоположные выводы. Так, согласно теории разъединения, человек с наступлением пожилого возраста освобождается от социальных обязанностей [26], причем не только общество отдаляется от стареющего человека, но и он сам позитивно воспринимает собственное отстранение-освобождение. К иным выводам пришли авторы теории активности, согласно которой общество в одностороннем порядке отказывается использовать для развития потенциал старшего поколения, тогда как пожилые люди не только не приемлют подобной модели жизни в позднем возрасте, но и активно, насколько возможно, сопротивляются ей [31]. Авторы этой теории полагали, что сохранение активной жизненной позиции и всесторонняя реализация имеющихся ресурсов — необходимый признак наступления благополучной старости.

В настоящее время ученые, как бы примиряя предшественников, делают акцент на гетерогенности старения — выбирает ли пожилой человек активность, зависит, прежде всего, от образования, образа жизни, привычек, характерных для индивида в среднем возрасте [13; 15; 29]. Вместе с тем многочисленные исследования подтверждают положительное влияние активного образа жизни на физическое и психологическое состояние пожилых людей [4; 7; 10; 19; 25]. Кроме того, представители этого поколения чаще других воспринимают роль трудовой деятельности как ведущую в иерархии жизненных ценностей и потребностей [2; 24]. Исследователи фиксируют и усиление с возрастом желания делиться опытом и знаниями с молодыми людьми [35].

Однако на реализацию позитивных стратегий, связанных с интеграцией и сохранением активности, оказывает влияние отношение к пожилым людям в обществе, которое, в свою очередь, связано со многими факторами, в том числе с извечной проблемой конфликта поколений. Согласно Л. Фойеру, конфликт между поколениями представляет собой непрерывную борьбу, в основе которой лежит «эдипов комплекс» — соперничество между отцом и сыном [27]. К. Лоренц отмечает у молодежи тенденцию обвинения старшего поколения в своих неудачах, что неминуемо приводит к «эскалации вражды» [30]. Проблема «отцов и детей» подчеркивается вниманием к ней социологов, психологов, психоаналитиков и деятелей искусства, и даже при самых благоприятных факторах этот аспект в той или иной степени будет оказывать влияние на отношения между старшими и младшими поколениями.

Наиболее заметное влияние на отношение к пожилым людям оказывают социальные стереотипы о старости и старении, способствующие формированию «ярлыков» для пожилых людей и качества жизни в позднем возрасте [11]. Социальные стереотипы характеризуются высокой устойчивостью: обычно они фиксируют положение дел в прошлом, выступая тормозом для позитивного развития отношений и препятствуя восприятию

индивидуальности. Их опасность заключается и в том, что негативные социальные стереотипы воздействуют на объект стереотипизации, подталкивая его к следованию социальным ожиданиям, что, в свою очередь, подтверждает негативный стереотип, образуя «петлю обратной связи» [33]. Негативные стереотипы о пожилом возрасте создают почву для возрастной дискриминации — эйджизма, который увеличивает социальную дистанцию между пожилыми и представителями других возрастных групп [11; 20; 21; 34]. Причем чем моложе социально-демографическая группа, тем сильнее среди ее представителей выражена тенденция к дистанцированию от пожилых [21; 28].

Важным представляется и утверждение К. Маннгейма о влиянии на отношение к представителям старшего поколения статичности общества: чем она выше, тем сильнее выражена установка почтительности к пожилым [32]. Это утверждение перекликается с идеей Х. Ортеги-и-Гассета о «новом» как катализаторе старения «предшествующего» [16], т.е. социально-политические факторы также вносят коррективы в формирование и закрепление образа старшего поколения, влияя на отношение общества к пожилым.

В рамках анализа динамики восприятия пожилого возраста и трендов стереотипизации старости наиболее эффективной представляется количественная методология вторичного анализа. Были сопоставлены результаты следующих опросов: Всероссийский социологический мониторинг Центра социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН «Как живешь, Россия?» (2024; N на разных этапах = 1312–1866) (3) [12]; опрос «Пожилые люди в современной российской семье» Фонда «Общественное мнение» (2005; 100 населенных пунктов 44 областей, краев и республик; интервью по месту жительства; N=1500 + в Москве 600 респондентов) (4); инициативное исследование «Когда начинается старость?», проведенное в 2022 году коллективом сотрудников МГУ им. М.В. Ломоносова и ИСЭПН ФНИСЦ РАН (N=1198, 65 регионов) [14]; инициативный проект ЯрГУ «Трудовые, финансовые, здоровьесберегающие стратегии представителей разных возрастных групп в условиях реформирования пенсионной системы в России» (2023; N=652) [9]. Результаты вторичного анализа были сопоставлены с данными других социогеронтологических исследований [5; 8; 11; 21; 23], что позволяет сформировать достаточно полную картину как текущих трендов, так и динамики восприятия пожилого возраста. Ключевыми аспектами анализа стали межпоколенческие отношения, восприятие старости и стереотипы о пожилых.

Снижение неприязни. Одна из задач социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» (2024) — выявить, насколько значительны противоречия в современном российском обществе. Обратимся к результатам, касающимся противоречий между младшим и старшим поколениями (таблица 1) [12]: 25 % считают их значительными.

Таблица 1

**Оценка противоречий и неприязни между младшим и старшим поколениями
(вариант «значительны», в %)**

Наличие противоречия/ год	2006	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2021	2022	2023	2024
Между младшим и старшим поколениями	40	36	37	40	36	35	39	26	28	28	26	45	31	30	25

С одной стороны, конфликт отцов и детей, безусловно, имеет место (каждый четвертый его маркирует как значительный). С другой стороны, в динамике мы видим очевидное снижение его остроты: в 2021 году значительными считали противоречия между поколениями 45 %, в 2024 году — 25 %, причем периоды снижения остроты неприязни наблюдались и раньше, например, в 2015 году (26 %).

Таблица 2

**Оценка противоречия и неприязни между младшим и старшим поколениями
(вариант «незначительны», в %)**

Наличие противоречия/ год	2006	2008	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2021	2022	2023	2024
Между младшим и старшим поколениями	47	51	49	49	50	55	51	61	54	53	53	46	60	61	65

Еще более информативна в этом отношении таблица 2: цифры 2024 года — максимальный показатель с 2006 года: 65 % считают противоречия и неприязнь между поколениями незначительными, и это важное дополнение к снижению неприязни.

Россиян старость больше не пугает. Вывод о некотором снижении противоречий между поколениями подтверждается результатами других исследований, проведенных в разное время. Так, согласно данным ФОМ за 2005 год у подавляющего большинства россиян слово «старость» вызывало негативные представления (4). Выявить их позволила реконструкция ассоциативного ряда в ходе анализа ответов на открытый вопрос: «Что первое приходит в голову, когда Вы слышите слово “старость”?». Почти каждый четвертый (23 %) назвал плохое состояние здоровья, дряхлость («много болезней», «больница», «склероз, маразм», «недееспособность», «песок сыплется», «одряхление», «беспомощность»), 19 % — психологические проблемы — одиночество, страх старости, чувство безысходности («страшно становится», «ужас и кошмар», «страшное одиночество», «безрадостность», «старость пугает», «обида»). Еще одна лидирующая позиция в представле-

ниях о старости — бедность, низкий уровень жизни («бедность», «мизерная пенсия», «нищета», «материальные проблемы») (15 %). У 8 % старость вызвала кладбищенские ассоциации как предвестница умирания («к смерти ближе», «кладбище», «гроб», «чтоб не лежать и не быть обузой»). Для 5 % старость была связана с ненужностью, беззащитностью и отверженностью, еще 5 % высказали общие отрицательные суждения («крах», «не радость», «очень плохо», «полный мрак», «дурдом»). Доля респондентов, высказавших положительные ассоциации со словом «старость», находилась в пределах статистической погрешности (отдых, покой и уважение упомянули 3 %, опыт и мудрость — 1 %). Выводы других исследователей [5; 11; 21] подтвердили, что социально-демографическая группа пожилых была одной из наиболее стереотипизированных в обществе [18], причем негативные геронтологические стереотипы, проецируясь на трудовые отношения, усиливались в профессионально-деловой сфере [21].

Однако сегодня мы видим *признаки изменений*. Изучение социогеронтологических ассоциаций, проведенное в 2022 году [14], показало значительные отличия от таковых в 2005 году (4). Теперь пожилых людей считают прежде всего мудрыми (60 %) и опытными (54 %), а отрицательные ассоциации оказались в меньшинстве, например, ассоциацию «больной» выбрали 22 % россиян, «недееспособный» — 5,5 %. Другие исследования [9] показывают доминирование в ассоциативном поле россиян позиций, связанных с положительным эмоциональным состоянием и возможностями пожилых (более 50 %). Интересно, что пенсионный возраст стал ассоциироваться со свободой и жизнью для себя, и, солидаризируясь с коллегами, нельзя не отметить неожиданность таких результатов.

Вместе с тем следует отметить, что речь идет о выраженной, но только тенденции, направлении изменений. *Амбивалентность отношения к старости и пожилым сохраняется*: вероятно, отрицательные ассоциации неизбежны ввиду многосторонности и многоуровневости межпоколенческих отношений, а также трансформация предпочтений и образа жизни пожилых людей. Среди них с каждым годом растет количество лиц с высшим образованием, уменьшает разрыв между поколениями и с повышением компьютерной грамотности старшего поколения. Надо отметить и успешность ряда государственных программ, направленных на реализацию стратегий активного образа жизни пожилых. В частности, популярна программа «Московское долголетие», в которую входят спортивные занятия, танцы, пеший лекторий, рисование, информационные технологии и многое другое. Некоторые исследователи отмечают рост интереса пожилых к современным видам деятельности, например, к «серебряному волонтерству» [8]. Однако только перечисленные положительные моменты вряд ли бы привели к таким фундаментальным изменениям социальных стереотипов.

Жизнь на пенсии как мечта. Авторы одного исследования [14] отметили закономерность: ответы младшей группы (18–29 лет) и самой старшей (60+) оказались достаточно близки. Так, ассоциируют пожилого человека с опытностью 55 % младшей группы, что превосходит этот показатель в других группах (45 % среди 30–44-летних) и близко к мнению группы 60+ (62 %). Аналогичная ситуация наблюдается и с другими положительными ассоциациями, а некоторые отрицательные ассоциации фиксируются в минимальном объеме в группах 18–29 лет и 60+, например, «пожилой человек» ассоциируется со словом «больной» у 18 % в младшей группе и у 18 % — в старшей (30 % в группе 30–44, 19 – среди 45–59-летних) [14]. Таким образом, если ранее положительные ассоциации были характерны, что логично, для старшего поколения, то теперь аналогичные взгляды высказывает и молодежь. Эти данные соотносятся с трансформацией представлений о жизни на пенсии, которая сегодня в основном видится позитивно благодаря представлениям о долгожданном отдыхе и времени для себя, что говорит об изменении ценностного отношения россиян, особенно молодежи, к труду [9]. Молодежь акцентируют внимание на тех сторонах жизни на пенсии, которые привлекательны для нее [23], и для значительной части молодежи отдых и хобби более приоритетны, чем достижительные стратегии, и жизнь на пенсии в какой-то мере стала желаемым образцом. Однако все сказанное не означает однозначно положительного восприятия жизни на пенсии, и выраженная дихотомия мнений — постоянный спутник социогеронтологических исследований. Вопрос в том, куда и почему сдвигается фокус внимания.

«Нам нравятся похожие на нас». Молодежь приблизилась к пенсионерам не только в оценке жизни в пожилом возрасте — опросы РАН фиксируют сходства по многим позициям. Показательным будет анализ отношения к реформам и установок на изменения: так, о положительном отношении к реформам, проводимым правительством, заявили 39 % опрошенных 18–24 лет и 40 % в группе старше 60 (в других группах значения варьировали от 39 % среди 25–30-летних до 50 % в группе 41–50-летних). Установку на стабильность в ответах на вопрос, следует ли поддерживать нынешнюю российскую власть, продемонстрировали 75 % респондентов младшей группы и 73 % — старшей, причем по этому показателю разброс значений по выборке небольшой, хотя и превышает статистическую погрешность (от 69 % до 78 %).

Более рельефно ситуация проявляется при анализе установок на кардинальные изменения и участие в них. Согласно таблице 3 [12], в наибольшей степени не намерены участвовать в протестах младшая и старшая группы (53 % и 62 % соответственно), близки позиции двух групп и в выборе вариантов «имею установку на пассивный протест» (32 % и 27 %) и «имею установку на активный протест» (в целом по выборке от 9 % до 15 %).

Таблица 3

**Готовность представителей разных возрастных групп участвовать
в социальном протесте, если придется защищать свои интересы (в %)**

Что готовы предпринять в защиту своих интересов	Возраст					
	18–24	25–30	31–40	41–50	51–60	60+
Нет установки на участие в протестах	53	39	44	50	51	62
Имеют установку на пассивный протест	32	52	42	37	35	27
Имеют установку на активный протест	15	9	14	14	14	11

Согласно данным в таблице 4 [12], радикальные настроения относительно политической системы наименее характерны для молодежи 18–24 лет (13 %), в этой группе выше доля тех, кого российская политическая система полностью устраивает (24 %), т.е. по этой позиции молодые люди не только сравнялись, но и превзошли представителей других возрастных групп, в том числе пожилых, в стремлении к стабильности.

Таблица 4

**Суждения представителей возрастных групп
о политической системе российского общества (в %)**

Суждения	Возраст					
	18–24	25–30	31–40	41–50	51–60	60+
Политическая система российского государства полностью устраивает	24	19	19	23	20	18
В политической системе российского общества много недостатков, но их можно устранить путем постепенных реформ	49	49	49	49	53	49
Политическая система не устраивает, ее необходимо радикально изменить	13	13	16	15	14	22
Затруднились с ответом	14	18	17	14	13	11

Получается, что молодежь из социально-демографической группы, традиционно противостоящей старшему поколению, становится наиболее близкой к нему, и это одна из причин зафиксированного снижения межпоколенческих противоречий. Конечно, близость или совпадение взглядов на те или иные события не может служить единственным или главным по-

казателем изменения отношения к пожилым, однако является существенным косвенным фактором, обладающим значительным объяснительным потенциалом. В частности, такое положение вещей соответствует идее К. Маннгейма о связи установки на почтительность к пожилым и социальной стабильности [32]. Следует согласиться и с Ортегой-и-Гассетом, что «старое старо не от собственной старости, а оттого, что возникает новое и одной только своей новизной внезапно старит все предшествующее», что наблюдалось в 1990-е годы, когда межпоколенческие противоречия были максимальными [16].

Позитивные перспективы. Вероятно, нынешний период — наиболее благоприятный как для реинтеграции пожилых, которые хотят продолжать трудиться, в профессионально-деловую сферу, так и для развития или возобновления деятельности по обеспечению взаимодействия разных поколений в сфере трудовых отношений. Это может быть восстановление практик наставничества на предприятиях, о целесообразности чего уже не один год пишут социологи и экономисты [6; 22; 17]. Результаты исследований и ранее говорили о положительном восприятии наставничества в обществе даже при его очевидной семантической ассоциации с далеким прошлым [21]. Можно предположить, что внесение изменений в регулирующий этот вид деятельности Трудовой кодекс с марта 2025 года (ст. 351.8 — об особенностях регулирования работы сотрудников, выполняющих обязанности наставников в сфере трудовых отношений) будет иметь хороший результат.

При неизменной амбивалентности отношения к старости и пожилым сегодня мы наблюдаем значительный сдвиг в позитивную сторону. Старость стала ассоциироваться в большей степени с положительными позициями (мудростью, опытом), что еще двадцать лет назад представлялось невероятным, зафиксировано и снижения противоречий между младшим и старшим поколениями. С одной стороны, это связано с повышением образовательного уровня и компьютерной грамотности старшего поколения, с реализацией многими пенсионерами активной жизненной позиции, включая ее относительно новые формы. С другой стороны, уменьшению межпоколенческого разрыва, и, как следствие, улучшению отношения к пожилым людям способствовали мировоззренческие изменения, в частности пересмотр отношения к труду и свободному времени людьми трудоспособного возраста, особенно молодежью. Жизнь на пенсии стала восприниматься как этап, освобождающий от работы и дающий возможность для реализации увлечений — в некоторой степени это желаемый образ жизни. Вероятно, «время для себя» служит для младшего поколения приоритетом в сравнении с карьерными достижениями и участием в конкурентной борьбе.

Сформировалась новая ситуация: молодежь, особенно младшая социально-демографическая группа (18–24), по многим позициям демонстрирует наибольшее сходство в оценках и мнениях с поколением 60+. Такая ситуация имеет несколько парадоксальный характер, однако практические решения на основе обнаруженных тенденций могут быть весьма эффективными, например, как основа для успешного взаимодействия представителей старшего поколения и молодежи в профессионально-деловой сфере (внедрение и распространение практик наставничества).

Примечания

- (1) Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
- (2) Уровень безработицы (по методологии МОТ) в октябре 2024 года // URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_3_15-72.xlsx.
- (3) Социологический мониторинг «Как живешь, Россия?» проводится Центром социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН с 1992 года, научный руководитель — В.К. Левашов. Используется квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками пола, возраста, образования и местожительства. В основе территориального размещения выборки лежит экономико-географическое районирование страны при соблюдении пропорций численности населения и пропорций между городским и сельским населением.
- (4) Опрос «Пожилые люди в современной российской семье» был проведен Фондом «Общественное мнение» в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России методом интервью по месту жительства 18–19 июня 2005 года (N=1500 + опрос 600 респондентов в Москве) // URL: https://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/famil/child_dress/dd052535.

Библиографический список

1. Антонов А.И., Назарова И.Б., Карпова В.М. Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие // *Народонаселение*. 2023. Т. 26. № 3.
2. Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // *Экономические и социальные перемены, факты, тенденции прогноз*. 2016. № 1.
3. Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 1.
4. Воронина Л.И., Зайцева Е.В., Касьянова Т.И. Государственная стратегия по поддержке активного долголетия и физической активности пожилых граждан // *Социально-политические науки*. 2022. № 4.
5. Елютина М.Э. Геронтология социальная. Саратов, 2001.
6. Кабалина В.И. Трудовая мобильность: организационные, институциональные и социально-структурные факторы // *Социологический журнал*. 1999. № 3–4.
7. Калачикова О.Н., Короленко А.В., Нацун Л.Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2023. № 1.
8. Киенко Т.С., Певная М.В., Птицына Н.А. Практики самоорганизации и социальной активности россиян старшего возраста как расширяющие возможности («empowerment») технологии // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2022. № 1.

9. Киселев И.Ю., Михайлова Е.В., Смирнова А.Г. Ассоциативный образ «жизни на пенсии» vs активное долголетие // Социологические исследования. 2024. № 5.
10. Колесов А.А., Калачикова О.А. Продолжительность здоровой жизни как ресурс снижения рисков демографического старения // Вопросы территориального развития. 2023. Т. 11. № 2.
11. Краснова О.В. Стереотипы пожилых и отношение к ним // Психология развития. М., 2005.
12. Левашов В.К., Великая Н.М. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года. М., 2024.
13. Локосов В.В. Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 4.
14. Ляликова С.В., Назарова И.Б., Карпова В.М. Особенности восприятия пожилых людей в российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 10.
15. Молевич Е.Ф. К анализу сущности и формы социальной старости // Социологические исследования. 2001. № 4.
16. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
17. Осипов П.Н. Наставничество как объект научных исследований // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2.
18. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996.
19. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Пожилый человек в центральной России // Социологические исследования. 1999. № 12.
20. Саралиева З.Х., Балабанов С.С. Старшее поколение: динамика и направленность изменений // Материалы международной научно-практической конференции «Старшее поколение в современной семье». Нижний Новгород, 2009.
21. Смирнова Т.В. Социально-трудовой потенциал пенсионеров по возрасту. Саратов, 2010.
22. Субочева О.Н. Наставничество как фактор эффективности организации // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12.
23. Татарко К.И. Социальные установки относительно старости и ее предпочтительный образ в период ранней взрослости // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60.
24. Хайруллина Ю.Р. Ценности в сфере труда: особенности и факторы // Социологические исследования. 2003. № 5.
25. Фроликис В.В. Стресс-возраст-синдром // Физиологический журнал. 1991. Т. 37. № 3.
26. Camming E. Growing Old: The Process of Disengagement. N.Y., 1961.
27. Feuer L.S. The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement. N.Y., 1969.
28. Guo X., Erber J., Szuchman L. Age and forgetfulness: Can stereotypes be modified? // Educational Gerontology. 1999. Vol. 25.
29. Hess M. Rising preferred retirement age in Europe — are Europe's future pensioners adapting to pension system reforms? // Journal of Aging & Social Policy. 2017. Vol. 29. No. 3.
30. Lorenz K. The enmity between generations and its probable ethological causes // Psychoanalytic Review. 1970. Vol. 57.
31. Maddox G.I. Themes and issues in sociological theories of human aging // Human Development. 1970. Vol. 13.
32. Mannheim K. The Problem of Generations. L., 1952.
33. Pitchford S.R. Image-making movements: Welsh nationalism and stereotype transformation // Sociological Perspectives. 2001. Vol. 44. No. 1.
34. Prisiazhniuk D., Holavins A. Active ageing and social services: The paradox of empowerment in Russia // Europe-Asia Studies. 2023. Vol. 75. No. 2.
35. Templer A., Armstrong-Stassen M., Cattaneo J. Antecedents of older workers' motives for continuing to work // Career Development International. 2010. Vol. 15.

On the dynamics of the perception of the elderly: Factors of positive changes under demographic aging*

T.B. Baranovskaya

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,
Fotieva St., 6–1, 119333, Moscow, Russia

(e-mail: btv20100404@mail.ru)

Abstract. The article considers the dynamics of the perception of the elderly in Russia under the ongoing demographic aging and increasing staff shortage. Traditionally, intergenerational relations and the position of the elderly are associated with negative stereotypes, which for a long time have hindered the full integration of older people and the realization of their social-labor potential. Recently, the situation has changed due to the state and the labor market interest in active participation of the elderly. The article aims at identifying changes in the public perception of old age and aging and factors of such changes. The author used a quantitative methodology of the secondary analysis: the data of several all-Russian sociological surveys (2005, 2022, 2023, 2024) was compared. The results show a positive shift in public attitudes towards older generations despite persistent ambivalence. Old age is associated with positive qualities such as wisdom and rich experience. At the same time, there is a noticeable decrease in intergenerational contradictions due to the complex interaction of several factors: on the one hand, there is an increase in the educational level and general activity of the elderly, in their readiness for new forms of participation in social life; on the other hand, there are significant changes in the worldview of the younger generation, for whom “time for oneself” and personal hobbies have become a priority, and young people (especially among the 18–24-year-olds) demonstrate the greatest similarity of views with the 60+ generation, which contributes to mutual sympathies and reduces the intergenerational gap. The discovered trends indicate new opportunities for an effective intergenerational interaction such as mentoring in the professional-business sphere.

Key words: elderly; social stereotypes; population aging; mentoring; values; labor market

For citation: Baranovskaya T.B. On the dynamics of the perception of the elderly: Factors of positive changes under demographic aging. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 619–632. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-619-632>

References

1. Antonov A.I., Nazarova I.B., Karpova V.M. Porog nastupleniya starosti: ob`ektivnye priznaki i sub`ektivnoe vospriyatie [The threshold of old age: Objective signs and subjective perception]. *Population*. 2023; 26 (3). (In Russ.).
2. Barsukov V.N. Trudovaya aktivnost naseleniya pensionnogo vozrasta kak faktor sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Labor activity of the retirement-age population as a factor of regional social-economic development]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016; 1. (In Russ.).

*© T.B. Baranovskaya, 2025

The article was submitted on 06.04.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

3. Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Evolyutsiya demograficheskogo i sotsialnogo konstruirovaniya vozrasta “starosti” [The evolution of demographic and social construction of “old age”]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020; 13 (1). (In Russ.).
4. Voronina L.I., Zaitseva E.V., Kasyanova T.I. Gosudarstvennaya strategiya po podderzhke aktivnogo dolgoletiya i fizicheskoy aktivnosti pozhilyh grazhdan [State strategy to support active aging and physical activity of the elderly]. *Social-Political Sciences*. 2022; 4. (In Russ.).
5. Elyutina M.E. *Gerontologiya sotsialnaya* [Social Gerontology]. Saratov; 2001. (In Russ.).
6. Kabalina V.I. Trudovaya mobilnost: organizatsionnye, institutsionalnye i sotsialno-strukturnye faktory [Labor mobility: Organizational, institutional and social-structural factors]. *Sociological Journal*. 1999; 3–4. (In Russ.).
7. Kalachikova O.N., Korolenko A.V., Natsun L.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya aktivnogo dolgoletiya [Theoretical-methodological foundations for the study of active aging]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023; 1. (In Russ.).
8. Kienko T.S., Pevnaya M.V., Ptitsyna N.A. Praktiki samoorganizatsii i sotsialnoy aktivnosti rossiyan starshego vozrasta kak rasshiryayushchie vozmozhnosti (“empowerment”) tekhnologii [Self-organization practices and social activity of older Russians as empowerment technologies]. *Bulletin of the Lobachevsky University. Series: Social Sciences*. 2022; 1. (In Russ.).
9. Kiselev I.Yu., Mikhaylova E.V., Smirnova A.G. Assotsiativny obraz “zhizni na pensii” vs aktivnoe dolgoletie [The associative image of “retirement” vs active longevity]. *Sociological Studies*. 2024; 5. (In Russ.).
10. Kolesov A.A., Kalachikova O.A. Prodolzhitel'nost' zdorovoy zhizni kak resurs snizheniya riskov demograficheskogo stareniya [Healthy life expectancy as a resource for reducing the demographic aging risks]. *Spatial Development Issues*. 2023; 11 (2). (In Russ.).
11. Krasnova O.V. Stereotipy pozhilyh i otnoshenie k nim [Stereotypes of the elderly and attitudes towards them]. *Psychology of Development*. Moscow; 2005. (In Russ.).
12. Levashov V.K., Velikaya N.M. *Kak zhivesh, Rossiya? Ekspress-informatsiya. 54 etap sotsiologicheskogo monitoringa, aprel 2024 goda.* [How Are You, Russia? Express Information. 54th Stage of Sociological Monitoring, April 2024]. Moscow; 2024. (In Russ.).
13. Lokosov V.V. Chelovechesky potentsial: kontseptualnye podkhody i metodiki izmereniya [Human potential: Conceptual approaches and measurement methods]. *Population*. 2023; 26 (4). (In Russ.).
14. Lyalikova S.V., Nazarova I.B., Karpova V.M. Osobennosti vospriyatiya pozhilyh lyudey v rossiyskom obshchestve [Peculiarities of the perception of the elderly in the Russian society]. *Sociological Studies*. 2023; 10. (In Russ.).
15. Molevich E.F. K analizu sushchnosti i formy sotsialnoy starosti [On the analysis of the essence and forms of social aging]. *Sociological Studies*. 2001; 4. (In Russ.).
16. Ortega y Gasset J. *Estetika. Filosofiya kultury* [Aesthetics. Philosophy of Culture]. Moscow; 1991. (In Russ.).
17. Osipov P.N. Nastavnichestvo kak ob'ekt nauchnykh issledovaniy [Mentorship as an object of scientific research]. *Vocational Education and Labor Market*. 2020; 2. (In Russ.).
18. Radaev V.V., Shkaratan O.I. *Sotsialnaya stratifikatsiya* [Social Stratification]. Moscow; 1996. (In Russ.).
19. Saralieva Z.Kh., Balabanov S.S. Pozhiloy chelovek v tsentralnoy Rossii [The elderly in Central Russia]. *Sociological Studies*. 1999; 12. (In Russ.).
20. Saralieva Z.Kh., Balabanov S.S. Starshee pokolenie: dinamika i napravlenost' izmeneniy [The older generation: Dynamics and direction of changes]. *Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Older Generation in Today's Family”*. Nizhny Novgorod; 2009. (In Russ.).
21. Smirnova T.V. *Sotsialno-trudovoy potentsial pensionerov po vozrastu* [Social-Labor Potential of the Retirement-Age Pensioners]. Saratov; 2010. (In Russ.).

22. Subocheva O.N. Nastavnichestvo kak faktor effektivnosti organizatsii [Mentorship as a factor of organizational efficiency]. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2016; 12. (In Russ.).
23. Tatarko K.I. Sotsialnye ustanovki otnositelno starosti i ee predpochtitelny obraz v period ranney vzroslosti [Social attitudes towards old age and its preferred image in early adulthood]. *Psychological Research*. 2018; 11 (60). (In Russ.).
24. Khayrullina Yu.R. Tsennosti v sfere truda: osobennosti i faktory [Labor values: Features and factors]. *Sociological Studies*. 2003; 5. (In Russ.).
25. Frolkis V.V. Stress-vozrast-sindrom [Stress-age-syndrome]. *Physiological Journal*. 1991; 37 (3). (In Russ.).
26. Camming E. *Growing Old: The Process of Disengagement*. New York; 1961.
27. Feuer L.S. *The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement*. New York; 1969.
28. Guo X., Erber J., Szuchman L. Age and forgetfulness: Can stereotypes be modified? *Educational Gerontology*. 1999; 25.
29. Hess M. Rising preferred retirement age in Europe — are Europe's future pensioners adapting to pension system reforms? *Journal of Aging & Social Policy*. 2017; 29 (3).
30. Lorenz K. The enmity between generations and its probable ethological causes. *Psychoanalytic Review*. 1970; 57.
31. Maddox G.I. Themes and issues in sociological theories of human aging. *Human Development*. 1970; 13.
32. Mannheim K. *The Problem of Generations*. London; 1952.
33. Pitchford S.R. Image-making movements: Welsh nationalism and stereotype transformation. *Sociological Perspectives*. 2001; 44 (1).
34. Prisiazhniuk D., Holavins A. Active ageing and social services: The paradox of empowerment in Russia. *Europe Asia Studies*. 2023; 75 (2).
35. Templer A., Armstrong-Stassen M., Cattaneo J. Antecedents of older workers' motives for continuing to work. *Career Development International*. 2010; 15.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-633-651

EDN: AYTSEI

Новая индустриальность и профессиональные планы молодежи: от школьников и студентов до специалистов промышленного предприятия*

О.Н. Шихова¹, Е.В. Шалагина¹, Е.В. Прямикова²

¹Уральский государственный педагогический университет,
просп. Космонавтов, 26, Екатеринбург, 620091, Россия

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620062, Россия

(e-mail: krutikol@mail.ru; elshal96@gmail.com; pryamikova@yandex.ru)

Аннотация. Актуальность изучения профессиональных планов молодого поколения в отношении промышленного сектора обусловлена кадровым дефицитом, размыванием институциональных ориентиров в период профессионального самоопределения и возрастающей ролью человеческого капитала в производственных процессах. В последние годы научное сообщество обозначило проблему деинженеризации, связанную с дисбалансами трудового характера на предприятиях реального сектора экономики и имеющую более глубокие истоки — деформацию профессионального самоопределения учащейся молодежи. Под воздействием интенсивно развивающейся цифровизации и социокультурной динамики в сознании молодого поколения приоритетными становятся утилитарные ценности профессии, однако модель новой индустриальности предполагает иную ориентацию — на профессиональное развитие, содержательную сторону труда и управление культурным капиталом. Цель исследования — выявление отношения учащейся и работающей молодежи к инженерной профессии, изучение характера профессиональных планов. В опросе участвовали несколько групп респондентов в Екатеринбурге: школьники 11 классов (N=2233); студенты 2–4 курсов техникумов (N=1865); студенты 1–6 курсов вузов (N=1009); молодые работники уральского промышленного предприятия (до 35 лет, N=204). Полученные данные свидетельствуют о противоречиях в профессиональных планах молодежи. Новая индустриальность определила приоритетность знаниевой составляющей труда, значимость вовлеченности в производственный процесс, ответственности за качественное выполнение задач, но молодежь строит профессиональный путь, ориентируясь на внешние индикаторы (заработная плата, карьерный рост, хорошие условия труда). Профессия инженера, по своей природе совпадающая с импульсами современного индустриального развития, в сознании молодого поколения, наоборот, попадает в разряд типично утилитарной.

*© Шихова О.Н., Шалагина Е.В., Прямикова Е.В., 2025

Статья поступила в редакцию 30.03.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Ключевые слова: профессиональные планы; молодое поколение; инженер; промышленное предприятие; новая индустриальность; технические кадры; профессиональное самоопределение; профессиональная идентичность

Для цитирования: Шихова О.Н., Шалагина Е.В., Прямикова Е.В. Новая индустриальность и профессиональные планы молодежи: от школьников и студентов до специалистов промышленного предприятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 633–651. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-633-651>

Инженерные профессии на протяжении всего советского периода играли ключевую роль в развитии промышленного и военного потенциала страны. Была сформирована культура производственного труда, пронизывающая все стороны общественной жизни, благодаря чему решались задачи воспроизводства технических кадров [1; 22; 25; 32]. Кризис плановой экономики и распад советской системы привели к утрате молодым поколением институциональных ориентиров в профессиональном самоопределении [21; 37] и сказались на восприятии профессий: инженеры, врачи и учителя «ощутили на себе кризис профессиональной идентичности» [23. С. 20]. Падение престижа профессии инженера было вызвано и утратой непрерывной системы профориентационного сопровождения учащейся молодежи, низкой заработной платой на производстве, ухудшением качества профессиональной подготовки [25. С. 135], размыванием паттернов маркирования профессионального статуса технического работника, закрытием производственных мощностей на уровне градообразующих предприятий моногородов.

Сегодня профессия инженера упоминается в актуальной государственной повестке, утверждающей необходимость создания нового массового слоя российской технической интеллигенции [1; 26]. Достижения в области науки, техники и технологий существенным образом повлияли на набор востребованных на производстве профессиональных компетенций инженера, причем эти требования меняются намного быстрее, чем осваиваемые молодежью знания и навыки в рамках программ среднего и высшего профессионального образования. Заинтересованные в молодежи предприятия реального сектора региональной экономики начинают реализовывать системные мероприятия по планированию карьеры молодых специалистов. Однако и они сталкиваются с тем, что их программы по привлечению и адаптации новых кадров вступают в противоречие с современными тенденциями пост-труда, актуальными в молодежной среде.

В целом в последние годы наблюдается прирост технических кадров: в 2022 году выпуск квалифицированных рабочих по отдельным укрупненным группам профессий составил 107,3 тысяч человек, в 2023 году — 113,4 [31. С. 65]. Но сохраняются проблемы деинженеризации [39] и дефицита профессиональных кадров при «массовом выпуске будущих специалистов» [5. С. 15]. Следует отметить, что сама смена индустриальной модели экономики на постиндустриальную оказала негативное воздействие на ре-

гионы с высокой концентрацией промышленного производства [2]. Помимо хозяйственных издержек, существенным оказался социальный ущерб: деактуализировались ориентиры на получение инженерно-технического образования и трудоустройство в промышленном секторе [13].

Процесс профессионального самоопределения молодого поколения в отношении промышленно-заводской области усложнился, что обусловлено рядом факторов: подменой профессионального выбора образовательным (выбор вуза, а не специальности); слабой профориентационной деятельностью школы в отношении индустриального сектора; противоречивым образовательным и заводским опытом родителей. Невысока информированность старшеклассников о специфике инженерной деятельности, а представления о требованиях к профессиональным и личным качествам работников инженерной квалификации часто расходятся с реальностью [39]. Так, в массовом сознании считаются отголоски советской идеологической системы, которая формировала образ «рабочего—героя» с ориентацией на труд в экстремальных и сложных условиях [44. С. 29].

Таким образом, социологический анализ профессионального профиля инженера должен сочетать количественный подход (доля молодежи, выбравшей техническую область трудовой деятельности) и качественный (профессиональная мотивация, жизненные планы, устойчивость трудовых намерений, готовность к самообразованию и освоению новых компетенций). Не менее значимо изучение новых подходов к профессиональной ориентации в технической области на уровне школы, среднего и высшего профессионального образования.

Профессиональные планы: между новой индустриальностью и постмодернистскими ценностями

Советской образовательной системе был свойственен институциональный характер профессионального определения молодого поколения: процессы профессионального выбора и формирования жизненных планов носили организованный, «линейный» характер, что в определенной степени обеспечивало поддержание ориентации на общественно-полезный труд. С распадом плановой экономики и кризисом социалистической идеи молодое поколение оказалось в ситуации свободного профессионального выбора в условиях «эпистемологической неопределенности» [4. С. 291]. В прикладных исследованиях позднесоветского времени сложился событийный подход к изучению профессионального пути молодежи [22; 23; 24; 46], но сегодня необходимо обращение к ценностным ориентациям личности, представлениям о возможностях самореализации, которые предоставляет та или иная профессия.

В аспекте статусных перемещений приоритетной для молодежи становится достижительская стратегия: прагматичное стремление к увеличению дохода или конкуренция за денежное превосходство [45. С. 305] не всегда

является основной целью, чаще речь идет о самореализации. Эту стратегию можно назвать активной, ориентированной на успех [18. С. 35], и даже у школьников стало более выраженным понимание успеха как достижения [35. С. 46]. Получается, что условный призыв к социальной ответственности («надо идти работать на завод») может противоречить достижительской стратегии.

Переход общества к постиндустриальному «снижает воздействие на человека социальных обстоятельств, особое значение приобретают внутренние силы самой личности» [20. С. 46]: возрастает роль человеческого капитала и способности к интеллектуальной обработке знаний в контексте инновационной творческой деятельности. Складывающиеся социокультурные обстоятельства требуют от людей непрерывного развития высоких профессиональных качеств, изучения метакомпетенций, позволяющих специалисту управлять своими культурными и профессиональными капиталами. В новых нелинейных обстоятельствах профессиональный план личности становится неотъемлемым инструментом сознательного и обоснованного выбора сферы трудовой деятельности, овладения будущей специальностью и профессионального роста [27. С. 5].

Если индустриальное общество акцентировало количество произведенных товаров и степень интенсивности производства, то постиндустриальный этап характеризуется новыми категориями — качество жизни, высокая ценность образования, саморазвитие [9. С. 207]. Индивид перестал быть придатком производства [15. С. 33], появляются новые социально-экономические императивы: знание, сокращение удельного веса материальных затрат в производственном продукте, вытеснение человека из производства, формирование новых социально-трудовых отношений. Информационно-коммуникативные технологии проводят к «взаимному разъединению капитала и труда» [38. С. 40]: «физические и умственные усилия превращаются в самостоятельный феномен — вещь, которая перемещается» [7. С. 153]. Работник в индустриальном секторе становится фактором производства, возрастает роль вовлеченности специалиста в производственный процесс и возможность удовлетворить индивидуальные ценности (гибкость занятости, самоуправление). Однако сложившаяся в советское время модель труда не совпадает со стремлением к личному успеху и самореализации в частной жизни [45. С. 307].

Сама проблема отношения молодежи к работе на производстве и нехватки трудовых ресурсов указывает на характеристику современного российского общества как «другого модерна» (1) — общества, в котором индустриальность сохраняет значение, но неизбежно меняется в направлении постиндустриальности (например, трудовая занятость смещается к скользящим графикам, стиранию границ между работой и не-работой [8]). В исследовании малых городов Уральского реги-

она были использованы понятия «старой» и «новой» индустриальности [11. С. 70]: для их жителей индустриальность ассоциируется не только с качеством оборудования и технологий на предприятии, но и с качеством социального пространства (характер производственных отношений, специфическое отношение к работникам, экологическая составляющая), что в большей степени соответствует характеристикам постиндустриальности: *«новая индустриальность не замыкается рамками производства... надо смотреть шире, это не только само производство, но это еще и социальная составляющая, которая должна обеспечивать потребность нового поколения, потому что они другие, и мы должны этим вызовам соответствовать»* [11. С. 73].

С одной стороны, сегодня труд теряет институциональную опору и становится зависимым от индивидуальных особенностей; с другой стороны, происходит темпоральное наложение практик: когда «социальные институты разгружали индивида от бремени насущных проблем» [8. С. 90], у него не было необходимости сознательно планировать свое профессиональное будущее, поэтому в структуре профессионального самоопределения молодого поколения не сформировалась устойчивая рациональная основа. «Отложенное профессиональное самоопределение» подразумевает, что «потребность в выборе профессиональной идентичности перестает быть пусковым элементом» [17. С. 26]. В результате «на фоне кризиса трудовых ценностей наблюдается рост материальных констант и достижительской стратегии» [16. С. 100].

Одновременно распространяется социально-профессиональная стратегия, когда люди выходят из непрерывной гонки за материальные блага и становятся более вовлеченными в свои жизни: «статус, признание, накопление богатств волнует меньше» [48. С. 25]. В целом «третья профессиональная революция» постепенно ведет к появлению транспрофессионалов, готовых работать в разных профессиональных средах, решать сложные задачи в контексте конкретной проблемы [49], т.е. в профессиональном сознании личности актуализируется индивидуальная свобода трудовых практик, центр жизни перемещается с рабочего места на образование и новые стили жизни [8. С. 87]. Однако реализации смешанных и гибких форм занятости наиболее затруднена в таких отраслях, как машиностроение и обрабатывающие производства [34. С. 48].

Личность эпохи постмодерна, освобождаясь от господства институтов, обретает свободу выбора [43. С. 363], но в российских реалиях постмодерн имел «вынужденный характер» [42. С. 226], а «люди не прошли поступательную школу разума, прогресса и эмансипации» [14. С. 170] и в результате оказались в «ловушке выбора». Кроме того, новая индустриальность несет в себе и системный кризис: отчуждение работников от своего труда, неумение управлять собственным профессиональным потенциалом и в це-

лом новая модель специалиста создает общую социальную напряженность в промышленном секторе [41. С. 18]. На уровне предприятий она часто выражается в «серьезном структурном дисбалансе между качеством человеческого капитала работников и теми рабочими местами, которые они занимают» [40. С. 150].

Инженер — профессия, имеющая «укорененную», кумулятивную конфигурацию: фундаментальная математическая и естественнонаучная подготовка дополняется сегодня метакомпетенциями — коммуникативными навыками, знанием иностранных языков, владением информационными технологиями и другими *soft skills* [29. С. 85]. При этом профессиональная социализация в области технического образования и потенциальной занятости не стыкуется с гибкими форматами актуальной альтернативной занятости. В долгосрочном мониторинговом исследовании воспроизводства инженерных кадров было зафиксировано ценностное противоречие между «тенденцией к постмодернистским ценностным установкам и просоветским инструментальным набором» [13. С. 125]. Иными словами, представители молодого поколения, выбирающие техническую сферу профессиональной деятельности, оказываются между стабильно функционирующей производственной реальностью и гибкими трудовыми стратегиями. Причем развивающаяся модель новой индустриальности, ориентированная на человеческий капитал и ценность знаний, соотносится с «укорененной» природой профиля инженера.

Эмпирическое изучение профессиональных намерений молодежи

Профессиональные планы молодежи в производственной сфере исторически определялись влиянием таких институциональных образований, как родительская семья, школа, вуз и предприятия, поэтому в качестве объекта исследования выступили пять групп в Екатеринбурге: школьники 11 классов (N=2233); студенты 2–4 курсов техникумов (N=1865); студенты 1–6 курсов вузов (N=1009); молодые работники уральского промышленного предприятия (до 35 лет, N=204). Предмет исследования — характер профессиональных планов учащейся и рабочей молодежи в отношении инженерной специальности. Методы: онлайн-опрос школьников и студентов учреждений среднего и высшего профессионального образования; экспертные интервью с руководителями подразделений кадровой службы (3 информанта), фокус-группа и формализованное интервью с молодыми сотрудниками ПАО «Машиностроительный завод имени М.И. Калинина». Школьники и студенты отбирались по таким критериям, как ступень и профиль обучения (техническая направленность). Достижимость выборки в онлайн опросе была обеспечена поддержкой Министерства образования и молодежной политики Свердловской области и Советом ректоров вузов Екатеринбурга.

Экспертами выступили руководители (и заместители руководителей) основных подразделений кадровой службы промышленного предприятия, участниками фокус-группы — молодые специалисты, представители основных профессиональных групп (от рабочих специальностей до ИТР), проработавшие на промышленном предприятии не больше пяти лет. Респонденты для формализованного интервью отбирались методом многоступенчатой (репрезентативность по типу структурных подразделений и уровню образования) квотной выборки.

Параметры изучения намерений школьников в отношении технической специальности включали: обучение на определенном профиле, представления об инженерной профессии, ее привлекательность и непривлекательность в целом, источники формирования представлений. У студентов уточнялось отношение к выбранной специальности, степень сформированности профессиональных намерений после окончания вуза, положительные и отрицательные стороны выбранной специальности, знания о специфике профессиональной деятельности специалиста промышленного предприятия. Анализ мнений молодых сотрудников завода был направлен на оценку жизненных планов молодежи мегаполиса, которые предполагают возможность трудоустройства и закрепления на промышленном предприятии. Общий дизайн исследования был нацелен на изучение отношения молодежи разных возрастных групп к инженерной профессии по мере приближения к рынку труда и на оценку устойчивости профессиональных планов.

Среди учеников 11 классов были собраны сведения о доле обучающихся с углубленным изучением предметов: 7,5 % обучаются на технологическом профиле, 16 % — на физико-математическом (таблица 1).

Таблица 1

Распределение учеников 11 классов по профилям

Профиль	%
Гуманитарный	19
Социально-экономический	13
Технологический	8
Универсальный	21
Физико-математический	16
Химико-биологический	11
Без профиля	12

Предположительно, школьники, обучающиеся на технологическом и физико-математическом профилях, ориентированы на профессии в производственной сфере, однако данные свидетельствуют о невысоком уровне осведомленности учащихся 11 классов о специфике работы на заводском предприятии (таблица 2), причем различия по профилям обучения незначительны, и схожая ситуация наблюдается у студентов среднеспециальных учебных заведений (ссузов) и высших учебных заведений (вузов) (таблица 3). В целом прослеживается неуверенность молодежи в выбранном пути в технической области.

Таблица 2

**Осведомленность учащихся 11 классов
о работе на промышленном предприятии, %**

Профили	Знаю	Знаю, но не очень хорошо	Не знаю
Гуманитарный	24,5	51,2	24,3
Социально-экономический	23,9	59	17
Технологический	39,5	45,5	15
Универсальный	27,2	53,2	19,6
Физико-математический	30,4	54	15,6
Химико-биологический	27	52,5	20,3
Нет профиля	21,4	54,4	24,1

Таблица 3

**Осведомленность студентов ссузов и вузов
о работе на промышленном предприятии, %**

Варианты ответов	Студенты ссузов	Студенты вузов
Да, знаю хорошо	21	23
Знаю, но не очень хорошо	52	61
Нет, не знаю	27	16

Своеобразная «недосказанность» в отношении технической профессиональной области стала поводом для изучения источников информации молодежи: основным «каналом» информации о профессиях технической направленности оказались родственники и знакомые (таблица 4), т.е. социальный капитал работающих на предприятии передается, пусть и не напрямую от родителей к детям, но в целом молодежь слабо представляет специфику производственного труда.

Таблица 4

Источники осведомленности о специфике работы на заводе, %

Значения	Студенты ссузов	Студенты вузов
На заводе работают(ли) мои родственники/знакомые	54	61
Рассказывали на занятиях	6	16
Познакомились во время производственной практики	4	22
Ходили на экскурсию на завод	3	21
Все знания — из Интернета	6	30
Сам работал на заводе	1	

Экспертные интервью с сотрудниками кадровой службы промышленного предприятия показали устойчивость в структуре мотивации кандидатов семейно-династической трансмиссии инженерной профессии (таблица 5), тогда как в наименьшей степени представлены позиции, связанные с ориентацией в трудовой деятельности на промышленное производство и предприятие: *«молодые готовы к проявлению своих талантов, а здесь труд — серийное производство, воспроизводство»*. Чаще всего кандидатами движут либо прагматические соображения (в данный момент «выгодно» и «удобно» и пр.), либо опыт семьи (кто-то уже работал на предприятии и сформировал его позитивный образ), либо позиции ближайшего окружения.

Таблица 5

Преобладающие мотивы при поступлении на работу на промышленное предприятие

Ранг	Критерий
1	Продолжение семейной династии, совет друзей (знакомых), выбор, сделанный в ходе анализа рынка труда
2	Совет друзей (знакомых), целевое обучение
3	Целевое обучение, семейная династия, стремление работать на предприятии ОПК
4	Случайный выбор (воздействие обстоятельств), ориентация на промышленное производство

Кроме того, по мнению кадровых специалистов, на формирование позитивной мотивации влияет успешное прохождение практики, в ходе которой молодой специалист «погружается» в производство. Мотивационной силой обладает и продуманная молодежная политика предприятия, в частности социальные программы, направленные на решение жилищного вопроса, медицинское сопровождение, помощь в получении образования и уходе за детьми (детские сады и летние оздоровительные лагеря) и т.д. Тем не менее, часто проявляется *«конфликт поколений: молодые более раскованы, сами придумывают правила игры, им сложно подстраиваться под наши»*.

В ходе формализованного интервью респондентам был задан вопрос, каким образом они стали сотрудниками промышленного предприятия (таблица 6). Самый распространенный мотиватор трудоустройства — советы «ближнего круга» (38 %), второй по частоте показатель (20 %) — случайность, в силу сложившихся обстоятельств. В то же время многие сознательно подошли к трудоустройству: 9 % были студентами-целевиками; 14 % проанализировали рынок труда и выбрали наиболее подходящий вариант; для 10 % работа на заводе — это воплощение в жизнь мечты, цели.

Таким образом, представления молодежи о работе на промышленном предприятии формируются не только в результате профильного обучения, но и под влиянием заводского опыта семьи. Большинство студентов планируют трудоустроиться по специальности (таблица 7), но между планами работать по специальности и оценкой информированности о работе на промышленном предприятии не было выявлено явной зависимости. Видимо, здесь срабатывает механизм устойчивости профессиональных планов — стремление молодежи к стабильности, исходящей от сложившейся системы.

Таблица 6

Причины трудоустройства на предприятие, %

Варианты	%
Был студентом целевого обучения от предприятия	9
Всегда мечтал работать на промышленном производстве	5
Продолжаю семейную династию	8
Достаточно случайно — так сложились обстоятельства	20
Проанализировав предложения на рынке труда	14
Мне посоветовали друзья (знакомые, родственники)	38
Давно хотел работать на таком предприятии	5
Другое	1

Таблица 7

Профессиональные планы студентов после окончания учебы, %

Варианты	Студенты ссузов	Студенты вузов
Точно работать по специальности	43	37
Скорее работать по специальности, но возможно трудоустройство в другой сфере	44	49
Скорее работать в сфере, не связанной со специальностью	4	10
Точно работать не по специальности	9	4

Что касается оценок перспективности профессионального пути (таблица 8), то для студентов приоритетна ценность стабильного рабочего места, что можно интерпретировать двояко: с одной стороны, молодежь хочет закрепиться на рынке труда и чувствовать себя уверенно; с другой стороны, карьерная траектория «стабильно занятые» основывается не столько на внутренних побудителях (интерес к содержанию труда), сколько на оценке внешних шансов на трудоустройство [17. С. 31]. Весьма заметны различия студентов ссузов и вузов в отношении работы в развивающейся области и готовности к профессиональному совершенствованию.

Таблица 8

Планирование профессионального пути, %

Суждения	Студенты ссузов	Студенты вузов
Важно в будущем работать в интересной и быстро развивающейся области, совершенствоваться профессионально	2	27
Важно иметь стабильное место работы, нормированный рабочий график, получать фиксированную зарплату	60	48
Интереснее создать собственное дело, не зависеть от руководства	28	25
Не задумываюсь о стабильном месте работы: как сложится, так и сложится	10	0

В ряде исследований среди причин противоречивого профессионального выбора молодежи названы сложность и экономическая непривлекательность технической специальности, а привлекательными считаются типичные «бонусы» за труд — заработная плата и карьера [24. С. 39]. Прагматичная/достижительская стратегия, профессиональный план «по поверхности», прослеживается и в нашем опросе (таблица 9): описывая преимущества будущего трудоустройства, студенты отмечали материальные аспекты.

Таблица 9

Преимущества работы по специальности, %

Характеристики будущей работы	Студенты ссузов	Студенты вузов
Высокая зарплата	69	75
Хорошие условия труда	47	62
Перспектива карьерного роста	44	60
Гарантированное трудоустройство	39	37
Профессиональная самореализация	24	39
Свободный график	19	24
Стабильная занятость	15	22
Престижность профессии	15	24
Социальные льготы в организации	8	19
Другое (интересные люди, свобода, творчество и др.)	0,6	

За более чем десять лет активного изучения социологами ценностей инженерной профессии произошло разделение ее содержательного и достижительского аспектов: порядка 56 % будущих выпускников собираются работать по специальности, каждый пятый осознает высокую ответственность инженера перед обществом и готов к самообучению на протяжении жизни, а низкая заработная плата — основной фактор отказа от профессии [19. С. 725]. Высокое значение заработной платы в качестве профессиональной мотивации характерно для российского общества в целом, а не только для молодежи: 67 % считают высокую заработную плату признаком идеальной работы (2), поскольку заработная плата коррелирует с притязаниями на высокий уровень/качество жизни. Однако ценность профессии как таковой обычно оказывается на втором месте после заработной платы. Видимо, в сознании молодежи понятие карьеры связано скорее с ростом заработной платы, а не с профессиональным развитием, поэтому, еще не закрепившись на рынке труда, молодежь демонстрирует весьма утилитарное восприятие профессионального будущего [33. С. 27].

Подобные перекосы содержательного и прагматичного характера говорят о сочетании модернистских и традиционалистских стратегий в жизненных планах современной молодежи [47]: модернистские ценности включают в себя социальную ответственность, независимость, открытость новому опыту, уважение законов, и молодежь с такими приоритетами имеет четкий план развития карьеры, в отличие от приверженцев традиционалистской модели (ориентация на стабильность, материальное благосостояние, несамостоятельность). Модернисты более уважительно относятся к труду и содержанию работы, но для них важен и заработок. Для обеих групп характерно тяготение к нестандартным формам занятости [47. С. 450], иногда отказ от постановки конкретных жизненных целей и построения жизненного плана (что особенно характерно для группы NEET [34. С. 319], а также своеобразный инфантилизм в отношении самообразования [10].

Новый уровень индустриального развития в промышленном секторе, обусловленный бурным развитием информационных технологий, принципиально изменил роль инновационной деятельности, интеллектуального труда и вовлеченности специалиста в качественное выполнение профессиональных задач, т.е. возросло значение человеческого капитала. Современный специалист должен быть готов к непрерывному самообразованию и ответственности за результаты своего труда, к управлению своим культурным и профессиональным капиталами, а значит, профессиональный план будущего и уже состоявшегося специалиста выходит

за рамки прежнего институционального сопровождения и контроля, становится инструментом личностного и профессионального развития. Нынешние школьники, студенты и молодые специалисты промышленного предприятия выражают готовность к построению «гибкого» профессионального пути на основе постоянного расширения знаний, приобретения навыков и включенности в трудовой процесс, однако высказывают и противоречащие данным ценностям предпочтения.

Традиционно производственный сектор функционирует как стабильная система, предполагающая модель «стационарного» работника. Такой характер труда, с одной стороны, привлекателен для молодых технических специалистов как возможность занять достойное место на рынке труда, но, с другой стороны, молодежь ожидает высокой оплаты труда и карьерных достижений. В сознании студенческой молодежи преобладают прагматично-утилитарные профессиональные намерения в сочетании с готовностью к самообразованию и самореализации в интересах полноценной содержательной включенности в производственный процесс (что характерно скорее для студентов вузов). Наблюдается и некоторое размывание содержательной составляющей профессиональной деятельности инженера в условиях новой индустриализации, которая нарушает логику формирования профессиональных установок — от профессиональных намерений и обучения к активному освоению профессии и самореализации в профессиональном труде [36. С. 70], поскольку упускается этап профессиональной идентификации [17]. В целом сохраняется преемственность заводского опыта (от родительской семьи — подрастающим поколениям), однако семейная трансмиссия ориентирует молодежь скорее на модель «стабильной занятости» как «страховку» на рынке труда.

Примечания

- (1) Авторы стараются уйти от теоретической дискуссии о базовых характеристиках современного общества (индустриальное или уже постиндустриальное), поэтому используют понятие «новая индустриальность», что в большей степени соответствует пониманию современного общества как «другого модерна».
- (2) Большинство россиян о заработной плате // URL: <https://tass.ru/obschestvo/8961113>.

Информация о финансировании

Научная работа была выполнена в рамках университетского гранта «Ценностная перспектива и потребностно-мотивационная сфера работающей молодежи (молодых специалистов) как условия ее устойчивой профессиональной самореализации на предприятиях реального сектора экономики: на примере холдинга “Алмаз-Антей” — ПАО “Машиностроительный завод имени М.И. Калинина” (Екатеринбург)».

Благодарность

Авторы выражают благодарность И.В. Шапко, доценту Уральского государственного педагогического университета, за совместную исследовательскую работу.

Библиографический список

1. *Абрамов Р.Н.* Инженерный труд в позднесоветский период: рутина, творчество, проектная дисциплина // *Социология власти*. 2020. Т. 32. № 1.
2. *Акбердина В.В., Сергеева А.С.* Индустриальные регионы России: сравнительный анализ // *Вестник ЗабГУ*. 2015. № 7.
3. *Амбарова П.А.* Новые подходы к профессиональной ориентации в школе в условиях изменяющегося мира профессий // *Известия УрФУ. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2020. Т. 26. № 1.
4. *Антюхова Е.А.* Ценности успешной личности: постмодерн образования в постиндустриальном обществе // *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2020. № 2.
5. *Ахапкин Н.Ю.* Российская экономика в условиях санкционных ограничений // *Вестник Института экономики РАН*. 2023. № 6.
6. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2005.
7. *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
8. *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. М., 2000.
9. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
10. *Буторина Е.Е., Маляшова А.Ю.* Нацеленность молодежи на мировые тренды подготовки инженерных кадров // *Сборник инженерного образования*. 2020. № 28.
11. *Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В.* Индустриальная память: масштабы и множественность. Екатеринбург, 2022.
12. *Варшавская Е.Я., Котырло Е.С.* Выпускники инженерно-технических и экономических специальностей: между спросом и предложением // *Вопросы образования*. 2019. № 2.
13. *Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени* / Под общ. ред. Л.Н. Банниковой. Екатеринбург, 2015.
14. *Гречко П.К.* Интеллектуальный импорт, или о периферийном постмодернизме // *Общественные науки и современность*. 2000. № 2.
15. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. Избранное. М., 2008.
16. *Давыдов Д.А.* Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН*. 2018. Т. 18. № 3.
17. *Дидковская Я.В.* Трансформация социального механизма взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в российском обществе: Дис. д.с.н. Екатеринбург, 2016.
18. *Ельникова Г.А., Михайловская З.В.* Типология жизненных стратегий молодежи // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2018. № 2.
19. *Иванова В.С.* Образ инженера будущего глазами современного студента // *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов*. Тюмень, 2020.
20. *Иноземцев В.* Парадоксы постиндустриальной экономики // *Финансист*. 2000. № 4.
21. *Ключарев Г.А.* «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // *Социологические исследования*. 2015. № 11.
22. *Коган Л.Н.* Молодой рабочий: вчера, сегодня: опыт историко-социологического исследования образа жизни молодых рабочих 30-х и 70-х годов на материалах Урала. Свердловск, 1976.
23. *Константиновский Д.Л.* Окно, распахнутое Шубкиным: молодежь в образовании и на рынке труда // *Социологические исследования*. 2023. № 8.
24. *Константиновский Д.Л., Попова Е.А.* Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // *Социологические исследования*. 2015. № 11.

25. Крыштановская О.В. Инженеры. Становление и развитие профессиональной группы. М., 1989.
26. Кукулин И.В. Сентиментальная технология: память о 1960-х в дискуссиях о модернизации 2009–2010-х годов // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2010. № 6.
27. Левицкая И.А. Профессиональный план как структурный компонент самоопределения личности // Концепт. 2013. № 1.
28. Лихачева Т.Л. «Экономика знаний» и знания экономики: ретроспективный анализ // Экономика и социум: современные модели развития. 2018. Т. 8. № 1.
29. Мансуров В.А., Семенова А.В. Образ современного российского инженера: опыт контент-анализа научных публикаций // Социологические исследования. 2022. № 3.
30. Морозов И.К. Теоретические предпосылки формирования концепта «общество посттруда» // Logos et Praxis. 2021. Т. 20. № 4.
31. Образование в цифрах: 2024. М., 2024.
32. Павлов Б.С. К истории эмпирических исследований молодых рабочих на Урале // Социологические исследования. 2023. № 3.
33. Павлов Б.С., Шаталова Н.И., Малыгин Е.А. Ценностные ориентации студентов технических вузов Урала (по результатам социологических опросов) // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2015. № 6.
34. Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020.
35. Прямикова Е.В., Шапко И.В. Исследования ценностных ориентаций школьников и студентов: методологические и методические вопросы // Педагогическое образование в России. 2019. № 4.
36. Ситникова И.В. Профессиональные планы и стратегии трудоустройства современных студентов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 4.
37. Соболев Л.Б. Проблемы инженерного образования в России // Экономический анализ: теория и практика. 2018. № 7.
38. Сорокин А.В. Развитие концепции нового индустриального общества второго поколения и ноономики // Экономическое возрождение России. 2020. № 3.
39. Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / Под ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, 2017.
40. Тихонова Н.Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. 2017. № 2.
41. Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России / Под ред. В.А. Ядова. Самара, 2013.
42. Фишман Л.Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург, 2004.
43. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
44. Шаталова Н.И. Деформация трудового поведения работника // Социологические исследования. 2000. № 7.
45. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
46. Шубкин В.Н., Чередниченко Г.А. Ценностные ориентации в структуре профессионального самоопределения старшеклассников. М., 1994.
47. Ядова М.А. Профессиональные планы и стратегии постсоветской молодежи // Общество и государство в зеркале социологических измерений. Рязань, 2018.
48. Hines A. Getting ready for a post-work future // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13. No 1.
49. Perkin H. The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. L., 1996.

New industrialization and professional plans of the young generation: From schoolchildren and students to young specialists of the industrial enterprise*

O.N. Shikhova¹, E.V. Shalagina¹, E.V. Pryamikova²

¹Ural State Pedagogical University,
Prosp. Kosmonavtov, 26, Yekaterinburg, 620091, Russia

²Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Mira St., 19, Yekaterinburg, 620062, Russia

(e-mail: krutikol@mail.ru; elshal96@gmail.com; pryamikova@yandex.ru)

Abstract. The relevance of the study of the youth's professional plans in relation to the industrial sector is determined by personnel shortage, erosion of institutional benchmarks during the period of professional self-determination, and the increasing role of human capital in production. In recent years, the scientific community has identified the problem of deengineering associated with labor imbalances at enterprises of real sector of the economy and having such deeper origins as deformation of the student youth's professional self-determination. Under the intensively developing digitalization and social-cultural dynamics, utilitarian values of the profession become a priority for the younger generation, but the model of new industriality suggests a different orientation — towards professional development, essence of work and management of cultural capital. The study aims at identifying students' and working youth's attitudes to the engineering profession and the nature of their professional plans. Several groups were surveyed in Yekaterinburg: 11th grade schoolchildren (N=2233); 2nd–4th-year students of technical schools (N=1865); 1st–6th-year students of universities (N=1009); young workers of the Ural industrial enterprise (under 35, N=204). The data indicates contradictions in the professional plans of young people. New industriality has determined the priority of knowledge in labor, the significance of involvement in production and of responsibility for the high-quality performance, but young people focus on external indicators (salary, career growth, good working conditions) in their professional path. The engineering profession by its nature coincides with impulses of today's industrial development, but in the youth's perception, on the contrary, is typically utilitarian.

Key words: professional plans; younger generation; engineer; industrial enterprise; new industrialization; technical staff; professional self-determination; professional identity

For citation: Shikhova O.N., Shalagina E.V., Pryamikova E.V. New industrialization and professional plans of the young generation: From schoolchildren and students to young specialists of the industrial enterprise. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 633–651. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-633-651>

*© O.N. Shikhova, E.V. Shalagina, E.V. Pryamikova, 2025

The article was submitted on 30.03.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

Funding

The research was conducted within the university grant “Value perspective and need-motivational sphere of the working youth (young specialists) as a condition for sustainable professional self-realization at enterprises of the real sector of the economy: On the example of Almaz-Antey Holding — PJSC “M.I. Kalinin Machine-Building Plant” (Yekaterinburg)”.

Acknowledgement

The authors would like to express gratitude to I.V. Shapko, Associate Professor of the Ural State Pedagogical University, for the joint research work.

References

1. Abramov R.N. Inzhenerny trud v pozdnesovetsky period: rutina, tvorchestvo, proektnaya distsiplina [Engineering work in the late Soviet period: Routine, creativity, project discipline]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2020; 32 (1). (In Russ.).
2. Akberdina V.V., Sergeeva A.S. Industrialnye regiony Rossii: sravnitelny analiz [Russia's industrial regions: A comparative analysis]. *Vestnik ZabGU*. 2015; 7. (In Russ.).
3. Ambarova P.A. Novye podkhody k professionalnoy orientatsii v shkole v usloviyakh izmenyayushchegosya mira professii [New approaches to career guidance at school in the changing world of professions]. *Izvestiya UrFU. Seriya 1: Problemy Obrazovaniya, Nauki i Kultury*. 2020; 26 (1). (In Russ.).
4. Antyukhova E.A. Tsennosti uspeshnoy lichnosti: postmodern obrazovaniya v postindustrialnom obshchestve [Values of the successful personality: Postmodern education in the post-industrial society]. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 2. (In Russ.).
5. Akhupkin N.Yu. Rossiiskaya ekonomika v usloviyakh sanktsionnykh ogranicheniy [Russian economy under sanction restrictions]. *Vestnik Instituta Ekonomiki RAN*. 2023; 6. (In Russ.).
6. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow; 2005. (In Russ.).
7. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
8. Bek U. *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modern* [Risk Society: Towards a Different Modernity]. Moscow; 2000. (In Russ.).
9. Bell D. *Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow; 1999. (In Russ.).
10. Butorina E.E., Malyashova A.Yu. Natselennost molodezhi na mirovye trendy podgotovki inzhenernykh kadrov [Focus of the youth on global trends in training engineers]. *Sbornik Inzhenernogo Obrazovaniya*. 2020; 28. (In Russ.).
11. Vandysh M.N., Veselkova N.V., Pryamikova E.V. *Industrialnaya pamyat: masshtaby i mnozhestvennost* [Industrial Memory: Scale and multiplicity]. Yekaterinburg; 2022. (In Russ.).
12. Varshavskaya E.Ya., Kotyrlo E.S. Vypuskniki inzhenerno-tehnicheskikh i ekonomicheskikh spetsialnostej: mezhdru sprosom i predlozheniem [Graduates of engineering and economic specialties: Between demand and supply]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2019; 2. (In Russ.).
13. *Vosproizvodstvo inzhenernykh kadrov: vyzovy novogo vremeni* [Reproduction of Engineering Staff: Challenges of the New Era]. Ed. by L.N. Bannikova. Yekaterinburg; 2015. (In Russ.).
14. Grechko P.K. Intellektualny import, ili o periferijnom postmodernizme [Intellectual import, or on peripheral postmodernism]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2000; 2. (In Russ.).
15. Galbraith J.K. *Novoe industrialnoe obshchestvo. Izbrannoe* [The New Industrial Society. Selected Works]. Moscow; 2008. (In Russ.).
16. Davydov D.A. Kontseptsiya postmaterializma Ronalda Ingleharta v kriticheskoj perspective [Ronald Inglehart's concept of post-materialism in the critical perspective]. *Nauchnyy Ezhegodnik Instituta Filosofii i Prava Uralskogo Otdeleniya RAN*. 2018; 18 (3). (In Russ.).

17. Didkovskaya Ya.V. *Transformatsiya sotsialnogo mekhanizma vzaimosvyazi professionalnogo samoopredeleniya i professionalnoi karyery v rossiiskom obshchestve* [Transformation of the Mechanism of Social Interrelation of Professional Self-Determination and Professional Career in the Russian Society]. Yekaterinburg; 2016. (In Russ.).
18. Elnikova G.A., Mikhaylovskaya Z.V. Tipologiya zhiznennykh strategiy molodezhi [Typology of the youth's life strategies]. *Kazansky Sotsialno-Gumanitarny Vestnik*. 2018; 2. (In Russ.).
19. Ivanova V.S. Obraz inzhenera budushchego glazami sovremennogo studenta [The image of engineer of the future in the perception of today's students]. *Sotsiologiya i Obshchestvo: Traditsii i Innovatsii v Sotsialnom Razviti Regionov*. Tyumen; 2020. (In Russ.).
20. Inozemtsev V. Paradoksy postindustrialnoi ekonomiki [Paradoxes of the post-industrial economy]. *Finansist*. 2000; 4. (In Russ.).
21. Klyucharev G.A. "Razryv" obrazovaniya i rynka truda: mneniya ekspertov [The "gap" between education and labor market: Expert opinions]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 11. (In Russ.).
22. Kogan L.N. *Molodoy rabochy: vchera, segodnya: Opyt istoriko-sotsiologicheskogo issledovaniya obraza zhizni molodykh rabochikh 30-h i 70-h godov. Na materialakh Urala*. [Young Worker: Yesterday, Today: A Historical-Sociological Study of the Lifestyle of Young Workers in the 1930s and 1970s, Based on Materials from the Urals]. Sverdlovsk; 1976. (In Russ.).
23. Konstantinovskiy D.L. Okno, raspakhnutoe Shubkinym: molodezh v obrazovanii i na rynke Truda [The window opened by Shubkin: The youth in education and labor market]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 8. (In Russ.).
24. Konstantinovskiy D.L., Popova E.A. Molodezh, rynek truda i ekspansiya vysshego obrazovaniya [Youth, labor market and expansion of the higher education]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 11. (In Russ.).
25. Kryshchanovskaya O.V. *Inzheneriy. Stanovlenie i razvitie professionalnoi gruppy* [Engineers. Formation and Development of the Professional Group]. Moscow; 1989. (In Russ.).
26. Kukulin I.V. Sentimentalnaya tekhnologiya: pamyat o 1960-h v diskussiyah o modernizatsii 2009–2010-h godov [Sentimental technology: Memory of the 1960s in the discussions about modernization of the 2009–2010s]. *Neprikosnovenny Zapas: Debaty o Politike i Kulture*. 2010; 6. (In Russ.).
27. Levitskaya I.A. Professionalny plan kak strukturny komponent samoopredeleniya lichnosti [Professional plan as a structural component of personal self-determination]. *Kontsept*. 2013; 1. (In Russ.).
28. Likhacheva T.L. "Ekonomika znaniy" i znaniya ekonomiki: retrospektivny analiz ["Knowledge economy" and knowledge of the economy: A retrospective analysis]. *Ekonomika i Sotsium: Sovremennye Modeli Razvitiya*. 2018; 8 (1). (In Russ.).
29. Mansurov V.A., Semenova A.V. Obraz sovremennogo rossiiskogo inzhenera: opyt kontent-analiza nauchnykh publikatsiy [The image of today's Russian engineer: Content analysis of scientific publications]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2022; 3. (In Russ.).
30. Morozov I.K. Teoreticheskie predposylki formirovaniya kontsepta "obshchestvo posttruda" [Theoretical prerequisites for the formation of the concept of "post-labor society"]. *Logos et Praxis*. 2021; 20 (4). (In Russ.).
31. *Obrazovanie v tsifrah: 2024* [Education in Figures: 2024]. Moscow; 2024. (In Russ.).
32. Pavlov B.S. K istorii empiricheskikh issledovaniy molodykh rabochikh na Urale [On the history of empirical studies of young workers in the Urals]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2023; 3. (In Russ.).
33. Pavlov B.S., Shatalova N.I., Malygin E.A. Tsennostnye orientatsii studentov tekhnicheskikh vuzov Urala (po rezul'tatam sotsiologicheskikh oprosov) [Value orientations of students of technical universities of the Urals (based on the results of sociological surveys)]. *Upravlenie Personalom i Intellektualnymi Resursami v Rossii*. 2015; 6. (In Russ.).

34. Toshchenko Zh.T. (Ed.). *Prekariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: Formation of a New Class]. Moscow; 2020. (In Russ.).
35. Pryamikova E.V., Shapko I.V. Issledovaniya tsennostnykh orientatsiy shkolnikov i studentov: metodologicheskie i metodicheskie voprosy [Research of value orientations of schoolchildren and students: Methodological and technical issues]. *Pedagogicheskoe Obrazovanie v Rossii*. 2019; 4. (In Russ.).
36. Sitnikova I.V. Professionalnye plany i strategii trudoustroistva sovremennykh studentov [Professional plans and employment strategies of today's students]. *Vestnik Permskogo Natsionalnogo Issledovatel'skogo Politekhnicheskogo Universiteta. Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki*. 2019; 4. (In Russ.).
37. Sobolev L.B. Problemy inzhenerenogo obrazovaniya v Rossii [Problems of engineering education in Russia]. *Ekonomicheskyy Analiz: Teoriya i Praktika*. 2018; 7. (In Russ.).
38. Sorokin A.V. Razvitie kontseptsii novogo industrialnogo obshchestva vtorogo pokoleniya i noonomiki [Development of the concept of the new industrial society of the second generation and noonomics]. *Ekonomicheskoe Vozrozhdenie Rossii*. 2020; 3. (In Russ.).
39. Vishnevsky Yu.R. (Ed.) *Student 1995–2016 gg.: dinamika sotsiokulturnogo razvitiya studenchestva Srednego Urala* [Student 1995–2016: Dynamics of Student Social-Cultural Development in the Middle Urals]. Yekaterinburg; 2017. (In Russ.).
40. Tikhonova N.E. Chelovechesky kapital professionalov i rukovoditeley: sostoyanie i dinamika [Human capital of professionals and managers: State and dynamics]. *Vestnik Instituta Sotsiologii*. 2017; 2. (In Russ.).
41. Yadov V.A. (Ed.). *Trudovye otnosheniya: sostoyanie i tendentsii razvitiya v Rossii* [Labor Relations: Current State and Development Trends in Russia]. Samara; 2013. (In Russ.).
42. Fishman L.G. *Postmodernistskaya lovushka: put'tuda i obratno* [Postmodern Trap: The Way There and Back]. Yekaterinburg; 2004. (In Russ.).
43. Foucault M. *Slova i veshchi: Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. Saint Petersburg; 1994. (In Russ.).
44. Shatalova N.I. Deformatsiya trudovogo povedeniya rabotnika [Deformation of the employee work behavior]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2000; 7. (In Russ.).
45. Sztompka P. *Sotsiologiya sotsialnykh izmeneniy* [The Sociology of Social Change]. Moscow; 1996. (In Russ.).
46. Shubkin V.N., Cherednichenko G.A. *Tsennostnye orientatsii v strukture professionalnogo samoopredeleniya starsheklassnikov* [Value Orientations in the Structure of Professional Self-Determination of High-School Students]. Moscow; 1994. (In Russ.).
47. Yadova M.A. Professionalnye plany i strategii postsovetskoy molodezhi [Professional plans and strategies of the post-Soviet youth]. *Obshchestvo i Gosudarstvo v Zerkale Sotsiologicheskikh Izmereniy*. Ryazan; 2018. (In Russ.).
48. Hines A. Getting ready for a post-work future. *Foresight and STI Governance*. 2019; 13 (1).
49. Perkin H. *The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World*. London; 1996.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-652-664

EDN: AYORAZ

Проектный подход в обучении: практика в вузах*

Ж.В. Пузанова, Е.Г. Кострикин

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; 1142220970@rudn.ru)

Аннотация. В статье рассмотрена технология проектного обучения, применяемая в современном высшем образовании: охарактеризован термин «проект», раскрыты аспекты проектной деятельности. Система образования, складывающаяся десятилетиями, опиралась на фундаментальные знания, обходя стороной их практическое применение. Окончание учебного заведения ставило перед выпускниками непростую задачу применению полученных знаний при отсутствии практических навыков. Внедрение в образовательный процесс технологий проектной деятельности решает эту проблему через повышение практико-ориентированности обучающихся. Опыт применения проектных технологий в системе высшего образования показывает заинтересованность университетов и представителей предприятий и организаций в совместной деятельности в рамках подготовки будущих специалистов. Запросы работодателей позволяют вузам готовить специалистов под конкретные задачи, что дает экономике возможность наращивать свой потенциал. Выпускная квалификационная работа как результат получения образования переходит от теоретической базы к практическому использованию. Создавая основу для проектной деятельности, вузы применяют сквозное проектное обучение — оно позволяет вести подготовку к защите выпускной работы через написание курсовых работ. Технология проектного обучения упоминается во многих исследованиях в качестве самостоятельного метода и активно реализуется в вузах технической направленности, где конечный результат готов к применению. Другие направления обучения могут использовать проектные технологии для реализации стартапов, применяя изученные теоретические подходы и механизмы на практике. Будучи частью учебного процесса, проект ставит перед студентами реальные задачи — образовательная методика воспринимается через призму проектных целей, реализуемых в рамках выполнения действий. В статье приводится пример использования проектного обучения при подготовке социологов в РУДН.

Ключевые слова: высшее образование; проектное обучение; метод проектов; мотивация; практика; сквозное обучение; проектная деятельность

Для цитирования: Пузанова Ж.В., Кострикин Е.Г. Проектный подход в обучении: практика в вузах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 652–664. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-652-664>

*© Пузанова Ж.В., Кострикин Е.Г., 2025

Статья поступила в редакцию 10.02.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Проектное обучение, или метод проектов, базируется на принципах «прагматической педагогики» Дж. Дьюи [15]. В основе его концепции лежало учение о ценности полезного, что дает людям практический результат и способствует развитию общества. Дьюи полагал необходимым поставить перед обучающимся проблему, а затем студент сам должен был вести познавательную и проектную деятельность для получения новых знаний. Образовательная система США стала одной из первых, где проектная деятельность обучающихся стала использоваться в разных вариантах: разрабатываются комплексные экологические программы, внедряются инновационные технологии, устанавливаются связи между образовательным процессом и рынком труда [21].

Понятие «проект» раскрывает смысл проектного обучения — это комплекс мероприятий, которые позволяют достичь поставленных целей за определенный период времени. Реализация проекта подразумевает использование определенных технологий, которые включают в себя методы, формы или условия. Проектная деятельность сосредоточена на выполнении профессиональной работы с помощью проектирования — определяя цели, задачи, предмет и объект исследования, а зачастую и гипотезу. Кроме того, проектная деятельность имеет социальные эффекты, которые отражаются на отдельных людях или обществе в целом.

Ошибочно утверждать, что метод проектов — новая форма организации учебного процесса. В XX веке проектная деятельность использовалась исключительно в технологических процессах на предприятиях, минуя образовательный сектор по причине отсутствия преподавателей, способных внедрить соответствующие методики преподавания. При этом система коллективных зачетов в прошлом веке [13] напоминает современную технологию сквозного проектного обучения. Сегодня цифровая среда дает возможность соединить человеческий труд с машинным, новые технологии — с ресурсами человека, благодаря цифровым технологиям реализуются инновационные идеи, которые еще несколько лет назад существовали только в теории. На первый план выходит работа с информацией как самым ценным ресурсом.

Следует отметить, что проектное обучение начинается не с первого курса университета, а со школы — когда учащиеся разрабатывают проекты по физике и информатике, проводят эксперименты и ставят опыты, что позволяет им развивать теоретические знания и критическое мышление, подкрепляя их практическими задачами и формируя трудовые навыки. С точки зрения обучающегося проект выполняет образовательную функцию, способствуя накоплению навыков, получению новых знаний и развитию личности.

Смещение вектора образования в сторону активного внедрения практической составляющей через взаимодействие вузов с работодателями поро-

дает вовлеченность обучающихся в результативный механизм решения проблем. Создание реальных ситуаций, проецирование приближенных к жизни примеров помогает студентам уже на ранних стадиях обучения в вузе получить представление о самостоятельной работе, формируя индивидуальный подход к решению поставленных задач. Проектный метод изменяет внешний облик учебной деятельности: современные студенты мотивированы на проектную деятельность прикладного характера, проявляя социальную активность, самостоятельность, организованность и формируя необходимые для будущего карьерного и профессионального роста компетенции [14].

Чтобы получить социальный эффект от группового проектного обучения в вузе, необходима взаимосвязь всех его элементов: обучающихся, преподавателей, администрации вуза и работодателей [12]. Технология проектного обучения перемодулирует знания и навыки, создавая основу для профессиональной социализации [11]. Так, инвариантно использовать информационные технологии — одно из важных требований к выпускникам вузов. Профессиональная среда имеет свойство быстро меняться, что требуется и от будущих специалистов на рынке труда. Роль обучающегося деформируется: из обычного слушателя, получающего блоки теоретических знаний, он становится активным участником обучения. Оценивается проект через призму защиты или не защиты, но незащищенный проект также оказывает положительный эффект — через подготовку презентации, объекта, схемы, механизма.

В научной литературе по профессиональной педагогике используется термин «сквозное обучение» — выход обучающегося на написание курсовой работы с последующим переходом к дипломному проектированию. Здесь проектное обучение выступает как один из элементов учебного процесса, а сквозное проектирование — как передача результатов от одного этапа к другому (подразумевается выполнение взаимосвязанных проектов — курсового, дипломного).

Практика применения проектного метода в образовательных системах разных стран позволяет провести сравнительный анализ подходов к реализации проектных технологий. Так, проектная деятельность в США направлена и на реализацию социальной деятельности (например, работа над проектами в статусе фрилансеров). Активно внедряются групповые междисциплинарные проекты (Cross Departmental Collaboration) на кафедрах и факультетах [16]. Преимущество такой работы — возможность прийти к решению задачи через разные точки зрения, нестандартные подходы, объединяя опыт из разных областей деятельности. Опыт европейских стран, например Франции, говорит об активном применении проектных технологий в образовании с 1985 года в результате понимания существенного отличия запросов рынка труда от компетенций будущих специалистов (не соответствовали требованиям работодателей) [19] — французская образовательная система

подстроилась под запросы работодателей, связав проектное обучение с потребностями рынка.

Образовательная система Китая перешла на проектную деятельность относительно недавно. В то время как Америка и Европа активно осваивали технологии проектной деятельности в вузах и в колледжах, Китай поставил экологическую и интеграционную задачу в основу проектной деятельности студентов [18]. В первом случае речь идет о создании благоприятной окружающей среды как условия устойчивого развития и баланса между интересами человека и общества. Интеграционная составляющая предусматривает изучение китайскими студентами английского языка, чтобы обеспечить более эффективное взаимодействие экономики страны с международными рынками [3]. Сегодня от 10 до 25 млн китайцев владеют английским языком, что в объемах Китая небольшая цифра, но наблюдается постоянный рост данного показателя [20].

Опыт применения проектных технологий в США, России, Франции и Китае показывает, что, несмотря на культурные и социально-экономические отличия, метод проектов в образовании нашел повсеместное признание — как перспективный в плане высоких практических результатов в трудовой деятельности. Например, в Государственном университете управления цель проектного обучения — интеграция знаний и навыков практической работы исходя из конкретных задач. Проектное обучение помогает формировать навыки командной работы, группового взаимодействия с помощью современных компьютерных технологий, т.е. происходит профессиональная социализация, формируется социально-ответственное поведение, проектная культура, мотивация к обучению, конкурентоспособность на рынке труда [6]. На базе ГУУ реализуются исследовательские и практико-ориентированные проекты (проектное решение, бизнес-план, программное решение и т.д.) разной длительности: краткосрочным считается проект, который реализуется в рамках трех-четырех семестров, долгосрочный проект превышает четыре семестра. При необходимости проект может разрабатываться на протяжении всего обучения, тогда она называется сквозным. В проектной группе участвуют от 2 до 9 человек, что развивает навыки совместной работы. Приветствуется конкуренция, если один и тот же проект делают несколько команд одновременно. Результаты проектной деятельности могут быть представлены на выставках, конференциях, семинарах, защите выпускных.

РЭУ им. Г.В. Плеханова реализует проектное обучение для самостоятельного получения студентами знаний и навыков практической работы [7] в ходе усвоения учебного материала. Проектный подход создает условия для индивидуализации учебного процесса, повышая мотивацию и конкуренцию. Проекты выполняются в рамках модулей, курсовых и выпускных квалификационных работ, практики и научно-исследовательской

работы. Проект учитывает специфику деятельности, поэтому возможны научно-исследовательские, технологические, социальные и выпускные работы в форме стартапов. Демонстрация проектов проводится в формате участия в научно-исследовательских проектах университета или сторонних организаций и написания статей. Прикладные проекты дают на выходе продукт, который используется при решении практических задач сторонних организаций. Социальные проекты решают социальные задачи (волонтерство). Наиболее интересна реализация стартапов в формате выпускной квалификационной работы, что показывает уровень подготовки выпускников к индивидуальной профессиональной деятельности и сформированности необходимых компетенций. На защите проектов результаты учитываются как баллы по предмету, зачет курсовой работы, учебной, производственной или преддипломной практики, научно-исследовательской работы.

Проектное обучение в Тамбовском государственном техническом университете ориентировано на повышение качества подготовки выпускников [8] посредством усиления практической ориентированности обучения: формируется системное и критическое мышление применительно к решению конкретных задач, развивается творческое мышление, повышается инициативность и самостоятельность обучающихся. Основные аспекты проектной деятельности — системность, командная работа, комплексное сотрудничество с внешней средой, индивидуализация образовательной траектории, продуктовая логика. Основные типы проектов — научно-исследовательский, опытный, технологический, инфраструктурный, предпринимательский и инновационный. Как правило, предполагается выбор инновационных проектов как сочетания исследования, предпринимательства, дизайна и инженерии. Проекты выполняются в течение одного учебного года проектной командой под контролем наставника или куратора. Участие в проектах дает возможность отражения в резюме опыта проектной деятельности, что важно для будущих работодателей.

Юго-Западный государственный университет [9] считает проектные компетенции одной из важнейших целей обучения и элементов студенческого портфолио личных и профессиональных достижений. В университете выполняются прикладные и сервисные, моно- и междисциплинарные проекты в таких формах, как хакатоны, стартапы, кейс-чемпионаты, профессиональные стажировки, внешние проекты (заказчиков), проекты кафедр и т.е. с возможностью получить зачет по курсовой или по практике.

Проектное обучение в Уфимском государственном нефтяном техническом университете развивает компетенции, которые закреплены, помимо ФГОС ВО, в таких федеральных проектах, как «Цифровая экономика», «Цифровые технологии», «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная безопасность», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Цифровое государственное управле-

ние». Проекты соответствуют актуальным вызовам современности, что требует проектирования конкретного продукта, оригинальности и самостоятельности проекта, включенности его участников в профессиональное сообщество [10]. Проектное обучение сосредоточено в модуле «Проектная деятельность», проектной практике и выполнении выпускной квалификационной работы в проектной форме. Среди типов проектов наиболее интересны социокультурный и образовательный: цель первого — получение обучающимися навыков социокультурного проектирования, анализа конкретных ситуаций; цель второго — развитие инновационных педагогических технологий (результат — виртуальные тренажеры, сборники кейс-заданий и пр.).

Особенность проектной работы — постановка задач в рамках дискуссии с подготовкой ответов на определенное количество вопросов. Преподаватель, применяя метод проектов, выступает в качестве наставника, коллеги и партнера, чей совет может направить в нужную сторону. Сомневаясь, экспериментируя, пробуя вместе решить задачу, преподаватель позволяет студенту проявить себя, не действовать шаблонно. Однако подготовка преподавателей зачастую не отвечает запросам проектного обучения — отсутствуют междисциплинарные знания, не каждый преподаватель готов к освоению нескольких направлений [16]. Однако современные цифровые технологии позволяют координировать деятельность студентов посредством командной работы преподавателей, которые изучают новые для себя специализации.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы активно использует проектное обучение. Например, на кафедре социологии такие технологии применяются более 15 лет в рамках «Практикума по Методологии и методам социологических исследований», который включен в учебный план со второго курса обучения для закрепления и отработки навыков проведения эмпирического социологического исследования различными методами [5]. В ходе полутора лет изучения предмета «Методология и методы социологических исследований» студенты параллельно участвуют в проектной деятельности: проблематизация темы и ее актуальность; цель и задачи; системный анализ предмета исследования; выбор методов; построение выборки; полевой этап с конца весеннего семестра до начала осеннего семестра; обработка и анализ данных; подготовка отчета и презентации; открытая защита группового проекта с презентацией.

Структура практикума существенно отличается от стандартных занятий — это не семинар, где студенты ждут от преподавателя директивных указаний, а самостоятельная групповая работа, в ходе которой студенты могут обратиться за помощью к преподавателю. Смысл кейсового подхода состоит в том, что студентам дается тема для проработки в полном цикле эмпирического исследования с фиксированием каждого

шага. Выбор темы зависит от многих параметров: это могут быть темы, предложенные структурными подразделениями университета (институтами, службами ректора и проректоров, внешний заказ, инициативные темы студентов или руководителей проектов, часть исследовательских проектов грантов). Всегда существует «заказчик», перед которым необходимо отчитаться, поэтому большая ответственность лежит на руководителе проекта, который должен оценить сложность «заказа» и способность учебной группы его «потянуть» и представить в должном виде. Причем процесс работы над проектом не линейен — постоянно происходит возвращение к предыдущим этапам, неоднократные итерации, хотя структурно практикум делится на три больших этапа: программная часть; поле; аналитический этап.

Проектный практикум в РУДН показывает, как меняются студенты: при получении задания на первом этапе они еще не знают базовых аспектов проведения исследования, а на защите проекта перед комиссией, в которую входят как преподаватели-руководители проектных групп, так и представители заказчика и руководители университета и факультета, обучающиеся показывают свои *hard skills* (как социологи, аналитики) и *soft skills* (умение работать в команде).

В проектах применяют разные педагогические приемы, которые крайне сложно использовать в других формах обучения. Так, каждая учебная группа делится на 2–3 исследовательские группы численностью не более 10 человек. Это крайне важно для реализации проекта и организации командной работы, потому что иначе нельзя будет оценить вклад каждого, могут возникнуть сложности социально-психологического характера, в первую очередь эффект «социальной лени» — ощущение, что в группе кто-то работает лучше, значит на них можно положиться. С другой стороны, реализуется «эффект синергии» — студенты помогают друг другу в достижении целей. Преподавателю важно донести до студентов, что проект — это их работа, он не является частью команды, а только координирует деятельность студентов. Авторитарный стиль здесь не подходит — оптимален демократический.

Решение исследовательских кейсов не подразумевает сквозное проектирование — когда темы практикума переходят в курсовые или дипломные работы, но можно использовать инструменты, применяемые в проектной деятельности. Студенты могут принимать участие в конкурсах по тематике выполненных работ, например, конкурсе РУДН «Проектный старт» или конкурсе ВЦИОМ «Студент года».

Тематика кейс-задач, решаемых в рамках практикума, разнообразна. Чаще всего они прикладные и продиктованы запросами общества или окружающей реальностью: межнациональные отношения в РУДН; портрет московского студента; восприятие итогов Великой Отечественной войны;

изменение личностной идентичности студента младших курсов; развитие искусственного интеллекта и представлений о нем в общественном сознании; трансформация ценностей в России и европейских странах.

Для подведения итогов проекта применяется метод анонимного самооценивания группы — каждый студент оценивает себя и коллег, что позволяет сбалансировать оценить действия группы и вклад каждого. Сначала на протяжении двух недель студенты знакомятся с правилами и задачами проектной деятельности. Далее происходит психологическое «присвоение» темы, появляется интерес к результату, приходит осознание важности происходящего. Практикум позволяет реализовать теоретические знания в процессе проектной деятельности, поставив цель, подобрав методы и решив конкретную задачу с распределением полномочий. Соответственно, отсутствие практикума в образовательном процессе может негативно сказаться на готовности студента к работе в сфере прикладных социологических исследований. Поэтому практикум занимает центральное место в образовательном процессе кафедры социологии — является обязательным предметом, входящим не в вариативную часть образовательной программы, а в обязательную. В рамках проектной деятельности происходит профессионализация студентов — получение необходимых навыков профессиональной деятельности, в том числе навыка командной проектной работы. Современные студенты склонны к индивидуализации деятельности, что мешает, когда необходимо выстраивать рабочие отношения в коллективе, отвечать не только за себя, но и за других. Проектная деятельность раскрывает и тематические склонности студентов: в вакансиях организаций нет деления на качественников и количественников, но в некоторых компаниях созданы специальные отделы, что позволяет студентам выбрать подходящую роль (проведение интервью, работа с базами данных, математические методы или подготовка отчета).

Следует также отметить, что практикум логически, содержательно и компетентностно привязан к курсу «Методология и методы социологических исследований» и практикам, но не заменяет их. Так, первая практика социологов проходит в начале весеннего семестра на втором курсе, когда студенты уже прослушали семестр курса. На первой учебной практике они знакомятся с навыками полевой работы в ведущих социологических центрах и институтах, а также на базе Лаборатории социологических и фокус-групповых исследований РУДН. Вторая практика проходит в начале осеннего семестра третьего курса — студенты закрепляют навыки полевой работы и приступают к освоению аналитической. Для некоторых групп это завершение полевого этапа, так как каждая группа работает в своем темпе. Таким образом, практикум выступает как системообразующий элемент образовательного процесса в подготовке социологов.

В проектном обучении в высших учебных заведениях можно увидеть определенную закономерность — это использование проектных форм преимущественно в учреждениях технического профиля. Это не говорит о возможности применения технологий проектного обучения только в технических вузах — скорее об интересе образовательных организаций к проектному методу. С одной стороны, технические вузы имеют ряд преимуществ при использовании проектных технологий в системе обучения: разрабатывая тот или иной проект, технический вуз имеет множество инструментов для его реализации (итоговый вариант проекта проще материализовать и применить в той среде, для которой он разрабатывается). С другой стороны, делать однозначные выводы о превосходстве технических вузов не стоит, так как применение проектного метода зависит от условий реализации, и принципиальное значение имеет роль преподавателя.

Общие положительные результаты проектной деятельности независимо от вуза таковы: повышение качества образования, мотивации обучающихся и их образовательных показателей; развитие навыков, применяемых в профессиональной деятельности (компетенции, сотрудничество, работа в команде); сближение условий обучения и труда (создание рабочей среды, приближенной к реальности, помогает обучающимся в будущей адаптации на рабочем месте) [4]. Выполняя проект, обучающиеся заочно готовят себя к защите выпускных квалификационных работ, где необходимо применять полученные знания и навыки. Коллективная выпускная работа как результат проектной деятельности — перспективное направление в обучении. Одной из инновационной форм проектной работы при защите выпускных работ выступает разработка стартапов [17], причем их внедрение в рамках предпринимательской деятельности стимулирует развитие как проектной и инновационной деятельности в учебном заведении, так и экономики страны в целом [1]. Практико-ориентированность при разработке стартапов позволяет отойти от привычных форм получения фундаментальных знаний, развить навыки инновационной деятельности и творческие способности обучающихся. Выполнение выпускных работ может быть и заказным — когда работодатель формирует запрос на создание конкретного проекта, и, тем самым, формируются новые механизмы взаимодействия вузов и профильных организаций для трудоустройства [2].

Библиографический список

1. Аветисян В.Р., Грабоздин Ю.П., Семенов А.А. Технология использования стартапа в профессиональной подготовке студентов педагогического университета // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. № 83.

2. Емельянова Н.А., Илова Е.В., Савельева У.А. Магистерские проектные выпускные работы как результат формирования универсальных и профессиональных компетенций // Педагогические исследования. 2023. № 2.
3. Казун А.П., Пастухова Л.С. Практики применения проектного метода обучения: опыт разных стран // Образование и наука. 2018. № 2.
4. Муллер О.Ю., Щербина Н.Ю. Применение проектного метода в организации учебного процесса студентов по профилю «Технологическое образование» // Ценности и смыслы. 2020. № 5.
5. Пузанова Ж.В., Троцук И.В., Витковская М.И. Практикум по курсу «Методология и методика социологических исследований». М., 2009.
6. Положение о проектном обучении в ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» // URL: <https://guu.ru/sveden/document/pr137i2>.
7. Положение об организации проектного обучения в ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» // URL: <https://www.rea.ru/~file/72042/Положение+об+организации+проектного+обучения.pdf>.
8. Положение о проектной деятельности обучающихся по основным профессиональным образовательным программам высшего образования в Тамбовском государственном техническом университете // URL: <https://tstu.ru/general/docum/pdf/vysobr/02.45-3.pdf>.
9. Положение о порядке организации проектного обучения при освоении основных профессиональных образовательных программ высшего образования — программ бакалавриата, программ специалитета, программ магистратуры // URL: https://swsu.ru/omk/normative_documents_cm/П%2002.168-2019_1.0_.pdf.
10. Положение о применении проектного обучения при реализации образовательных программ высшего образования в ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет» // URL: https://ugntu.ru/files/УНИВЕРСИТЕТ/DOCUMENTS_USPTU/Положение%20о%20применении%20проектного%20обучения.pdf?5ec423ee4e.
11. Скрыльникова И.Е., Махринова М.В. Сущностно-смысловые параметры проектного обучения в вузе // Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 3.
12. Суетина Н.М., Шефрукова С.Т. Групповое проектное обучение в вузе: социальный эффект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2020. № 3.
13. Тугузбаева А.Р. Технологии проектного обучения // Теория и практика современной науки. 2017. № 1.
14. Турлаков Д.Г. Социологический аспект управления проектной деятельностью в образовательных системах // Казанский педагогический журнал. 2022. № 1.
15. Хуссейн П.Х., Лапишин И.Е. Принципы обучения в философии Джона Дьюи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 2–2.
16. Шорина Т.В. Перспективы проектного обучения в вузе в цифровую эпоху // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2.
17. Шуванов И.Б., Шуванова В.П., Круглова М.С., Круглова Л.Э. Исследование готовности обучающихся к разработке выпускной квалификационной работы в виде стартапа // Гуманизация образования. 2022. № 4.
18. Du X., Su L., Liu J. Developing sustainability curricula using the PBL method in a Chinese context // Journal of Cleaner Production. 2013. Vol. 61.
19. Ginestié J. The industrial project method in French industry and in French schools // International Journal of Technology and Design Education. 2002. Vol. 12. No. 2.
20. Ploscaru D. How many people in China speak English? // URL: <https://www.thehistoryofenglish.com/how-many-people-in-china-speak-english>.
21. Ye C., Van Os J., Chapman D., Jacobson D. An online project-based competency education approach to marketing education // Journal of Marketing Education. 2017. Vol. 39. No. 3.

Project-based approach in teaching: University practice*

Zh.V. Puzanova, E.G. Kostrikin

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; 1142220970@rudn.ru)

Abstract. The article considers the technology of project-based learning applied in the higher education system. For decades, this system has developed on the basis of fundamental knowledge rather than its practical application. Graduation from an educational institution posed a difficult task to apply the knowledge gained in the absence of practical skills, and the introduction of project technologies into the educational process solves this problem. The experience of applying project technologies in the higher education system shows the interest of universities and representatives of enterprises and organizations in joint activities for training future specialists. Employers' requests allow universities to train specialists for specific tasks, which gives the economy an opportunity to increase its potential. Thus, the final qualifying work as a result of learning moves from a theoretical base to practical use. By creating a basis for project activity, universities use end-to-end project-based learning, which allows to prepare the final work through writing term papers. Project-based learning is mentioned in many studies as an independent method and is actively implemented in technical universities. Other areas of study can use project-based technologies for startups, applying theoretical approaches and mechanisms. Being part of training, the project sets real tasks for students: educational methodology is perceived through project goals achieved with a set of actions. The article provides an example of the project-based learning model in training sociologists at the RUDN University.

Key words: higher education; project-based learning; project method; motivation; practice; end-to-end learning; project activity

For citation: Puzanova Zh.V., Kostrikin E.G. Project-based approach in teaching: University practice. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 652–664. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-652-664>

References

1. Avetisyan V.R., Grabozdin Yu.P., Semenov A.A. Tekhnologiya ispolzovaniya startapa v professionalnoy podgotovke studentov pedagogicheskogo universiteta [Technology of using a startup in professional training of students at the pedagogical university]. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra RAN. Sotsialnye, Gumanitarnye, Mediko-Biologicheskie Nauki*. 2022; 83. (In Russ.).
2. Emelyanova N.A., Ilova E.V., Savelyeva U.A. Masterskie proektnye vypuskiye raboty kak rezultat formirovaniya universalnyh i professionalnyh kompetentsiy [Master's project-based final theses as a result of the formation of universal and professional competencies]. *Pedagogicheskie Issledovaniya*. 2023; 2. (In Russ.).

*© Zh.V. Puzanova, E.G. Kostrikin, 2025

The article was submitted on 10.02.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

3. Kazun A.P., Pastukhova L.S. Praktiki primeneniya proektnogo metoda obucheniya: opyt raznykh stran [Practices of applying the project-based teaching method in different countries]. *Obrazovanie i Nauka*. 2018; 2. (In Russ.).
4. Muller O.Yu., Shcherbina N.Yu. Primenenie proektnogo metoda v organizatsii uchebnogo protsessa studentov po profilu “Tekhnologicheskoe obrazovanie” [Application of the project method in training students of “Technological Education”. *Tsenosti i Smysly*. 2020; 5. (In Russ.).
5. Puzanova Zh.V., Trotsuk I.V., Vitkovskaya M.I. *Praktikum po kursu “Metodologiya i metodika sotsiologicheskikh issledovaniy”* [Workshop on Methodology and Methods of Sociological Research]. Moscow; 2009. (In Russ.).
6. Polozhenie o proektnom obuchenii v FGBOU VO “Gosudarstvennyy universitet upravleniya” [Regulation on project-based learning at the State University of Management]. URL: <https://guu.ru/sveden/document/pr137i2>. (In Russ.).
7. Polozhenie ob organizatsii proektnogo obucheniya v FGBOU VO “Rossiyskiy ekonomicheskiy universitet imeni G.V. Plekhanova” [Regulation on the organization of project-based learning at the Plekhanov Russian University of Economics]. URL: <https://www.rea.ru/~file/72042/Polozheniye+ob+organizatsii+proyektnogo+obucheniya.pdf>. (In Russ.).
8. Polozhenie o proektnoy deyatelnosti obuchayushchikhsya po osnovnym professionalnym obrazovatelnykh programmam vysshego obrazovaniya v Tambovskom gosudarstvennom tekhnicheskoy universitete [Regulation on project activities in the main professional educational programs at the Tambov State Technical University]. URL: <https://tstu.ru/general/docum/pdf/vysobr/02.45-3.pdf>. (In Russ.).
9. Polozhenie o poryadke organizatsii proektnogo obucheniya pri osvoenii osnovnykh professionalnykh obrazovatelnykh programm vysshego obrazovaniya — programm bakalavriata, programm spetsialiteta, programm magistratury [Regulation on project-based learning in the main professional educational programs — bachelor’s, specialist and master’s]. URL: https://swsu.ru/omk/normative_documents_cm/P%2002.168-2019_1.0_.pdf. (In Russ.).
10. Polozhenie o primenении proektnogo obucheniya pri realizatsii obrazovatelnykh programm vysshego obrazovaniya v FGBOU VO “Ufimskiy gosudarstvennyy neftyanoy tekhnicheskoy universitet” [Regulation on project-based learning in the higher education programs at the Ufa State Oil Technological University]. URL: https://ugntu.ru/files/UNIVERSITET/DOCUMENTS_USPTU/Polozheniye%20o%20primeneni%20proyektnogo%20obucheniya.pdf?5ec423ec4e. (In Russ.).
11. Skrylnikova I.E., Makhirnova M.V. Sushchnostno-smyslovye parametry proektnogo obucheniya v vuze [Essential parameters of project-based learning at the university]. *Gumanitarnye i Sotsialnye Nauki*. 2022; 3. (In Russ.).
12. Suetina N.M., Shefrukova S.T. Gruppovoe proektnoe obuchenie v vuze: sotsialnyy effect [Group project-based learning at the university: A social effect]. *Vestnik Maykovskogo Gosudarstvennogo Tekhnologicheskogo Universiteta*. 2020; 3. (In Russ.).
13. Tuguzbaeva A.R. Tekhnologii proektnogo obucheniya [Project-based learning technologies]. *Teoriya i Praktika Sovremennoy Nauki*. 2017; 1. (In Russ.).
14. Turlakov D.G. Sotsiologicheskoy aspekt upravleniya proektnoy deyatelnosti v obrazovatelnykh sistemakh [A sociological aspect of project activity management in educational systems]. *Kazanskiy Pedagogicheskiy Zhurnal*. 2022; 1. (In Russ.).
15. Khusseyin P.Kh., Lapshin I.E. Printsipy obucheniya v filosofii Johna Dewey [Principles of learning in philosophy of John Dewey]. *Mezhdunarodny Zhurnal Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk*. 2024; 2–2. (In Russ.).
16. Shorina T.V. Perspektivy proektnogo obucheniya v vuze v tsifrovuyu epokhu [Prospects for project-based learning at the university in the digital age]. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*. 2024; 2. (In Russ.).

17. Shuvanov I.B., Shuvanova V.P., Kruglova M.S., Kruglova L.E. Issledovanie gotovnosti obuchayushchikhsya k razrabotke vypusknoy kvalifikatsionnoy raboty v vide startapa [A study of students' readiness to present a final qualification work as of a startup]. *Gumanizatsiya Obrazovaniya*. 2022; 4. (In Russ.).
18. Du X., Su L., Liu J. Developing sustainability curricula using the PBL method in a Chinese context. *Journal of Cleaner Production*. 2013; 61.
19. Ginestíé J. The industrial project method in French industry and in French schools. *International Journal of Technology and Design Education*. 2002; 12 (2).
20. Ploscaru D. How many people in China speak English? URL: <https://www.thehistoryofenglish.com/how-many-people-in-china-speak-english>.
21. Ye C., Van Os J., Chapman D., Jacobson D. An online project-based competency education approach to marketing education. *Journal of Marketing Education*. 2017; 39 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-665-680

EDN: AXTHYY

Перспективы реинтеграции вахтовиков в рынок труда региона постоянного проживания (на примере Республики Мордовия)*

Н.П. Касаткина^{1,2}, С.В. Полутин², Н.В. Шумкова²

¹Научный центр социально-экономического мониторинга,
ул. Б. Хмельницкого, 39а, Саранск, Республика Мордовия, 430005, Россия

²Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева,
Большевистская ул., 68/1, Саранск, Республика Мордовия, 430005, Россия

(e-mail: kasatkina-rr1@mail.ru; niiregion@mail.ru; polutin.sergei@yandex.ru)

Аннотация. Вахтовая занятость рассмотрена в статье на примере возвратных трудовых мигрантов региона Поволжья. Цель исследования — оценить перспективы реинтеграции работников, занятых вахтовым методом, в рынок труда региона постоянного проживания. Исследование сочетало количественный и качественный подходы. Был проведен онлайн-опрос (N=434) жителей Мордовии, работающих вахтовым методом (преимущественно в Москве и Московской области — 79 %); анкетирование охватило ключевые параметры занятости, доходы и миграционные установки. Также с 24 вахтовиками (19 мужчин и 5 женщин 22–60 лет) были проведены полуформализованные интервью о субъективных факторах трудовой мобильности и возможностях возвращения. Были выявлены ключевые препятствия для возвращения вахтовиков: значительная разница в оплате труда (средний заработок вахтовиков в два раза выше регионального); устоявшиеся практики отходничества как социальная норма; психологическая адаптация к специфическому графику работы («ловушка свободного времени»). Большинство респондентов (82 %) удовлетворены текущей занятостью — стабильным доходом (74 %) и гибким графиком (50 %), поэтому лишь 15 % рассматривают возможность возвращения, преимущественно в связи с возрастом или семейными обстоятельствами, т.е. очевидны ограничения для масштабной реинтеграции вахтовиков в рынок труда региона постоянного проживания. Вахтовая занятость остается рациональной стратегией адаптации к региональным диспропорциям рынка труда, и традиционные меры стимулирования возвращения (создание рабочих мест) недостаточны без учета трудовых ожиданий вахтовиков. Региону следует сосредоточиться на скрытых экономических выгодах вахтовой занятости: денежные переводы, поддержка локального бизнеса в связи с формируемым вахтовиками потребительским спросом, долгосрочные инвестиции в человеческий капитал региона и т.д.

Ключевые слова: вахтовая занятость; отходничество; трудовая миграция; межрегиональная мобильность; региональный рынок труда; человеческий капитал

*© Касаткина Н.П., Полутин С.В., Шумкова Н.В., 2025

Статья поступила в редакцию 07.04.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Для цитирования: Касаткина, Н.П., Полутин С.В., Шумкова Н.В. Перспективы реинтеграции вахтовиков в рынок труда региона постоянного проживания (на примере Республики Мордовия) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 665–680. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-665-680>

Вахтовая занятость (неоотходничество [4], новое отходничество или возвратная краткосрочная регулярная миграция [18]) получила в России широкое распространение с начала 2000-х годов [14]. Второе рождение отходничества связано с «отсутствием рынка труда в малых городах» и особенностями российской жилищной системы с неразвитым рынком арендного жилья и ипотеки [17]. По сей день отходники (вахтовики) формируют масштабный поток трудовых ресурсов, циркулирующий между регионами. Главным фактором, стимулирующим этот процесс, выступает межрегиональная дифференциация оплаты труда за одинаковую по характеру и трудоемкости работу [5]. «Перераспределение денежных потоков между более и менее богатыми регионами» [15. С. 113] — один из положительных эффектов вахтовой занятости. В то же время перераспределение работников между региональными рынками труда в условиях возрастающей потребности в кадрах «обостряет вопросы, связанные с перетоками рабочей силы на российском и региональных рынках труда» [6. С. 167].

С точки зрения регионов-доноров преимущества вахтовой занятости постоянного населения, связанные с ростом доходов и потребительских возможностей домохозяйств, нивелируются дефицитом квалифицированных и опытных работников. В ряде российских регионов доля трудоспособного населения, занятого за их пределами, достигает 20 % (1). Поэтому регионы-доноры предпринимают административные попытки вернуть занятых вахтовым методом на свой рынок труда (2). Возникает вопрос: насколько оправданы ожидания от реализации предусмотренных мер и следует ли рассчитывать на решение кадровых проблем путем привлечения вахтовых работников. Ответить на этот вопрос позволяет анализ факторов притяжения рабочей силы в регионы-реципиенты и факторов ее выталкивания из регионов-доноров. Исследование направлено на расширение представлений о перспективах реинтеграции работников, временно оторванных от рынка труда территории постоянного проживания вследствие вахтовой занятости.

Понятие вахтовой занятости пересекается с понятием миграции. В зарубежной литературе используется целый ряд понятий, обозначающих занятость, требующую регулярных перемещений на работу далеко за пределы постоянного места проживания: например, «*long-distance commuting*» подразумевает занятость на таком расстоянии от дома, которое не позволяет работнику вернуться домой после рабочей смены [26]; схожие понятия — FIFO (*fly-in/fly-out*) или DIDO (*drive-in/drive-out*) — работа на дальние расстоя-

ния [30] и «*intermittent husband absence*» (периодическое отсутствие мужа) т.д. [31]. В отечественной литературе встречаются понятия «внутренняя временная трудовая мобильность», «маятниковая миграция на дальние расстояния», «временная внешняя трудовая мобильность» и др. Поскольку вахтовая занятость может рассматриваться как частный случай трудовой миграции, причины и механизмы ее распространения могут быть исследованы в контексте концепций миграции.

Теории миграции, в том числе трудовой, дают ответ на вопрос, почему люди ищут работу в других регионах. Так, законы Э.Г. Равенштейна [28] указывают на приоритетную роль экономических факторов в принятии решения о миграции; концепция притягивающих и выталкивающих факторов Э. Ли [22] подчеркивает социально-статусную обусловленность причин перемещений; теория миграционных сетей Д. Массея [10] раскрывает роль родственных, этнических, дружеских и прочих связей в адаптации мигрантов; теория О. Старка сосредоточена не только на причинах миграции, но и на факторах возвращения (роль семьи, территориальные различия в возможности использования полученных доходов [29]). Способы реинтеграции в локальные рынки труда, а также стимулирование возвращения трудовых мигрантов менее изучены. Как правило, эти вопросы рассматриваются в контексте конкуренции регионов за человеческий капитал: «репатриация» трудовых мигрантов имеет существенный экономический и социокультурный эффект — они возвращаются с новым опытом и знаниями, инвестируют в экономический рост, влияют на культурные и институциональные изменения. Например, в начале 1990-х годов трудовые мигранты, вернувшиеся на малую родину, оказали значительное воздействие на развитие периферийных сельских районов Китая [23]. Исследования показывают преимущественно неэкономическую природу решения о возвращении: например, согласно концепции жизненного цикла решение о трудовой мобильности связано с переходами между стадиями жизненного цикла (создание семьи, выход на пенсию и т.д.) [21; 27]; значительную роль в формировании миграционного поведения и выборе возвращения на родину или продолжения миграции играет семья [20].

Закономерности трудовой миграции, обозначенные в классических теориях, подтверждаются российскими исследованиями, в частности, российские «мигранты руководствуются при выборе направления перемещений прежде всего желанием заработать» [9. С. 96], т.е. превалируют экономические мотивы [7; 19]. Интенсивность межрегиональной трудовой миграции свидетельствует о проблемах на локальных рынках труда [2], что особенно характерно для сел и малых городов, откуда формируется основной поток трудовых мигрантов и работающих вахтовым методом [12]. В 2020-е годы порядка 35 % сельских жителей работали за пре-

делами своих населенных пунктов, причем только половина из них искала работу в других селах своего региона [1].

Регионы-доноры рабочей силы различаются по ситуации на рынке труда: в одних (Центр и Северо-Запад России) отток происходит на фоне дефицита работников, в других (Юг) — преизбытка, особенно в сельской местности [11], т.е. в первом случае работают факторы притяжения в регионы-реципиенты, во втором — факторы выталкивания из регионов-доноров. Наиболее привлекательны для трудовой миграции Москва, Санкт-Петербург, нефтегазодобывающие регионы и крупные города-миллионники [13]. Вход на рынок вахтовой занятости обеспечивается, как правило, сетевыми взаимодействиями: содействие в трудоустройстве оказывают в первую очередь люди из ближнего окружения, нередко вахтовики «трудятся в коллективе знакомых из своего населенного пункта (например, становясь членом строительной бригады или сменяя друг друга на охраняемом объекте или за прилавком)» [8. С. 82]. Следует отметить, что внутренние трудовые мигранты имеют свою нишу на рынке труда регионов-реципиентов, несмотря на наличие иностранных трудовых мигрантов: «к российским отходникам больше доверия, чем к гастарбайтерам, с ними меньше проблем» [4. С. 45]. Главная особенность вахтового метода работы — мультилокальность [24], которая влияет на все стороны жизни человека: физическое и ментальное здоровье, семейные стратегии (брачность и разводимость, детность, родительская роль и т.д.) [3; 5; 25].

Исследования показывают, что опыт вахтовой занятости формирует у работников более высокие притязания к работе: «многие становятся более требовательными к условиям труда: работать в родном селе за те же деньги, что и в Москве охранником, уже не хотят. Зачем ходить на работу каждый день и напряженно трудиться (например, механизатором в сельском хозяйстве), если за те же деньги можно две недели “просидеть” в Москве и иметь еще две недели “каникул”» [1. С. 34]. Вахтовый образ жизни становится привычным, и большинству вахтовиков сложно адаптироваться к повседневной работе по найму, «поэтому даже при появлении рабочих мест отходники часто придумывают массу отговорок, в том числе сильно завышая требования к зарплате в местах проживания» [13. С. 15]. В целом преимуществ у отходников больше, чем недостатков, и они перевешивают издержки от мультилокального образа жизни.

Поскольку имеющиеся работы почти не касаются перспектив возвращения занятых вахтовым методом в свои трудодефицитные регионы, было проведено исследование (методами анкетирования и полуструктурированного интервью) вахтовой занятости постоянных жителей Республики Мордовия. Анкетирование провел Научный центр социально-экономического мониторинга в феврале 2024 года: выборка целевая, CAWI-опрос (онлайн-анкетирование) по интерактивной анкете «Проблемы вахтовой занятости жителей Мордовии», результаты обработаны с помощью SPSS v.22.0,

N=434 (после проверки качества заполнения анкет). Доля занятых в Москве и Московской области составила 79 %, в регионах Приволжского федерального округа — 7 %, Уральского — 4 %, в других регионах — 10 %. Большинство работает в частном секторе (79 %), в государственном — 19 %; срочные трудовые договоры заключили 44 %, на постоянной основе работают 38 %, каждый седьмой — на основе устной договоренности (14 %). Основные сферы занятости вахтовиков — строительство (22 %), транспорт и связь (20 %), охрана и безопасность (20 %), причем часть ранее занятых на производстве и в сельском хозяйстве при выходе на вахту перешли в сферу охраны и безопасности.

Полуформализованные интервью были проведены зимой 2024 года коллективом сотрудников кафедры социологии и социальной работы Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева под руководством С.В. Полутина. Гайд интервью был тематически структурирован на экономический, социальный и психологический разделы (частично заимствован в [16]). Было проведено 24 интервью в онлайн- и офлайн-формате: опрошены 19 мужчин и 5 женщин в возрасте от 22 до 60 лет; средняя продолжительность интервью — 30 минут; критерии отбора информантов — опыт работы вахтовым методом не менее года и постоянное проживание на территории республики; отбор проводился методом «снежного кома» через горизонтальные сети; сбор данных продолжался до достижения «насыщения»; информанты давали добровольное согласие на участие в исследовании, будучи проинформированы о его целях, конфиденциальности предоставленных ответов и их обобщенном использовании. Большинство (22 из 24) работают по официальному трудовому договору, который обеспечивает стабильный заработок и другие социальные гарантии (оплачиваемый отпуск, социальные выплаты и возможность лечения за счет средств ОМС в регионе по месту работы). После транскрибирования использовались методы тематического анализа текстов в программе ATLAS.ti). Термины «вахта» и «вахтовики» использовались наравне с «отходничеством» и «отходниками» (эквивалентные понятия).

Таким образом, сочетание количественного (CAWI-опрос) и качественного (интервью) подходов позволило выявить не только объективные закономерности, но и субъективные факторы реинтеграции вахтовиков в рынок труда региона проживания.

Причины выбора вахтовой занятости. Большинство опрошенных (68 %) прекратили трудовые отношения в регионе постоянного проживания по причине низкой заработной платы либо ее сокращения. Различия в причинах увольнения особенно заметны у респондентов с разным уровнем образования: не имеющие профессионального образования чаще отмечали нерегулярные выплаты, задержки заработной платы (38 % против 12 % среди закончивших вузы) и, напротив, гораздо реже — отсутствие перспектив карьерного роста (4 % против 32 %). Получается, что вахтовики дифференцируются по характеру притязаний и статусу на рынке труда, поэтому в от-

ношении одних категорий вахтовиков действуют факторы выталкивания, в отношении других — факторы притяжения.

Высказывания информантов в ходе интервью иллюстрируют разные материальные ситуации, которые подтолкнули к поиску другой работы: для работников физического труда, не требующего высокого образования, характерен крайне низкий уровень дохода, с трудом обеспечивающий физическое выживание: *«На минималке не просидеть. Минималка — дело жесткое, благо живу один, детей нет, вот и уехал, уже три года»; «Зарплата 22000, если в командировки, то 3500 в сутки... Как прожить на 22000? ...Я человек работающий, работы не боюсь, но так унижать людей тоже нельзя»; «Я раньше работал поваром... зарплата около 15000, но, скажу честно, я добирал продуктами, которые списываются. Срок годности подходил к концу, я запихивал в морозильник, и норм. Я на еду практически не тратился».*

Из ответов работников с более высокой квалификацией следует, что главной причиной смены работы стало предложение значительно более высокой заработной платы, однако по сравнению с упомянутой выше категорией работников размер оплаты труда в своем регионе у них был намного выше, поэтому новая занятость была обусловлена не столько стремлением преодолеть материальное неблагополучие, сколько возможностью получать за аналогичный труд в несколько раз больше. *«Моей мотивацией... служит финансовая составляющая. Ведь работая в [своем регионе] на той же должности, получаешь зарплату не больше 70–80 тысяч рублей, а на вахте мой доход составляет 230–250 тысяч рублей — разница колоссальная».*

В основе решения о смене работы лежит не только стремление обеспечить выживание, базовые потребности своих семей, но и необходимость выполнения финансовых обязательств (ипотечные кредиты, покупка квартиры, строительство дома, оплата учебы детей и др.). Так, приобретение жилья влечет дополнительные статьи расходов, покрывать которые довольно сложно без повышения доходов: *«Взяли кредит, чтоб квартиру купить, три года назад. Процент достаточно высокий был, выплачивать надо было, а тут у нас на местах рабочих мало платят»; «Когда пять лет назад покупали квартиру, оформили ипотечный кредит с выплатой 25000 в месяц. Плюс и другие “статьи расходов” были и остаются, конечно. Квартиру нужно ремонтировать, мебелью обставлять. Плюс двое детей».*

Переход на вахтовую занятость не планировался заранее и не являлся целенаправленным шагом: поиск новой работы начинался по месту постоянного проживания, однако приемлемые варианты долго не удавалось найти — работы либо не было, либо условия труда и предлагаемая заработная плата не соответствовали ожиданиям. *«Решающим толчком стало увольнение с работы по собственному желанию и активный поиск более высокооплачиваемой работы, что по первому времени не получалось осуществить в [своем городе]»; «Мне очень много мест предлагали, но какую зарплату*

предлагали — просто смешно. На такую зарплату я, конечно, не соглашусь — 16–18 тысяч. Выше не предлагали».

Практически в каждом интервью упоминаются успешные примеры отходничества, побудившие к рассмотрению такой занятости. Рекомендации людей из ближнего окружения стали определяющим фактором при принятии решения, поскольку вызвали доверие к будущему работодателю. *«С поиском работы в другом городе очень помог знакомый... Он не только поделился личным опытом и развеял все появившиеся на этот счет сомнения, но и показал, где и как можно найти проверенных работодателей»; «Мой брат в Москве, он еще раньше меня уехал и продолжает там работать. Очень много знакомых, с которыми я работала, они не оставили вахту»; «Было предложение от людей конкретных, кого я знал, потому что очень много сейчас мест, где можно поработать за бесплатно, а там был вариант надежный, поэтому я его и выбрал»; «Друг по дружке передавали — уже не один знакомый в Москву уехал вахтой работать. В самом начале пробовал искать сам через Интернет, но не решился ехать так. Поехал именно со знакомыми, на “проверенное” место».*

Высказывания информантов свидетельствуют о рутинизации практик отходничества в регионе — поездки на заработки воспринимаются так же обыденно, как и работа рядом с домом. *«Я [нашел работу] через знакомых. У меня знакомые с села ездили туда, зарабатывали, и мне тоже захотелось»; «Из нашего села многие работают вахтовым методом... И в Москве, я когда работала, очень много с Мордовии было людей»; «Небольшой поселок, пойти некуда, молодежи время провести нет возможностей, перспектив нет, учиться негде... молодежь уезжает».*

Таким образом, решение о вахтовой занятости подкрепляется успешными примерами референтной группы и укорененностью практик отходничества в повседневной жизни сельских и городских сообществ. Сформированные устойчивые модели отходничества, воспринимаемые как естественные («все уезжают»), а также доступность и низкий барьер входа в сферу вахтового труда создают благоприятные условия для трудовой миграции из региона.

Преимущества и недостатки вахтовой занятости. Большинство опрошенных вахтовиков (82 %) в той или иной степени удовлетворены текущим местом работы: своевременная (74 %) и достойная (71 %) заработная плата, удобный график (50 %), рабочее место, оснащенное всем необходимым (46 %) (таблица 1). Средний заработок вахтовика на момент опроса составлял 80,3 тысячи рублей, что почти в два раза выше средней заработной платы в регионе.

График работы, прежде всего периоды межвахтового отдыха, — то преимущество, что особенно ценят вахтовики: 55 % работают вахтовым методом более пяти лет (30 % — более десяти лет), 46 % — в режиме 15 на 15 дней.

Возможность две недели быть свободным от работы предоставляет временной ресурс для решения семейных вопросов, что способствует гармонизации профессиональной и личной сфер жизни. *«Для меня удобно, что ты две недели работаешь, а потом две недели спокойно отдыхаешь, занимаешься своими делами»; «Заработная плата — самый большой плюс, и очень много свободного времени, которое можно проводить с семьей»; «После вахты работник имеет возможность длительное время побыть дома, заняться хозяйством, решить накопившиеся бытовые проблемы. Приличные заработки и длительный отпуск позволяют отдохнуть на хорошем курорте».*

Таблица 1

Характеристики вахтовой работы

Характеристики	%
Своевременная выплата заработной платы	74
Достойная зарплата	71
Удобный график работы	50
Рабочее место, оснащенное всем необходимым	46
Оплата сверхурочного рабочего времени	29
Предоставление служебного жилья/компенсация оплаты за съём жилья	27
Бесплатное питание, компенсация затрат на питание	24
Полис добровольного медицинского страхования (ДМС)	18
Подарки для сотрудников на праздники	18
Транспортировка до места работы	17
Оплата проезда	17
Возможности для карьерного роста	15
Оплата обучения (курсы повышения квалификации)	10
Дополнительные дни отпуска	8
Оплата мобильной связи	6
Забота о детях сотрудников (путевка в лагеря, мероприятия и т.д.)	6
Предоставление отсрочки от военной службы	5
Санаторно-курортное лечение	4
Абонементы в спортзал/фитнес-центр	2
Корпоративные программы по улучшению жилищных условий	1
Ничего из перечисленного	1

На вопрос о недостатках работы вахтовым методом каждый пятый (22 %) выбрал ответ «недостатков нет», а каждый второй (55 %) — удаленность от дома. Из интервью следует, что факторами стресса для вахтовиков становятся отъезд из дома после сравнительно длительного периода отдыха, резкий выход из зоны комфорта, а также рутина и однообразие труда. *«Никогда не хотелось уезжать из дома. Никогда! Все эти десять лет... Стресс для организма уехать из дома. Вот как по мне, до сих пор эти числа — 15 и 30, что уезжать в эти дни — они стрессовые»; «В этой работе... “день сурка” — каждый день одно и то же... Вот эти мотания туда-сюда... скучная однообразная работа, ...постоянные разъезды — это минус».*

Разлука с семьей усугубляет стресс, повышая психологическую нагрузку, осложняя семейные отношения. *«Семьи рушатся. Муж уехал, и сразу отвыкли друг от друга, теперь живем как чужие, а двоих детей вроде бы родили, если бы не эти деньги, может, и все бы хорошо было».* Однако использование современных технологий существенно снижает уровень тревожности за близких — возможность регулярно общаться с близкими эмоционально поддерживает вахтовиков. *«Минусы — то, что долго не видишься со своей семьей, потому что я очень скучаю, но... видеосвязь спасает»; «Интернет — это огромная поддержка, друзья, родственники со всеми всегда на связи... Это не старые времена, когда надо было бежать на переговорный пункт. Со всеми на связи, все знаю, что и как».*

Таким образом, вахтовая занятость обеспечивает значительные экономические и социальные преимущества, несмотря на проблему удаленности от семьи. Большинство опрошенных, попробовав работу вахтовым методом, впоследствии осознанно выбирают вахтовый труд как основной вид занятости. В случае, если первая найденная работа не оправдывает ожиданий, они не спешат возвращаться в свой регион, а продолжают поиск вакансий вахтовиков, в том числе в других регионах или по другим специальностям: *«Было два варианта у меня — школа и монтер путей. Школа — дворник без трудовой, меня это не устраивало, нет гарантий, да и зарплата 15000. Это я под Калугой находил. Монтер — пришел узнать, как и что на базу, говорят, направим учиться в Пензу на три месяца за свой счет, плюс еще ешь и живи на что-то. Мне это не понравилось, да и работа все же тяжелая, походи с кувалдой по путям, постучи».* Иными словами, вахта сохраняет устойчивость как компромисс между укорененностью и рациональным выбором в пользу финансового благополучия и свободного времени, который сопровождается издержками в виде психологического стресса и разлуки с семьей.

Отношение к работе в регионе постоянного проживания. Высказывания информантов воспроизводят негативные стереотипы о доступности рабочих мест и жизненных перспективах для людей из их социального слоя (в их населенном пункте отсутствуют либо уже заняты хорошо оплачиваемые рабо-

чие места, карьерный рост не всегда зависит от деловых качеств и профессиональной подготовки): *«Разница в уровне зарплат и всего остального такая, что остается только уезжать либо доживать свой век, ни на что особо не рассчитывая. Пробиваются единицы, кому либо очень повезло — оказался в нужное время в нужном месте, либо у кого есть успешные родственники/друзья, которые помогли подняться»; «Здесь без знакомств не пробьется даже умный — все места заняты своими. Часть родственников уже уехала в Москву на постоянное место жительства, купили там квартиры, в том числе врачи, учителя. Там учитель или гувернантка в семье имеют зарплату больше, чем директор школы здесь».*

Стереотипность представлений вахтовиков о низком уровне доходов в регионе постоянного проживания также подтверждается их размышлениями о средствах существования людей, не уезжающих на заработки. Информанты выстраивают социальную дистанцию между собой и теми, кто остался в своем населенном пункте, считая их менее успешными: *«Я не понимаю, на что они живут при уровне заработной платы в Мордовии»; «наверное, берут кредиты»; «может, им кто-то помогает... может, отложили когда-то или выиграли в лотерею».*

Мотивировать вахтовиков к возвращению могли бы более выгодные предложения по зарплате, должности и условиям труда (53 %) (таблица 2).

Таблица 2

Условия, при которых вахтовики согласились бы работать в своем регионе

Условия работы	%
Предложение работы лучше, чем сейчас (зарплата, должность, условия труда)	53
Предложение работы не хуже, чем сейчас	29
Незначительное ухудшение работы при условии близости ее к дому	4
Только семейные обстоятельства	6
Ни при каких условиях	6
Другое	2

Так, размер заработной платы, который мог бы заинтересовать вахтовиков, должен быть как минимум в 1,5 раза выше текущего (информанты исходили из примерной суммы, необходимой для безбедного существования всех членов семьи и для погашения всех необходимых долгов): *«40 000 на одного, если нет кредитов, а если есть, то лучше 50 000, на двоих — тысяч по 70, если есть ребенок — так точно мужу и жене по отдельности 70»; «Если только найду работу с очень хорошими условиями труда, адекватным на-*

чальством»; *«Я готов работать, если будет большая зарплата, чистота и адекватный начальник и, желательно, в городе».*

Удобный график работы — основное требование к немонетарным параметрам занятости в своем регионе (51 %). График, предполагающий полный рабочий день пять дней в неделю, считают приемлемым 48 %, 49 % предпочитают бы более продолжительные периоды отдыха и работы (сменный график — 32 %, вахта внутри региона — 17 %). Более половины (53 %) согласились бы работать только там, где постоянно проживают, 60 % готовы тратить на дорогу до работы менее 30 минут. *«Во-первых, чтобы был оклад хороший, премия замечательная, которая зависела бы... от моего выполненного плана... Ну, и близость к дому, чтобы далеко не ездить».*

Рассуждая о возвращении на работу в свой регион, в качестве наиболее веских причин информанты называют возникновение серьезных семейных обстоятельств: *«Может быть, рождение еще одного ребенка, но лишь при условии, что некому будет помогать жене. Болезнь кого-то из членов семьи, когда нужно быть здесь... Болезнь родителей, если нужен будет уход. Что-то в этом роде».* Личные обстоятельства вахтовиков могут меняться со временем в зависимости от этапов жизни (вступление в брак, рождение детей, болезнь или смерть близких), что также может повлиять на решение о прекращении работы вахтовым методом: *«В связи с возрастом уже не очень хочется постоянно разъезжать по городам».*

Таким образом, зафиксирована низкая вероятность возвращения вахтовиков на работу в свой регион: в ближайшее время менять место работы планируют лишь 15 %, в той или иной степени отрицательно относятся к трудоустройству в своем регионе 43 % (положительно — 39 %, 18 % — затруднились с ответом). Социальный портрет потенциального «возвращенца» таков: среднее профессиональное образование (47 %); старше 50 лет (35 %); постоянно проживают в районных центрах (36 %); стаж работы вахтовым методом — менее пяти лет (50 %).

К выбору вахтовой занятости людей подталкивают отсутствие альтернатив на рынке труда своего региона и материальная депривация, что указывает на доминирование выталкивающих факторов. Доход, получаемый вахтовиками, воспринимается ими как более высокий по сравнению с аналогичным в регионе постоянного проживания, что обусловлено как разницей между регионом-донором и регионом-реципиентом в уровне жизни, так особенностями восприятия вахтовиком своего дохода (в связи со значительной продолжительностью межвахтового отдыха респонденты считают, что зарабатывают больше, работая в два раза меньше, чем их коллеги, занятые на аналогичных должностях в своем регионе). Разрыв в оплате труда между регионом-донором и регионом-реципиентом, психологическая адапта-

ция работников к графику с длительными межвахтовыми отпусками, опыт вахтовой работы, меняющий стандарты оценки условий труда, способствуют устойчивости вахтовой занятости и препятствуют реинтеграции в рынок труда региона постоянного проживания. При этом в регионе-доноре наблюдается рутинизация практик вахтовой занятости: поездки на заработки воспринимаются как естественное явление, что делает трудовую миграцию самоподдерживающейся.

Вероятность масштабного возвращения вахтовиков на рынок труда своего региона невысока, поэтому реализуемые административные меры по привлечению этой категории работников (информирование вахтовиков о существующих рабочих местах и меры по улучшению жилищных условий) не дадут существенного результата. Занятых вахтовым методом не следует рассматривать в качестве приоритетной категории трудоспособного населения для решения кадровых проблем региона — лучше сосредоточиться на скрытых экономических выгодах, которые вахтовая трудовая мобильность приносит региону, трансформируя ее из проблемы «утечки кадров» в инструмент устойчивого развития. Вахтовики остаются агентами развития местной экономики: их денежные переводы поддерживают потребительский спрос домохозяйств на товары и услуги в регионе, выступают формой инвестиций в человеческий капитал, повышая благосостояние семей и снижая уровень бедности. При разработке программ и стратегий развития кадрового потенциала регионов следует ориентироваться на привлечение вахтовиков только при условии создания высокооплачиваемых рабочих мест в населенных пунктах с высокой долей выезжающего на заработки местного населения, а также уделять больше внимания не возвращению работников, а профилактике оттока кадров, в том числе совершенствуя организационную культуру и корпоративные стратегии работодателей.

Благодарность.

Авторы выражают признательность сотрудникам кафедры социологии и социальной работы МГУ им. Н.П. Огарева и коллективу ГКУ Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» за участие в социологических исследованиях вахтовой занятости

Примечания

- (1) Межрегиональная трудовая миграция снизилась до минимума за последние 7 лет // URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/trud-migr-sniz>.
- (2) В Поволжье возвращают домой вахтовиков, в Заполярье станет легче построить жилье. // Российская газета от 12.05.2024 // URL: <https://rg.ru/2024/05/12/reg-pfo/rabotishchet.html>.

Библиографический список

1. *Аверкиева К.В.* Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 1.
2. *Ахметова Г.Ф.* Субъекты РФ в межрегиональной трудовой миграции: уровень участия, причины и факторы // Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 2.

3. Бекренева Ю.С., Брилль М.С., Ермилова В.А. Психологическое благополучие в семьях вахтовых специалистов // *Caucasus Journal of Medical and Psychological Sciences*. 2023. Т. 1. № 2–3.
4. Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // *Социологические исследования*. 2010. № 9.
5. Воробьева О.Д., Топилин А.В., Аликова А.С. Социально-демографические последствия внутренней миграции трудовых ресурсов // *Вестник РАН*. 2020. Т. 90. № 12.
6. Единак Е.А., Ксенофонтов Д.М. Межрегиональная трудовая миграция в России: моделирование и оценка последствий // *Проблемы прогнозирования*. 2023. № 5.
7. Жидкевич Н.Н. Современные отходники севера и юга европейской части России // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 3.
8. Жидкевич Н.Н. Социальный портрет современного российского отходника // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. Т. 19. № 1.
9. Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния // *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 4.
10. Массей Д. На пути к всеобъемлющей модели международной миграции // *Миграция и развитие* / Гл. ред. В.А. Ионцев. М., 2007.
11. Нефедова Т.Г. Занятость и отходничество населения в Ставропольском крае // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2015. № 2.
12. Нефедова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // *Известия РАН. Серия географическая*. 2015. № 3.
13. Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки // *Демоскоп Weekly*. 2015. № 641–642.
14. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // *Региональные исследования*. 2017. № 2.
15. Нуйкина Е.В. Влияние вахтового метода работы на принимающие города российского севера (на примере города Воркуты) // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2013. № 2.
16. Плюснин Ю.М. и др. *Отходники*. М., 2013.
17. Плюснин Ю.М. Российское отходничество: вехи многовековой истории // *ЭКО*. 2019. № 11.
18. Соколова А.А. Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27. № 4.
19. Туракаев М.С., Баймурзина Г.Р. Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // *Проблемы развития территории*. 2022. Т. 26. № 6.
20. Constant A. Time-space dynamics of return and circular migration: Theories and evidence // *GLO Discussion Paper*. 2020. No. 446.
21. Dierx A.H. A lifecycle model of repeat migration // *Regional Science and Urban Economics*. 1988. Vol. 18. No. 3.
22. Lee E.S. A theory of migration // *Demography*. 1966. Vol. 3. No. 1.
23. Ma Z. Temporary migration and regional development in China // *Environment and Planning A*. 1999. Vol. 31. No. 5.
24. Marcu S. Tears of time: A Lefebvrian rhythm analysis approach to explore the mobility experiences of young Eastern Europeans in Spain // *Transactions of the Institute of British Geography*. 2017. Vol. 42. No. 3.
25. Meredith V., Robinson E., Rush P. Fly-in fly-out workforce practices in Australia: The effects on children and family relationships // *CFCA Paper*. 2014. No. 19.
26. Öhman M., Lindgren U. Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden // *European Journal of Geography*. 2003. doi: 10.4000/cybergeo.4118.
27. Plane D.A., Heins F. Age articulation of U.S. inter-metropolitan migration flows // *Annals of Regional Science*. 2003. Vol. 37. No. 1.

28. *Ravenstein E.G.* The laws of migration // *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. Vol. 48. No. 2.
29. *Stark O.* Rural-to-urban migration in LDCs: A relative deprivation approach // *Economic Development and Cultural Change*. 1984. Vol. 32. No. 3.
30. *Storey K.* The evolution of commute work in the resource sectors in Canada and Australia // *Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3. No. 3.
31. *Taylor R., Morrice K., Clark D., McCann K.* The psycho-social consequences of intermittent husband absence: An epidemiological study // *Social Science & Medicine*. 1985. Vol. 20. No. 9.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-665-680

EDN: AXTHYY

Prospects for reintegration of shift workers into the labor market of their home region (on the example of the Republic of Mordovia)*

N.P. Kasatkina^{1,2}, S.V. Polutin², N.V. Shumkova²

¹Scientific Center for Social and Economic Monitoring,

B. Khmel'nitsky St., 39a, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia

²N.P. Ogarev Mordovia State University,

Bolshevistskaya St., 68/1, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia

(e-mail: kasatkina-rr@mail.ru; niiregion@mail.ru; polutin.sergei@yandex.ru)

Abstract. The article considers shift work on the example of returning labor migrants in the Volga Region. The study aims at assessing prospects for reintegrating shift workers into the labor market of their region of permanent residence. The study combined quantitative and qualitative approaches. The authors conducted an online survey (N=434) of residents of Mordovia working on a shift basis (mainly in Moscow and the Moscow Region — 79 %); the questionnaire focused on the key parameters of employment, income, and migration attitudes. Semi-formalized interviews were conducted with 24 shift workers (19 men and 5 women aged 22–60) on subjective factors of labor mobility and possibilities of return. The key obstacles to the return of shift workers were identified: a significant difference in wages (the average salary of shift workers is twice as high as the regional average); established practices of seasonal work as a social norm; psychological adaptation to a specific work schedule (“free time trap”). Most seasonal workers (82 %) are satisfied with their current employment — stable income (74 %) and flexible schedule (50 %), so only 15 % consider a return, mainly due to age or family circumstances, i.e. there are obvious limitations to the large-scale reintegration of shift workers into the labor market of their region. Shift employment remains a rational strategy for adapting to regional imbalances in the labor market, and traditional measures to stimulate return (job creation) are insufficient without taking into account labor expectations of shift workers. The region should focus on the hidden economic benefits of shift employment: money transfers, support for local businesses due to consumer demand generated by shift workers, long-term investments in the regional human capital, etc.

*© N.P. Kasatkina, S.V. Polutin, N.V. Shumkova, 2025

The article was submitted on 10.02.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

Key words: shift work; seasonal work; labor migration; interregional mobility; regional labor market; human capital

For citation: Kasatkina , N.P., Polutin S.V., Shumkova N.V. Prospects for reintegration of shift workers into the labor market of their home region (on the example of the Republic of Mordovia). *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 665–680. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-665-680>

References

1. Averkieva K.V. Rynki truda i rol otkhodnichestva v zanyatosti selskih zhiteley rossiyskogo Nechernozemiya [Labor markets and the role of seasonal work in the employment of rural residents in Russia's Non-Black Earth Region. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 2016; 1. (In Russ.).
2. Akhmetova G.F. Sub'ekty RF v mezhhregionalnoy trudovoy migratsii: uroven uchastiya, prichiny i faktory [Russian regions in the interregional labor migration: Level of participation, causes and factors]. *Demograficheskie Issledovaniya*. 2022; 2. (In Russ.).
3. Bekreneva Yu.S., Bril M.S., Ermilova V.A. Psikhologicheskoe blagopoluchie v semiyah vakhtovykh spetsialistov [Psychological well-being in families of shift workers]. *Caucasus Journal of Medical and Psychological Sciences*. 2023; 1 (2–3). (In Russ.).
4. Veliky P.P. Neotkhodnichestvo, ili lishnie lyudi sovremennoy derevni [A new type of seasonal work, or superfluous people in today's village]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 9. (In Russ.).
5. Vorobyeva O.D., Topilin A.V., Alikova A.S. Sotsialno-demograficheskie posledstviya vnutrenney migratsii trudovykh resursov [Social-demographic consequences of internal labor migration]. *Vestnik RAN*. 2020; 12. (In Russ.).
6. Edinak E.A., Ksenofontov D.M. Mezhhregionalnaya trudovaya migratsiya v Rossii: modelirovaniye i otsenka posledstviy [Interregional labor migration in Russia: Modeling and assessing the consequences]. *Problemy Prognozirovaniya*. 2023; 5. (In Russ.).
7. Zhidkevich N.N. Sovremennyye otkhodniki severa i yuga evropeyskoy chasti Rossii [Today's migrant workers in the north and south of European Russia]. *Russian Peasant Studies*. 2017; 2 (3). (In Russ.).
8. Zhidkevich N.N. Sotsialny portret sovremennogo rossiyskogo otkhodnika [Contemporary Russian seasonal worker: A social portrait]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2016; 19 (1). (In Russ.).
9. Kartseva M.A., Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. Migratsiya v Rossii i sotsialno-ekonomicheskoe razvitiye regionov: analiz vzaimnogo vliyaniya [Migration in Russia and regional social-economic development: A cross-impact analysis]. *Problemy Prognozirovaniya*. 2020; 31 (4). (In Russ.).
10. Massey D. Na puti k vseobemyushchey modeli mezhdunarodnoy migratsii [Towards an integrated model of international migration]. *Migratsiya i razvitiye*. Ed. by V.A. Iontsev Moscow; 2007. (In Russ.).
11. Nefedova T.G. Zanyatost i otkhodnichestvo naseleniya v Stavropolskom krae [Employment and a phenomenon of seasonal work in the Stavropol Region]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*. 2015; 2. (In Russ.).
12. Nefedova T.G. Migratsionnaya podvizhnost naseleniya i otkhodnichestvo v sovremennoy Rossii [Migration mobility of population and seasonal labor migration in contemporary Russia]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*. 2015; 3. (In Russ.).
13. Nefedova T.G. Otkhodnichestvo v sisteme migratsii v postsovetsoi Rossii. Predposylki [Seasonal work in the migration system of post-Soviet Russia. Prerequisites]. *Demoscope Weekly*. 2015; 641–642. (In Russ.).

14. Nefedova T.G., Treyvish A.I. Perestroyka rasseleniya v sovremennoy Rossii: urbanizatsiya ili dezurbanizatsiya? [Transformation of settlement in contemporary Russia: Urbanization or de-urbanization?]. *Regionalnye Issledovaniya*. 2017; 2. (In Russ.).
15. Nuykina E.V. Vliyanie vakhtovogo metoda raboty na prinyimayushchie goroda rossiyskogo severa (na primere goroda Vorkuty) [Influence of seasonal work on receiving towns in the Russian North (on the example of Vorkuta)]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*. 2013; 2. (In Russ.).
16. Plusnin Yu.M. et al. *Otkhodniki* [Seasonal Workers]. Moscow; 2013. (In Russ.).
17. Plusnin Yu.M. Rossiyskoe otkhodnichestvo: vekhi mnogovekovoy istorii [Russian seasonal workers: Milestones of a centuries-old history]. *ECO*. 2019; 11. (In Russ.).
18. Sokolova A.A. Masshtaby mayatnikovoy trudovoy migratsii v regionah Rossii [Scale of pendulum labor migration in Russian regions]. *Problemy Razvitiya Territorii*. 2023; 27 (4). (In Russ.).
19. Turakaev M.S., Baimurzina G.R. Rabota vakhtovym metodom glazami vremennyh trudovyh migrantov iz Bashkortostana [Shift work in the perception of temporary labor migrants from Bashkortostan]. *Problemy Razvitiya Territorii*. 2022; 26 (6). (In Russ.).
20. Constant A. Time-space dynamics of return and circular migration: Theories and evidence. *GLO Discussion Paper*. 2020; 446.
21. Dierx A.H. A lifecycle model of repeat migration. *Regional Science and Urban Economics*. 1988; 18 (3).
22. Lee E.S. A theory of migration. *Demography*. 1966; 3 (1).
23. Ma Z. Temporary migration and regional development in China. *Environment and Planning A*. 1999; 31 (5).
24. Marcu S. Tears of time: A Lefebvrian rhythm analysis approach to explore the mobility experiences of young Eastern Europeans in Spain. *Transactions of the Institute of British Geography*. 2017; 42 (3).
25. Meredith V., Robinson E., Rush P. Fly-in fly-out workforce practices in Australia: The effects on children and family relationships. *CFCA Paper*. 2014; 19.
26. Öhman M., Lindgren U. Who are the long-distance commuters? Patterns and driving forces in Sweden. *European Journal of Geography*. 2003. doi: 10.4000/cybergeo.4118.
27. Plane D.A., Heins F. Age articulation of U.S. inter-metropolitan migration flows. *Annals of Regional Science*. 2003; 37 (1).
28. Ravenstein E.G. The laws of migration. *Journal of the Statistical Society of London*. 1885; 48 (2).
29. Stark O. Rural-to-urban migration in LDCs: A relative deprivation approach. *Economic Development and Cultural Change*. 1984; 32 (3).
30. Storey K. The evolution of commute work in the resource sectors in Canada and Australia. *Extractive Industries and Society*. 2016; 3 (3).
31. Taylor R., Morrice K., Clark D., McCann K. The psycho-social consequences of intermittent husband absence: An epidemiological study. *Social Science & Medicine*. 1985; 20 (9).

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-681-700

EDN: ATTUFE

Личностно-профессиональная эффективность сотрудников в зрелой цифровой организации*

Л.А. Василенко, Л.А. Степнова, Е.А. Литаш-Сорокина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

(e-mail: vasilenkola@mail.ru; stepnova@gmail.com; elena@lita.sh)

Аннотация. В статье рассмотрены условия личностно-профессиональной эффективности сотрудников в условиях организационной ИИ-зрелости, которая понимается как готовность и способность организации внедрять и использовать технологии искусственного интеллекта (ИИ). Исследование базируется на гипотезе, что непрерывное самосовершенствование зрелых цифровых организаций затрагивает рабочие процессы с учетом влияния внешней среды и непосредственно стимулирует личностное самосовершенствование сотрудников в профессиональной деятельности. В качестве ИИ-зрелой организации была выбрана компания, за несколько лет прошедшая путь крупнейшей цифровой трансформации и сегодня реализующая цифровые проекты как для бизнес-организаций, так и в рамках решения стратегических государственных задач; одним из ее приоритетов выступает встраивание ИИ «нового поколения» в человекоцентричную модель деловых процессов (1). Показан высокий уровень корреляции ИИ-зрелости с человекоцентричной направленностью личностно-профессиональной эффективности сотрудников, что предполагает необходимость управляемого формирования креативной личности с высоким уровнем субъектности, мотивации, ответственности, адаптивности и обучаемости, способной к встраиванию эффективного взаимодействия и использованию цифровой среды, включая технологии ИИ. В качестве актуальных критериев саморазвития личности выступают: адаптивность, открытость, толерантность к неопределенности, саморегуляция, смелость и метакогнитивные способности. Эмпирически подтверждено потенциальное негативное воздействие цифровизации на психическое здоровье сотрудников, связанное с уровнем развития цифровой среды и рабочих пространств цифровых компаний. Устойчивость организации в условиях интенсивно меняющейся среды требует мониторинга резервов личностно-профессиональной эффективности сотрудников и трудового рабочего базиса, обладающего потенциалом непрерывного совершенствования и адаптации как условием поддержания и высвобождения когнитивных

*© Василенко Л.А., Степнова Л.А., Литаш-Сорокина Е.А., 2025

Статья поступила в редакцию 14.04.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

резервов. Авторы оценивают перспективы организационной культуры селективного автопоэзисного типа в условиях ИИ-зрелости. Особенностью такой культуры выступает человекоцентричный селективный отбор инновационных образцов профессиональной и социокультурной деятельности сотрудников как результат их личностно-профессионального развития. По результатам мониторинга предполагается доработка образцов как конструкторов фонда изменений с компонентом стимулирования их самораспространения в форматах положительной и отрицательной обратной связи.

Ключевые слова: цифровая зрелость; личностно-профессиональная эффективность; искусственный интеллект; экосистема; человекоцентричность; фрактальность; автопоэзис; организационное развитие

Для цитирования: *Василенко Л.А., Степнова Л.А., Литаш-Сорокина Е.А. Личностно-профессиональная эффективность сотрудников в зрелой цифровой организации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 681–700. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-681-700>*

Цифровизация долгосрочным образом меняет организации, подразумевающая изменения в стратегиях, рабочих процессах и занятости. В 2023 году произошел масштабный сдвиг в направлении оптимизации использования человеческих ресурсов при решении творческих задач, традиционно требующих аналитических способностей и креативного мышления, благодаря революционным успехам в области обработки больших данных — генеративного искусственного интеллекта (ИИ), внедрение которого становится приоритетом организаций, достигших высокой цифровой зрелости. В таких организациях стимулируется встраивание в организационную культуру стремления сотрудников к креативным экспериментам, адаптации к изменениям, способности принятия возможных неудач.

Результаты развития технологий ИИ всего за несколько месяцев 2023 года заставили мировое сообщество переосмыслить возможности технологий в бизнес-процессах, высвободить ресурсы для решения творческих задач, сделать человека центром устойчивости и помочь ему вести сбалансированную жизнь. Теоретический анализ основных изменений в социальных системах и взаимоотношениях человека с окружающей средой показал, что цифровой переход требует переопределения экономики, труда и человечества. В последние десятилетия мировое сообщество нацелено на извлечение максимальной выгоды из технологий для инноваций и экономического роста, предпринимая попытки цифровой трансформации в организациях разного типа, однако они не принесли ожидаемых результатов и в половине случаев: в 2016–2017 годы успех подтверждался лишь в 16 %–18 % случаев (2; 3), только 5 % организаций по всему миру достигли целей, которые превысили ожидания, 75 % получили размытые, посредственные результаты, 20 % попыток провалились (4). Среди основных причин неудач цифровых стратегий называют отсутствие фокусировки на желаемом конечном состоянии, дефицит квалифицированных кадров [1], ошибочность и буквальность трактовки цифровизации как

исключительно проектирования ИТ-ландшафта, редизайн программного обеспечения и т.д.

В 2025 году в России стартует национальная программа «Экономика данных», которая сменит проект «Цифровая экономика», закончившийся в 2024 году. Программа предусматривает формирование цифровых платформ во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы, а также в государственном управлении к 2030 году, повышение доли предоставляемых государством социально значимых услуг в электронном виде, в том числе с использованием технологий ИИ. Поставлена задача создать новые цифровые платформы для студентов, туристов и представителей бизнеса, занять место в пятерке лидеров мира по метрикам ИИ: ожидается рост сферы ИИ-услуг в пять раз, рост уровня внедрения ИИ в отраслях экономики — в восемь раз, а также продолжение и дополнение проекта «Код будущего».

Рынок труда также переживает сейсмический сдвиг. С одной стороны, растет масштаб вложений в новое поколение сотрудников, оканчивающих вузы в грядущую пятилетку, ожидается рост производительности технологий с ИИ до среднего уровня человеческой производительности и выход на эффективность 25 % самых производительных людей к 2040 году (5). С другой стороны, отсутствие изменений в мышлении и поведении трудоспособного населения как минимум в затрагиваемых национальной программой отраслях экономики и как максимум сотрудников всех сфер, несбалансированные вложения в личностное и профессиональное развитие сотрудников могут породить разрыв в возможностях трудоустраиваемости граждан. При сохранении нынешних тенденций многим работникам в скором времени не будет хватать необходимых навыков, чтобы добиться успеха на рынке труда. Переход к Индустрии 5.0 (Обществу 5.0) и повышение эффективности сотрудников становится ключевым бизнес-приоритетом: на первый план выходит персонализации трудовых отношений, рост производительности и доверия к цифровизации.

Исследования трансформаций в контексте Индустрии 4.0 сосредоточены преимущественно на автоматизации — не достигнуто системное понимание того, как цифровизация влияет на эффективность сотрудников [18]. Связанная с условиями развития человечества повсеместная, глобальная, все более тесная взаимосвязь технологий с личной, социальной и экономической деятельностью и воздействие косвенных, цифровых, искусственных, фрагментированных, электронно-опосредованных данных меняют поведенческие, когнитивные, психологические процессы, социальные отношения, культуру и, как следствие, саму сущность человека. Поэтому требуется сфокусированное внимание на личностно-профессиональной эффективности в условиях цифровизации окружающей среды. Необходимо адаптировать сотрудников к тому, что за ними остается исследовательская деятельность, креативность для обработки исключений, социальные навыки управления

информацией, принятия решений и совместных усилий. Вместе с тем возрастает роль руководства бизнес-организаций и государственных компаний в обеспечении возможностей исследовательской работы и непрерывного обучения сотрудников, экспериментов и готовности к принятию решений на основе больших данных в ритме происходящей цифровизации. Задача образовательных учреждений — разработка подходов, которые поддержат граждан как сотрудников в направлении высокой производительности, помогут им в развитии сильных сторон и в сглаживании слабых в условиях повсеместного цифрового развития организаций.

В статье рассмотрены организации, достигшие цифровой зрелости [4]. В глобальной ситуации высокой неопределенности способность организации меняться адекватно внешней среде становится важнее, чем когда-либо. Зрелость в психологическом смысле обозначает способность к социальной активности и самоактуализации — когда организация находится на пике возможностей. В статье зрелость понимается как драйвер цифрового развития организации в условиях цифровой трансформации управления и ее среды, включая: цифровые технологии; цифровых сотрудников, обладающих цифровыми компетенциями согласно «Методике Центра перспективных управленческих решений (ЦПУР)», разработанной в сотрудничестве с Центром подготовки РЦТ ВШГУ РАНХиГС с учетом опыта классификации треков оценки цифровой зрелости ПАО «Сбербанк» [10]; развитость необходимой инфраструктуры и инструментов; готовность персонала к ценностному подходу, управлению изменениями, оптимизации процессов, бережливому производству, дизайн-мышлению и инновациям; уровень готовности и способности организации внедрять и использовать технологии ИИ (ИИ-зрелость). Организации такого типа могут использовать внешнее окружение «как совокупность экологических ниш (и разнотипных социальных популяций, находящихся между собой в отношениях сотрудничества и конкуренции)» с учетом взаимной «зависимости, конкуренции популяций, культурной селекции» и др. [11. С. 247].

Авторы определяют организационное развитие как устойчивый динамический процесс, целерационально направленный в будущее, «процесс позитивных структурных изменений организации, результирующим признаком которого является поэтапное повышение ее способности к выживанию в изменяющейся внешней среде» [12]. Выживание развивающейся организации обеспечивается балансом с динамичным окружением, т.е. с цифровой гибридной социальной средой, в которой внешняя и внутренняя части трудно различимы. В таких условиях проблематично достичь адаптационного внутреннего равновесия, т.е. важнейшим условием развития становится способность управления преодолевать «структурную инерцию» [17] и «элитарное сопротивление», «адекватно реагировать на любые изменения, происходящие в окружении», обеспечивать «социокультурную селекцию» и «популя-

ционную перспективу», а также задействовать «фонд изменений», расширяя свой «социокультурный репертуар» — совокупность освоенных «образцов поведения и деятельности» [11. С. 245–254]. «Популяционно-селекционная модель организационного развития (ПСМОР)» В.В. Щербины предполагает наличие «работников и целевых групп, входящих в организацию», и «инвайронментальное моделирование» как «логику протекания процессов позитивных социальных изменений». Мы применяем эту модель к совокупности зрелых цифровых организаций, составляющих экосистему, что обеспечивает, с одной стороны, корректное взаимодействие с цифровой средой деятельности их целевых групп, а, с другой стороны, встречное воздействие на цифровую среду для обеспечения оптимального функционирования всей совокупности организаций экосистемы («организационной популяции»). В этом аспекте наиболее важны процессы, называемые Щербиной «логикой социокультурной селекции», — естественный отбор тех «инновационных социальных образцов деятельности» этих организаций «в ответ на вызовы окружения», которые доказали свое влияние на рост конкурентоспособности [11. С. 239–244]. Такой подход позволяет оснащать фрактальные конструкции отобранных инноваций свойством рекурсивного самораспространения как своеобразного механизма управляемости [2].

Обратимся к понятию личностно-профессиональной эффективности. Д.А. Леонтьев как основу личной эффективности рассматривал мотив, побуждающий и направляющий деятельность субъекта, и в профессиональной деятельности мотив (потребность) — профессиональный смысл [5]. Эффективность труда зависит от личностного смысла профессиональной деятельности как основы ее оценки лично для себя [8]. В культурно-исторической концепции Л.С. Выготского смысл — совокупность всех психологических факторов, а смысловое поле — осознаваемая человеком актуальная ситуации его поведения, которая в реальной деятельности влечет изменение реальных действий. Динамика ситуации превращается в динамику мысли, при этом обязательно возникает обратное движение — превращение динамики мысли в жесткую и прочную систему реального действия. Осмысление содержит и эмоциональный компонент, поэтому динамическая смысловая система — целостный компонент аффективных и интеллектуальных процессов, что позволяет проследить движение от мотива и потребности к мысли, а от нее — к деятельности. Возникающее переживание как единство эмоционального и аффективного выступает единицей динамической смысловой системы [3].

Вопросы личностно-профессиональной эффективности в цифровую эпоху интересуют представителей разных дисциплин: экономики, социологии, психологии, компьютерных наук, нейробиологии, устойчивого развития и др. Так, Лихуэй Ван изучает возможности повышения эффективности сотрудника с помощью технологий, включая мозговую робототехнику, со-

вместный интеллект, дополненную реальность, усиленную когнитивную систему [20]. Д. Аутор рассматривает влияние технологий на финансовое благосостояние среднего класса [13], К. Монтаг — воздействие изменяющейся цифровой среды на когнитивные возможности и психологическое благополучие [15]. В 1990 году Э. Медоус предложил человеко-центрированный подход к эффективности бизнес-организаций: мера эффективности — осознаваемый личный успех в достижении коллективных целей [14]. Изучаются кардинальные различия в приоритетах и ценностях поколений, чтобы максимально эффективно их задействовать: например, быстрое развитие технологий обесценивает опыт старших поколений, делая его наименее, чем когда-либо в истории, релевантным для новых поколений. Рожденные в относительно благополучное время, в цифровой век с неограниченным доступом к информации и инструментам создания собственной реальности, представители поколения Z (и младше) составляют уже около 25 % всей рабочей силы [20]. Они ценят свободу, возможность выбора, баланс личного и рабочего, саморазвитие больше, чем достаток, стабильность и карьеру (важны для их старших коллег); они готовы к смене работы, учебы, профессии; они не знают жизни вне технологий. Однако необходимо управлять ожиданиями относительно новых способов выполнения работы и помогать людям адаптироваться к цифровизации, чтобы избежать ее негативного восприятия.

Таким образом, понятие личностно-профессиональной эффективности (сотрудника) в ситуации внедрения цифровых изменений и неопределенности включает в себя: (1) выделение основных сегментов сотрудников и структурирование информации об их характерных особенностях в отношении необходимой поддержки для эффективного решения личных и рабочих задач; (2) исследование пользовательского опыта сотрудников; (3) изучение перспектив внедрения сервисов с применением ИИ-технологий, создаваемых для совершенствования рабочих процессов; (4) трансформацию сервисов поддержки деятельности сотрудников, ранее реализованных для корпоративных приложений и чат-бота; (5) оценку эффективности изменений, в том числе в части влияния на эффективность деятельности сотрудников.

Второе основание нашего исследования — стремление к гибким методологиям и командной структуре в современной организационной культуре, что определяет необходимость учета уровня сотрудничества, адаптивности, прозрачности, инклюзивности и мотивированности персонала на результат. В основе такой организационной культуры лежит самоуправление и самоорганизация, позволяющие работать без внешних воздействий в рамках полученной задачи и стратегических целей организации. Такой подход обуславливает нормативное закрепление набора принципов, призванных объединить сотрудников в движении к единой цели, сплотить и укрепить инициативы, стимулировать развитие компетенций. В первую очередь, это принципы человекоцентрированности, готовности к экспе-

риментам и признанию ошибок, ответственности, ориентации на сотрудничество, эмпатии и постоянного развития социальных навыков наряду с профессиональными [16].

Соответственно, на первый план выходит задача построения корпоративной культуры селективного автопоэзисного типа, с гибкими конструктами положительной и отрицательной обратной связи [15]. Термин «автопоэзис» берет начало в концепции У. Матураны и Ф. Варелы — как обозначение способа самовоспроизведения системы в активном взаимодействии с внешней средой, «достраивая социальные миры» [9]. Автопоэзис может рассматриваться «как способ гармонизации социальной системы через инициативное реагирование на возникающие социальные флуктуации, пересмотр норм и правил для преодоления дестабилизирующего воздействия внешней среды и взаимовлияния участников инновационного процесса» [2. С. 90]. Понятие «автопоэзисная корпоративная культура» подчеркивает такое ее качество, как способность самодостраиваться в ответ «на согласованные изменения самосознания каждого члена организации» [1]. Построение автопоэзисной организационной культуры селективного типа обязательно предполагает: (а) мониторинг личностно-профессионального развития участвующих в человекоцентрированной цифровой трансформации, направленной на селекцию сотрудников вследствие успеха; (б) регулярный отбор инновационных технологических и организационных приемов как результативный способ адекватного реагирования на внешние и внутренние воздействия, которые могут пополнять «фонд изменений», расширяя «популяционный социокультурный репертуар» [12. С. 254]; (в) функционирование гибких конструктов положительной и отрицательной обратной связи для запуска рекурсивного самораспространения селективно отобранных инновационных образцов профессиональной и социокультурной деятельности, доказавших свою состоятельность.

Таким образом, несмотря на полезный вклад междисциплинарных исследований, до сих пор не достигнуто системное понимание того, как цифровая трансформация влияет на эффективность сотрудников [18]. Традиционные подходы, сформированные в индустриальную эпоху, могут оказаться недостаточными в условиях тотальной цифровой трансформации. Благодаря высокому потенциалу автоматизации в ранее недоступных областях, новым возможностям работы с многопоточностью и большими данными, усилению когнитивных функций, выстраиванию эффективного взаимодействия с людьми с учетом индивидуальных особенностей и изменений среды необходима ориентация на человека (персонализации трудовых отношений) при внедрении технологий в рабочую деятельность. В связи с этим возникает ряд вопросов: как оценить уровень необходимой, соответствующему этапу трансформации организации, личностно-

профессиональной эффективности; как и почему сотрудник, достигший определенного уровня личностно-профессиональной эффективности, остается включенным в общие цели; как должна строиться работа по вовлечению (удержанию) сотрудников в инициативы трансформации с сохранением их лояльности организации.

Данные вопросы легли в основу поискового исследования влияния ИИ-инструментов на личностно-профессиональную эффективность сотрудников зрелой цифровой организации. Была сформулирована гипотеза, что для личностно-профессиональной эффективности сотрудников в такой организации необходимым человекоцентрированный подход — когда периодически уточняются рабочие профили сотрудников, исследуется их опыт и потребности для создания необходимых условий для решения личных и профессиональных задач, разрабатываются индикаторы эффективности и критерии поддержки.

Исследование проводилось в зрелой цифровой организации, в которой развивается семейство виртуальных ИИ-ассистентов для совершенствования поддержки клиентов. Среди их задач не только поддержка разговора и ответы на вопросы, но и выполнение рутинных операций и оказание такой поддержки пользователю, чтобы сделать его повседневную жизнь удобнее. Ассистенты основаны на сверточных нейронных сетях и трансформерах, способных не только быстро и качественно распознать речь пользователя, но и определять интонации, эмоциональную окраску речи, т.е. задействуются технологии «эмоциональных вычислений» — первый шаг в устранении эмоционального барьера между человеком и машиной. Одновременно была поставлена задача создания виртуального ассистента для сотрудников организации, для чего была поставлена задача выделить основные их сегменты: была собрана и структурирована информация о характерных личных особенностях в отношении необходимой поддержки для эффективного решения личных и рабочих задач в любое время суток; определена и утверждена концепция, центр компетенций виртуального ассистента; проведены работы по трансформации существующих сервисов поддержки сотрудников для чат-бота. Изучение пользовательского опыта сотрудников и оценка эффективности внедряемых в рабочие процессы сервисов виртуального ассистента стали ключевыми регулярными задачами центра компетенций.

Был проведен онлайн-опрос сотрудников зрелой цифровой организации с помощью сервиса Oprossio, также использовались интервью, эксперимент совместно с нейролабораторией по изучению когнитивной нагрузки и умственного утомления методом самоотчетов об усталости во время выполнения работы и методом изучения физиологических коррелятов (активности головного мозга) (ЭЭГ). В исследовании приняли участие 1114 человек в течение четырех лет (2020–2024) (таблица 1).

Таблица 1

**Этапы эмпирического исследования личностно-профессиональной
эффективности сотрудника зрелой цифровой организации**

№	Этап	Цель	Методики, выборка	Год
1	Сегментация сотрудников, выделение особенностей	Сбор и актуализация информации о сотрудниках, особенностях поведения в зависимости от выполняемой роли, составление карты потребностей, акцент на важных для сегмента потребностях в решении личных и рабочих задач в течение дня	Онлайн-интервью (60 мин, Jazz) N=29	2020
2	Актуализация информации о выделенных сегментах	Получение информации об особенностях структуры рабочего дня, детальная проработка потребностей в зависимости от решаемых задач в структуре дня, в рабочей ситуации и рабочем окружении в определенное время рабочего дня. Выявление потребностей в информации и отличий в потребностях в соответствии с ролью	Онлайн-интервью (30–40 мин, Jazz) N=33	2022
3	Анализ сегментов «Новички» и «Наставники»	Сбор информации о сегменте сотрудников, которые начинают работать в организации («новички»), и их адаптационных потребностях. Сбор информации о потребностях сотрудников, принимающих участие в адаптации новичков	Онлайн-интервью (60 мин, Jazz) Онлайн-опрос (руководители и бадди-сотрудники, поддерживающие новичка) N=22 Онлайн-опрос новичков (>4 месяцев) N=230 Онлайн-опрос опытных сотрудников (>1 года) N=21	2022
4	Анализ сегмента Agile-периметра	Дополнение информации о профиле сотрудника Agile-периметра. Получение информации о способах сохранения эффективности в течение рабочего дня и о факторах, которые помогают сотруднику быть и ощущать себя эффективным	Онлайн опрос N=395 (сегменты «Бэкофисмен» и «Лидер»)	2023
5	Анализ сегмента Agile-периметра (мониторинг)	Исследование состава рутинных задач в течение дня, затрачиваемого времени и способов решения. Определить структуры дня, поведенческих паттернов в решении рутинных задач и задач творческого типа, резервов высвобождения времени и ресурса работоспособности	Онлайн-опрос N=365 (сегменты «Бэкофисмен» и «Лидер»; квоты по ролям)	2024
6	Оценка влияния на когнитивную эффективность сотрудника Agile-периметра многозадачности и фрагментации рабочего дня	Изучение динамики изменения активности головного мозга с помощью ЭЭГ — от начала выполнения рабочих задач к концу; динамики когнитивной нагрузки для каждой группы в основных поведенческих маркерах, сравнивая успешность решения когнитивных задач в начале и в конце, а также у групп респондентов. Сопоставление самоотчетов с психофизиологическими показателями	Метод ЭЭГ Опросник «Самочувствие, активность, настроение» (САН) N=19	2024

Таким образом, с 2020 по 2024 годы были проведены исследования, фокусировавшиеся на изучении профилей сотрудников, их поведения, выполнения ими функциональных и личных задач, адаптации, утомления, поддержки эффективности в течение дня и более длительных периодов [18; 20]. Исследование профилей респондентов, особенностей выполняемых ими задач, возникающих потребностей и эмоций проводилось методами дизайн-мышления и customer-development. Респондентами также выступили сотрудники agile-периметра в рамках мероприятий по подготовке методики оценки влияния ИИ-инструментов на личностно-профессиональную эффективность сотрудников немассовых специальностей. Для определения влияния на когнитивные способности и утомление в ходе решения профессиональных задач в зрелой цифровой организации совместно с нейроработаторией был проведен эмпирический эксперимент по изучению когнитивной нагрузки и умственного утомления.

Сегментация сотрудников. Были выделены следующие сегменты в соответствии с выполняемой функциональной ролью: (1) те, кто общаются с клиентом — обычным, премиальным, VIP, лично/по телефону; (2) те, кто сопровождает других сотрудников — секретариат, сервис-менеджеры, работники штабов, служб поддержки; (3) те, кто работает над продуктами в дивизионах/ИТ-подразделениях, над экосистемой/стратегией, в финансах/безопасности и т.п.; (4) «лидеры» — линейные и функциональные. Также были выделены пять основных блоков задач, с которыми сталкивается каждый сотрудник ежедневно, независимо от сегмента: устранение проблем (что-то мешает работать); функциональные обязанности; организационные вопросы; рост и развитие; личные вопросы. По результатам интервью, картирования пути сотрудника и наложения карты эмпатии были получены описания типичного представителя каждого сегмента и перечень его первоочередных вопросов; выделен фокус внимания для устранения помех в разрезе ролей; составлена карта потребностей для дальнейшего проектирования сервисов виртуального ассистента; выделены точки роста для повышения личностно-профессиональной эффективности при планировании задач на день и в более длительной перспективе, в разрезе ролей, с учетом индикаторов эффективности и необходимости поддержки.

Выяснилось, что сегменты одинаково понимают критерии эффективности своей деятельности, готовы к ее совершенствованию и необходимым изменениям, оптимизирующим их работу таким образом, чтобы обеспечить лучшее ее выполнение согласно специфике функциональной роли. Так, в сегменте (1) сотрудники нацелены на выполнение ежедневных нормативов без стресса для себя и коллег и с комфортом для клиентов, для чего регулярно повышают квалификацию, получают новые знания и навыки, принимают участие в тренингах и курсах; выдвигают инициативы по упрощению и ускорению работы с клиентами: *«все задачи решены в течении одного дня: по ра-*

бочим моментам, по продажам и по вопросам клиентов»; «в голове план, было бы хорошо, если бы помощник записывал мой план — что и сколько мне нужно сделать сегодня»; «полезная информация, конечно, есть, но хотелось бы, чтобы... программа видела, что я мало продаю, и предлагала бы конкретное обучение». Сотрудники сегмента (2) фокусируются на своевременном качественном выполнении планов задач для клиентов, ориентируясь на обратную связь, для чего готовы изучать новые методы и инструменты повышения эффективности работы с клиентами; ищут дополнительные возможности для оптимизации ежедневных процессов и улучшения внутренней коммуникации: «день, в который я для себя вычеркнула максимальное количество задач»; «довольны внутренние клиенты». В сегменте (3) сотрудникам важно понимать смысл и видеть постоянный прогресс в решении задач на основе своевременно поступающей информации, в связи с чем демонстрируют высокий уровень рефлексии и стремление к совершенствованию рабочих процессов, ищут более удобные способы фиксации задач и передачи информации; постоянно улучшают навыки, изучают новые технологии и инструменты: «чтобы был прогресс в задачах». В сегменте (4) эффективность определяется степенью контроля и понимания ситуации, вовлеченности, понимания целей, решения задач руководимой команды, для чего лидеры стремятся повышать как собственный уровень экспертности, так и развивать команду; проявляют активную жизненную позицию и вовлечены в инновационные проекты и улучшение внутренней атмосферы: «решен какой-то сложный кейс и заключена хорошая сделка — есть результат»; «выполнена каждым сотрудником его производительность и проданы продукты экосистемы»; «можно на личном примере показать, что можно делать больше».

Актуализация информации о выделенных сегментах. База данных о сотрудниках была дополнена информацией о семейном статусе, увлечениях, интересах за рамками работы, о том, как сотрудник работает с информацией в течение дня, с почтой, встречами, строит планы. Сегменты обрабатывают информацию в соответствии с ролью и спецификой задач: сегмент (1) концентрируется на обслуживании клиентов и сборе данных о реализуемых продуктах и услугах, сегмент (2) — на организации работы и внутреннем взаимодействии, сегмент (3) — на обработке массивов данных и аналитике, сегмент (4) — на мониторинге внешних и внутренних каналов для быстрого принятия решений. Для каждого сегмента были определены точки роста эффективности работы, но для всех сегментов актуально решение осознаваемой проблемы при самостоятельном отслеживании целостности и актуальности информации, ежедневная работа с большим количеством приложений: «в день много встреч, хотелось бы, чтобы автоматом по степени важности отмечалось: если от руководителя, то одна категория, а когда я инициатор — другая, чтобы я мог понять, где могу отказаться от встреч, а когда нет точно»; «пишем много, нужен умный фильтр, чтобы в идеале определял

от руководителя задачи за последнее время, статус — до такого-то поручения осталось два дня»; «нужны напоминания, что не по плану идет, где у меня отклонения, чтобы я в привычном ритме не потерял то, что важно для меня».

Сегменты «Новички» и «Наставники». Были выявлены топ-критерии, определяющие выбор новичками работодателя: интересная работа, заработная плата и карьера. Были выявлены адаптационные потребности новых сотрудников и тех, кто участвует в адаптации новичков: потенциальный сотрудник хочет знать порядок действий с начала работы, чтобы стать частью команды, выйти на эффективность; новый сотрудник хочет выбирать дополнительного наставника и знать, с чем сравнить свое движение к завершению адаптации; руководитель новичка хотел бы, чтобы наставник, которого он назначил, помогал новому сотруднику на всех этапах. Поскольку новички не вполне понимают свои задачи и ожидания от своей работы, большинство испытывает потребность в информации о порядке действий в первые месяцы работы, и в отсутствии ясности в сроках и правилах адаптации испытывают тревогу, страх допустить ошибку и не соответствовать ожиданиям коллектива. Была обнаружена взаимная заинтересованность новичков и их руководителей в прозрачности процедуры адаптации, четком понимании шагов, необходимых для скорейшего выхода на полную эффективность, для минимизации рисков, связанных с низким уровнем производительности и демотивацией новых сотрудников: *«я сама себя назначала, это мой персонал и его работа зависит от того, как я научу»; «обязательно через несколько недель собираемся с новичком и руководителем, ставим цели на испытательный срок и в конце еще раз встречаемся»; «я знаю, как она работает, потому что во всех моментах рядом»; «нужно брать опыт давно работающих и загружать его в свою “базу данных”».* Результаты анкетирования показали, что новички первого года наиболее заинтересованы в информации об образовании (23 %), после года работы запрос на «новости по профессиональной деятельности» с 9 % до 16 %; наблюдается стабильный интерес к опыту лидеров 7 %–9 %, спорту и здоровью (по 8 %); информация о скидках и льготах несколько утрачивает значение (с 19 % до 14 %).

Анализ сегмента Agile-периметра. Основной привычной деятельностью для сотрудника зрелой цифровой организации является решение рабочих задач и саморазвитие в свободное время на работе. По сравнению с 2020–2022 годами ситуация изменилась: организация учла потребность сотрудников в оптимизации количества каналов поступления и хранения информации, предложила удобные цифровые решения. В 2024 году сотрудники не держат в голове важную информацию о задачах, доверяя цифровым инструментам, ориентированы на достижение цели даже в сложных условиях дефицита времени и напряженного ожидания коллег, хотя и считают нужным информировать о возможных рисках коллег и руководство. На во-

прос «Что вы делаете, когда понимаете, что не успеваете выполнить задачу в срок?» 19 % ответило, что сдвигает срок, но делает все возможное, 8 % старается выполнить задачу, «несмотря ни на что», 8 % предупредит, что не успевает. Целеустремленность, смелость, осознание личных мотивов и необходимости поддержки личной эффективности посредством кратковременных перерывов, сохранение работоспособности даже в напряженные моменты риска невыполнения задач в ожидаемые сроки, открытость и честность отличают сотрудников зрелых цифровых организаций: *«мотивация всегда есть, всегда есть обходные пути»*. Наличие у большей части сегмента группоцентрического смыслового момента показало распределение ответов на вопрос об участии в благотворительности: из 67 % участвующих 26 % отметили проекты организации, 41 % — вне ее. Отвечая на вопрос «Что помогает вам эффективно работать?», 69 % назвало переключение (сходить за кофе, прогуляться, пообщаться с коллегами) и внешнюю мотивацию (том числе материальную). Когда сотрудники не могут сосредоточиться, 34 % делает перерыв на короткий отдых или другую задачу, 8 % слушают музыку, 6 % прерываются на кофе/чай, 5 % настраиваются, 2 % медитируют. *«Я просто не работаю над этой задачей некоторое время, даю мозгу отдохнуть и со свежими мыслями возвращаюсь к задаче»*.

Был выявлен типовой состав рутинных задач, которые пригодны для автоматизации с помощью ИИ в работе с большими объемами неструктурированных данных, что свидетельствует о временных и когнитивных резервах сотрудника зрелой цифровой организации для роста личностно-профессиональной эффективности. Основные задачи, с которыми сталкиваются сотрудники Agile-периметра, — обмен информацией, планирование задач и обсуждение результатов. Средний показатель времени, которое можно освободить за счет оптимизации процессов, составляет около трех часов в день. Почти треть сотрудников нуждается в большем количестве времени на обработку информации и принятие решений, более 76 % выполняют задачи параллельно, что снижает продуктивность в условиях многозадачности. Около 81 % ежедневно тратят время на разбор входящих писем (в среднем до 35 минут), 52 % тратят около 30 минут на планирование задач на день, 31 % — на планирование встреч на день, 67 % тратят в среднем 70 минут на написание писем, протоколирование встреч занимает у 47 % в среднем до 40 минут, 69 % тратят время на подготовку документов/анализ/дизайн презентации. До 15 минут ежедневно тратится на подведение итогов дня.

Следует отметить, что при столь высокой нагрузке и нацеленности на результат, на фоне возрастания интенсивности работы и усложнения задач среди сотрудников растет запрос на дополнительное обучение, основной период которого приходится на время свободных окон, перерывов, вечерние часы и периоды низкой загруженности. Отвечая на вопрос «Что вы делаете, когда появляется свободное время?», 63 % выбирают обучение, стремясь интегри-

ровать его в свой рабочий ритм, равномерно распределяя занятия по времени и выбирая удобные форматы (онлайн-курсы, подкасты).

При описанной выше работе с высокими когнитивными требованиями и высокой интенсивностью, нацеленностью на результат и саморазвитием наибольшая продуктивность отмечается в первой половине дня (до 12 часов), и у большинства сотрудников наблюдается фаза снижения продуктивности к вечеру. Изучение когнитивной нагрузки при решении типовых задач, с учетом дополнительной информационно-коммуникативной нагрузки, были обнаружены различия в динамике низкочастотных ритмов ЭЭГ (альфа и тета), которые указывают на рост напряжения и возможное снижение контроля над когнитивной деятельностью в условиях решения задач с разными (длинными и короткими) отвлечениями. Эти данные коррелируют с перерывами на отдых, когда сотрудник не может завершить задачу из-за усталости и прерывается для восстановления концентрации, и подтверждают значимость периодических перерывов на отдых в течение дня как способ саморегуляции когнитивной нагрузки в целях выполнения задач и договоренностей: *«выполняю приоритетные задачи, когда я эффективна, менее приоритетные — когда нет»*. В динамике высокочастотного ритма бета не было обнаружено различий между этапами до и после решения задач, что указывает на возможное отсутствие расслабления — информационная нагрузка переживается и после окончания деятельности. Эти данные требуют уточнения, но могут быть приняты к сведению как коррелирующие с результатами опросов и аргументирующие поведение сотрудников по паттернам переключения в процессе решения задач.

Таким образом, несмотря на интенсивность задач и информационную нагрузку, сотрудники зрелой цифровой организации показывают высокую эффективность, стабильную трудоспособность и выраженный запрос на развитие. Организация, на протяжении четырех лет исследований поддерживая сотрудников в стремлении быть эффективными, совершенствуя деятельность и используемые инструменты с опорой на обратную связь и запрашиваемые улучшения, получает все более увлеченных работников, ответственных перед организацией и коллегами, осознающих, что усложнение рабочих процессов означает необходимость как их оптимизации, так и саморазвития. Сотрудники были готовы тратить высвобождаемое время на обучение как в 2020, так и в 2024 году, что может быть особенностью организационной культуры, которая вменяет в обязанность каждому руководителю следить за развитием каждого сотрудника (ежегодные индивидуальные планы), предоставляет широкие возможности обучения (онлайн или очно в корпоративном университете), постоянно обновляющуюся базу знаний, задает вектор на личностное развитие и непрерывное совершенствование, — все это формирует паттерны поведения рядового сотрудника. Иными словами, процесс непрерывной трансформации и развития организации с работающими в из-

меняющейся среде сотрудниками формирует у них привычное состояние непрерывного самосовершенствования. Резерв для высвобождения времени у сотрудников зрелой цифровой компании — не менее трех часов в день: благодаря оптимизации процессов и внедрению технологий в выполняемые всеми сотрудниками задачи (поиск контактов, разбор писем и встреч, подведение итогов дня).

Вопросы перегруженности вследствие выполняемых объемов нетривиальных задач решаются интуитивно — большая часть сотрудников делает перерывы на короткий отдых, чтобы снять напряжение и вернуть концентрацию, выполнив работу в указанный срок. Большинство в свободное время отдает предпочтение обучению, в меньшей степени ориентируясь на восстановление с помощью отвлечения на соцсети. У сотрудников наблюдается запрос на развитие в том числе в сегменте, сопровождающем наиболее рутинную (не творческую) операционную деятельность, поскольку саморазвитие лежит в основе корпоративной культуры.

В ходе исследований были подтверждены показатели по личностным предикторам — добросовестности, любознательности (открытости), смелости, конкурентоспособности, саморегуляции, толерантности к изменениям. Очевидны возможности оптимизации окружающей среды для снижения когнитивной нагрузки, например, устранение акустического загрязнения опенспейсов (*«иногда надо уйти в тишину, надеть наушники»*), разгрузка памяти от необходимости держать в голове планы, устранение рутинной работы по подготовке драфтов писем и документов, написанию кодов и других документов профессиональной деятельности и т.д.

Выявление особенностей профилей разных функциональных ролей дает представление об имеющихся резервах, возможностях их использования и типе поддержке, необходимой для сохранения эффективного состояния в решении профессиональных и личных задач. Так, исследование структуры рабочего дня показывает, в какие часы сотрудники наиболее производительны, а когда чувствуют снижение продуктивности, почему начинают испытывать тревожность и т.п. (понимание хода выполнения типовых задач и на кого ориентируются сотрудники позволяет верно выбирать направление поддержки их эффективности даже в случае дедлайна). Еженедельное время, проведенное на совещаниях, с февраля 2020 года увеличилось на 252 %; 68 % сотрудников утверждают, что у них недостаточно времени на концентрацию в течение рабочего дня, что приводит к огромным затратам на альтернативные инструменты их контроля. Обнаружение резервов и возможностей поддержки обеспечивают рост личностно-профессиональной эффективности, высвобождая время, психологический и когнитивный ресурс, оптимизируя процессы с помощью технологий ИИ: высвободившееся время сотрудники без принуждения, действуя в личных и профессиональных интересах, осознанно потратят на саморазвитие без ущерба для решения поставленных задач и общего благополучия.

Сегодня инструментом рабочей эффективности становятся технологии поддержки человека, в первую очередь определение его поведенческого профиля, реконструкции истории его взаимодействия с виртуальной поддержкой. На восприятие ситуации влияет множество факторов, таких как уровень стресса и тревожности, физическое самочувствие, сложность решаемых задач, окружающая среда и т.п. В различных ситуациях время может ощущаться по-разному, даже для одного и того же человека в разные дни, поэтому сбор данных о трудозатратах с целью выявления резервов сотрудника следует проводить методами опроса, а для проверки данных проводить контрольные замеры путем наблюдения и/или автоматизированными системами. Ситуацию усложняет нынешняя цифровая трансформация — процесс для каждой организации уникальный: нецелесообразно было бы предлагать единую методику и ожидать, что она будет одинаково хороша для всех. Поэтому следует ориентироваться на определенный набор этапов, которые можно адаптивно менять с учетом запросов организации. Гибкая корректировка оценки личностно-профессиональной эффективности в интересах адаптации к внешней среде, разработки способов поддержки и стимулирования сотрудника может органично встроиться в трансформационные процессы организации.

Сегодня зрелая цифровая компания стремится к тому, чтобы ее сотрудники становились, с одной стороны, как можно более автономными, не обращались в сторонние подразделения, с другой стороны, поддерживали взаимодействие друг с другом для решения задач, получали нужную информацию в нужное время из надежных источников, экономя время и более эффективно проводя свой день. В этом контексте внедрение технологий носит дуальный характер: несвоевременность, навязчивость, избыточность, неприменимость к бизнес-процессам может негативно отразиться на эффективности сотрудника и даже привести к потере квалификации; напротив, персонализация, предикативность, понимание состояния, нагрузки и окружающего контекста могут позитивно отразиться на результатах сотрудника и внедрении технологий в бизнес-процессы. Так, цифровая обработка больших данных позволяет выявлять закономерности и паттерны в поведении работников, что помогает разрабатывать все более точные рекомендации, которые учитывают индивидуальные потребности каждого сотрудника, но такой подход требует организационной культуры селективного автопоэзисного типа [1].

Построение гибких механизмов обратной связи в «умном управлении» [19; 55] требует мониторинга селективного типа — ориентированного на максимальное извлечение данных об использовании инновационного опыта и личностно-профессионального потенциала, динамике его профиля, изменении статусно-ролевых характеристик в ходе рабочей и личной деятельности, участия в первоочередных и перспективных управленческих решениях.

Индикаторы эффективности могут имплементироваться в цифровые технологии рабочих процессов: такой вариант человекоцентрированности может быть включен в генеративные алгоритмы виртуальной поддержки, направленные на персонифицированные модели помощи, а «фонд изменений» позволит «подтягивать» из базы знаний инновационные образцы решения проблем, обеспечивая рекурсивное самораспространение селективно отобранных инновационных образцов профессиональной и социокультурной деятельности, доказавших свою состоятельность. В этом аспекте ИИ-технологии, в частности, генеративный ИИ, открывают широкие перспективы для развития потенциала человека, какой бы профессиональной деятельностью он ни занимался. Чтобы повысить эффективность сотрудника, не нанеся ему вред, необходима такая цифровая среда, которая будет работать на него, получая «обратную связь» о его личностно-профессиональном потенциале (адаптивном, когнитивном и эмоциональном) и, тем самым, гарантируя ему и работодателю максимально достижимую в конкретной ситуации эффективность.

Примечания

- (1) Сбербанк (цифровой_бизнес) // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>.
- (2) Rogers B. Why 84 % of companies fail at digital transformation // URL: <https://www.forbes.com/sites/brucerogers/2016/01/07/why-84-of-companies-fail-at-digital-transformation/?sh=55fd4484397b>.
- (3) Nash H. Navigating uncertainty // URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/xx/pdf/2017/07/harvey-nash-kpmg-cio-survey-2017.pdf>.
- (4) Baculard L.-P., Colombani L., Flam V., Lancry O., Spaulding E. Orchestrating a successful digital transformation // URL: <https://www.bain.com/insights/orchestrating-a-successful-digital-transformation>.
- (5) What's the future of generative AI? An early view in 15 charts // URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/mckinsey-explainers/whats-the-future-of-generative-ai-an-early-view-in-15-charts>.

Библиографический список

1. Битулина К.Ю. Корпоративная культура как фактор влияния на процесс становления организации (социологический анализ). Дисс. к.с.н. М., 2005.
2. Василенко Л.А. Менеджмент социальных инноваций. М., 2010.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 2008.
4. Захарова С.А. Цифровая зрелость региональных органов государственной власти как основа «умного» публичного управления // Государственная служба. 2022. Т. 24. № 5.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М., 2003.
6. Литаш-Сорокина Е.А. Факторы, определяющие качество жизни в цифровую эпоху // Государственное управление и развитие России: глобальные тренды и национальные перспективы. Т. 3. М., 2023.
7. Литаш-Сорокина Е.А. Источники энергии лидера и цифровых команд // Лидерство и вызовы современности. М., 2023.
8. Маркова А.К. Психология труда учителя. М., 1993.
9. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. М., 2001.

10. Стратегия цифровой трансформации: Аналитический доклад Центра подготовки руководителей и команд цифровой трансформации. М., 2021.
11. Щербина В.В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М., 2018.
12. Щербина В.В., Попова Е.П. Организационное развитие. Теория и практика. М., 2011.
13. Autor D.H., Katz L.F., Krueger A.B. Computing inequality: Have computers changed the labor market? // *Quarterly Journal of Economics*. 1998. Vol. 113. No. 4.
14. Medows Et. Person-centered approach in organizational relationships // *Organizational Psychology*. 2014. Vol. 4. No. 2.
15. Montag C., Lachmann B, Herrlich M., Zweig K. Addictive features of social media/messenger platforms and freemium games against the background of psychological and economic theories // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019. Vol. 16. No. 14.
16. Russo D. The Agile success model: A mixed-methods study of a large-scale Agile transformation // *ACM Transactions on Software Engineering and Methodology*. 2021. Vol. 30. No. 4.
17. Stinchcombe A. Social structure organization // *Handbook of Organization* / Ed. by J. March. Chicago, 1965.
18. Trenerry B., Chang S., Wang Y., Suhaila Z.S., Lim S.S., Lu H.Y., Oh Ph. Preparing workplaces for digital transformation: An integrative review and framework of multi-level factors // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12.
19. Vasilenko L., Meshcheryakova N. Digital hybridity: Innovative reality or utopia? // *Philosophy of Science and Technology*. 2023. Vol. 28. No. 1.
20. Weiwei Xing, Weibin Liu, Jun Wang, Shunli Zhang, Lihui Wang, Yuxiang Yang, Bowen Song. Visual Object Tracking from Correlation Filter to Deep Learning. Springer, 2021.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-681-700

EDN: ATTUFE

Personal-professional efficiency of employees in the mature digital organization*

L.A. Vasilenko, L.A. Stepnova, E.A. Litash-Sorokina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia

(e-mail: vasilenkola@mail.ru; stepnova@gmail.com; elena@lita.sh)

Abstract. The article considers the conditions of personal-professional efficiency of employees in the context of organizational AI maturity as the readiness and ability to use artificial intelligence (AI) technologies. The study is based on the hypothesis that the continuous self-improvement of mature digital organizations affects work processes in the given external environment and directly stimulates personal self-improvement of employees in their professional activities. As an AI-mature organization the authors selected a company that has gone through the largest digital transformation and currently implements digital

*© L.A. Vasilenko, L.A. Stepnova, E.A. Litash-Sorokina, 2025

The article was submitted on 14.04.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

projects both for business and for solving strategic government tasks; one of its priorities is the integration of AI of “new generation” into the human-centric model of business processes (1). The authors show a high level of correlation between AI maturity and the human-centric focus of personal-professional efficiency, which suggests the need for controlled formation of a creative personality with a high level of subjectivity, motivation, responsibility, adaptability and learning ability, capable of building effective interaction and using digital environment, including AI technologies. The relevant criteria for personal self-development are as follows: adaptability, openness, tolerance for uncertainty, self-regulation, courage and metacognitive abilities. The study proved a potential negative impact of digitalization on mental health due to the level of development of digital environment and workspaces of digital companies. Thus, organizational sustainability in an intensively changing environment requires monitoring of the reserves of personal and professional efficiency and the working base that has the potential for continuous improvement and adaptation as a condition for maintaining and releasing cognitive reserves. The authors assess the prospects for an organizational culture of a selective autopoiesis type provided its AI maturity. The feature of such a culture is a human-centric selection of innovative samples of professional and social-cultural activities of employees under their personal and professional development. Based on the monitoring results, the samples as constructs of the change fund can be refined to be self-disseminated in the form of positive and negative feedback.

Key words: digital maturity; personal-professional efficiency; artificial intelligence; ecosystem; human-centricity; fractality; autopoiesis; organizational development

For citation: Vasilenko L.A., Stepnova L.A., Litash -Sorokina E.A. Personal-professional efficiency of employees in the mature digital organization. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 681–700. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-681-700>

References

1. Bitulina K.Yu. *Korporativnaya kultura kak faktor vliyaniya na protsess stanovleniya organizatsii (sotsiologicheskyy analiz)* [Corporate Culture as a Factor Influencing the Organization Formation (Sociological Analysis)]. Moscow; 2005. (In Russ.).
2. Vasilenko L.A. *Menedzhment sotsialnykh innovatsiy* [Management of Social Innovations]. Moscow; 2010. (In Russ.).
3. Vygotsky L.S. *Myshlenie i rech* [Thinking and Speech]. Moscow; 2008. (In Russ.).
4. Zakharova S.A. Tsifrovaya zrelost regionalnykh organov gosudarstvennoy vlasti kak osnova “umnogo” publichnogo upravleniya [Digital maturity of regional public authorities as a foundation of “smart” public administration]. *Gosudarstvennaya Sluzhba*. 2022; 24 (5). (In Russ.).
5. Leontiev D.A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy realnosti* [Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Meaningful Reality]. Moscow; 2003. (In Russ.).
6. Litash-Sorokina E.A. Faktory, opredelyayushchie kachestvo zhizni v tsifrovuyu epokhu [Factors determining the quality of life in the digital age]. *Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: globalnye trendy i natsionalnye perspektivy*. Vol. 3. Moscow; 2023. (In Russ.).
7. Litash-Sorokina E.A. Istochniki energii lidera i tsifrovyykh komand [Energy sources of leaders and digital teams]. *Liderstvo i vyzovy sovremennosti*. Moscow; 2023. (In Russ.).
8. Markova A.K. *Psikhologiya truda uchitelya* [Psychology of Teacher’s Work]. Moscow; 1993. (In Russ.).
9. Maturana H., Varela F. *Drevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding]. Moscow; 2001. (In Russ.).

10. *Strategiya tsifrovoy transformatsii: analitichesky doklad Tsentra podgotovki rukovoditeley i komand tsifrovoy transformatsii* [Digital Transformation Strategy: Analytical Report of the Center for Training Managers and Teams of Digital Transformation]. Moscow; 2021. (In Russ.).
11. Shcherbina V.V. *Ratsionaliziruyushchie diagnosticheskie upravlencheskie sotsialnye tekhnologii* [Rationalizing, Diagnostic, Management Social Technologies]. Moscow; 2018. (In Russ.).
12. Shcherbina V.V., Popova E.P. *Organizatsionnoe razvitie. Teoriya i praktika* [Organizational Development. Theory and Practice]. Moscow; 2011. (In Russ.).
13. Autor D.H., Katz L.F., Krueger A.B. Computing inequality: Have computers changed the labor market? *Quarterly Journal of Economics*. 1998; 113 (4).
14. Medows Et. Person-centered approach in organizational relationships. *Organizational Psychology*. 2014; 4 (2).
15. Montag C., Lachmann B, Herrlich M., Zweig K. Addictive features of social media/messenger platforms and freemium games against the background of psychological and economic theories. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2019; 16 (14).
16. Russo D. The Agile success model: A mixed-methods study of a large-scale Agile transformation. *ACM Transactions on Software Engineering and Methodology*. 2021; 30 (4).
17. Stinchcombe A. Social structure organization. *Handbook of Organization*. Ed. by J. March. Chicago; 1965.
18. Trenerry B., Chang S., Wang Y., Suhaila Z.S., Lim S.S., Lu H.Y., Oh Ph. Preparing workplaces for digital transformation: An integrative review and framework of multi-level factors. *Frontiers in Psychology*. 2021; 12.
19. Vasilenko L., Meshcheryakova N. Digital hybridity: Innovative reality or utopia? *Philosophy of Science and Technology*. 2023; 28 (1).
20. Weiwei Xing, Weibin Liu, Jun Wang, Shunli Zhang, Lihui Wang, Yuxiang Yang, Bowen Song. *Visual Object Tracking from Correlation Filter to Deep Learning*. Springer; 2021.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-701-716

EDN: AMWRSS

Приоритетные направления государственной поддержки некоммерческого сектора Юга России и Приазовья как инструмент достижения национальных целей развития России*

С.В. Чуев¹, М.Б. Поляков¹, И.А. Бугаков¹, В.Г. Иванов^{1,2}

¹Государственный университет управления
Рязанский просп., 99, Москва, 109542, Россия

²Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: sv_chuev@mail.ru; polyakov-mb@mail.ru;
ilya.bugakov01@gmail.com; ivanov_vg@pfur.ru)

Аннотация. Совершенствование мер государственной поддержки некоммерческого сектора в условиях структурной перестройки российской экономики и актуализации многих вопросов социальной поддержки населения — важное направление в достижении национальных целей развития страны и рационального использования бюджетных средств. Цель проведенного авторами исследования — определение приоритетных направлений государственной поддержки НКО-резидентов регионов Юга России и Приазовья для достижения национальных целей развития России. Для достижения этой цели был проведен комплексный анализ мер государственной поддержки некоммерческого сектора в Донецкой Народной Республике, Республике Крым, Луганской Народной Республике, Краснодарском крае, Ставропольском крае, Запорожской области, Ростовской области, Херсонской области и городе Севастополе. В статье представлены результаты анализа форм государственной поддержки НКО в перечисленных регионах, а также данные социологических опросов по приоритетным мерам государственной поддержки некоммерческого сектора. В частности, разработан вариант оценки соответствия национальных целей развития и видов деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (далее — СОНКО), установленных российским законодательством. В экономических условиях последних лет (включая последствия пандемии в 2020–2021 годах, режим международных санкций и проведение специальной военной операции (СВО) в 2022–2024 годах) государственная поддержка НКО выступает стабилизационным фактором устойчивого развития некоммерческого сектора, но в ситуации ограниченности ресурсов важно четко обозначить приоритетные меры государственной поддержки НКО в интересах достижения национальных целей развития.

Ключевые слова: некоммерческий сектор; приоритетные меры; государственная поддержка; национальные цели развития; новые регионы России; Юг России; Приазовье

*© Чуев С.В., Поляков М.Б., Бугаков И.А., Иванов В.Г., 2025

Статья поступила в редакцию 27.01.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Для цитирования: Чуев С.В., Поляков М.Б., Бугаков И.А., Иванов, В.Г. Приоритетные направления государственной поддержки некоммерческого сектора Юга России и Приазовья как инструмент достижения национальных целей развития России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 701–716. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-701-716>

В последние годы некоммерческий сектор России столкнулся с большим количеством препятствий: ограничения в период пандемии (2020–2021), режим международных санкций (2022–2025) и значительно возросшая социальная нагрузка на НКО в ходе СВО существенно повлияли на деятельность НКО, в частности, снизилось число зарегистрированных СОНКО — на 4,6 % (с 140031 в 2015 году до 133509 в 2023 году).

В 2024 году Президент России определил национальные цели развития страны до 2030 года, что было обусловлено необходимостью обеспечить устойчивое экономическое и социальное развитие России в условиях внешнеэкономического и внешнеполитического давления. Особое внимание государства сегодня направлено на устойчивое развитие регионов Приазовья, большинство из которых вошли в состав России в 2014–2022 годы. Участие некоммерческого сектора в реализации социально значимых инициатив — важная составляющая поступательной реализации государственной социальной политики, поэтому цель исследования — определение приоритетных направлений государственной поддержки НКО-резидентов регионов Юга России и Приазовья (ДНР, Республика Крым, ЛНР, Краснодарский и Ставропольский край, Запорожская, Ростовская и Херсонская области, Севастополь).

Вопросы государственной поддержки некоммерческого сектора в России и за рубежом рассматриваются в разных контекстах: развитие НКО в рамках отдельных территорий [3]; опыт государственной поддержки НКО в период кризисов [7]; региональная поддержка некоммерческого сектора [6]; меры государственной поддержки некоммерческого сектора [9] и их влияние на устойчивое развитие регионов [5; 16] и др. Хотя опубликованы работы о социально-экономическом развитии регионов Юга [10; 13; 14], комплексного научного анализа приоритетных мер государственной поддержки НКО на территории регионов Юга России и Приазовья по состоянию на 2024 год не проводилось.

Информационная база нашего исследования состоит из данных федеральных органов исполнительной власти (Минэкономразвития, Минюст, Росстат), статистических данных государственных фондов, осуществляющих поддержку СОНКО, а также региональных и муниципальных статистических показателей государственной поддержки некоммерческого сектора. Кроме того, были проведены социологические опросы: всероссийский опрос (N=1600), экспертный опрос (187 руководителей и сотрудников СОНКО и 9 специалистов в сфере приоритетных мер государственной поддержки НКО) [9].

По словам курирующего государственную поддержку СОНКО заместителя Министра экономического развития Т.А. Илюшниковой, вклад НКО

в экономику России в 2023 году достиг 2 трлн рублей (более 1,5 % ВВП) (1), что пока не соответствует вкладу НКО в экономику зарубежных стран (например, в Австралии — 8,5 %, в Канаде — 8,3 %, в США — 5,9 %) (2), однако следует отметить возрастающее влияние некоммерческого сектора на социально-экономическое развитие отдельных территорий и вклад в достижение национальных целей развития страны.

Соотношение национальных целей развития России и видов деятельности СОНКО. 7 мая 2024 года был подписан Указ Президента России № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который установил плановые показатели по приоритетным направлениям социально-экономического развития страны на долгосрочную перспективу. Достижение установленных национальных целей возможно только при сотрудничестве государства, бизнеса и некоммерческого сектора. Исходя из уставной и проектной работы НКО были сопоставлены национальные цели развития и виды деятельности СОНКО, установленные российским законодательством (таблица 1).

Согласно данным таблицы 1, все национальные цели развития российского государства могут быть реализованы при участии некоммерческого сектора, поскольку прослеживается прямая связь между целями развития и видами деятельности СОНКО.

Результаты социологических исследований. В декабре 2023 года была проведена серия социологических опросов, направленных на изучение восприятия деятельности СОНКО гражданами страны: общероссийский опрос (N=1600), опрос руководителей и сотрудников НКО (N=187) и представителей экспертного сообщества (N=9). Опросы позволили получить информацию о текущем состоянии и вызовах, с которыми столкнулись СОНКО, что важно для разработки предложений по совершенствованию государственной политики в области поддержки и развития СОНКО. Использование всероссийского опроса как описательного инструмента для региональных особенностей зависит от нескольких факторов. Во-первых, стандартность методики обеспечивает региональную сопоставимость данных и показывает различия в восприятии государственной поддержки разными социальными группами. Во-вторых, большой объем выборки общенационального исследования повышает шансы на выявление институциональных и социально-экономических тенденций в тех или иных регионах.

Исходя из мнений опрошенных (рисунок 1), можно сделать вывод, что наиболее востребованные виды деятельности НКО сегодня — помощь детям-сиротам, животным и окружающей среде, пожилым людям, ветеранам и инвалидам, а также участникам и семьям участников СВО, что подчеркивает социальный характер деятельности СОНКО и определяет их место в общей системе социальной поддержки населения в рамках достижения национальных целей развития (пункты а, б, в, г. в таблице 1). Действительно, четверть руководителей и сотрудников НКО отметили рост нагрузки на НКО в связи с режимом

международных санкций и проведением СВО, а приоритетными мерами государственной поддержки СОНКО опрошенные считают финансовые, имущественные, консультативные (информационные), а также обучение сотрудников и налоговые льготы (рисунок 2). При этом следует отметить мнение руководителей и сотрудников СОНКО о препятствиях в долгосрочном планировании деятельности организации (рисунок 3): большинство отмечает отсутствие или нехватку стабильного финансирования на несколько лет, что подтверждается тем фактом, что абсолютное большинство федеральных, региональных и муниципальных конкурсов грантов для НКО предусматривает финансирование проектной деятельности СОНКО только на один календарный год.

Таблица 1

Национальные цели развития и виды деятельности СОНКО

Национальные цели развития России	Виды деятельности СОНКО по российскому законодательству
а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи	1) социальная поддержка и защита граждан;
б) реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности	9) деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности
в) комфортная и безопасная среда для жизни	2) подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев; 7) профилактика социально опасных форм поведения граждан
г) экологическое благополучие	4) охрана окружающей среды и защита животных; 5) охрана и в соответствии с установленными требованиями содержание объектов (в том числе зданий, сооружений) и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронений
д) устойчивая и динамичная экономика	10) формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; 17) содействие повышению мобильности трудовых ресурсов;
е) технологическое лидерство	9) деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности;
ж) цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы	9) деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности;

Рис. 1. Наиболее востребованные направления деятельности СОНКО, %

Рис. 2. Наиболее востребованные виды помощи (поддержки) НКО со стороны государства, %

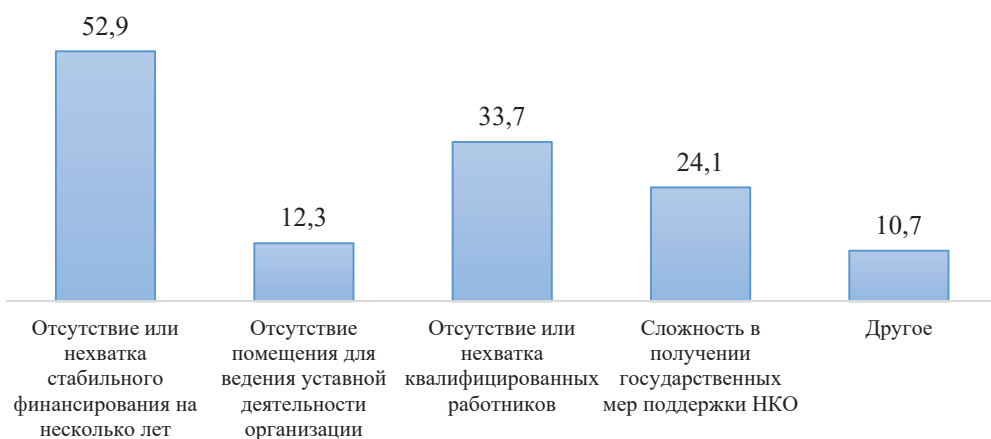

Рис. 3. Основные препятствия для долгосрочного развития НКО, %

Экспертное сообщество отмечает финансовые меры поддержки (76 %, включая налоговые льготы), а также имущественную, кадровую поддержку и доступность соответствующих (сокращение бюрократических процедур) для НКО (рисунок 4).

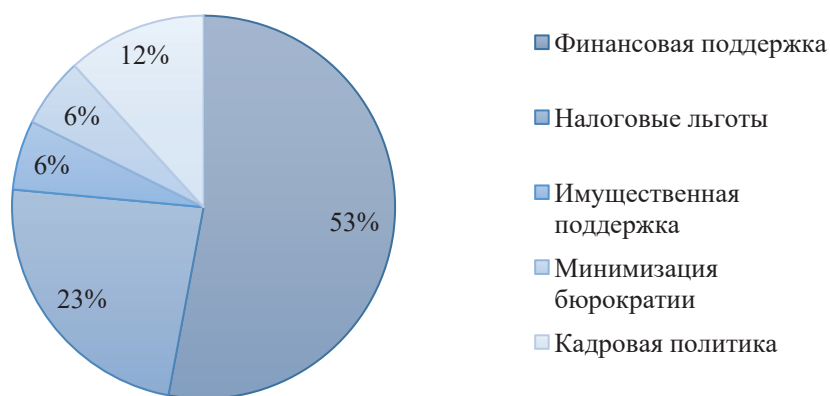

Рис. 4. Наиболее востребованные формы государственной поддержки НКО, %

В экспертных оценках были выделены новые (перспективные) направления государственной поддержки некоммерческого сектора, которые могут оказаться востребованными в среднесрочной перспективе (таблица 2). В целом наиболее приоритетными мерами поддержки для СОНКО выступают финансовая, имущественная, консультативная (информационная), а также обучение сотрудников и налоговые льготы, а отсутствие долгосрочных программ финансирования деятельности НКО является ключевым препятствием в планировании деятельности некоммерческого сектора.

Таблица 2

Новые (перспективные) направления государственной поддержки НКО, которые могут оказаться востребованными в среднесрочной перспективе

Эксперт	Новые направления государственной поддержки НКО
1	Помощь во взаимодействии со СМИ Поддержка эффективных программ на протяжении трех и более лет Подключение к программе ДМС Бесплатное повышение квалификации сотрудников
2	Обучение новым технологиям краудфандинга и взаимодействия с бизнесом
3	Наделение отдельных НКО государственными полномочиями
4	Создание маркетплейса социальных услуг НКО
5	Проработка открытого конкурса на получение государственных сертификатов на поддержку приоритетных направлений
6	Многолетнее финансирование в рамках субсидий или грантов для долгосрочного планирования работы НКО
7	Передача части государственных функций
8	Содействие в формировании партнерств, форм межрегионального сотрудничества Расширение консультационной поддержки руководителей и сотрудников Обновление систем нематериальной мотивации сотрудников и волонтеров
9	Развитие инфраструктуры (пространства) для НКО

Государственная поддержка НКО на Юге России и в регионах Приазовья. Инфраструктура государственной поддержки СОНКО установлена законодательством об НКО и включает в себя несколько направлений (рисунок 5). Наиболее востребованные формы государственной поддержки со стороны НКО — финансовая, имущественная, информационная, консультационная, поддержка в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев (волонтеров) СОНКО, а также налоговые льготы. Для оценки текущего состояния государственной политики в области поддержки и развития некоммерческого сектора был проведен анализ вышеуказанных форм государственной поддержки в девяти регионах Юга России и Приазовья (рисунок 6).

Финансовая поддержка — наиболее востребованный НКО вид господдержки. Согласно законодательству, финансовая поддержка СОНКО осуществляется за счет предоставления субсидий из бюджета (любого уровня) по утвержденной заранее смете, реализации конкурсных программ на федеральном (Фонд президентских грантов, Российский фонд культуры, Президентский фонд культурных инициатив) и региональном/муниципальном уровне. Отдельное направление финансовой поддержки — благотворительная помощь физических и юридических лиц, однако статистические показатели по этой категории не учитывались, поскольку не относятся к формам господдержки. В форме грантов на федеральном уровне за период с 2017 по 2023 годы НКО-резидентам рассматриваемых регионов было выделено более 3,1 млрд рублей (рисунок 7).

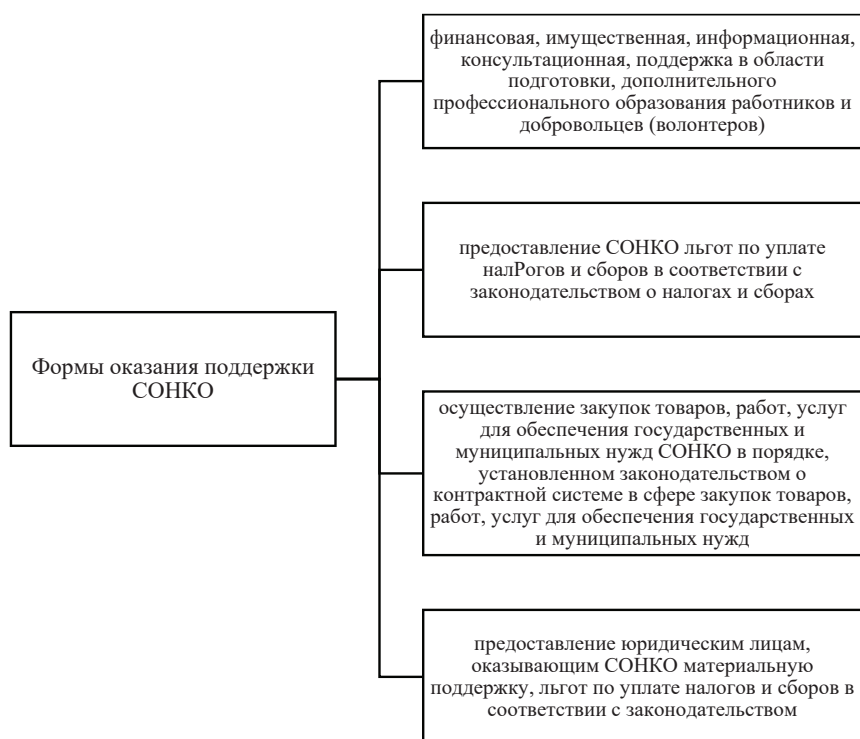

Рис. 5. Формы оказания поддержки СОНКО
(составлено на основе законодательства об НКО)

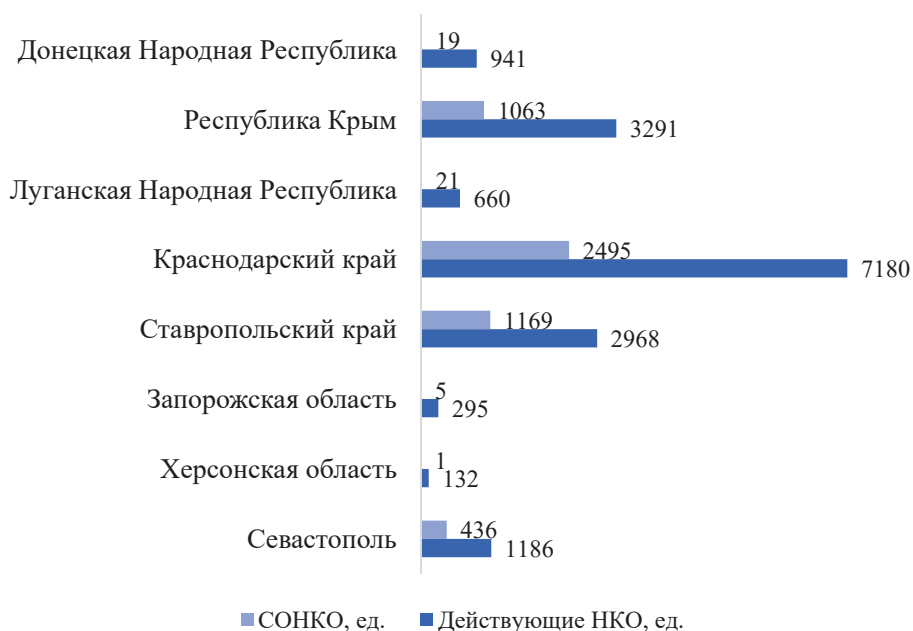

Рис. 5. Количество НКО и СОНКО-резидентов в регионах Юга и Приазовья
(на 01.07.2024; составлено на основании реестра НКО Минюста и реестра СОНКО Минэкономразвития России)

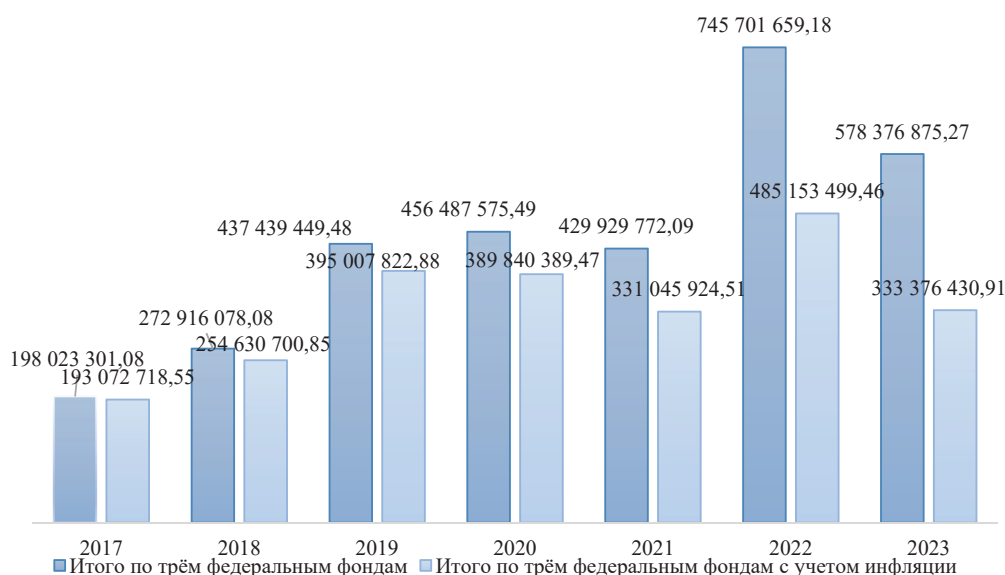

Рис. 7. Размеры поддержки СОНКО в регионах Юга России и Приазовья с учетом накопительной инфляции (2017–2023; составлено по материалам конкурсных заявок победителей конкурсов Фонда президентских грантов, Российского фонда культуры и Президентского фонда культурных инициатив)

Для понимания ситуации, складывающейся в области финансовой поддержки некоммерческого сектора, был проведен анализ с учетом инфляции не от года к году, а накопительной, т.е. в сопоставлении с первым рассматриваемым годом (2017): стал понятен как реальный объем выделенных денежных средств, так и на сколько они обесценились в конечном году. Так, номинальные затраты на поддержку СОНКО в рассматриваемых регионах с 2017 по 2023 годы увеличились почти в три раза; за счет роста инфляции реальный рост господдержки составил 72 %.

Государственная финансовая поддержка оказывается СОНКО и на региональном уровне: как правило, такие формы поддержки устанавливаются региональными законами или отдельными целевыми программами (рисунок 8). Отсутствие региональных нормативных правовых актов, которые регламентируют поддержку некоммерческого сектора, в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях во многом объясняется недавним вхождением в юрисдикцию Российской Федерации, а также продолжающимися боевыми действиями на территории регионов в рамках СВО.

Региональные бюджеты ряда рассматриваемых регионов предусматривают выделение финансовых средств на развитие некоммерческого сектора (рисунок 9). С 2021 по 2023 из бюджетов рассматриваемых регионов было выделено более 1 млрд рублей на поддержку некоммерческого сектора: общий объем финансирования вырос на 62 % номинально, но на 28 % реально (учитывая инфляцию).

Донецкая Народная Республика	Республика Крым	Луганская Народная Республика
Отсутствует	Присутствует	Отсутствует
Краснодарский край	Ставропольский край	Запорожская область
Присутствует	Присутствует	Отсутствует
Ростовская область	Херсонская область	Севастополь
Присутствует	Отсутствует	Присутствует

Рис. 8. Наличие/отсутствие региональной грантовой поддержки (составлено по результатам анализа регионального законодательства)

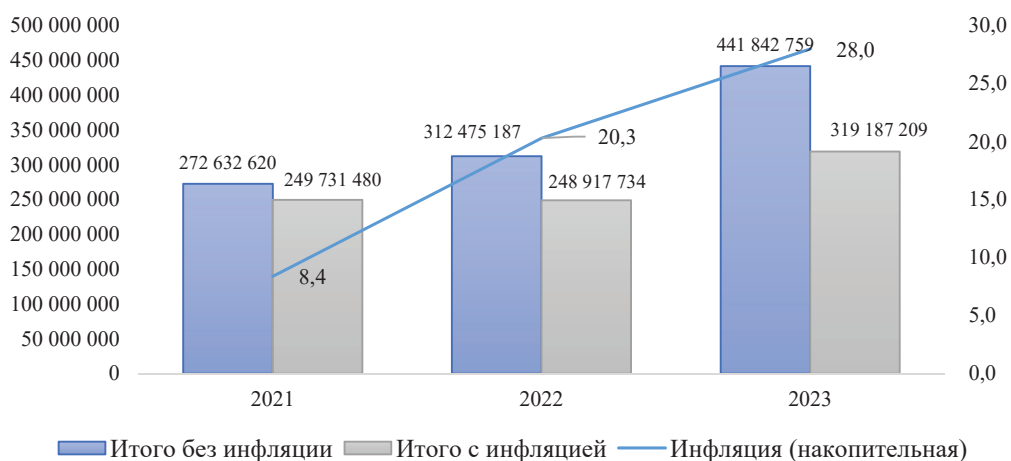

Рис. 9. Региональная финансовая поддержка СОНКО с учетом накопительной инфляции (2021–2023; составлено по итогам конкурсных программ Республики Крым, Севастополя, Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского края)

Имущественная поддержка, как правило, представлена деятельностью ресурсных центров НКО и выделением для их проектной или уставной деятельности помещений (на безвозмездной основе или по льготным тарифам). Несмотря на высокую значимость данного направления для некоммерческих организаций, имущественная поддержка в рассматриваемых регионах представлена слабо и не удовлетворяет реальный запрос действующих НКО (таблица 3). Один из основных способов увеличения объемов имущественной поддержки — предоставление в свободные от основной деятельности часы помещений действующих государственных учреждений (библиотеки, культурные центры, досуговые центры и пр.) для оказания социальных услуг населению.

Таблица 3

Имущественная поддержка СОНКО в регионах Юга России и Приазовья

Регион	Наличие регионального ресурсного центра (государственного или получающего господдержку)	Количество НКО, получивших имущественную господдержку
Донецкая Народная Республика	+	0
Республика Крым	+	107
Луганская Народная Республика	+	0
Краснодарский край	+	0
Ставропольский край	+	21
Запорожская область	-	0
Ростовская область	+	109
Херсонская область	-	0
Город Севастополь	+	0

Информационная, методическая и консультативная поддержка, обучение сотрудников и волонтеров НКО. Основной ресурс информационной поддержки деятельности НКО — Единая автоматизированная информационная система поддержки СОНКО (АИС СОНКО), разработанная Министерством экономического развития (<https://nko.economy.gov.ru>). АИС СОНКО была разработана для обеспечения открытости и прозрачности системы государственной поддержки НКО на федеральном и региональном уровне и является главной площадкой по размещению аналитики о реализации государственной политики в сфере поддержки и развития СОНКО. Ключевые информационные порталы для реализации информационной, методической, консультационной поддержки некоммерческого сектора, а также для обучения сотрудников и волонтеров НКО представлены на рисунке 10. Кроме того, информационная, консультационная и методическая поддержка НКО осуществляется на региональном уровне (таблица 4).

Таким образом, все установленные Президентом России национальные цели развития могут быть реализованы при участии некоммерческого сектора, поскольку прослеживается прямая связь между целями развития и направлениями работы СОНКО. Наиболее востребованные виды деятельности НКО сегод-

ня — помощь тем, кто в ней нуждается по самым разным причинам (окружающей среде, пожилым людям, ветеранам, детям-сиротам, инвалидам, участникам или семьям участников СВО), что определяет позицию СОНКО в общей системе социальной поддержки населения в рамках достижения национальных целей развития. Наиболее приоритетные и востребованные меры поддержки для СОНКО — финансирование, предоставление помещений, консультирование, дополнительное обучение сотрудников и налоговые льготы, а главное препятствие для работы СОНКО — отсутствие долгосрочных программ финансирования, что мешает планированию их деятельности. Несмотря на значительный рост финансирования НКО на федеральном и региональном уровне инфляционные процессы негативно влияют на уставную и проектную работу некоммерческого сектора. Что касается перспективных направлений государственной поддержки НКО, то экспертное сообщество называет передачу отдельных государственных функций некоммерческому сектору, создание своего рода маркетплейса социальных услуг НКО, развитие долгосрочных форм финансовой поддержки и расширение межрегионального сотрудничества.

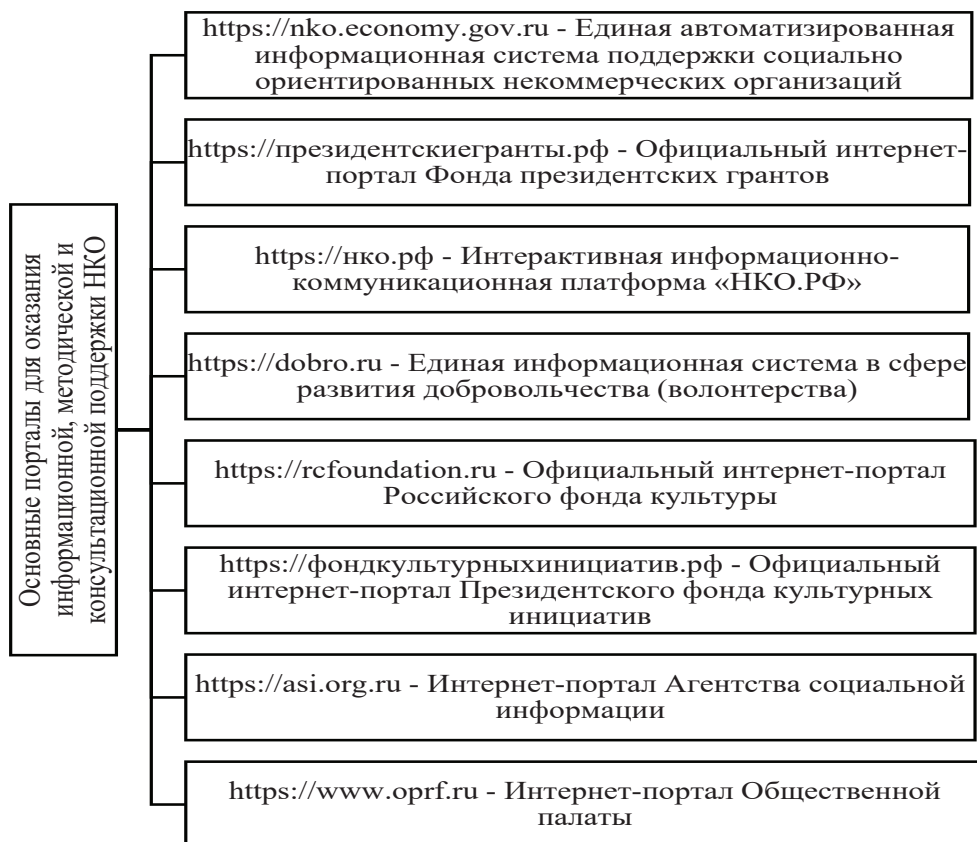

Рис. 10. Основные порталы консультационной поддержки НКО

Таблица 4

**Наличие/отсутствие регионального информационного ресурса,
освещающего деятельность СОНКО**

Регион	Наличие
Донецкая Народная Республика	+
Республика Крым	+
Луганская Народная Республика	+
Краснодарский край	+
Ставропольский край	+
Запорожская область	-
Ростовская область	+
Херсонская область	-
Город Севастополь	+

Информация о финансировании

Исследование проведено коллективом ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» при поддержке РНФ в рамках реализации проекта № 24-18-00722 «Социально-экономическая и политико-административная трансформация современного Юга России. “Новые” и “старые” регионы: сравнительный исторический анализ и перспективы развития».

Примечания

- (1) Татьяна Илюшникова: В 2023 году вклад НКО в экономику страны составил 2 триллиона рублей // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/tatyana_ilyushnikova_v_2023_godu_vklad_nko_v_ekonomiku_strany_sostavil_2_trilliona_rublei.html.
- (2) Как считают вклад некоммерческого сектора в ВВП и зачем эти цифры государству // URL: <https://nko.alregn.ru/news/kak-schitayut-vklad-nekommercheskogo-sektora-v-vvp-i-zachem-eti-tsifry-gosudarstvu>.

Библиографический список

1. Артамонова А.С., Базуева Е.В. Эффективность деятельности некоммерческих организаций для региональной экономики: концептуальные основы идентификации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 6.
2. Атласкиров А.Р. Проблема становления общероссийской идентичности в многонациональных регионах Северного Кавказа // Политика и общество. 2021. № 1.
3. Дворядкина Е.Б., Простова Д.М., Истомина Н.А. Социально ориентированные некоммерческие организации: региональная повестка. Екатеринбург, 2022.
4. Дидковская Я.В., Вишневский Ю.Р., Нотман О.В. Молодежные креативные локальности как объект социологического исследования // Социологические исследования. 2025. № 3.
5. Земсков П.А. Развитие государственно-частного партнерства в России с 2015 года по 2023 год // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4.
6. Кулькова В.Ю. Некоммерческие организации в предоставлении услуг в сфере здравоохранения на государственном и региональном уровнях // Государственное управление. 2022. № 95.

7. Кулькова В.Ю. Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 года // Государственное управление. 2020. № 80.
8. Панфилов Г., Чугунов А. Институциональные трансформации электронных каналов участия граждан в политике и управлении в регионах России // Политическая экспертиза. 2024. Т. 20. № 3.
9. Поляков М.Б., Алексеева И.И., Бикманова А.К. и др. Государственная политика в области поддержки и развития социально ориентированных некоммерческих организаций. М., 2023.
10. Решетняков Д.А. Инструменты стимулирования экономического развития Юга России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 2–2.
11. Самойлова А.Н. Оценка состояния и влияния некоммерческих организаций на развитие российской экономики // *Juvenis Scientia*. 2018. № 9.
12. Троцук И.В., Дурсина А.Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1.
13. Узунов В.В. Южнороссийский регион в пространственном измерении: теоретические и практические аспекты социологического исследования // Социология. 2023. № 3.
14. Чувев С.В. Перестройка на Дону: этапы и содержание // Вопросы истории. 2021. № 8–1.
15. Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S. Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 1.
16. Polyakov M.B., Bugakov I.A., Chuev S.V. State financial support of non-profit organizations as one of regional sustainable development foundations // *E3S Web of Conferences*. Vol. 460. Saint Petersburg, 2023.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-701-716

EDN: AMWRSS

Priority measures of the state support for the non-profit sector in the South of Russia and the Azov Region as a tool for achieving national development goals*

S.V. Chuev¹, M.B. Polyakov¹, I.A. Bugakov¹, V.G. Ivanov^{1,2}

¹State University of Management,
Ryazansky Prosp., 99, Moscow, 109542, Russia

²RUDN University,
Miklukho-Maklaya st., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: sv_chuev@mail.ru; polyakov-mb@mail.ru; ilya.bugakov01@gmail.com;
ivanov_vg@pfur.ru)

Abstract. Measures of the state support for the non-profit sector under the restructuring of the Russian economy and actualization of many social issues have become essential for achieving national development goals and rational use of budget funds. The study aims at identifying priority

*© S.V. Chuev, M.B. Polyakov, I.A. Bugakov, V.G. Ivanov, 2025

The article was submitted on 27.01.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

areas of the state support for NGOs-residents in the South of Russia and the Azov Region for achieving national development goals. The authors conducted a comprehensive analysis of the state support for the non-profit sector in the Donetsk People's Republic, Republic of Crimea, Lugansk People's Republic, Krasnodar Region, Stavropol Region, Zaporizhia Region, Rostov Region, Kherson Region and the city of Sevastopol. The article presents the results of the analysis of the state support forms for NGOs in these regions and of sociological surveys on priority measures of the state support for the non-profit sector. The authors provide an assessment of the compliance of national development goals and types of activities of socially oriented non-profit organizations as established by the Russian legislation. In the economic conditions of recent years (including the consequences of the pandemic in 2020–2021, international sanctions regime and special military operation in 2022–2024), the state support for NGOs acts as a stabilizing factor for the sustainable development of the non-profit sector, but given the limited resources it is important to clearly set priority measures of such support to achieve national development goals.

Key words: non-profit sector; priority measures; government support; national development goals; new regions of Russia; South of Russia; Azov Region

For citation: Chuev S.V., Polyakov M.B., Bugakov I.A., Ivanov V.G. Priority measures of the state support for the non-profit sector in the South of Russia and the Azov Regions as a tool for achieving national development goals. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 701–716. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-701-716>

Funding

The research was conducted at the State University of Management with the support of the Russian Science Foundation. Project No. 24-18-00722 “Social-economic, political and administrative transformation of today's South of Russia. ‘New’ and ‘old’ regions: A comparative historical analysis and development prospects”.

References

1. Artamonova A.S., Bazueva E.V. Effektivnost deyatelnosti nekommercheskikh organizatsiy dlya regionalnoy ekonomiki: kontseptualnye osnovy identifikatsii [Efficiency of non-profit organizations for the regional economy: Conceptual foundations of assessment]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2022; 6. (In Russ.).
2. Atlaskirov A.R. Problema stanovleniya obshcherossiyskoy identichnosti v mnogonatsionalnykh regionah Severnogo Kavkaza [Formation of the all-Russian identity in multinational regions of the North Caucasus]. *Politika i Obshchestvo*. 2021; 1. (In Russ.).
3. Dvoryadkina E.B., Prostova D.M., Istomina N.A. *Sotsialno orientirovannye nekommercheskie organizatsii: regionalnaya povestka* [Socially Oriented Non-Profit Organizations: A Regional Agenda]. Yekaterinburg; 2022. (In Russ.).
4. Didkovskaya Ya.V., Vishnevsky Yu.R., Notman O.V. Molodezhnye kreativnye lokalnosti kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Youth creative localities as an object of sociological research]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2025; 3. (In Russ.).
5. Zemskov P.A. Razvitie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii s 2015 goda po 2023 god [Development of public-private partnerships in Russia from 2015 to 2023]. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023; 10 (4). (In Russ.).
6. Kulkova V.Yu. Nekommercheskie organizatsii v predostavlenii uslug v sfere zdavookhraneniya na gosudarstvennom i regionalnom urovnyah [Non-profit organizations in the provision of health services at the state and regional levels]. *Gosudarstvennoe Upravlenie*. 2022; 95. (In Russ.).
7. Kulkova V.Yu. Nekommerchesky sektor i gosudarstvennaya podderzhka nekommercheskikh organizatsiy sfery uslug v RF v usloviyakh krizisa 2020 goda [Non-profit sector and the state support for non-profit organizations in Russia's service sector under the 2020 crisis]. *Gosudarstvennoe Upravlenie*. 2020; 80. (In Russ.).

8. Panfilov G., Chugunov A. Institutsionalnye transformatsii elektronnykh kanalov uchastiya grazhdan v politike i upravlenii v regionah Rossii [Institutional transformations of electronic channels of citizen participation in politics and governance in Russian regions]. *Politicheskaya Ekspertiza*. 2024; 20 (3). (In Russ.).
9. Polyakov M.B., Alekseeva I.I., Bikmanova A.K. i dr. *Gosudarstvennaya politika v oblasti podderzhki i razvitiya sotsialno orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy* [State Policy in the Field of Support and Development of Socially Oriented Non-Profit Organizations] Moscow; 2023. (In Russ.).
10. Reshetnyakov D.A. Instrumenty stimulirovaniya ekonomicheskogo razvitiya Yuga Rossii [Instruments for stimulating economic development in the South of Russia]. *Ekonomika i Biznes: Teoriya i Praktika*. 2021; 2–2. (In Russ.).
11. Samoylova A.N. Otsenka sostoyaniya i vliyaniya nekommercheskikh organizatsiy na raz-vitie rossiyskoy ekonomiki [Assessment of the state and influence of non-profit organizations on the development of the Russian economy]. *Juvenis Scientia*. 2018; 9. (In Russ.).
12. Trotsuk I.V., Dursina A.N. Tsifrovoy vektor razvitiya kommunikatsii mezhdru vlastiyu i naseleniem v sovremennom rossiyskom obshchestve [Digital trend in the development of communication between Russia's authorities and population]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1). (In Russ.).
13. Uzunov V.V. Yuzhnorossiysky region v prostranstvennom izmerenii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty sotsiologicheskogo issledovaniya [The South Russian region in the spatial dimension: Theoretical-practical aspects of sociological research]. *Sotsiologiya*. 2023; 3. (In Russ.).
14. Chuev S.V. Perestroyka na Donu: etapy i sodержanie [Perestroika on the Don: Stages and content]. *Voprosy Istorii*. 2021; 8–1. (In Russ.).
15. Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S. Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (1).
16. Polyakov M.B., Bugakov I.A., Chuev S.V. State financial support of non-profit organizations as one of regional sustainable development foundations. *E3S Web of Conferences*. Vol. 460. Saint Petersburg; 2023.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-717-730

EDN: ALZMUZ

Интеграция стандартов качества в деятельность вуза: социальные регуляторы и их социологическая оценка*

Н.Л. Захаров, Т.В. Сметанина

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
наб. реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

(e-mail: znl29@mail.ru; smetdipdok@mail.ru)

Аннотация. Волнообразное развитие общественного устройства, отказ от «старых» стандартов и принятие их «новых» вариантов в условиях быстро меняющейся геополитической ситуации, а также цифровизация и информатизация общественных отношений заставляют не только исследователей, но и управленцев иначе взглянуть на проблему стандартизации — прежде всего с позиции социологии. Принципы, заложенные в стандарты качества, определяют значительную роль социологической диагностики в понимании процесса проникновения стандартов в деятельность субъектов управления. Выбор в качестве объекта исследования образовательного учреждения объясняется особенностями как деятельности университета, так и ее результатов. Именно в высшем учебном заведении формируется отношение к стандартам качества со стороны индивидов, представляющих разные группы университетского сообщества. В представленном в статье исследовании представлена авторская детализация процесса проникновения стандартов качества в образовательную деятельность, определены формальные и неформальные социальные регуляторы, рассчитан интегральный показатель уровня удовлетворенности обучающихся образовательным процессом в Российском государственном педагогическом университете имени А.И. Герцена (индекс качества образовательного процесса), предложена матрица управленческих решений, которые могут быть реализованы в рамках образовательной организации по итогам социологического исследования, и сформулированы рекомендации по совершенствованию системы менеджмента качества. Авторы признают, что результаты исследования требуют экспертной дискуссии, которая может подтвердить или опровергнуть представленное социологическое описание проникновения стандартов качества, которое может стать типичным для образовательных организаций и в итоге повлиять на политику в области качества большинства из них. Перспективы продолжения исследовательской работы авторы видят в создании и расширении стратегии управления внедрением стандартов качества в функционирование и управление образовательных учреждений.

Ключевые слова: стандарты качества; социальные регуляторы; университетское управление; социологическое исследование; социологическая оценка; управленческие решения; система менеджмента качества

*© Захаров Н.Л., Сметанина Т.В., 2025

Статья поступила в редакцию 26.01.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Для цитирования: Захаров Н.Л., Сметанина Т.В. Интеграция стандартов качества в деятельность вуза: социальные регуляторы и их социологическая оценка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 717–730. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-717-730>

В сложной и многогранной деятельности российских вузов, главной целью которых является подготовка студентов для различных профессиональных сфер, есть направление, которое обеспечивает образовательный процесс, — это соответствие стандартам качества, государственным образовательным стандартам, законам, указам ведомств, локальным нормам вуза, стандартам безопасности и многими другими. Особенность российских вузов заключается в том, что, будучи бюджетными (государственными) и внебюджетными (частными), в своей деятельности все они опираются на государственные образовательные стандарты и находятся под контролем государственных ведомств, тем более что деятельность в соответствии со стандартами привычна для любой организации, не только вузов, хотя у последних есть одно отличие.

С 2003 года Россия принимает условия Болонской системы и постепенно начинает адаптироваться к Болонскому процессу, что потребовало «революционного» изменения стандартов образования и всей системы стандартов, регулирующих деятельность вузов. Отличительной особенностью западного образования является то, что вузы не контролируются и не регулируются государственными учреждениями, будучи самостоятельными, поэтому сами разрабатывают стандарты своей деятельности, тогда как российские вузы встроены в вертикаль управления образованием. Переход на стандарты Болонской системы был практически осуществлен в большинстве вузов России (исключение — вузы, готовящие специалистов для военно-промышленного комплекса и медицины). Однако геополитическая ситуация в очередной раз поставила перед российскими вузами новую задачу — отказа от Болонской системы, что ведет к новой «революции стандартов».

Революция стандартов и попытка включить плюралистическую западную модель в централизованную образовательную систему России породили процесс перманентной трансформации стандартов в деятельности вузов. К обычной работе вузовских структур и персонала вузов добавились задачи по адаптации, приспособлению к постоянно меняющимся стандартам и их принятию. Все это, несомненно, обусловило изменения в профессиональном поведении профессорско-преподавательского состава (ППС) и административного (АП) и даже вспомогательных служб (ВС).

В 2024–2025 году в РГПУ им. А.И. Герцена было проведено социологическое исследование, направленное на изучение интеграции стандартов в деятельности вуза. Его результаты показали, как внедрение новых стандартов и корректировка локальных документов влияет на поведение отдельных людей, групп, структурных подразделений и вуза в целом. Результаты исследования важны для управле-

ния РГПУ им. А.И. Герцена, т.е. актуальны, на первый взгляд, исключительно для конкретного университета. Однако они могут представлять интерес для широкой социологической общественности и руководства других вузов по ряду причин. Во-первых, результаты любых социологических исследований должны подвергаться контролю и строгой научной критике социологической общественности, поскольку социологическое исследование не только отражает общественное мнение, но и влияет на него как процессом, так и результатами, и интенсивность такого влияния сопоставима с изменением общественного мнения под воздействием рекламы. Научная критика защищает исследователей от сползания в околонуучность, тем самым предотвращая нерегулируемую манипуляцию общественным мнением. Во-вторых, невозможно оценить, насколько наши результаты подойдут другим вузам, однако могут стать для них инструментом, применимым, необходимым или достаточным для управления вузом при определенных условиях. В целом валидные результаты социологического исследования одного вуза могут выступать как исходная гипотеза для других вузов.

В-третьих, любой вуз имеет индивидуальные черты, которые служат препятствием для типизации. Безусловно, в социальной системе наряду с типичными (распространенными, массовыми) элементами имеют место и уникальные черты, но в процессе социальных изменений они могут стать типичными. Яркий пример: практически прекратившая свое существование в июле 1917 года партия большевиков через несколько лет стала главной партией страны, т.е. типичным элементом системы. Другой пример: кандидат в президенты Д. Эйзенхауэр, проигрывавший выборы по результатам социологических исследований Дж. Гэллага [21], после получения этих данных изменил стратегию и активными действиями переломил ситуацию в свою пользу. Феномен превращения уникального в типичное с психологической точки зрения описал Г. Лебон [6], с социологической — Р. Мертон [7]. Иными словами, у уникального феномена есть возможность стать примером социального действия, а если этот пример становится достаточно популярным, то получает возможность превратиться в типичный.

Таким образом, результаты социологических исследований, проведенных в одном вузе, могут быть актуальными для других вузов по следующим причинам: нуждаются в критике специалистов; представляют собой гипотезу для последующих исследований; могут быть приняты как уникальные социальные феномены, обладающие потенциалом стать типичными и потому нуждающиеся в изучении.

Изучение интеграции стандартов в деятельность (образовательных) учреждений («процесс проникновения» [13]) занимает важное место в анализе поведения социальных субъектов. Стандарты качества в статье [11] понимаются как общепринятый и официально утвержденный документ, описывающий правила профессиональных действий и требования к учебному процессу (установленные государственными органами и локальными актами

вузов). Отдельные индивиды могут принимать или не принимать внедряемые правила (стандарты), а также отстаивать или не отстаивать старые правила, заменяемые новыми. Все это влияет на характер профессиональной деятельности отдельных структур и учреждения в целом.

Методологическую основу исследования составили теория социального действия М. Вебера [3], индивидуальная теория личности А. Адлера [2], аналитическая теория личности К. Юнга [16], теория социальных регуляторов Н.Л. Захарова [4] и теория структуры организации Г. Минцберга [8]. Эмпирическая основа статьи — социологическое исследование «Стандарты качества как система социальных регуляторов поведения образовательных организаций», проведенное по заданию ректора РГПУ им. А.И. Герцена С.В. Тарасова в 2024 году (руководитель — Т.В. Сметанина, научный консультант — Н.Л. Захаров). Для удобства присвоим этому исследованию индекс СГ24. Целью СГ24 была оценка того, как интеграция стандартов качества влияет на действия индивидов в процессе принятия новых правил поведения и, как следствие, на удовлетворенность образовательным процессом персонала вуза и студентов. Под «интеграцией стандартов» понимаются организационные процессы, отражающие противоборство и слияние «новых» и «старых» стандартов [10; 11; 13; 14; 15]. Соответственно, понятие «менеджмент качества» определяется как вид управления, направленный на достижение баланса между «новыми» и «старыми» стандартами, ими и структурной композицией вуза, сложившимися установками профессиональной деятельности персонала и новыми требованиями организационного поведения, обеспечивающими устойчивость вуза в меняющейся среде.

В СГ24 была использована стратификационная выборка на основе теории Минцберга: сначала генеральная совокупность (персонал Герценовского университета) была разделена на непересекающиеся «страты», затем в каждой страте был проведен случайный отбор. Согласно теории Минцберга [8] любая организация (в нашем случае вуз) имеет три структурных компонента:

1. Базовый стержень, фундамент любой организации — ее основной персонал, без которого ни одна организация не может существовать. В вузе такой стержень состоит из трех звеньев скалярной цепи: высший уровень — руководство, или ректорат; среднее звено — линейное руководство (директоры институтов и деканы факультетов, заведующие кафедрами); «операционное ядро» (ППС). Базовый стержень можно называть вертикалью власти (цепочка подчинения от ректора до ассистента).
2. Техноструктура — «административный аппарат», или службы, обеспечивающие трудовой (в нашем случае учебный) процесс, но в нем не участвующие (учебно-методические, кадровые, финансовые и прочие службы).
3. Вспомогательные структуры, которые поддерживают нормальное функциональное состояние организаций (электрики, служба безопасности, клининг и т.п.).

В каждой из трех групп была проведена случайная выборка подразделений, а в выбранных подразделениях проведен сплошной опрос: «базовая структура» — три факультета (БС1, БС2, БС3), «административный аппарат» — одна вспомогательная служба (АП), обеспечивающая структура — также одна (ВС). Отобранные подразделения отразили специфику генеральной совокупности, в каждой из трех групп было опрошено 10 % респондентов (256 человек). Руководители подразделений опрашивались как эксперты (5 человек) методом интервью, ППС, персонал и студенты — методом анкетирования (разные инструментарий для студентов, ППС, сотрудников АП и ВС).

Технологическая революция в области цифровизации и информатизации практически отменяет границы, но возрастает роль правил, которыми должны руководствоваться участники интеграционных процессов. Образовательное учреждение может быть рассмотрено и как сложная структура, состоящая из подразделений, организующих трудовой коллектив, и как сложный комплекс групп, которые по-разному воспринимают интеграцию стандартов. Индивиды могут относиться к разным структурным группам — обучающиеся, профессорско-преподавательский состав, вспомогательный персонал, и на их отношения влияют условия деятельности. В качестве таких условий мы выделили: некоторая удаленность или близость к центральному офису; исторически сложившиеся традиции или, напротив, их отсутствие (если подразделение возникло не так давно); половозрастной состав и уровень образования [14]. Так, если структурное подразделение (факультет, институт) находится относительно близко от центра принятия решений и контроля, то может достаточно оперативно реагировать на изменения в стандартах, и, напротив, чем дальше находится структурное подразделение, тем позднее оно среагирует. Длительность существования структурного подразделения способствует формированию традиций субординации. Согласно серьезной шутке Н. Паркинсона [9], «старые» структуры вырабатывают иммунитет к руководящим новациям и живут по принципу «погоди выполнять — отменяй», тогда как «молодые» структуры действуют иначе — обычно реагируют с энтузиазмом на предложения, идущие сверху.

Назовем эти условия — удаленность, длительность существования и демографическая характеристика — неформальными. Наряду с ними действует формальный фактор — это руководящие инструменты, предполагающие и стимулирование, и контроль. Эти условия и фактор определяют разные способы проникновения стандартов в деятельность вуза, поэтому назовем их социальными регуляторами [4]: условия именуем — неформальный регулятор (НР), фактор — формальный регулятор (ФР).

Проблема стандартов актуализировалась в условиях модернизации российской системы образования, особенно высшего, в связи с чем меняются принципы взаимодействия участников образовательного процесса и их функции. В частности, функции управления — планирование, организация, кон-

троль, анализ — перераспределяются между ППС, административным аппаратом и вспомогательным персоналом, а также обучающимися и посредниками в системе образования (родители, работодатели, кредитные организации, государственные органы). Соответственно, нужны новые пути совершенствования управления (менеджмента качества), что зависит от поведения персонала образовательной организации, поэтому следует определить условия для формирования новых правил взаимодействия индивидов и подразделений, перераспределения их функций, ролевых прав и обязанностей в процессе интеграции стандартов, внесения изменений в политику образовательной организации.

Рассмотрим в данном контексте объект исследования — РГПУ им. А.И. Герцена. Это старейший вуз, датой основания которого считается учреждение Павлом I в 1797 году Воспитательного дома под покровительством императрицы Марии Федоровны. Указом Президента университет включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов России [12]. Вуз находится в центре Санкт-Петербурга (ряд факультетов и институтов — в пределах 5–7 километров от центрального офиса. По численному составу студентов (17600) и ППС (1309) вуз считается крупнейшим в стране. Эти черты могут быть оценены как уникальные, но история РГПУ им. А.И. Герцена вполне типична для старейших вузов страны: расположены в центре города, имеют подразделения на некотором расстоянии от административных центров и т.д. Так что РГПУ им. А.И. Герцена обладает типичными характеристиками, а наличие значительного числа студентов и преподавателей — основа, исходя из которой вуз можно рассматривать как пример.

Поскольку нас интересует вовлеченность в процессы трансформации стандартов, их «проникновение» включает три этапа: пассивной адаптации (обозначим этот этап как адаптацию); активной адаптации (обозначим как приспособление); этап принятия. Адаптация характеризует начальное знакомство индивида со стандартами, приспособление — его причастность к применению стандартов, более высокую осознанность, частичную вовлеченность в процесс, принятие — полное погружение, при котором индивид осознает, участвует и понимает свою значимость в процессе. В ходе исследования была определена связь социальных регуляторов с особенностями образовательного процесса посредством расчета показателей, характеризующих степень проникновения.

По 12-бальной шкале респонденты должны были оценить отношение к учебному процессу — от потери интереса до удовлетворенности. Был разработан интегральный показатель (ИП) «качества образования»: чем интенсивнее проникновение стандартов, тем выше удовлетворенность обучающихся образовательным процессом. Лидерами по влиянию — формально и неформально — на процесс проникновения оказались руководители структурных подразделений, но это не исключает влияния ППС, АП, ВС, обучающихся и даже их родителей.

Уровень удовлетворенности обучающихся РГПУ им. А.И. Герцена качеством образовательного процесса был рассчитан с помощью ИП на основании данных анкетирования. Общий алгоритм формирования ИП: получаем данные прямого распределения — среднее в баллах по каждому значению; данные прямых распределений сводим в группы и в каждой определяем среднее — это критерии оценки показателей, которые входят в состав ИП. Показатели, которые вошли в состав ИП: упорядоченность жизнедеятельности структурного подразделения, качество образовательной деятельности, удовлетворенность системой образования. В таблице 1 представлены значения критериев оценки показателей.

Таблица 1

Критерии оценки показателей, вошедших в ИП

Критерий	Оценки по подразделениям в баллах				
	БС2	БС3	ВС	АП	БС1
Соответствие содержания, объема и характера учебно-воспитательной работы возможностям и условиям вуза	8,0060	3,6520	3,1110	5,5000	10,1110
Скоординированность процессов внутри структурного подразделения	8,8910	4,4040	5,4170	6,5000	5,4170
Связь качества образовательной деятельности с длительностью существования структурного подразделения	7,5210	3,7210	3,1670	6,6360	3,1670
Особенности качества образовательной деятельности структурного подразделения в связи с географической удаленностью от центрального аппарата управления	7,3590	3,8630	3,0950	6,6360	3,0950
Связь качества образовательной деятельности структурного подразделения с демографическими факторами	7,2160	3,1610	2,9000	6,6360	2,3570
Наличие и степень развитости образовательной среды	7,2310	4,2520	3,4580	6,2000	3,4580
Упорядоченность образовательной среды	4,5000	3,0000	2,0000	2,0000	4,0000
Удовлетворенность обучающихся образовательной средой	6,0990	3,5530	3,3450	5,0000	3,3450
Удовлетворенность ППС образовательной средой	3,7000	4,7000	3,0000	2,4000	3,2500
Удовлетворенность АП образовательной средой	4,0000	4,0000	5,1500	1,2500	3,0000
Удовлетворенность ВС образовательной средой	2,2760	1,4040	1,8750	5,5000	1,8750
Удовлетворенность коммуникациями	8,1720	2,9790	3,5330	8,8000	3,5330
Удовлетворенность результатом	7,7720	5,1370	3,6550	5,0000	3,6550

Приведенные в таблице 1 критерии входят в состав показателей, определяющих уровень удовлетворенности обучающихся образовательным процессом в РГПУ им. А.И. Герцена, в следующем порядке: упорядоченность жизнедеятельности структурного подразделения — критерии с 1 по 5; качество образовательной деятельности — с 6 по 10; удовлетворенность респондента ходом реализации образовательного процесса — с 11 по 13. Индекс качества образовательного процесса рассчитывается по формуле:

$$\text{ИП} = \frac{\sum_{j=1}^m \left(\frac{\sum_{i=1}^n x_i}{n} \right) j}{m},$$

где x — значение показателя, характеризующего степень вовлеченности в образовательный процесс; n — количество критериев, включенных в оценку показателей в составе ИП; m — количество показателей, определяющих степень вовлеченности в образовательный процесс.

Расчетные данные ИП разбиты на три группы: от 0 до 3 баллов — адаптация (или пассивная адаптация — знакомство с изменениями) к стандартам; от 3 до 7 баллов — приспособление к стандартам (активная адаптация — причастность индивида к применению стандартов, осознанность и частичная вовлеченность); от 7 до 11 баллов — принятие и признание стандартов (полное погружение). Показатели, входящие в ИП, были распределены по принадлежности к формальному и неформальному регулятору, и был определен индекс качества — на основе значений показателей, входящих в ИП и сгруппированных по отношению к формальному и неформальному регуляторам (таблица 2)

Таблица 2

Интегральные показатели структурных подразделений по трем характеристикам

Структурное подразделение	Упорядоченность жизнедеятельности	Качество образовательной деятельности	Удовлетворенность образовательным процессом
БС2	7,7986	5,12350	6,0733
БС3	3,7603	3,90250	3,1732
ВС	3,5493	3,40000	3,0209
АП	6,3818	3,36250	6,4333
БС1	4,8293	3,40170	3,0210

В таблицах 3 и 4 рассчитан индекс удовлетворенности образовательной деятельностью (среднее значение между максимальным и минимальным) и определен рейтинг структурных подразделений по общему ИП.

Таблица 3

Индекс удовлетворенности образовательной деятельностью

Показатели качества услуг	Индекс качества		
	Min	Max	Average
Формальный регулятор	2,51	7,55	5,03
Неформальный регулятор	2,64	4,48	3,56
Суммарный индекс общих факторов	5,15	12,03	8,59

Таблица 4

Рейтинг структурных подразделений по общему интегральному показателю

Позиция по восприятию стандартов качества	Подразделение	ИП
1	БС2	6,33
2	АП	5,39
3	БС1	3,75
4	БС3	3,61
5	ВС	3,32

Формальный регулятор демонстрирует высокую результативность: при четких указаниях, сроках и соответствующем ситуации контроле стандарты принимаются подразделением в установленный период. Что касается неформального регулятора, то была установлена связь удаленности и длительности существования подразделения с проникновением стандартов: подразделения, находящиеся на центральной площадке, принимают стандарты быстрее; в «новые» подразделения стандарты проникают быстрее, чем в «старые». Также выяснилось, что на факультетах, осуществляющих подготовку по дисциплинам, приближенным к пониманию деятельности вуза, ППС и обучающиеся оказались более восприимчивы к проникновению стандартов качества, чем на факультетах, где в основе преподавания лежат пред-

меты, далекие от процессной деятельности вуза (прямая корреляция не обнаружена, в отличие от предшествующих исследований [22]). Неформальный регулятор — 3,56 баллов (41 % от возможного), формальный — 5,03 (59 %), т.е. явно превалирует, но нельзя сказать, что существенно преобладает. Тем не менее, соотношение неформальных и формальных регуляторов, составляющих основу индекса качества образования, подтверждают значимость неформального регулятора, которому уделяется меньше внимания в контроле и анализе интеграции стандартов.

Данные исследования позволяют сделать и более смелый вывод: основными направлениями совершенствования управляемости в целом и системы менеджмента качества, в частности образовательного учреждения, основанной на стандартах как системе социальных регуляторов, является повышение роли неформального фактора за счет разработки приоритетов для персонала структурных подразделений, определяющих специфику их положения в образовательной организации.

Авторы выносят на суд социологической общественности матрицу управленческих решений (таблица 4), принимаемых на основе соотношения значений неформальных и формальных социальных регуляторов и степени риска функционирования объектов, и предлагают к обсуждению следующие вопросы: влияет ли удаленность подразделения от центральной площадки на скорость принятия стандартов, связанных с удовлетворенностью обучающихся образовательным процессом; влияет ли длительность существования подразделения на эту удовлетворенность; влияет ли образовательная программа, по которой ведется подготовка обучающихся, на вовлеченность индивида в процессы трансформации стандартов; можно ли признать индексом «качества образования» интегрированный показатель — принятия стандартов и удовлетворенности процессом образования (персонала образовательной организации, обучающихся и их родителей).

По результатам исследования было установлено, что главными формальными и неформальными лидерами, влияющими на процесс проникновения, являются руководители структурных подразделений (персонал, обучающиеся и их родители играют меньшую, но достаточно значимую роль), и в целом зафиксировано более высокое значение формального регулятора в сравнении с неформальным. Важным направлением дальнейших исследований проблем управляемости в целом и системы менеджмента качества, в частности вузов, должно стать изучение роли неформального регулятора. Также по результатам исследования были сформулированы рекомендации для руководства вуза (некоторые могут применяться и другими вузами): разработать стандарт управления рисками для университета — набор готовых решений и параметры рисков, когда следует принимать те или иные решения; объединить все внутренние регламенты менеджмента качества в единый документ «Политика в области качества».

Таблица 4

Матрица управленческих решений

Риски	Формальный регулятор			Неформальный регулятор		
	Адаптация	Приспособление	Принятие	Адаптация	Приспособление	Принятие
Риск потери заинтересованности индивидов в реализации стандартов (8–11 баллов ИП)	Антикризисное управление (предупреждения ликвидации учреждения)	Структурная реорганизация	Сохранение	Антикризисное управление (предупреждения ликвидации учреждения)	Антикризисное управление (предупреждения ликвидации учреждения)	Структурная реорганизация
Риск устойчивости организации в результате реализации стандартов качества (4–7)	Антикризисное управление (предупреждения ликвидации учреждения)	Структурная реорганизация	Сохранение	Антикризисное управление (предупреждения ликвидации учреждения)	Антикризисное управление (предупреждения ликвидации учреждения)	Структурная реорганизация
Риск целостности системы организации в результате реализации стандартов качества (0–3)	Ликвидация	Антикризисное управление (предупреждения ликвидации учреждения)	Структурная реорганизация	Антикризисное управление (предупреждения ликвидации учреждения)	Антикризисное управление (предупреждения ликвидации учреждения)	Структурная реорганизация

Благодарность

Авторы выражают признательность за помощь в проведении социологического исследования ректору Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (РГПУ им. А.И. Герцена) Тарасову Сергею Валентиновичу

Библиографический список

1. Абчук В.А., Борисов А.Ф., Воронцов А.В. Методы исследований в менеджменте. СПб., 2012.
2. Адлер А. Наука жить. Киев, 1997.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990.
4. Захаров Н.Л. Теория социальных регуляторов. М., 2024.
5. Корбут А. Привычка как точильный камень феноменологии // Социология власти. 2014. № 1.
6. Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2011.
7. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 3, 4.
8. Минцберг Г. Менеджмент: природа и структура организаций. М., 2018.
9. Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. М., 2007.
10. Сметанина Т.В. Деловая репутация суверенной территории в условиях принятия собственных стандартов управления // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2024. Т. 13. № 1.
11. Сметанина Т.В. Изменения отношения к стандартам управления в современном обществе в условиях глобального социально-экономического кризиса // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2024. Т. 17. № 3.
12. Сметанина Т.В. Междисциплинарный инструментарий в подтверждении роли социальных организаций в установлении образа жизни и поведения социальных объектов // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. Т. 12. № 3.
13. Сметанина Т.В. Основы теории проникновения международных стандартов менеджмента в российскую экономику // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2011. Т. 11. № 2.
14. Сметанина Т.В. Социологический анализ влияния международных стандартов на управляемость организаций. СПб., 2023.
15. Сметанина Т.В., Борисов А.Ф., Шелонаев С.И. Методологическое значение стандартов управления социально-экономическими системами для социологии управления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 2.
16. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. М., 2009.
17. Amin S. The Law of Worldwide Value. New York, 2010.
18. Arrighi G. The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of our Times. London; New York, 2010.
19. Frank A. Dependent Accumulation and Underdevelopment. London, 1978.
20. Hjelle L., Ziegler D. Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications. McGraw-Hill, 1992.
21. Lichtman A.J. The keys to the White House: An index Forecast for 2008 // International Journal of Forecasting. 2008. Vol. 24.
22. Merleau-Ponty M. The Structure of Behavior. Boston, 1963.
23. Roberts M. More on the World Rate of Profit. 2020 // URL: [https:// thenextrecession.wordpress.com/2020/09/20/more-on-a-world-rate-of-profit](https://thenextrecession.wordpress.com/2020/09/20/more-on-a-world-rate-of-profit).
24. Wallerstein I. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, 2004.26

Integration of quality standards into the university activities: Social regulators and their sociological assessment*

N.L. Zakharov, T.V. Smetanina

A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
Moika River Emb., 48, Saint Petersburg, 191186, Russia

(e-mail: znl29@mail.ru; smetdipdok@mail.ru)

Abstract. The wave-like development of social structure, rejection of “old” standards and adoption of their “new” versions in the rapidly changing geopolitical situation, digitalization and informatization of public relations make not only researchers but also managers take a different look at standardization — primarily in the sociological perspective. The basic principles of quality standards determine the significant role of sociological diagnostics in understanding the penetration of standards into the activities of management entities. The choice of an educational institution as an object of the study is explained by the peculiarities of both university activities and their results. It is in the higher education institution that the attitude towards quality standards is formed on the part of individuals representing different groups of university community. The article provides the authors’ description of the penetration of quality standards into educational activities, identifies formal and informal social regulators, presents an integral indicator of the level of satisfaction of students with educational process at the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (index of educational process quality), a matrix of management decisions that can be implemented by the educational organization based on the results of the sociological study and recommendations for improving the management of quality system. The authors admit that the results of their study require expert discussion that can confirm or refute the presented sociological description of the penetration of quality standards, which can become typical for educational organizations and ultimately affect the quality policy of most of them. The authors see prospects for continuing the research work in the development and expansion of management strategy for introducing quality standards into the functioning and management of educational institutions.

Key words: quality standards; social regulators; university management; sociological research; sociological assessment; management decisions; management of quality system

For citation: Zakharov N.L., Smetanina T.V. Integration of quality standards into the university activities: Social regulators and their sociological assessment. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 717–730. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-717-730>

References

1. Abchuk V.A., Borisov A.F., Vorontsov A.V. *Metody issledovaniy v menedzhmente* [Research Methods in Management]. Saint Petersburg; 2012. (In Russ.).
2. Adler A. *Nauka zhit* [The Science of Living]. Kiev; 1997. (In Russ.).
3. Weber M. *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic sociological concepts]. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow; 1990. (In Russ.).

*© N.L. Zakharov, T.V. Smetanina, 2025

The article was submitted on 26.01.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

4. Zakharov N.L. *Teoriya sotsialnykh regulyatorov* [Theory of Social Regulators]. Moscow; 2024. (In Russ.).
5. Korbut A. Privychka kak tochilny kamen fenomenologii [Habit as a whetstone of phenomenology]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2014; 1. (In Russ.).
6. Le Bon G. *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples and Masses]. Moscow; 2011. (In Russ.).
7. Merton R. Sotsialnaya struktura i anomiya [Social structure and anomie]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1992; 3, 4. (In Russ.).
8. Mintzberg H. *Menedzhment: priroda i struktura organizatsiy* [The Nature of Managerial Work]. Moscow; 2018. (In Russ.).
9. Parkinson C.N. *Zakony Parkinsona* [Parkinson's Laws]. Moscow; 2007. (In Russ.).
10. Smetanina T.V. Delovaya reputatsiya suverennoy territorii v usloviyakh prinyatiya sobstvennykh standartov upravleniya [Business reputation of a sovereign territory when adopting its own management standards]. *Upravlenie Personalom i Intellekturnymi Resursami v Rossii*. 2024; 13 (1). (In Russ.).
11. Smetanina T.V. Izmeneniya otnosheniya k standartam upravleniya v sovremennom obshchestve v usloviyakh globalnogo sotsialno-ekonomicheskogo krizisa [Changes in attitudes towards management standards in contemporary society under the global social-economic crisis]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta. Seriya: Sotsialno-Ekonomicheskie Nauki*. 2024; 17 (3). (In Russ.).
12. Smetanina T.V. Mezhdistsiplinarny instrumentariy v podtverzhdenii roli sotsialnykh organizatsiy v ustanovlenii obraza zhizni i povedeniya sotsialnykh ob'ektov [Interdisciplinary tools in confirming the role of social organizations in establishing the lifestyle and behavior of social objects]. *Upravlenie Personalom i Intellekturnymi Resursami v Rossii*. 2023; 12 (3). (In Russ.).
13. Smetanina T.V. Osnovy teorii proniknoveniya mezhdunarodnykh standartov me-nedzhmenta v rossiyskuyu ekonomiku [Fundamentals of the theory of penetration of international management standards into the Russian economy]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo Universiteta*. 2011; 11 (2). (In Russ.).
14. Smetanina T.V. *Sotsiologichesky analiz vliyaniya mezhdunarodnykh standartov na upravlyaemost organizatsiy* [Sociological Analysis of International Standards Impact on Organizational Manageability]. Saint Petersburg; 2023. (In Russ.).
15. Smetanina T.V., Borisov A.F., Shelonaev S.I. Metodologicheskoe znachenie standartov upravleniya sotsialno-ekonomicheskimi sistemami dlya sotsiologii upravleniya [Methodological significance of standards of social-economic systems management for sociology of management]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Ekonomicheskogo Uni-versiteta*. 2024; 2. (In Russ.).
16. Jung K.G. *Tevistokskie lektsii. Analiticheskaya psikhologiya: ee teoriya i praktika* [Tavistock Lectures. Analytical Psychology: Its Theory and Practice]. Moscow; 2009. (In Russ.).
17. Amin S. *The Law of Worldwide Value*. New York; 2010.
18. Arrighi G. *The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of our Times*. London; New York; 2010.
19. Frank A. *Dependent Accumulation and Underdevelopment*. London; 1978.
20. Hjelle L., Ziegler D. *Personality Theories: Basic Assumptions, Research, and Applications*. McGraw-Hill; 1992.
21. Lichtman A.J. The keys to the White House: An index Forecast for 2008. *International Journal of Forecasting*. 2008; 24.
22. Merleau-Ponty M. *The Structure of Behavior*. Boston; 1963.
23. Roberts M. More on the World Rate of Profit. 2020. URL: [https:// thenextrecession.wordpress.com/2020/09/20/more-on-a-world-rate-of-profit](https://thenextrecession.wordpress.com/2020/09/20/more-on-a-world-rate-of-profit).
24. Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham; 2004.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-731-742

EDN: AKLNOY

Самоуправление как инструмент преодоления рисков в управлении школой*

Р.Р. Ишмухаметов

Институт развития образования Республики Башкортостан,
ул. Мингажева, 120, Уфа, Башкортостан, 450005, Россия

(e-mail: rustish@list.ru)

Аннотация. Эффективное управление общеобразовательной организацией играет ключевую роль в обеспечении высокого качества образования и благополучия всех участников образовательного процесса, поэтому всегда было предметом интереса научного сообщества и сферой внимания управленческих структур. Однако современные изменения в социальной, экономической и технологической сферах порождают многообразные риски, влияющие на стабильность учебного процесса, безопасность учеников, работу сотрудников и репутацию школы, требуя уточнения и дополнения традиционных моделей школьного управления с позиций теории рисков. Одним из возможных подходов к управлению рисками может стать более активное вовлечение родителей в систему школьного самоуправления. В статье представлены результаты разведывательного исследования, проведенного в Республике Башкортостан методом анкетирования родителей школьников (N=212), фокус-групп и экспертных полуструктурированных интервью, чтобы определить и систематизировать основные категории рисков в управлении школой и оценить потенциал различных форм школьного самоуправления в их преодолении с позиции родительской общественности (учитывая степень осознания рисков, формы участия родителей в жизни школы и степень их удовлетворенности существующими механизмами привлечения к решению вопросов школьного управления). Признавая ограниченные возможности обобщения эмпирических данных в разведывательном проекте с небольшой выборкой смещенного характера (очевидно, что в опросе приняли участие наиболее заинтересованные, активные и ответственные родители), можно все же сделать ряд выводов: наибольшие опасения родителей школьников сегодня связаны с угрозами безопасности, качеством обучения, финансовыми вопросами и взаимодействием со школьной администрацией. В контексте развития системы самоуправления наибольшее доверие родителей вызывают родительские комитеты, активно участвующие в решении повседневных вопросов в жизни школы, и советы обучающихся, тогда как попечительские и управляющие советы родители воспринимают как малопонятные структуры. Почти каждый второй опрошенный родитель школьника не доволен степенью прозрачности финансовой стороны школьной жизни и хотел бы более регулярно взаимодействовать с руководством школы. Полученные данные подтверждаются другими исследованиями, согласно которым активное включение родителей в процессы школьного управления помогает снизить их тревожность и повышает уровень доверия к руководству школы. На основе исследовательского и практического опыта автора в статье сформулирован ряд рекомендаций по улучшению си-

*© Ишмухаметов Р.Р., 2025

Статья поступила в редакцию 26.03.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

стемы школьного самоуправления с акцентом на повышении информированности родителей, обучении школьных специалистов и разработке дополнительных инструментов мониторинга/контроля качества образования и школьного управления — в интересах создания устойчивого механизма партнерства семьи и школы для предотвращения и оперативного реагирования на возникающие риски, не забывая об обеспечении высокого качества образования.

Ключевые слова: школа; школьное управление; родительское сообщество; управленческие риски; самоуправление; формы школьного самоуправления; разведывательное исследование; Республика Башкортостан

Для цитирования: *Ишмухаметов Р.Р.* Самоуправление как инструмент преодоления рисков в управлении школой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 731–742. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-731-742>

Эффективное управление общеобразовательной организацией — ключевой фактор, определяющий высокое качество образовательного процесса и благополучие всех его участников. В условиях динамично меняющейся социальной, экономической и технологической среды в управлении и повседневной жизни школы постоянно возникают различные риски — от факторов снижения академических результатов до проблем безопасности и недостаточной прозрачности финансовых решений. Возрастающее количество рисков меняет современную парадигму образовательной политики и практики, требуя эффективных стратегий управления и адаптации школы к меняющимся внутренним и внешним условиям ее функционирования. В качестве одного из способов минимизации рисков в школьном управлении все чаще рассматривается вовлечение родителей в повседневную жизнь школы через механизмы самоуправления [4; 9], однако мнение участников об эффективности таких механизмов и инструментах вовлечения субъектов образовательного процесса в структуру самоуправления общеобразовательной организацией недостаточно изучены в общем контексте выявления проблемных зон в управлении школой [7; 10; 14] и путей их решения посредством вовлечения родительского сообщества в процесс принятия решений и формирования образовательной среды. Изучив мнения родителей, можно составить целостную картину того, как они воспринимают нынешние реалии «общества рисков» и их последствия для школьной жизни, насколько заинтересованы в личном участии в предотвращении, минимизации и устранении управленческих рисков. Такие данные важны и для школьных администраций для оптимизации управленческих процессов и укрепления партнерских отношений между школой и семьей [13].

Под рисками, актуальными для общеобразовательного учреждения, понимается вероятность наступления нежелательных последствий вследствие принятия управленческих решений, или потенциальная опасность, которая может отрицательно сказаться на качестве образования, состоянии психики ребенка, репутации школы и благополучии общества [13; 19]. Для школы рисками выступают события, угрожающие стабильности образовательного процесса, ка-

честву обучения, здоровью и безопасности всех участников образовательного процесса [2]. Основные виды таких рисков — педагогические, организационные, кадровые, экономические и социальные [12; 13]. Важность самоуправления в контексте управления рисками обусловлена необходимостью оперативного на них реагирования [1; 22], поскольку децентрализация управления как сущностная характеристика самоуправления позволяет быстрее идентифицировать потенциальные риски и разрабатывать адекватные меры по их минимизации, что особенно актуально в условиях нынешней неопределенности и быстро меняющихся требований к качеству школьного образования [20].

Самоуправление как форма организационного управления предполагает делегирование части полномочий и ответственности участникам образовательного процесса, стимулируя их активное участие в принятии решений и реализации стратегий развития и повышая уровень вовлеченности, мотивации и ответственности всех субъектов образовательной деятельности [8]. Кроме того, самоуправление способствует развитию гуманистической организационной культуры, ориентированной на инновации и постоянное повышение качества результатов профильной деятельности [11]. Участие педагогов, родителей, обучающихся и других заинтересованных сторон в управлении образовательной организацией создает условия для обмена опытом, новых идей и повышения эффективности работы [12].

На сегодняшний день в российских общеобразовательных организациях возможны следующие формы самоуправления: родительские комитеты — обеспечивают взаимодействие между администрацией школы и семьей ученика, а также контроль качества образования, благополучия детей и расходов наряду с помощью в проведении мероприятий; совет школы (представители администрации, педагогов, учащихся и родителей) — принимает решения по принципиальным аспектам внутренней политики школы (программы развития, финансовая деятельность и др.); попечительский совет (в том числе представители бизнес-сообщества и местных властей) — занимается привлечением внебюджетных средств (спонсорской помощи, инвестиций и пр.), контролем и улучшением качества питания, условий труда учителей и состояния помещений школы (повышение уровня оснащенности современным оборудованием, расширение материальной базы школы и т.п.); ассоциация выпускников — обеспечивает связь школы с выпускниками, привлекает ресурсы для реализации текущих проектов школы.

Исходя из данной возможной структуры школьного самоуправления, разведывательное исследование было призвано определить доминирующие риски, сопряженные с управлением образовательным учреждением (наиболее актуальные с точки зрения родительского сообщества), и те формы участия родителей в самоуправлении школы (с учетом информированности и участия родителей в таковых), которые, по их мнению, способствуют наиболее эффективной минимизации этих рисков. Исследование было проведено в марте

2025 года в общеобразовательных организациях северной части Республики Башкортостан на выборке родителей учеников 5–9 классов (N=212; сочетание целевого отбора из реестров школ и через школьные администрации с соблюдением этических норм и требований конфиденциальности). Основным методом сбора данных — небольшая по объему анкета, которую респонденты могли заполнить в удобном для себя режиме (оффлайн и онлайн). Анкета включала в себя вопросы о рисках разного типа в работе школы (профессионализм учителей, безопасность детей, социально-психологический климат, взаимодействие участников образовательного процесса и др.) и предоставляла родителям возможность в свободной форме написать свои комментарии и предложения. Также было проведено три фокус-группы с «экспертами» (по 8–12 человек в каждой) — родителями, состоящими в Республиканском родительском совете и родительских комитетах на муниципальном уровне, для компетентного обсуждения выявленных рисков, барьеров для участия родителей в самоуправлении и предложений по развитию данного управленческого механизма. Завершили исследование три экспертных полуформализованных интервью — с активными членами органов школьного самоуправления — для уточнения интерпретации собранных данных. Транскрипты групповых и индивидуальных интервью анализировались на предмет выявления ключевых тем и формулировок, отражающих мнения родителей.

Итак, в качестве основных рисков, связанных с профессионализмом преподавательского состава, родители называют, в первую очередь, отсутствие индивидуального подхода к каждому ребенку (89 %), нехватку молодых квалифицированных кадров (50 %) и недостаточную мотивацию учителей (32 %). Получается, что родители хотят невозможного — чтобы учителя учитывали особые потребности, индивидуальные способности и интересы каждого ребенка, однако система школьного образования основана на стандартных методиках обучения и оценки. Безусловно, стандартизация может вести к снижению эффективности обучения, потере интереса к учебе и проблемам с успеваемостью у детей, чьи особые нужды и потребности не учтены, но иначе общеобразовательная организация функционировать не может по определению. Две другие проблемы беспокоят не только родителей, но все уровни школьного управления и общество в целом: действительно, в школах не хватает молодых, энергичных, профессионально подготовленных учителей, обладающих современными знаниями и навыками, способных вдохнуть свежую струю в образовательный процесс, освоить новые технологии и подходы, и такой дефицит часто не позволяет ввести инновационные методы обучения, создает трудности в поддержании должного уровня преподавания и качества образования, не обеспечивает ротацию и обновление учительского корпуса. С одной стороны, молодые учителя часто уходят из профессии (по крайней мере из государственных школ) по причине низких зарплат и высокой нагрузки; с другой стороны, остающиеся не всегда отличаются

высокой мотивацией и энтузиазмом, что ведет к халатному или механическому выполнению обязанностей, незаинтересованности в применении новых методов и форм работы, отсутствию желания продолжать учиться и развивать свои компетенции, общаться с детьми, создавать благоприятный социально-психологический климат в классе. Многие учителя испытывают эмоциональное выгорание, чувствуют, что их работа недооценена, и теряют интерес к ней, что вызывает обеспокоенность родителей относительно эмоционального состояния и учебных успехов своих детей. Необходимые здесь решения общеизвестны — перестройка системы подготовки и подбора педагогических кадров, улучшение условий труда учителей, повышение уровня его оплаты, расширение форм нематериальной мотивации учителей и повышение статуса школьного учителя в обществе.

В сфере рисков безопасности и психологического климата в школе мнения родителей оказались еще более консолидированными: на первом месте риски скорее физического, но также и психологического характера — буллинг (травля) и конфликтные ситуации между школьниками (88 %), а также объективная безопасность детей (проникновение посторонних на территорию школы, в том числе злоумышленников, несчастные случаи на уроках физкультуры, переменах и во время прогулок и пр.; 87 %); почти каждый третий опрошенный (30 %) назвал плохую подготовку ребенка к уроку (т.е. переживания, связанные с негативной реакцией учителей и одноклассников), хотя связывают таковую скорее с низким качеством преподавания (критикуют работу учителей). Буллинг, агрессивное поведение одноклассников, издевки и ссоры наносят серьезный психологический ущерб ребенку, снижают его самооценку и желание посещать школу (не говоря уже о формах физического насилия). Травля и конфликты среди учащихся оказывают сильное негативное воздействие на эмоциональное и физическое состояние детей, провоцируют ухудшение успеваемости, снижают мотивацию к учебе, могут привести к тяжелым психологическим последствиям вплоть до депрессии и суицидальных мыслей. Также родители отмечают недостаточность мер безопасности на территории школы — отсутствие камер видеонаблюдения и пропускных систем, некомпетентных охранников, непроведение обучающих мероприятий о действиях в экстремальных ситуациях и пр., что вызывает их серьезные опасения. Во всех перечисленных случаях родители ожидают от администрации школы мгновенной реакции и ужесточения мер безопасности, а также настаивают на необходимости мер по профилактике буллинга, предотвращению внешних угроз и повышению качества подготовки учителей — чтобы обеспечить комфортную и безопасную обстановку на протяжении всего времени пребывания детей в школе.

Проблемы во взаимодействии школы с родительским сообществом оказались для респондентов менее значимы по сравнению с первыми двумя группами рисков: каждый второй (50 %) назвал недостаточное/нецелевое

расходование средств школы, каждый третий — недостаточную информированность родителей об учебной программе и жизни школы в целом (31 %) или же трудности в получении информации об изменениях в расписании занятий и внеклассных мероприятиях (30 %). Иными словами, родителей беспокоит недостаточная информированность: в случае финансовых расходов таковая порождает сомнения в компетентности, ответственности и порядочности школьной администрации, подрывая доверие к ней, поэтому необходимо повышать прозрачность решения финансовых вопросов; применительно к организации учебного процесса и внешкольной жизни недостаточная информированность родителей вызывает те же сомнения, но уже в отношении учителей, вызывая ощущение отстраненности, дистанцированности от школы и невозможности полноценного участия в этой значительной части жизни ребенка. Отсутствие быстрой и надежной системы оповещения родителей об изменениях в учебном расписании и внешкольных мероприятиях вынуждает родителей тратить дополнительное время и силы на выяснение деталей, что влечет лишние стрессы, дискомфорт и конфликты. Сегодня администрации школ прилагают усилия для налаживания надежных каналов связей и оперативного информирования родителей о событиях и новостях школы, в том числе в интересах повышения прозрачности и обоснованности финансовых решений. С одной стороны, эти меры, безусловно, повышают доверие родителей к образовательному учреждению и улучшают его репутацию; с другой стороны, подобные меры реализуются преимущественно силами учителей, увеличивая и без того их большую нагрузку, что усиливает риски эмоционального и физического выгорания учителей.

На открытый вопрос с предложением назвать другие волнующие родителей проблемы школы были получены ответы, содержательно укладываемые в три описанных выше блока: чрезмерная бюрократия (негативная оценка школьного управления); отсутствие инноваций, недостаточное внимание к развитию soft skills, несогласованность требований учителей (негативные оценки учителей); стресс детей от необходимости сдавать ЕГЭ и ОГЭ, отсутствие внимания к питанию и высокая загруженность детей домашними заданиями (негативные оценки состояния детей).

92 % родителей отметили высокую значимость школьного самоуправления как реального инструмента преодоления серьезных рисков, угрожающих успешной деятельности школы, однако оценки конкретных форм школьного самоуправления несколько различаются (рисунок 1): в основном родители поддерживают работу родительских комитетов (97 %) и советов обучающихся (74 %), считая их наиболее полезными структурами самоуправления для решения перечисленных выше проблем, видимо, в силу непосредственной «близости» к потребностям родителей и учащихся. Родительский комитет — наиболее популярная форма самоуправления, поскольку родители высоко оценивают его работу (по сути, свою деятельность), считая эффективной формой

защиты прав и интересов семей, влияния на повседневные вопросы и поддержания тесного контакта с учителями. Советы обучающихся наиболее популярны среди родителей 8–9 классов, которые считают их эффективным инструментом развития навыков лидерства и чувства ответственности у подростков.

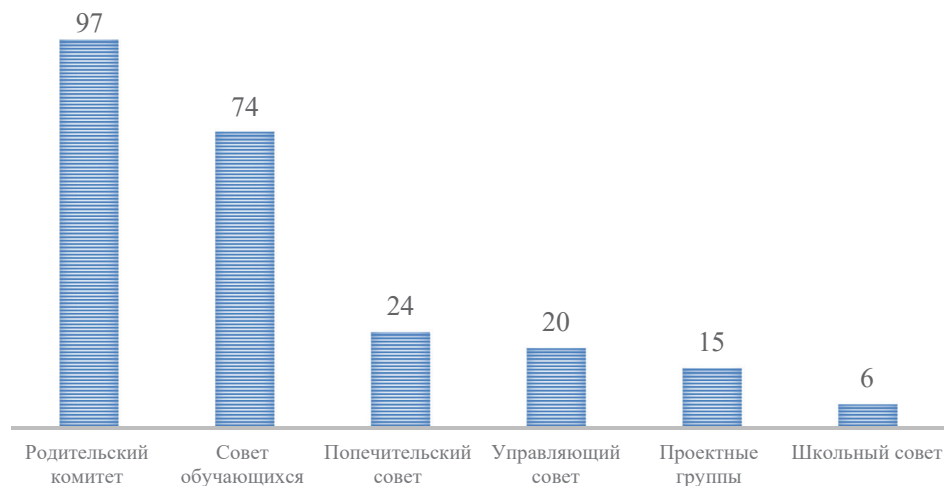

Рис. 1. Значимость для родителей разных форм школьного самоуправления

Наименее осведомлены родители о деятельности таких более формальных структур самоуправления, как попечительский и управляющий советы, однако попечительский совет воспринимается более положительно, особенно в сельских районах, — как перспективная форма самоуправления. Проектные группы родители справедливо оценивают как эффективный способ оперативного решения локальных задач и быстрого воплощения новаторских идей: в интервью активные члены органов самоуправления отмечали, что основное преимущество проектных групп — быстрая реакция на возникающие запросы в организации выпускного вечера, турпохода, выезда класса на культурное мероприятие и т.д. Наименее востребованная родителями форма самоорганизации — школьные советы, однако в ходе фокус-групп они оценивались положительно как инструмент стратегического планирования и улучшения общего социально-психологического климата внутри школьного сообщества.

Многие родители (75 %) отмечали низкую осведомленность о функциях и особенностях работы форм самоуправления; 43 % считают необходимым повышения своей информированности о планируемых мероприятиях и изменениях в учебной программе, в том числе посредством участия в самоуправлении; каждый второй (56 %) опрошенный родитель признался, что не участвует в школьной жизни в той мере, в какой хотел бы это делать, под влиянием личных психологических барьеров и временных ограничений (страх перед педагогическим коллективом, неуверенность в собственных силах и перегруженность повседневными обязанностями); 43 % отметили не-

которое разочарование в родительских комитетах, указав на низкую активность их членов и слабую поддержку инициатив активных родителей.

В ходе фокус-групповых дискуссий родители неоднократно подчеркивали, что в нынешних условиях развития информационной среды и цифровизации современные технологии предоставляют все новые, удобные и эффективные инструменты коммуникации между семьей и школой (онлайн-платформы, мессенджеры, веб-сайты), поэтому школы и структуры управления ими могли бы создавать специализированные информационные платформы для открытого и оперативного обмена информацией. В частности, участники фокус-группы сформулировали следующие рекомендации для администрации школ, аргументировав их тем, что информационная открытость минимизирует слухи и недостоверные обвинения, помогает родителям чувствовать себя увереннее, видеть заинтересованность школьной администрации и сообщества и потому реже высказывать жалобы и претензии: *«Обновляйте сайт школы регулярно, размещая актуальную информацию о ее деятельности — расписание занятий, график каникул, итоговая успеваемость, планируемые мероприятия. Регулярно публикуйте подробную информацию о событиях в школе, решениях советов и текущих процессах. Сделайте удобный просмотр архива новостей и официальных документов. Опубликуйте на баннере контактные данные директора и администрации школы, включая электронную почту и телефон для оперативной связи. Постоянно поддерживайте официальную группу школы в популярных соцсетях и мессенджерах (ВКонтакте, Телеграм), где родители могут узнавать информацию о жизни школы»*. В качестве необходимых мер для оптимизации школьного управления и повышения доверия к школьной администрации родители назвали: «больше прозрачности в финансах», «регулярные встречи администрации с родителями», «активно работающий управляющий совет с реальными полномочиями», «повышение квалификации учителей», «психологическая служба в школе», «больше возможностей для обратной связи», «более открытая и доступная администрация».

Таким образом, проведенное исследование, с одной стороны, зафиксировало сохранение в школьной системе управления ее традиционных проблем (недостаточный уровень информированности и вовлеченности родителей в повседневную деятельность школы, хотя не следует забывать и о чрезмерных запросах родителей к школе, не имеющей достаточных финансовых, кадровых и временных ресурсов для удовлетворения всех требований родительского сообщества); с другой стороны, показало потенциал устранения/минимизации этих проблем за счет инструментов школьного самоуправления (привлекать родителей к контролю качества образовательного процесса, расширив полномочия родительских комитетов и увеличив их представительство в управлении образовательным учреждением; проводить специальные консультации для родителей, желающих принимать участие в работе школьных органов са-

моуправления или иначе помогать школьной администрации; ввести обучающие семинары для членов школьных советов по подготовке к эффективным действиям в условиях неопределенности и рисков; проводить независимую оценку/экспертизу деятельности органов школьного самоуправления для объективной оценки их работы). Результаты разведывательного исследования могут лечь в основу других, более масштабных и комплексных социологических проектов, призванных помочь школьным организациям и органам управления образованием более точно диагностировать болевые точки и риски, исходя в том числе из перспективы одного из ключевых «стейкхолдеров» — родителей, оптимизировать существующие и внедрять новые формы школьного самоуправления, укреплять партнерские отношения между школой и семьей, повышать уровень доверия и вовлеченности родительского сообщества в жизнь образовательного учреждения в интересах его адаптивности, гибкости и устойчивости в условиях современных вызовов и рисков.

Библиографический список

1. Гатаулин Р.Р., Митрофанов А.А., Винокурова А.Н. Факторы и преимущества внедрения процессного подхода в управление образовательной организацией // Гуманитарный научный журнал. 2023. № 2–1.
2. Гусева А.П. Применение риск-ориентированного подхода при построении системы менеджмента качества в образовательной организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 1–1.
3. Егорышев С.А. Эмоциональное выгорание учителей как фактор снижения эффективности их профессиональной деятельности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1.
4. Ерофеева О.Г. Механизмы совершенствования системы управления образовательной организацией в современных условиях // Вестник Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2022. № 49.
5. Ефанов А.А., Буданова М.А., Юдина Е.Н. Уровень цифровой грамотности школьника и педагога: компаративистский анализ // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2.
6. Ефимова Г.З., Семенов М.Ю. Социальный портрет женщины-учителя (на примере Тюменской области) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3.
7. Жуйкова С.И., Петросян А.Р. Проблемы управления в системе образования // Технологическое-экономическое образование. 2020. № 13.
8. Кадничанская М.И., Рудакова А.А. Особенности управления в сфере образования: системный подход // Симбирский научный вестник. 2022. № 2.
9. Киселева Г.Н., Турянская О.Ф. Эффективное управление образовательным учреждением как условие обеспечения качества образования // Russian Journal of Education and Psychology. 2021. Т. 12. № 4–2.
10. Колдина М.И., Уракова Е.А., Гребеньщиков Д.М. Управление образовательными системами // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 82–1.
11. Крюкова Е.М., Щербина Е.Ю. Образовательный менеджмент: аспекты парситипативного управления // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. 2023. № 3.
12. Лаврищева Е.Е., Смольянинова Ю.В. К вопросу о рисках образовательного учреждения // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2021. № 4.

13. *Медведева Н.В.* Социальные риски корпоративного управления // Проблемы современного образования. 2020. № 4.
14. *Мельничук В.А.* Компетентность в вопросах управления риском при организации и руководстве образовательной деятельностью // Наукосфера. 2023. № 4–1.
15. *Осеев А.А.* Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса: уникальные черты (результаты изучения с применением корреляционного анализа) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1.
16. *Осипов А.М.* Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
17. *Пожидаева Т.А.* Формирование системы риск-ориентированного внутреннего контроля в образовательных организациях // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Т. 20. № 12.
18. *Причинин А.Е.* Развитие подходов к управлению рисками образовательных проектов // Ценности и смыслы. 2024. № 1.
19. *Суриков Ю.Н.* «Теория рисков» как методологическая основа инновационного подхода в управлении образовательным учреждением // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 4.
20. *Тимченко В.В.* Управление образованием в условиях неопределенности (в контексте взаимодействия школы и вуза) // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2023. № 8.
21. *Троцук И.В., Дурсина А.Н.* Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1.
22. *Шапкин В.В.* Процессный подход в управлении образовательными системами // Традиционное прикладное искусство и образование. 2023. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-731-742

EDN: AKLNOY

Self-management as a tool for overcoming risks in school management*

R.R. Ishmukhametov

Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan,
Mingazheva St., 120, Ufa, Bashkortostan, 450005, Russia

(e-mail: rustish@list.ru)

Abstract. Effective management of educational organization plays a key role in ensuring high quality education and well-being of all participants of educational process, which is why such management has always been a subject of interest for the scientific community and a focus of attention for management structures. However, today's changes in social, economic and technological spheres give rise to a variety of risks that affect the stability of educational process, safety of students, work of staff and reputation of school, requiring clarification and supplementation of traditional models of school management from the standpoint of risk theory.

*© R.R. Ishmukhametov, 2025

The article was submitted on 26.03.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

One of possible approaches to risk management may be more active involvement of parents in school self-government. The article presents the results of the exploratory study conducted in the Republic of Bashkortostan with a survey (N=212), focus groups and expert semi-structured interviews to identify the main types of risks in school management and to assess the potential of various forms of school self-government in overcoming them. While recognizing the limitations of generalization based on the exploratory study with a small sample of a biased nature (the most interested, active and responsible parents were questioned), the author makes some conclusions: the greatest concerns of parents are about security threats, quality of education, financial issues and interaction with the school administration. In the developing self-government system, parents have the greatest trust in parent committees that participate in school everyday life and in student councils, whereas such forms as trustee board and management board are still unclear in terms of functions and structure. Almost every second parent is dissatisfied with the transparency of school spending and would like to interact with the school administration more regularly. The research data is confirmed by other studies showing that the active involvement of parents in school management helps to reduce their anxiety and increases the level of trust in the school administration. Based on his research and practical experience, the author makes some recommendations for improving school self-government with an emphasis on raising parental awareness, training school specialists and developing additional tools for monitoring/controlling the quality of education and school management in the interests of a sustainable family-school partnership.

Key words: school; school management; parent community; management risks; self-government; forms of school self-government; exploratory research; Republic of Bashkortostan

For citation: Ishmukhametov R.R. Self-management as a tool for overcoming risks in school management. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 731–742. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-731-742>

References

1. Gataulin R.R., Mitrofanov A.A., Vinokurova A.N. Faktory i preimushchestva vnedreniya protsessnogo podkhoda v upravlenie obrazovatelnoy organizatsiyey [Factors and advantages of introducing a process approach to the management of educational organization]. *Gumanitarny Nauchny Zhurnal*. 2023; 2–1. (In Russ.).
2. Guseva A.P. Primenenie risk-orientirovannogo podkhoda pri postroenii sistemy menedzhmenta kachestva v obrazovatelnoy organizatsii [Application of a risk-oriented approach in the quality management system of educational organization]. *Ekonomika i Biznes: Teoriya i Praktika*. 2020; 1–1. (In Russ.).
3. Egoryshev S.A. Emotsionalnoe vygoranie uchiteley kak faktor snizheniya effektivnosti ih professionalnoy deyatel'nosti [Emotional burnout of teachers as a factor of their professional inefficiency]. *RUDN Journal of Sociology*. 2023; 23 (1). (In Russ.).
4. Erofeeva O.G. Mekhanizmy sovershenstvovaniya sistemy upravleniya obrazovatelnoy organizatsiyey v sovremennykh usloviyakh [Mechanisms for improving the management system of educational organization in contemporary conditions]. *Vestnik Vladimirskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.G. i N.G. Stoletovykh. Seriya: Pedagogicheskie i Psikhologicheskie Nauki*. 2022; 49. (In Russ.).
5. Yefanov A.A., Budanova M.A., Yudina E.N. Uroven tsifrovoy gramotnosti shkolnika i pedagoga: komparativistskiy analiz [Digital literacy of schoolchildren and teachers: A comparative analysis]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (2). (In Russ.).
6. Efimova G.Z., Semenov M.Yu. Sotsialny portret zhenshchiny-uchitelya (na primere Tyumenskoy oblasti) [Social portrait of the female teacher (on the example of the Tyumen Region)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (3). (In Russ.).
7. Zhuykova S.I., Petrosyan A.R. Problemy upravleniya v sisteme obrazovaniya [Management issues in the education system]. *Tekhnologo-Ekonomicheskoe Obrazovanie*. 2020; 13. (In Russ.).

8. Kadnichanskaya M.I., Rudakova A.A. Osobennosti upravleniya v sfere obrazovaniya: sistemny podkhod [Features of management in education: A systems approach]. *Simbirsky Nauchny Vestnik*. 2022; 2. (In Russ.).
9. Kiseleva G.N., Turyanskaya O.F. Effektivnoe upravlenie obrazovatel'nykh uchre-zhdeniy kak uslovie obespecheniya kachestva obrazovaniya [Effective management of educational institution as a condition for ensuring the quality of education]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2021; 12 (4–2). (In Russ.).
10. Koldina M.I., Urakova E.A., Grebenshchikov D.M. Upravlenie obrazovatel'nymi sistemami [Management of educational systems]. *Problemy Sovremennogo Pedagogicheskogo Obrazovaniya*. 2024; 82–1. (In Russ.).
11. Kryukova E.M., Shcherbina E.Yu. Obrazovatel'ny menedzhment: aspekty parsitipativnogo upravleniya [Educational management: Participative aspects]. *Sovremennoe Obrazovanie: Aktualnye Voprosy i Innovatsii*. 2023; 3. (In Russ.).
12. Lavrishcheva E.E., Smolyaninova Yu.V. K voprosu o riskah obrazovatel'nogo uchre-zhdeniya [On risks of the educational institution]. *Vestnik Ivanovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Ekonomika*. 2021; 4. (In Russ.).
13. Medvedeva N.V. Sotsialnye riski korporativnogo upravleniya [Social risks of corporate governance]. *Problemy Sovremennogo Obrazovaniya*. 2020; 4. (In Russ.).
14. Melnichuk V.A. Kompetentnost v voprosakh upravleniya riskom pri organizatsii i rukovodstve obrazovatel'noy deyatelnostyu [Competence in risk management in organizing and managing educational activities]. *Naukosfera*. 2023; 4–1. (In Russ.).
15. Oseev A.A. Idealny portret rukovoditelya obrazovatel'nogo kompleksa: unikalnye cherty (rezultaty izucheniya s primeneniem korrelyatsionnogo analiza) [Ideal image of the head of the educational complex: Unique features (results of the study based on correlation analysis)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1). (In Russ.).
16. Osipov A.M. Byuropatologiya i bumazhny pressing v rossiyskom obrazovanii [Bureaupathology and paper pressing in the Russian education]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (4). (In Russ.).
17. Pozhidaeva T.A. Formirovanie sistemy risk-orientirovannogo vnutrennego kontrolya v obrazovatel'nykh organizatsiyah [Formation of a risk-oriented internal control system in educational organizations]. *Ekonomicheskyy Analiz: Teoriya i Praktika*. 2021; 20 (12). (In Russ.).
18. Prichinin A.E. Razvitie podkhodov k upravleniyu riskami obrazovatel'nykh proektov [Development of approaches to risk management of educational projects]. *Tsennosti i Smysl*. 2024; 1. (In Russ.).
19. Surikov Yu.N. “Teoriya riskov” kak metodologicheskaya osnova innovatsionnogo podkhoda v upravlenii obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [“Risk theory” as a methodological basis for an innovative approach to the management of educational institution]. *Vestnik Altayskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta*. 2020; 4. (In Russ.).
20. Timchenko V.V. Upravlenie obrazovaniem v usloviyakh neopredelennosti (v kontekste vzaimodeystviya shkoly i vuza) [Education management in conditions of uncertainty (In the context of interaction between school and university)]. *Upravlenie Kachestvom Obrazovaniya: Teoriya i Praktika Effektivnogo Administrirovaniya*. 2023; 8. (In Russ.).
21. Trotsuk I.V., Dursina A.N. Tsifrovoy vektor razvitiya kommunikatsii mezhdru vlastyu i naseleniem v sovremennom rossiyskom obshchestve [Digital trend in the development of communication between Russia’s authorities and population]. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1). (In Russ.).
22. Shapkin V.V. Protsessny podkhod v upravlenii obrazovatel'nymi sistemami [Process approach in the management of educational systems]. *Traditsionnoe Prikladnoe Iskusstvo i Obrazovanie*. 2023; 1. (In Russ.).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-743-761

EDN: AJZLAD

Поколенческие взаимодействия образовательных общностей в российских вузах: предметное поле исследований*

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова, Н.Б. Костина, Д.Ю. Нархов

Уральский федеральный университет,
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия

(e-mail: garoldzborovsky@gmail.com; p.a.ambarova@urfu.ru;
kostinanb30@gmail.com; d.y.narkhov@urfu.ru)

Аннотация. Актуальность изучения поколенческих отношений образовательных общностей в российских вузах обусловлена усилением влияния поколенческого фактора на разные аспекты академической жизни и недостаточной разработанностью теоретико-методологических оснований таких исследований. Для понимания состояния поколенческих взаимодействий между студентами, научно-педагогическими работниками и административно-управленческим персоналом необходима разработка предметного поля поколенческих исследований в высшей школе. Такая работа снимет проблему ограниченности теоретико-методологических подходов, которые сегодня сводятся почти исключительно к концепции У. Штрауса и Н. Хоува, и расширит перечень исследовательских вопросов. В социологии высшего образования не сложились систематические представления о предметном поле поколенческих исследований образовательных общностей, его границах, структуре и сегментах. Цель статьи — определение этого предметного поля и возможностей экстраполяции его структуры в социологию высшего образования; характеристика этой структуры и рассмотрение содержания каждого ее сегмента. Авторы выявили четыре предметные зоны, сформировавшиеся в рамках поколенческого подхода: поколенческое устройство общества и динамика поколений; поколенческое самосознание; межпоколенческие отношения и взаимодействия; их регулирование. Такой подход к структурированию предмета поколенческих исследований можно экстраполировать в социологические исследования взаимодействий образовательных общностей в вузах. Авторы предложили следующую структуру предметного поля поколенческих исследований в высшем образовании: поколенческое устройство университетского сообщества (общностная, демографическая, возрастная, квалификационно-должностная, организационно-управленческая подструктуры) и его динамика; поколенче-

*© Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Костина Н.Б., Нархов Д.Ю.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025. Статья принята к публикации 18.08.2025.

ское самосознание (представления о своем поколении и его отличиях от других поколений, поколенческая самоидентичность, поколенческие ценности, интересы и стереотипы); поколенческие взаимодействия в университетском сообществе (от обмена, договора, консенсуса, диалога до конфликтов, разрывов, ценностного раскола); регулирование межпоколенческих отношений (социокультурные и управленческие механизмы). Проведенное исследование вносит вклад в развитие социологической теории поколений и поколенческих исследований в социологии высшего образования.

Ключевые слова: российские вузы; поколения; поколенческие взаимодействия; образовательные общности; предметное поле поколенческих исследований; поколенческое устройство университетского сообщества; поколенческое самосознание, регулирование межпоколенческих отношений

Для цитирования: Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., Костина Н.Б., Нархов Д.Ю. Поколенческие взаимодействия образовательных общностей в российских вузах: предметное поле исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 743–761. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-743-761>

Одним из недостаточно разработанных направлений российской социологии высшего образования являются поколенческие исследования (*generational research*). Необходимость их проведения обусловлена нарастанием в вузовской среде межпоколенческих различий [8; 25], а также появлением в ней признаков межпоколенческой напряженности между образовательными общностями студентов, научно-педагогических и административно-управленческих работников (далее — НПП и АУР) [3], внутри академического сообщества [2; 16]. Кроме того, влияние поколенческого фактора на различные стороны социальной жизни сегодня возрастает и порождает новые общественные коллизии [26]. Авторы известной концепции «поколений по годам» У. Штраус и Н. Хоув утверждали, что это влияние столь же сильно, как и влияние таких экономических и социальных факторов, как класс, раса, пол, религия и политические взгляды [39]. Изучение поколенческого фактора в высшем образовании обретает особую значимость, поскольку оно не только концентрирует, но воспроизводит и трансформирует опыт поколенческих отношений, экстраполируя его в другие сферы общественной жизни.

Для глубокого и системного видения поколенческой ситуации в вузах необходимо иметь четкое представление о предметном поле поколенческих исследований в высшем образовании, однако его границы и структура размыты, что затрудняет создание программы поколенческих исследований в российском высшем образовании. Подтверждение тому — результаты проведенного нами в мае 2025 года обзора российской литературы по поколенческим исследованиям в высшем образовании (1). В ходе отбора научных публикаций в базе elibrary по ключевым словосочетаниям была сформирована выборка из 68 релевантных статей. Небольшое количество публикаций позволило провести качественный анализ их содержания по структурным компонентам исследования (цель/задачи, объект/предмет (проблемы), резуль-

таты). Он показал, что в поколенческих исследованиях высшего образования сложился ограниченный перечень вопросов. Теоретической основой большинства публикаций была концепция поколений У. Штрауса и Н. Хоува, преобладающим методологическим подходом — «продольные» исследования, позволяющие выявлять историческую динамику поколений. Сравнение полученных результатов с повесткой поколенческих исследований общества свидетельствует о формировании лишь отдельных фокусов исследовательского внимания к поколенческим проблемам в высшем образовании, и эти фокусы связаны с наиболее дискутируемыми вопросами «на злобу дня». Результаты представленного ниже исследования представляют собой попытку закрыть теоретико-методологические «лакуны» в обозначенной отрасли социологии.

Упомянутый выше систематический обзор российских публикаций позволил выделить следующие тематические направления в исследуемой предметной области: фиксация межпоколенческих различий между образовательными общностями (эмпирическая верификация концепции поколений Штрауса и Хоува); цифровой разрыв между поколениями обучающихся и преподавателей, цифровое неравенство между ними и обоснование концептуальной и инструментальной трансформации высшего образования под потребности «цифрового» поколения студентов; выявление особенностей и противоречий взаимодействий между разными поколениями преподавателей и студентов; описание межпоколенческой трансмиссии ценностей и традиций (социальная, историческая память; наставничество, научные школы, театральные, волонтерские и другие социокультурные практики); старение научно-педагогического сообщества и деформация возрастной/поколенческой структуры вузов; становление практик «серебряного» образования в высшей школе.

Объектом исследований межпоколенческих различий в вузах выступают либо представители разных поколений студенчества, либо студенты и преподаватели, принадлежащие к разным поколениям. Предмет таких исследований обычно сконструирован вокруг одного социального параметра – ценностных ориентаций [23], профессиональных предпочтений и установок по поводу будущей работы [20], картины мира и поведенческих паттернов [30], отношения к высшему образованию [29], академических девиаций [5] и др.

Так, исследования цифрового межпоколенческого разрыва в основном касаются отношений между студентами и преподавателями, но в некоторых работах затронуты и отношения между разными поколениями научно-педагогических работников. В серии публикаций В.В. Радаева [24–27] межпоколенческий цифровой разрыв показан как фактор, вызывающий глубокую трансформацию академических практик (чтения, критического анализа, посещения занятий и пр.) или (в случае сопротивления преподавате-

лей этому фактору) как кризис поколенческих отношений и взаимодействий в академической среде. Целью исследования П.А. Петрякова, М.Н. Певзнера и А.С. Шустрова [22] стала проверка на соответствие реальности идеи цифровой «продвинутой» и «отсталой» современного поколения студентов («поколение Z», «сетевое поколение»). В числе стереотипов, не подтвердившихся в опросе, оказались представления о неуважительном отношении «цифровой» молодежи к представителям старшего поколения и их опыту. В кратком или развернутом формате проведенные исследования содержат вывод о возникновении (либо риске возникновения) противоречий в межпоколенческих отношениях преподавателей и студентов [2], разных поколений исследователей [19]. В работе Ю.С. Галынской, В.В. Звягинцевой и Н.А. Коростелевой [8] обосновывается социальная ответственность вузов за воспитание межпоколенческой толерантности студентов: воспитательная деятельность в вузе трактуется как эффективный способ управления межпоколенческими конфликтами не только в студенческой, но — шире — в молодежной среде.

Особенно следует выделить сегмент предметного поля, образованный публикациями о механизмах межпоколенческой трансмиссии — передаче жизненного и профессионального опыта в российских вузах (как от преподавателей к студентам, так и между поколениями НПР), где обосновывает необходимость разработки системы управления межпоколенческой трансмиссией, включая ее функции и уровни реализации [21]. Традиционной для российских социологов можно считать тему исторической памяти разных поколений образовательных общностей, особенно о Великой Отечественной войне [6; 9; 32]. В исследованиях представлен довольно широкий спектр механизмов межпоколенческой трансмиссии, характерных для академической среды: научные школы [10; 15], научное наставничество [1], разные социокультурные практики [17; 33].

Возрастной срез в поколенческих исследованиях высшей школы представлен публикациями, посвященными старению научно-педагогического сообщества. Анализ работ первых двух десятилетий XXI века свидетельствует о формировании негативистского дискурса, описывающего тенденции изменений возрастной структуры российских вузов [4; 11; 18]. Исследования, проведенные в начале 2020-х годов, демонстрируют смену вектора оценок возрастной структуры вузов за счет расширения предмета изучения. Он стал включать такие контекстные факторы, как тенденции изменений возрастной структуры общества, продвижение культуры активного долголетия, влияние межпоколенческой толерантности/эйджизма [16], парадигма успешного кадрового старения в академическом секторе [12], риски политики управляемого омоложения кадрового состава вузов, оценка ресурсного потенциала НПР разных возрастов [7; 14; 28; 34]. Очень небольшая группа работ отражает возникновение узкого сегмента предметного поля поколенческих исследо-

ваний в высшей школе, связанных с развитием «серебряного» высшего образования. Факт появления таких работ отражает зародившуюся в 2010-е годы тенденцию увеличения в структуре студенчества доли «серебряного» поколения [13], однако ограниченное количество таких работ говорит о стагнации обозначившейся тенденции и неспособности российской высшей школы адекватно ответить на демографические и социокультурные вызовы стареющего общества.

Представленный обзор свидетельствует, с одной стороны, об устойчивом интересе российских исследователей к поколенческой проблематике в высшем образовании, с другой — о внимании лишь к отдельным ее аспектам, попадающим в актуальную публичную повестку. Среди таких вопросов — старение и цифровая дифференциация общества, политика долголетия, сохранение исторической памяти как основы социальной солидарности. Кроме того, обобщение теоретических оснований таких исследований и их категориального аппарата свидетельствует о почти тотальном и некритическом увлечении поколенческой теорией Штрауса и Хоува и об отсутствии методологического плюрализма, характерного для поколенческих исследований общества. Для определения границ предметного поля поколенческих исследований высшего образования, его сегментов и их содержания необходимо сопоставление данных обзора литературы с результатами изучения предметного поля поколенческих исследований в целом.

Характеристика предметного поля поколенческих исследований. Для описания предметного поля поколенческих исследований мы обратились к международному компендиуму «Поколения, межпоколенческие отношения, межпоколенческая политика» [35]. Этот сборник был составлен представителями различных стран (поэтому авторы назвали его многоязыковым) и издан в 2017 году. Авторы компендиума входят в сообщество «Generaciones» — «свободную сеть ученых разных стран и дисциплин, которые занимаются актуальными вопросами поколенческого анализа в теории, методологии, эмпирических исследованиях и политике» [35. С. 392]. Важным фактором выбора данного источника было заверение его авторов, что их работа принципиально открыта для разных точек зрения и языков описания поколенческих процессов и ситуаций, сложившихся в контексте той или иной национальной культуры. Принимая во внимание возможные ограничения компендиума, мы можем на него опереться в своем анализе, тем более что иных работ по систематизации ключевых положений, концепций и категориального аппарата поколенческих исследований ни в России, ни в зарубежных странах мы не обнаружили. Можно отметить лишь отдельные попытки раскрыть аналитический потенциал тех или иных категорий поколенческого подхода [36; 37], описать его историю в социологии [38], выделить его тематические приоритеты и «умолчания» [31].

Анализ содержания компендиума позволил выделить четыре предметные зоны, сформировавшихся в поколенческом подходе: поколенческое устройство общества, описываемое понятиями поколенческой и возрастной структуры, когорты, межпоколенческого порядка и др., и динамика поколений — понятия преемственности поколений, поколенческой (генеративной) социализации, межпоколенческого трансфера, межпоколенческих различий и др.; поколенческое самосознание — понятия поколенческой идентификации, самоидентификации, множественности поколенческой принадлежности, поколенческих ценностей, традиций, норм, обычаев, памяти, межпоколенческой толерантности, межпоколенческой амбивалентности, возрастных стереотипов и т.д.; межпоколенческие отношения и взаимодействия — понятия межпоколенческого конфликта, разрыва, диалога, консенсуса, контракта (договора), обмена, межпоколенческой и внутрipoколенческой справедливости, генеративности, межпоколенческого доверия, межпоколенческих контактов и коммуникаций и др.; регулирование межпоколенческих отношений — понятия межпоколенческой политики, межпоколенческого порядка, межпоколенческого контракта, эйджизма, генеративного поведения, генеративности, межпоколенческой реципрокности и т.д. Такая структура предметного поля поколенческих исследований и содержательное наполнение его четырех сегментов соответствуют принципам социологического анализа, поскольку охватывают статику и динамику поколенческой ситуации, позволяя описывать ее через объективные и субъективные параметры. Самое главное, что такое структурирование предметного поля делает центром социологического поколенческого анализа поколенческие отношения и взаимодействия. Такой подход к структурированию предмета поколенческих исследований можно экстраполировать в социологический анализ поколенческих взаимодействий образовательных общностей в вузах, интегрируя результаты поколенческого анализа в дискуссии о высшем образовании и университетском сообществе — от разработки методик обучения и программ академического развития до университетского управления и государственной политики в области человеческого капитала университетов.

Структура предметного поля поколенческих исследований в высшем образовании. Здесь мы предлагаем выделить четыре сегмента, отражающих поколенческое устройство университетского сообщества и его динамику, поколенческое самосознание образовательных общностей, их поколенческие взаимодействия и их регулирование.

1. Структурирование образовательных общностей российских вузов (студентов, НПР, АУР) может осуществляться по разным основаниям. *Поколенческая структура* — взаимодействие трех основных поколений образовательных общностей (молодой, средней и старшей), характеризующихся наличием в них близких по возрасту, ценностям и поведенческим образцам людей. Представители поколений обладают схожими социокультур-

ными ценностями, интересами, специфическим образом жизни, моделями поведения и взаимодействия с другими поколениями как внутри собственной образовательной общности, так и за ее пределами. Возрастные границы поколений разных образовательных общностей имеют отличия: для НПР и АУР границы молодого поколения сегодня установлены в 35 лет (39 — для кандидатов и докторов наук), среднего поколения — от 35 до 55 лет, старшего — от 55 лет. Границы поколений студенческой общности мы определяем следующим образом: молодое поколение — до 25 лет, среднее — от 25 до 40, старшее — 40+.

Общностная структура включает в себя образовательные общности НПР, АУР и студентов. Ее специфика сопряжена с выявлением в каждой образовательной общности конкретных поколений, в структуре каждого поколения — возрастных и общностных различий, взаимодействий между ними, многообразных форм деятельности в диапазоне от противоречий и конфликта до консенсуса и доверия между их участниками.

Демографическая структура характеризуется взаимодействием гендерных, брачных и возрастных групп образовательных общностей. В профессиональной деятельности поколений общностей НПР и АУР важно выявить их витальную специфику, определить периоды минимальной и максимальной профессиональной активности, выхода из профессии и смертности (влияют на профессиональное выгорание).

Возрастная структура — взаимодействие возрастных групп в рамках поколений образовательных общностей. Возрастная структура может быть сбалансированной и несбалансированной: в первом случае соотношение групп разных возрастов оптимально и способствует реализации стоящих перед университетом целей; во втором — соотношение возрастных групп, не способствующее достижению этих целей.

Квалификационно-должностная структура — совокупность групп НПР и АУР, дифференцированных по таким критериям, как наличие ученой степени и звания, стаж работы в вузе, позволяющие занимать определенную должность (что также связано с формальным и фактическим опытом работы), символический капитал (награды и поощрения). Что касается должностей, то для НПР это группы ассистентов, преподавателей и старших преподавателей, доцентов и профессоров и соответствующие им группы научных работников, для АУР — группы «рядовых» специалистов, руководителей среднего и высшего звена (проректорский и ректорский корпус).

Организационно-управленческая структура, включающая группы НПР и АУР, ответственна за создание условий для успешной учебной, воспитательной, научно-исследовательской деятельности, установление оптимального межпоколенческого порядка как совокупности формальных правил, установленных для системы высшего образования, и традиций университетской культуры, регламентирующих поколенческие взаимодействия образо-

вательных общностей. Этот порядок выражается в стремлении обеспечить взаимодействие поколений на пути от конфликта и противоречий к согласию, диалогу, солидарности, сотрудничеству.

Установленный межпоколенческий порядок не всегда обеспечивает консенсус поколений или переход к нему, что может служить основанием для его трансформации, поэтому анализ поколенческого порядка в университетском сообществе должен быть тесно сопряжен с изучением *динамики поколений* — это совокупность (и закономерности) изменений количественных (структура, численность представителей поколений) и качественных (ценностные ориентации, навыки, установки и т.д.) характеристик вузовских поколений. Здесь важнейшим понятием (одно из самых популярных в современных исследованиях) становится понятие *поколенческих различий*. Традиционным аналитическим инструментом измерения динамики поколений выступает понятие *преемственности поколений* — в высшем образовании это трансфер (передача) социокультурного и профессионального опыта, сформировавшегося в вузовской среде, от одних поколений образовательных общностей к другим. Современные исследования также могут охватывать явления поколенческой социализации — интеграции в вузовское сообщество новых поколений студентов, НПП и АУР. Причем поколенческая социализация рассматривается как часть общего процесса социализации и конкретизируется в контексте межпоколенческого взаимодействия представителей образовательных общностей.

2. На основе содержания понятий «групповое сознание» и «самосознание» мы определяем *самосознание поколения образовательной общности в вузе* как осознание своего отличия от других поколений собственной и других образовательных общностей, своей поколенческой идентичности, сходства интересов, ценностей, образа жизни. В качестве компонентов поколенческого сознания выступают: представления о своем поколении (его ключевых чертах, «миссии», функциях); представления об отличиях от других поколений, позволяющие обозначить субъективно и объективно фиксируемые границы поколений; поколенческая самоидентичность (способность к самоотождествлению, пониманию себя как самостоятельного субъекта социального действия); поколенческие ценности; интересы; стереотипы.

Представления поколения образовательной общности о себе конструируются в процессе самовосприятия и самоосознания через фиксацию внимания на характеристиках поколения, значимо отличающих его от других. Образ поколения закрепляется в его самоописании, которое обладает важным объяснительным потенциалом (межпоколенческие различия и противоречия на уровне представлений о себе и других поколениях). Элементом поколенческого самосознания выступает поколенческая самоидентичность, производная от групповой (коллективной) идентичности. Представители поколений образовательных общностей выбирают способы взаимодействия

с представителями и своей, и другой общности в зависимости от того, какой способ их общность рассматривает как нормативный. Таким образом, самоидентичность поколения образовательной общности — результат его самоотождествления, в котором поколение выделяет себя в качестве самостоятельного целостного субъекта социального действия, осознает свои отличия от других поколений. Различия поколенческих идентичностей, присущие прежде всего НПР вузов (гипотетически и АУР), могут приводить к дезинтеграции, фрагментации научно-педагогического сообщества. Косвенным проявлением противоречий поколенческой самоидентификации НПР могут служить трудности интеграции молодых НПР в профессиональное сообщество.

Процессы поколенческой самоидентификации отражаются в наблюдаемых и ненаблюдаемых маркерах: к первым можно отнести поведенческие проявления, в том числе речевые самопрезентации, ко вторым — поколенческие ценности, интересы и стереотипы. Поколенческие ценности — это аксиологические основания жизнедеятельности поколений, определяющие их идеалы, цели и принципы. Исследования ценностных ориентаций различных поколений вузовских образовательных общностей, проводимые на основе теории Штрауса и Хоува, не принимают во внимание внутр поколенческие различия и общие ценности разных поколений, поэтому более адекватно понятие *ценностного дрейфа*. Система ценностей разных поколений едина по составу, что служит фундаментальной аксиологической базой солидарности поколений. Ценностный дрейф в самосознании поколений выражается во временных смещениях в системе ценностей — от одного полюса к другому, в изменении содержательного смысла ценностей, не теряющих своей значимости. Такой теоретико-методологический подход может быть дополнен возрастной стереотипизацией ценностей образовательных общностей (когда поколению приписывается приверженность тем или иным ценностям).

На основе поколенческих ценностей формируются поколенческие интересы, авто- и гетеростереотипы. Интересы — направленность общности на значимые для нее объекты для удовлетворения потребностей и сохранения статуса в поколенческой структуре. Интересы влияют на межпоколенческие взаимодействия, выступая основанием как для консенсуса (в случае совпадения или конгруэнтности), так и для конфликта. Поколенческие интересы — основа межпоколенческой конкуренции, разворачивающейся в публичном университетском пространстве, и в этом контексте возможна оценка разных политик (государственной и вузовских), а также решение проблемы межпоколенческого контракта — на микроуровне (в вузе, его подразделениях) и макроуровне (в рамках государственной научно-образовательной политики).

Поколенческие стереотипы представляют устойчивые, схематизированные представления поколенческих общностей о себе (автостереотипы) и о других поколениях (гетеростереотипы), служащие основой (само) оценки

и выбора способов взаимодействия. Стереотипы являются значимыми регуляторами межпоколенческого взаимодействия, реализуемого как в конструктивных (сотрудничество), так и деструктивных (конкуренция, дискриминация, эйджизм) формах.

3. Поколенческие взаимодействия — согласованные, организованные действия, реализуемые разными поколениями образовательных общностей, в результате чего осуществляется устойчивое функционирование университета, достигаются стратегические и оперативные цели. Взаимодействие поколений осуществляется в разных формах: от обмена, договора, консенсуса, диалога до конфликтов, разрывов, ценностного раскола. Диалог предполагает обмен знаниями, умениями, научными и педагогическими практиками. Поколения образовательных общностей обмениваются результатами разных видов деятельности: НПР формируют и передают профессиональные знания и умения студентам и коллегам, те их приобретают и используют, университетский менеджмент осуществляет организацию этих процессов. Диалог основан на понимании, в основе которого лежит осознание проблем и рисков совместной деятельности, формулировка взаимных ожиданий (чего каждая образовательная и поколенческая общность ожидает от других, и насколько эти ожидания совпадают с реальным положением дел). Для достижения эффективной коммуникации и диалога поколений образовательных общностей важен принцип справедливости — в распределении профессиональных функций и вознаграждения, в доступности ресурсов (материальных, статусных, информационных), в оценке роли поколений в достижении показателей университетской деятельности.

Распределение функций, прав и обязанностей образовательных общностей (студентов, НПР, АУР) закреплено в трудовых договорах и договорах оказания образовательных услуг, но в них не могут быть учтены меж- и внутрипоколенческие различия. Поэтому правила поколенческого обмена, диалога, контракта являются неформальными, устанавливаются в процессе совместной деятельности, институционально не закреплены. Если договорные отношения субъектов вузовского управления (АУР) и образовательных общностей (НПР и студентов) — предмет юридического и административного контроля, то поколенческие отношения могут регулироваться только самими общностями с опорой на общественное мнение, на разделяемые представителями поколений ценности и традиции. Отсутствие доверия, нарушение справедливого распределения обязанностей и ресурсов представляет угрозу для выстраивания меж- и внутрипоколенческих взаимодействий образовательных общностей, что находит выражение в поколенческих конфликтах, расколах, разрывах. Их причиной могут стать и федеральные управленческие решения, направленные на установление количественных пропорций молодого и старшего поколений НПР вне их реальной связи с научным, педагогическим, личностным потенциалом.

Поколенческие конфликты могут как содержать в себе опасность для устойчивого функционирования и развития образовательных общностей, так и представлять ценность для сообщества, но тогда ими нужно грамотно управлять, используя их позитивный потенциал. Первый тип конфликтов вырастает из одностороннего преувеличения роли одного поколения, и отсюда следует его ограниченная оценка: либо старшее поколение объявляется отставшим от реалий, не соответствующим требованиям цифровых технологий, либо молодое поколение характеризуется как меркантильное, прагматичное, стремящееся не к освоению профессии и занятиям наукой, а к поиску легкой и комфортной жизни. Конфликты, имеющие позитивный потенциал, содержат в себе идейные, теоретические противоречия научных подходов, носители которых — представители разных поколений. Реализация позитивной составляющей таких конфликтов основывается на использовании преимуществ каждого поколения в знаниях, навыках, умениях адаптироваться к быстро меняющимся условиям деятельности, на поколенческом взаимопонимании и сотрудничестве. Преобладание позитивного диалога, сотрудничества и консенсуса, снижение уровня конфликтности предполагает справедливые договорные отношения между всеми поколениями образовательных общностей.

4. Регулирование межпоколенческих отношений — процесс организации взаимодействия поколений на основании выработанных норм, правил и образцов поведения с целью упорядочения осуществляемых действий и решения задач, поставленных перед образовательными общностями. Среди механизмов регулирования можно выделить социокультурные и управленческие: первые — это сложившиеся в обществе нормы межпоколенческой культуры и морали, обосновывающие то или иное поколенческое устройство общества и правила межпоколенческих взаимоотношений. Специфика влияния социокультурных механизмов состоит в том, что они могут носить ненаправленный, опосредованный характер и имеют релятивную природу, что особенно ярко проявляется в современном обществе с его социокультурной фрагментированностью и секуляризацией. Однако опосредованно социокультурные механизмы продолжают оказывать влияние на поколенческое сознание, формируя определенные паттерны межпоколенческих взаимоотношений и взаимодействий в вузовской среде. Управленческие механизмы — это правовые нормы и межпоколенческая политика как система управленческих решений, регламентирующих и регулирующих межпоколенческие взаимодействия. Правовые нормы имеют всеобщий и обязательный (принудительный) характер, законодательно закрепляют межпоколенческий порядок в обществе в целом и в его подсистемах, к числу которых относятся высшее образование и конкретные вузы. Правовые нормы устанавливают нормативные предписания и санкции за их соблюдение/нарушение в отношении уровня возрастной дискрими-

нации, обеспечения социального статуса тех или иных поколений, однако объекты их воздействия ограничены.

Большей вариативностью, а, значит, и действенностью обладает межпоколенческая политика, разработка которой имеет многоуровневый характер. Внутривузовская межпоколенческая политика — производная от межпоколенческой политики, разрабатываемой на уровне общества, и межпоколенческой политики на уровне системы высшего образования. Межпоколенческая политика закрепляется в документах стратегического планирования на государственном уровне (например, в национальном проекте «Демография» или ранее действовавшей Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации), объективируется в целевых показателях документов стратегического планирования, направленных на развитие системы высшего образования (в нацпроекте «Наука и университеты», программе «Приоритет-2030»).

Внутривузовские политики регулирования межпоколенческих взаимодействий — составная часть программ развития университетов, но в них не артикулируются как отдельный вид их организационные политики, поэтому возникает проблема двойной системы регулирования межпоколенческих отношений образовательных общностей в вузе. В одних случаях декларируемые и неформальные принципы вузовской межпоколенческой политики могут совпадать, в других — расходиться и противоречить друг другу. Университетский менеджмент выступает актором, ответственным за разработку и формального, и неформального компонентов внутривузовской межпоколенческой политики. Ее вариативность и степень противоречивости определяются приоритетностью вопросов межпоколенческих отношений на государственном и ведомственном уровнях, а также степенью социальной ответственности университетского менеджмента, типом его управленческой культуры. Результаты межпоколенческой политики вуза — установление вузовского межпоколенческого порядка, заключение вузовского межпоколенческого контракта, формирование вузовской межпоколенческой культуры. Межпоколенческий контракт в вузе может рассматриваться как модель солидарности разных поколений образовательных общностей, включая нормы, ожидания и обязательства, регулирующие внутриуниверситетские межпоколенческие отношения. Вузовская межпоколенческая культура ориентирована на поиск оптимальных путей их согласования. Она включает в себя аксиологическое измерение (ценности межпоколенческих отношений, например, ценность межпоколенческой толерантности), нормативное (нормативные предписания, определяющие выбор способов межпоколенческого взаимодействия, например, соблюдение норм уважения) и поведенческое (модели, паттерны генеративного поведения, например, реципрного, помогающего поведения).

Предложенная структура предметного поля поколенческих исследований в высшем образовании — один из возможных вариантов, не исключающий иные подходы. Мы исходили из принципа подобия предмета соотносящихся между собой систем социологического знания — поколенческих исследований в социологии в целом и в высшем образовании. Кроме того, решение исследовательских задач учитывало важнейшие принципы социологии — сочетание статики и динамики поколенческих явлений (поколенческого устройства и тенденций его изменения), объективного и субъективного их измерений (поколенческого самосознания и его проявленности в поколенческих отношениях). В предложенном варианте предметного поля поколенческих исследований нашло отражение «ядро» предмета социологии — социальные взаимодействия. Это «ядро» трансформировалось в сегмент поколенческих отношений, замыкающий на себе другие структурные элементы предметного поля поколенческих исследований в высшей школе. Поскольку субъектами поколенческих отношений в вузах выступают образовательные общности (студенты, НПП и АУР), мы можем отождествить поколенческие исследования в высшем образовании с изучением поколенческих взаимодействий образовательных общностей в вузах, признавая при этом значимость изучения вопросов, относящихся к иным сегментам сконструированного предметного поля.

Исходя из предложенного предмета поколенческих исследований в высшем образовании, можно формировать программу социологических исследований взаимодействия вузовских образовательных общностей. В максимально широком масштабе она может охватывать все выделенные сегменты, в более узком — концентрироваться на каком-либо из них, но соотносить его с общей повесткой таких исследований.

Изучение поколенческих отношений и взаимодействий в российских вузах представляется нам важным тематическим направлением социологического знания. Конституирование соответствующей отрасли уже состоялось в отечественной науке, что предопределяет дальнейшее расширение и/или уточнение ее объекта и предмета. Выделяя поколенческие исследования в вузах как одно из актуальных направлений социологии высшего образования, мы сталкиваемся с необходимостью развития знаний и о предметном содержании этого направления. В идеале оно должно быть закреплено в специальных поколенческих концепциях и методологии, разработка которых выступает перспективной задачей отечественных социологов.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда.
Проект № 25-18-00206, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>.

Примечание

Для наукометрического анализа была использована база elibrary. По ключевым словам («межпоколенческие отношения в высшем образовании», «межпоколенческие взаимодействия в высшем образовании», «межпоколенческие конфликты в высшем образовании») за период с 2000 по 2025 годы в тематической области «Социология» было отобрано 2887 записей. Из поиска были исключены материалы конференций, патенты, наборы данных, депонированные рукописи, отчеты и гранты. Поиск велся по метаданным и полным текстам. Далее из подборки были исключены публикации, не охватывающие сферу высшего образования (например, если студенты выступают не как субъект высшей школы, а как одна из социальных групп; статьи о школьном, дополнительном и среднем-специальном образовании; если слово «поколение» используется как синоним социальной группы — студенты первого, второго поколений). В результате в выборке осталось 68 записей, релевантных тематической области (примерно 2 % исходной выборки).

Библиографический список

1. *Амбарова П.А.* Научное наставничество в высшем образовании: коммуникативный подход к интерпретации // Социологические исследования. 2025. № 2.
2. *Артамонова М.В.* Конфликт поколений: университеты в поиске путей выхода из кризиса в условиях меняющегося мира // Межкультурный диалог и вызовы современности: дружность и инаковость в своем и родном. Орел, 2019.
3. *Безденежных В.М.* Конфликт мировоззрения преподавателя и студента: наличие, причины возникновения и возможность преодоления // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 1.
4. *Березовская Е.А., Крюков С.В.* Привлечение и сохранение молодых преподавателей в системе высшего образования // Высшее образование в России. 2014. № 6.
5. *Васильева В.А.* Теория Штрауса — Хау и другие поколенческие концепции как основа для анализа феномена плагиата в студенческой среде // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7.
6. Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, 2015.
7. *Галимханов А.Б., Асадуллина Г.Р., Садретдинова Э.В., Шайхисламов Р.Б.* Траектории профессиональной карьеры научно-педагогических работников // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 4.
8. *Галынская Ю.С., Звягинцев В.В., Коростелева Н.А.* Управление межпоколенческим конфликтом в образовательном пространстве вуза // Теория и практика общественного развития. 2021. № 7.
9. *Грошева И.А., Грошев И.Л., Грошева Л.И.* Коллективная память студенческой молодежи в эпоху постмодерна // Siberian Socium. 2020. Т. 4. № 3.
10. *Дежина И.Г., Киселева В.В.* Научные школы: форма стагнации или интеллектуальной капитализации? // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 1.
11. *Думная Н.Н.* Проблема смены поколений в российской науке // Мир новой экономики. 2011. № 1.
12. *Дуракова И.Б., Майер Е.В.* Успешность работников старших возрастов как вызов высшей школе // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 6.
13. *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования // Высшее образование в России. 2017. № 4.

14. *Ильина И.Ю.* Динамика возрастных характеристик профессорско-преподавательского состава высшей школы: актуальные тенденции и оценка рисков // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 6.
15. *Козлова Л.А.* «Научная школа» в научной политике и социальном исследовании // Вестник Института социологии. 2014. № 3.
16. *Литвинюк А.А.* Эйджизм и его последствия для российского высшего образования и науки // Лидерство и менеджмент. 2023. Т. 10. № 4.
17. *Малыхина М.А.* Студенческий театр для поколений «миллениалов» и «зумеров» // Культура в фокусе научных парадигм. 2023. № 17.
18. *Малышева М.М.* Стратегии воспроизводства интеллектуального ядра вузов в условиях старения профессорско-преподавательского состава // Народонаселение. 2012. № 2.
19. *Московчук Л.С.* О проблеме поколений в науке // Информация – Коммуникация – Общество. 2013. Т. 1.
20. *Овсянников А.А.* Новое поколение: долгая дорога в поисках новых идеалов и смыслов жизни // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1.
21. *Ореховская Н.А.* Анализ существующих практик передачи духовного опыта поколений в современной высшей школе // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 6.
22. *Петряков П.А., Певзнер М.Н., Шустров А.С.* Цифровое поколение в оценке современных студентов вуза: мифы и реальность // Перспективы науки и образования. 2024. № 6.
23. *Попова О.И., Тимохина Г.С., Изакова Н.Б.* Ценностные установки представителей разных поколений в процессе принятия решений о выборе вуза и образовательной программы // Модернизация. Инновации. Развитие. 2023. Т. 14. № 4.
24. *Радаев В.В.* Как побудить студентов к чтению сложных текстов: опыт использования цифровых технологий // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 7.
25. *Радаев В.В.* Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? // Социологические исследования. 2022. № 6.
26. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3.
27. *Радаев В.В.* Миллениалы: как меняется российское общество. М., 2019.
28. *Сергеенко Ю.С.* Возраст научно-педагогических работников как показатель эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 3.
29. *Титаренко Л.Г.* Изменяющаяся ценность высшего образования: сравнительный анализ Беларуси, России, Китая // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 1.
30. *Толстикова И.И., Игнатьева О.А., Кондратенко К.С., Плетнев А.В.* Цифровое поведение и характеристики личности поколения Z в условиях глобальной цифровизации // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. Вып. 4. СПб., 2020.
31. *Троцук И.В.* «Умолчания» поколенческого анализа: объективное и субъективное значение возраста // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 2.
32. *Широкалова Г.С.* Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2.
33. *Широкопад И.И., Пакунова Т.А., Пакунов О.С.* Волонтеры наследия: роль студенческой молодежи в сохранении культурного наследия России // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. № 1.
34. *Шуклина Е.А., Певная М.В., Широкова Е.А.* Адаптационный потенциал преподавателей «серебряного возраста» в условиях трансформации высшего образования // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1.
35. Generations, intergenerational relationships, generational policy // URL: <https://clck.ru/3MQeQf>.
36. *Jureit U.* Generationenforschung. Göttingen, 2006.

37. *Ohad P., Vedder U., Willer S.* Das Konzept der Generation. Eine Wissenschafts- und Kulturgeschichte. Frankfurt am Main, 2008.
38. *Spahiu D.* Social generation concept in social science research // *European Journal of Research in Social Sciences*. 2016. Vol. 4. No. 8.
39. *Strauss W., Howe N.* The History of America's Future, 1584 to 2069. New York, 1991.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-743-761

EDN: AJZLAD

Generational interactions of educational communities in Russian universities: The subject field of research*

G.E. Zborovsky, P.A. Ambarova, N.B. Kostina, D.Yu. Narkhov

Ural Federal University,
Mira St., 19, Yekaterinburg, 620002, Russia

(e-mail: garoldzborovsky@gmail.com; p.a.ambarova@urfu.ru; kostinanb30@gmail.com;
d.y.narkhov@urfu.ru)

Abstract. The relevance of the study of generational relations of educational communities in Russian universities is determined by the increasing influence of the generational factor on various aspects of academic life and by the insufficient development of the theoretical-methodological foundations of such research. To understand the state of generational interactions between students, research-teaching staff and administrative-managerial personnel, it is necessary to develop the subject field of generational research in higher education. Such work will help to develop theoretical-methodological approaches, which today are reduced almost exclusively to the concept of W. Strauss and N. Howe, and to expand the list of research questions. In the sociology of higher education, there are no systematic ideas about the subject field of generational research of educational communities, its boundaries, structure and segments. The article aims at reconstructing this subject field and assessing the possibilities of extrapolating its structure to the sociology of higher education. The authors identified four fields in the generational approach: generational structure of society and the dynamics of generations; generational self-awareness; intergenerational relations and interactions; their regulation. This approach can be extrapolated to sociological studies of interactions between university educational communities. The authors proposed the following structure of the subject field of generational research in higher education: generational structure of university community (demographic, age, qualification, organizational and managerial substructures) and its dynamics; generational self-awareness (ideas about one's generation and its differences from other generations, generational self-identity, values, interests and stereotypes); generational interactions in university community (from exchange, agreement, consensus, dialogue to conflicts, breaks, value split); regulation of intergenerational relations (social-cultural and managerial mechanisms). The conducted study contributes to the development of the sociological theory of generations and generational research in the sociology of higher education.

*© G.E. Zborovsky, P.A. Ambarova, N.B. Kostina, D.Yu. Narkhov, 2025

The article was submitted on 03.06.2025. The article was accepted on 18.08.2025.

Key words: Russian universities; generations; generational interactions; educational communities; subject field of generational research; generational structure of university community; generational self-awareness; regulation of intergenerational relations

For citation: Zborovsky G.E., Ambarova P.A., Kostina N.B., Narkhov D.Yu. Generational interactions of educational communities in Russian universities: The subject field of research. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 743–761. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-743-761>

Funding

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation. Project No. 25-18-00206, <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>.

References

1. Ambarova P.A. Nauchnoe nastavnichestvo v vysshem obrazovanii: kommunikativny podkhod k interpretatsii [Scientific mentoring in higher education: A communicative approach to interpretation]. *Sociological Studies*. 2025; 2. (In Russ.).
2. Artamonova M.V. Konflikt pokoleniy: universitety v poiske putey vykhoda iz krizisa v usloviyakh menyayushchegosya mira [Conflict of generations: Universities in search of ways out of crisis in the changing world]. *Mezhkulturny dialog i vyzovy sovremennosti: drugost i inakovost v svoem i rodnom*. Orel; 2019. (In Russ.).
3. Bezdeneshnyh V.M. Konflikt mirovozzreniya prepodavatelya i studenta: nalichie, prichiny vozniknoveniya i vozmozhnost preodoleniya [Conflict of worldviews of the teacher and the student: Presence, causes, and possibility of overcoming]. *World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2025; 13 (1). (In Russ.).
4. Berezovskaya E.A., Kryukov S.V. Privlechenie i sokhranenie molodyh prepodavatelei v sisteme vysshego obrazovaniya [Recruitment and retention of young teachers in the higher education institutions of Russia]. *Higher Education in Russia*. 2014; 6. (In Russ.).
5. Vasilyeva V.A. Teoriya Straussa–Howe i drugie pokolencheskie kontseptsii kak osnova dlya analiza fenomena plagiata v studencheskoy srede [Strauss–Howe theory and other generational concepts as a basis for the analysis of students’ plagiarism]. *Social-Humanitarian Knowledge*. 2023; 7. (In Russ.).
6. *Voyna byla pozavchera... Rossiyskoe studenchestvo o Velikoy otechestvennoy voyne: Materialy monitoringa* [The War Was the Day Before Yesterday... Russian Students About the Great Patriotic War: Materials of the Monitoring]. Ed. by Yu.R. Vishnevsky. Yekaterinburg; 2015. (In Russ.).
7. Galimkhanov A.B., Asadullina G.R., Sadretdinova E.V., Shaikhislamov R.B. Traektorii professionalnoi karyery nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov [Professional career trajectories of research-pedagogical workers]. *Research Result. Sociology and Management*. 2023; 9 (4). (In Russ.).
8. Galynskaya Yu.S., Zvyagintsev V.V., Korosteleva N.A. Upravlenie mezhpokolencheskim konfliktom v obrazovatelnom prostranstve vuza [Managing the intergenerational conflict in the university educational space]. *Theory and Practice of Social Development*. 2021; 7. (In Russ.).
9. Grosheva I.A., Groshev I.L., Grosheva L.I. Kollektivnaya pamyat studencheskoi molodezhi v epokhu postmoderna [Collective memory of the student youth in the postmodern era]. *Siberian Society*. 2020; 4 (3). (In Russ.).
10. Dezhina I.G., Kiseleva V.V. Nauchnye shkoly: forma stagnatsii ili intellektualnoy kapitalizatsii? [Scientific schools: A form of stagnation or intellectual capitalization?]. *World Economy and International Relations*. 2009; 1. (In Russ.).
11. Dumnaya N.N. Problema smeny pokoleniy v rossiyskoy nauke [The problem of generational change in the Russian science]. *World of the New Economy*. 2011; 1. (In Russ.).

12. Durakova I.B., Mayer E.V. Uspeshnost rabotnikov starshih vozrastov kak vyzov vysshei shkole [Success of the elder workers as a challenge for the higher education]. *Higher Education in Russia*. 2021; 30 (6). (In Russ.).
13. Zborovsky G.E., Ambarova P.A. “Vzroslenie” studenchestva kak fenomen menyayushchegosya vysshego obrazovaniya [“Growing up” students as a phenomenon of the changing higher education]. *Higher Education in Russia*. 2017; 4. (In Russ.).
14. Il'yina I.Yu. Dinamika vozrastnykh kharakteristik professorsko-prepodavatelskogo sostava vysshei shkoly: aktualnye tendentsii i otsenka riskov [Age dynamics of the teaching staff of the higher school: Current trends and risk assessment]. *Economics, Taxes & Law*. 2023; 16 (6). (In Russ.).
15. Kozlova L.A. “Nauchnaya shkola” v nauchnoy politike i sotsialnom issledovanii [“Scientific school” in scientific policy and social research]. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2014; 3. (In Russ.).
16. Litvinyuk A.A. Eydzhizm i ego posledstviya dlya rossiyskogo vysshego obrazovaniya i nauki [Ageism and its consequences for the Russian higher education and science]. *Leadership and Management*. 2023; 10 (4). (In Russ.).
17. Malykhina M.A. Studenchesky teatr dlya pokoleniy “millenialov” i “zumerov” [Student theater for generations of “millennials” and “zoomers”]. *Culture in the Focus of Scientific Paradigms*. 2023; 17. (In Russ.).
18. Malysheva M.M. Strategii vosproizvodstva intellektual'nogo yadra vuzov v usloviyakh stareniya professorsko-prepodavatelskogo sostava [Strategies for reproducing the intellectual core of universities in the context of aging faculty]. *Population*. 2012; 2. (In Russ.).
19. Moskvichuk L.S. O probleme pokoleniy v nauke [On the problem of generations in science]. *Information — Communication — Society*. 2013; 1. (In Russ.).
20. Ovsyannikov A.A. Novoe pokolenie: dolgaya doroga v poiskakh novykh idealov i smyslov zhizni [New generation: A long road in search of new ideals and meanings of life]. *Sociological Science and Social Practice*. 2015; 1. (In Russ.).
21. Orekhovskaya N.A. Analiz sushchestvuyushchikh praktik peredachi dukhovnogo opyta pokoleniya v sovremennoy vysshey shkole [Analysis of the existing practices of the transfer of generational spiritual experience in the contemporary higher school]. *Social-Humanitarian Knowledge*. 2024; 6. (In Russ.).
22. Petryakov P.A., Pevzner M.N., Shustrov A.S. Tsifrovoye pokolenie v otsenke sovremennykh studentov vuza: mify i realnost [The digital generation's assessment of today's university students: Myths and reality]. *Prospects of Science and Education*. 2024; 72 (6). (In Russ.).
23. Popova O.I., Timokhina G.S., Izakova N.B. Tsennostnye ustanovki predstavitelei raznykh pokoleniy v protsesse prinyatiya resheniy o vybore vuza i obrazovatelnoi programmy [Value systems of representatives of different generations in making decision about the choice of university and educational program]. *Modernization. Innovation. Development*. 2023; 14 (4). (In Russ.).
24. Radaev V.V. Kak pobudit studentov k chteniyu slozhnykh tekstov: opyt ispolzovaniya tsifrovyykh tekhnologiy [How to make students read complicated texts: A case of the use of digital technologies]. *Higher Education in Russia*. 2022; 31 (7). (In Russ.).
25. Radaev V.V. Krizis v sovremennom prepodavanii: chto imenno poshlo ne tak? [Crisis in the contemporary teaching: What went wrong?]. *Sociological Studies*. 2022; 6. (In Russ.).
26. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokoleniy: empirichesky analiz [Millennials compared to previous generations: An empirical analysis]. *Sociological Studies*. 2018; 3. (In Russ.).
27. Radaev V.V. *Millenialy: Kak menyaetsya rossiyskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow; 2019. (In Russ.).

28. Sergeenko Yu.S. Vozrast nauchno-pedagogicheskikh rabotnikov kak pokazatel effektivnosti deyatelnosti obrazovatelnykh organizatsiy vysshego obrazovaniya [Age of scientific-pedagogical workers as an indicator of efficiency the higher education institutions]. *Law and State: Theory and Practice*. 2024; 3. (In Russ.).
29. Titarenko L.G. Izmenyayushchayasya tsennost vysshego obrazovaniya: sravnitelny analiz Belarusi, Rossii, Kitaya [Changing value of the higher education: A comparative analysis of Belarus, Russia, China]. *Humanities of the South of Russia*. 2023; 12 (1). (In Russ.).
30. Tolstikova I.I., Ignatyeva O.A., Kondratenko K.S., Pletnev A.V. Tsifrovoe povedenie i kharakteristiki lichnosti pokoleniya Z v usloviyah globalnoi tsifrovizatsii [Digital behavior and personal traits of Generation Z under global digitalization]. *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kultura i tekhnologii budushchego*. Vyp. 4. Saint Petersburg; 2020. (In Russ.).
31. Trotsuk I.V. “Umolchaniya” pokolencheskogo analiza: ob`ektivnoe i sub`ektivnoe znachenie vozrasta [“White spots” of the generational analysis: Objective and subjective meaning of the age]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15 (2). (In Russ.).
32. Shirokalova G.S. Istoricheskaya pamyat o Velikoi Otechestvennoi voine: prichiny plyuralizma [Historical memory about the Great Patriotic War: Reasons for pluralism]. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2021; 12 (2). (In Russ.).
33. Shirokorad I.I., Pakunova T.A., Pakunov O.S. Volontery naslediya: rol studencheskoi molodezhi v sokhranении kulturnogo naslediya Rossii [Heritage volunteers: The role of the student youth in preserving Russia’s cultural heritage]. *Moscow Economic Journal*. 2022; 7 (1). (In Russ.).
34. Shuklina E.A., Pevnaya M.V., Shirokova E.A. Adaptatsionny potentsial prepodavatelei “serebryanogo vozrasta” v usloviyah transformatsii vysshego obrazovaniya [Adaptation potential of teachers of the third age under the higher education transformation]. *Education and Science Journal*. 2020; 1. (In Russ.).
35. *Generations, Intergenerational Relationships, Generational Policy*. URL: <https://clck.ru/3MQeQf>.
36. Jureit U. *Generationenforschung*. Göttingen; 2006.
37. Ohad P., Vedder U., Willer S. *Das Konzept der Generation. Eine Wissenschafts- und Kulturgeschichte*. Frankfurt am Main; 2008.
38. Spahiu D. Social generation concept in social science research. *European Journal of Research in Social Sciences*. 2016; 4 (8).
39. Strauss W., Howe N. *The History of America’s Future, 1584 to 2069*. New York; 1991.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-762-779

EDN: AIVUDW

Transformation of social structure in the neo-information society*

A.A. Yefanov^{1,2}, V.L. Muzykant³

¹Russian State University for the Humanities,
Miuskaya Sq., 6, Moscow, 125047, Russia

²HSE University,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

³RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: yefanoff_91@mail.ru; muzykant-vl@rudn.ru)

Abstract. The article presents a sociological interpretation of the neo-information society as a special stage of social-cultural development based on a combination of methods: conceptualization, comparative analysis, secondary analysis of sociological and statistical (mediametric) data. The authors use a polyparadigmatic approach to critically rethink such interrelated categories as information society, network society, digital society, smart society, mobile society, electronic society and platform society, thus explaining the need for introducing the category of neo-information society into the social-humanitarian discourse. Since there are numerous attempts to make researchers accept the category of neo-information society (global information society, post-information society, information-communication society of knowledge, hybrid society), the authors explain vulnerabilities of such scientific studies and propose a definition for the concept of neo-information society. The article describes the main features of the neo-information society and social-communication relations in this type of society as predetermined by the collaborative interaction of three main groups of agents — traditional media producers, traditional media consumers and interested actors. Based on the results of the conducted research, the authors argue that the polyparadigmatic study of the neo-information society allows, on the one hand, to identify the features of modernization of the media space in contemporary social-political, social-economic, social-technical and social-cultural realities, and, on the other hand, to explicate the uniqueness of social-communication relations that influence the redefinition of social structure.

Key words: neo-information society; social-cultural development; social structure; Internet; media production; media consumption

For citation: Yefanov A.A., Muzykant V.L. Transformation of social structure in the neo-information society. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 762–779. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-762-779>

*© A.A. Yefanov, V.L. Muzykant, 2025

The article was submitted on 27.02.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

Contemporary society functions under the primacy of social-communication relations based on the media. The current stage of social-cultural development is “a revolutionary era of communication abundance, symbolized by the Internet, which is structured by a new world system of overlapping and interconnected media devices. For the first time in history, these devices, created on the basis of cheap microprocessors, combine texts, sounds and images in a digital, compact, easily stored, reproduced and transportable form” [25. P. 8–9]. All these interfaces are united into global networks accessible to people both financially and physically: communication abundance extends not only to developed countries (almost all social practices are mediatized) but also to developing ones (for instance, in South Africa mobile communications are more accessible than clean drinking water).

As for Russia, from 2011 to 2021 the real Internet audience increased three times — from 28% to 74% [23. P. 12], and in 2020, during the first “wave” of the coronavirus pandemic, 79% regularly contacted with Internet products (1). Self-isolation under the covid-19 pandemic intensified incorporation of Internet products into everyday life: Russians use them to meet informational (news), communicative (social networks and messengers), recreational (films, videos, music, books), educational (including self-education), professional (work), civil (defending rights and freedoms) and everyday (services such as Electronic Government, Government Services Portal, Mobile Bank, marketplaces) needs. In general, the coronavirus pandemic determined an increase in the importance of Internet products (2).

The Internet constructs a culture of real virtuality, being perceived by individuals as a certain ordered and hierarchical system. The strengthening role of the Internet in everyday life, which determined the redefinition of key fields of the media space, allows us to talk about the formation of a special, qualitatively different stage of social-cultural development — neo-information society, which can be explained in the perspective of social progress as based on such irreversible changes that lead to the transition to a higher level of material production and human well-being [37. P. 165], i.e., on the evolutionary interconnected transformation of material and social-cultural spheres, caused by the increasing influence of the Internet. Social progress should be considered in three dimensions: basic needs; foundations of well-being; individual capabilities focused on rights and freedoms [55. P. 7]. The neo-information society as a special stage of social-cultural development is reflected in all three components, inspiring changes at both material and social-cultural levels. However, for understanding the essence of the neo-information society, it is necessary to consistently consider the interrelated concepts — information society, network society, digital society, smart society, mobile society and platform society — as revealing the features of the new stage of social-cultural development.

Information society

The concept of information society is based on the idea of post-industrial society. D. Bell [4] identifies three stages of social development: agrarian (pre-industrial), characterized by the dominance of agricultural sector, church and the army; industrial, caused by the industrial revolution (an emphasis on production structures); post-industrial, in which knowledge as such prevails, and the university is a platform for its formation and accumulation. Thus, the industrial period determined conveyor production and consumer society, the post-industrial era — mass production and knowledge society, characterized by a kind of “intellectual” consumption. A. Toffler identifies three waves in social development [46] (wave means a quantitative-qualitative “revolutionary” changes in science and technology that transform social structure): agrarian — transition to agriculture; industrial — rapid growth of industry, which launched the scientific-technological revolution; informational — dissemination of knowledge through communication networks. Toffler insisted on four interconnected spheres of social development: technosphere, sociosphere, infosphere, and psychosphere, with technosphere determining transformations in all other spheres as the driving force of civilization. Unlike Bell, Toffler pays special attention to the media and development of the infosphere in the post-industrial society, arguing that the demassified media demassify consciousness: “Opinions on any issue — from pop music to politics — become less unified. On a personal level, we are besieged and blinded by contradictory and irrelevant fragments of imagery that knock the ground out from under our old ideas and bombard us with fragmented and meaningless ‘clips’, instantaneous shots. In fact, we live in a ‘clip culture’” [46. P. 119]. Certainly, the media impose clip (disjointed, fragmented) thinking and the corresponding culture, but such thinking does not generate polarization of views, on the contrary, it aggravates manipulation of mass consciousness to achieve programmed reactions from consumers. Perhaps, Toffler’s position on the demassification of consciousness reflects his ideal of the infosphere.

Some Western scholars call the society with economic processes based on information technologies differently: “technotronic” [8], “mature” [33], “postmodern” [29], “new industrial” [17], lacking the very idea of the information society as a developed form of post-industrial society [31]. Thus, Masuda considers information as an economic resource and its general availability as a result of low prices for information services, which is why the information society would become a society of consent, devoid of class and conflict. At the current stage of social-cultural development (neo-information society) this thesis looks utopian under information wars, cyberterrorism and other destructive phenomena. Rather, “there is a certain general model of changes — a three-stage progressive movement: formation of main economic sectors for the production and distribution of information; expansion of the range of information services for

other industries and for the government; creation of a wide network of information tools at the consumer level” [15. P. 117]. Moreover, the market approach to the information society defines information as both a commodity (having a certain value and a subject to purchase/sale/exchange) and an important factor in historical development, “a reflection of the imperatives of capital, since corporate and class interests and market priorities have a decisive influence on the development of new computer technologies, and, on the other hand, development of information allows us to preserve and strengthen the system of capitalist relations” [42. P. 58].

The general economic approach to the information society is based on the idea that information is capital that can be stored, exchanged or sold, i.e., “national information resources are the greatest potential source of wealth... the production of information is expressed in the creation of new knowledge, scientific discoveries” [43. P. 394]. Thus, in the neo-information society, with the development of digital economy, the service sector associated with producing, processing and disseminating information begins to dominate, depending not only on the largest corporations (as in the 20th century) but also on individual actors (primarily bloggers who became influencers due to acquiring symbolic capital).

Thus, the main criteria of the information society are as follows: technological — introduction of information technologies in various spheres of life; social — information as the main stimulator of social dynamics and mass consciousness; economic — information as the main resource, product, service, sphere of employment; political — freedom of information as a driver of democratic political process (increasing civil awareness and political participation); cultural — information values as a fundamental component of general cultural values. Information society is defines as “a society in which the quality of life, as well as prospects for social change and economic development, increasingly depend on information and its use... living standards, forms of work and leisure, education system and the market are significantly influenced by achievements in the field of information and knowledge” [30. P. 119]. In turn, the neo-information society declares communication a key element of social relations, and “big data” in various spheres transforms social structure.

However, there is some skepticism in the perception of the theory of information society: “For theorists of the information society, it is absolutely unimportant whether we transmit a fact, a judgment, a flat ‘common place’, a profound teaching, a high truth or dirty obscenity... Information has a flavor of safe neutrality; and it is very simple and useful to pile up mountains of indisputable facts. Such an innocent cover is an excellent launching pad for the political plans of technocrats who do not want to reveal, as much as possible, their true goals. In the end, what can you object to information?” [40. P. 19]. In other words, we need not only quantitative but also qualitative measurements of information, since it “constitutes the essence of modern social relations... After we firmly established the role of information in the development of capitalist society and recognized the place of reflexive

modernization and theoretical knowledge, the accumulation of which accompanies the development of capitalism, we created exceptional conditions for managing our own future” [56. P. 371]. In the neo-information society, this approach is productive: to assess the role of information, it is necessary to follow the principle of historical continuity to identify factors and context of informatization, type of information, its motives and actors involved.

The implementation of the concept of the information society began in Japan, USA and West Europe at the turn of the 21st century. In 2000, the European Union developed a project of “Electronic Europe” (eEurope) to create a global information space in ten years (by reducing the cost of Internet access, ensuring high-speed communication, providing various types of services in education, medicine, trade, taxation, etc. online); and the leaders of the Big Eight adopted the Okinawa Charter of the Global Information Society to develop the information society for both improving social well-being and developing the economic system. The introduced concept of knowledge society (UNESCO) based on humanistic principles and ideals is another step towards the information society, since information is declared the core of social organization. In 2006, the UN General Assembly declared May 17 the International Day of the Information Society. In 2010, Barcelona Declaration of Research Principles was adopted by the International Association for Media Measurement and Evaluation of Communications (AMEC) and the Institute of Public Relations (IPR) to emphasize the importance of systematic media measurements and institutional measurement of social media, combining quantitative and qualitative methods, machine and manual analysis systems.

As for Russia, in the Soviet period post-industrial, information society was considered an antagonist of socialist society and rejected for ideological reasons. After the collapse of the USSR, “information resources in unity with the means, methods and conditions to be activated were effectively used as the information potential of society” [13. P. 94]. In the 2010s, the formation of neo-information society was considered a new information revolution (based on the principle of co-evolution) affecting all spheres of life due to “radical changes in social structures... which expanded information activities and services” [38. P. 73]. At this stage special attention should be paid to “information security of the individual, society and state... the creation of an effective system for ensuring the rights of citizens and social institutions to freely receive, distribute and use information” [11. P. 15]. Freedom of information is the main factor in the development of information society, since “the collective mind becomes not only the support for the development of Homo Sapiens but also the object of targeted efforts to improve it” [34. P. 82].

There are four stages of the state policy in the development of information society: 1991–1994 — measures to informatize the country (technologization); 1994–1998 — formation of Russia’s information policy (institutionalization); 1998–2010 — developing information policies in constituent entities of the Russian Federation (implementation of the Federal Target Program “Electronic

Russia”) (localization); 2011–2020 — intensified development of the information society (stage-by-stage implementation of the “Strategy for the Development of the Information Society” and the state program “Information Society”) (info-socialization). The fourth stage marks the transition to the neo-information society with a number of interconnected activities: creation of information-telecommunications infrastructure, provision of high-quality services on its basis (In education, medicine, social protection, business), ensuring a high level of information availability, strengthening the efficiency of public administration and local government in the field of information-communication services. According to the results of the authors’ study in 2019 (3), despite the ongoing transition to the information society in Russia (access to the Internet in all populated areas, free courses to improve the computer literacy, etc.), the humanistic-ethical side of the transition remains rather ignored — how to correctly use the online content, what mechanisms can be used to verify the truth (fact-checking) [58] and so on. This methodological gap can be filled by a media education strategy in higher and secondary schools, provided a comprehensive institutional approach.

Network society

With the development of media technologies, the concept of information society was significantly expanded with the concept of network society [7]. Already in the 1970s P. Bourdieu defined “the field as a network of objective relations (domination or subordination, complementarity or antagonism, etc.) between positions... The network of objective relations between positions determines and orients the strategies that agents use in the struggle to maintain or improve their positions: the effectiveness and specific content of these strategies depend on the place of each agent in the structure of power relations” [6. P. 155–156]. Today’s society is considered a branched network of interconnected networks [14] due to the innovative implementation of the electronic communication exchange systems [21]. J. van Dijk defines the network society as a social form that “organizes its relationships in media networks, gradually replacing or supplementing social networks with face-to-face communications. Personal communication is being replaced by digital technologies. As a result, social networks and media networks form the main mode of organization and the most important structures of modern society” [53. P. 112]. Thus, the concept of information society focuses mainly on the technological factor, while the concept of network society also includes economic, political, social and cultural processes. The Internet is presented as a key field, and all types of communication — interpersonal, group and mass — become a single whole, turning into network communication. However, the network society has negative aspects such as susceptibility of networks to technical errors and hacking, but the need to manage social networks opposes the idea of freedom of the network society.

M. Castells examines the genesis of the network society, emphasizing its main historical determinants in the early 1970s: the information technology revolution; cultural and social movements; the crisis that restructured two social-economic systems of that time (capitalism and etatism. These processes not only formed the global information economy and the culture of real virtuality but also generated a new globalized social structure — the network society as a form of social structure in the era of information capitalism, in which “key social structures and activities of its members are organized around electronic communication networks” [9. P. 283]. In turn, networks with three main characteristics — flexibility (ability to reconfigure in changing conditions), scalability (susceptibility to a decrease or increase in size with the least cost) and stability (ability to withstand attacks) — form a new “social morphology”, i.e., networks are “basic cells” of society and individuals — nodes on the path of distribution of these networks.

As for the place of the media in these flows, Castells argues that “while the media has indeed become globally interconnected, and programs and messages circulate on a global network, we do not live in a ‘global village’ but in custom-built cottages, produced globally and distributed locally” [9. P. 327]. Thus, the increasing demassification of the media determines individualization and relevance to the interests of the consumer. Castells also introduces the concept of space of flows to explain dissemination of information: global cities act as nodal points of communities’ dispersal and of information expansion. However, Castells’s theory was criticized, since “the nation as an instance generating identities is increasingly losing its significance in favor of globalizing but also ‘tribal’ forces” [5. P. 104], i.e., individuals “turn into” profiles in social networks and are available in the online mode. Another Castells’s idea is “timeless time” and “eternal universe”: “The shift of times in the media, occurring within the same communication channel and at the choice of the viewer/participant in the interaction, creates a time collage in which not only genres are mixed, but their time scan turns into a flat synchronous horizon without a beginning, without an end and without any sequence” [9. P. 123]. However, prototypes of the network society can be found at all stages of civilization, since social-cultural development would be impossible without information exchange, but, unlike previous eras, today “collection, analysis and transmission of necessary information have become fundamental sources of productivity and power” [9. P. 126], a means of globalization and its result. In the network society, power is not concentrated in the hands of symbolic leaders, relevant institutions or organizations but is dispersed in global information networks. The logic of the network society radically changes institutions of politics, business, culture, production and the life structure of individuals. In the network society, vertical management links (regulation by governments, business structures and media industry) are significantly weakened, while horizontal social links become stronger (due to mass communication flows on the Internet) (see, e.g.: 4; 5; 6).

Over time, Castells's views changed, and he updated the definition of network society: "A society whose social structure is built around networks activated by digitally translated information and based on microelectronics and communication technologies; social structures are organizational arrangements of people in the spheres of production, consumption, reproduction, experience and power, expressed in meaningful, culturally encoded communication" [10. P. 41]. Castells began to use mainly the term "global information society", considering networks as exclusively digital and global (in terms of their scale, speed and structural complexity). Thus, the network is an essential basis (directly associated with the architectonics of the media space) for the social structure of the neo-information society.

Digital society

The concept of digital society has been used in the academic community since the 1990s. D. Tapscott identifies the following features of the new digital society: focus on knowledge; digital representation of objects; virtualization of production; high labor productivity; innovations; integration; convergence; elimination of intermediaries; transformation of the "manufacturer–consumer" relationship; dynamism; business activity in the internetwork environment; multimediatisation of social practices; globalization [45]. Despite the presence of many specified features in the concepts of information society and network society, digitalization was prioritized for the first time. Some researchers see methodological gaps in the concept of digital society, since in it a technogenic civilization is deprived of physical space, loses geographical coordinates and acquires an "increasingly obvious extraterrestrial character". However, "the digital society develops in an artificial technogenic world, in which nature acts at best as a decoration, and human life is connected with microelectronics" [24. P. 165].

A specific manifestation of the digital society is digital culture, in which the only value is the number as the "elementary unit" (of bank accounts, exchange rates, stock quotes, prices, speed and time, deadlines, ranking, "likes", etc.). The digital society dematerializes social life, since the economy, social sphere, education, culture and even politics acquire a symbolic expression of images and numbers (even of preserving traditional physical form). Under the transition to the digital society, since 2010 Russia has implemented the strategy for digitalization of television and radio broadcasting and in 2018 started the Federal Target Program "Digital Economy" which is to create a unified digital infrastructure for using big data by state institutions (to optimize their functioning) and ensuring information security. Thus, under digitalization, society undergoes a significant transformation at the level of means for obtaining information, speed and content. As a result, today digital sociology (established in the mid-2010s) studies the main aspects of digital society, focusing on digital data at the micro- (individuals) and macro-level (various institutions and society as a whole) and applying digital tools [28].

Thus, the neo-information society has some features of the digital society due to the obvious influence of digitalization on various social practices. At the same time, the neo-information society is based primarily on media-communication relations, their philosophy and culture and digital indicators of all social activities (symbolic capital of subjects).

Electronic society and smart society

Tapscott identifies digital society as electronic society [45], emphasizing the primacy of technetronism — subordination to the influence of electronic infrastructure. On the one hand, the significance of the technetronic factor in contemporary social-technical and social-cultural realities is unconditional; on the other hand, its conceptualization requires additional explanation due to limitations determined by analogies with digital society. Despite obvious methodological omissions, the category of electronic society became quite popular, given the widespread information and communication technologies. Electronic resources and services have entered everyday life, largely redefining social practices, although they have not completely replaced offline communication patterns. Thus, we can draw analogies between electronic society, digital society and information society, interpreting the significant strengthening of the electronic infrastructure at the turn of the 2010s–2020s as one of the basic features of the neo-information society.

At the intersection of the categories of information society, digital society and electronic society, there is the concept of smart society, which assumes a transition to a new stage of social-cultural development (and social order) due to the active use of technologies based on artificial intelligence in everyday life (smart watches, smart speakers, smart TV, etc.). On the one hand, new functions expand capabilities of basic devices; on the other, they make devices adapt to the needs of their users (by collecting, processing and analyzing their unique data). In smart society, the so-called smart characteristic is decisive, referring to the concept of information society, in which knowledge acts as a basic category with a symbolic meaning (even within commodification). However, in the context of smart society, a partial substitution of concepts is observed: knowledge is simulated as a result of robotization, without providing prerequisites for new understanding of reality due to the technical objects' inability to deeply reflect (like human beings). Therefore, knowledge increasingly moves away from understanding, being realized exclusively at the level of skill and possession which is one of the main anthropological problems of our time full of ethical and existential collisions.

An interdisciplinary scientific-practical direction has emerged — the Internet of Things [44]: it assumes interaction not only between social subjects and technical objects but also between technical objects, which implies a single network of social-communication relations at various levels. The Internet

of Things has begun to actively manifest itself at both everyday and production levels (industry, agriculture, transporting, medicine, education, art, etc.). In turn, the smart society is directly related to the new concept of Society 5.0, which assumes the use of technologies based on artificial intelligence in all spheres of social life [18]. Certainly, at the turn of the 2010s–2020s, such technologies were introduced in various industries, which in the long term would require to rethink the role and place of human labor. However, it seems premature to talk about a complete transition to the smart society, since today technologies based on artificial intelligence are not systematically used, being largely considered as some technical discoveries and breakthroughs still overcoming many barriers — material and cognitive (competencies and skills to use such complex systems). Thereby, the smart society is not “a new stage of social development or social progress but rather a time of active application of smart technologies for the needs of the man and society. Smart technologies contribute to technological progress, have the potential to influence social progress in the future, but today it is premature to claim that they contribute to the formation of smart society” [2. P. 44]. Moreover, it is necessary to take into account the risks associated with possible technical failures of smart systems, data leakage, and interference of “third parties” (hacking, pranking, etc.). Thus, smart technologies should be used in combination with human resources when introduced into social practices (one of the characteristics of the neo-information society).

Mobile society

Another fundamental transition of our time is defined as mobile society [60]. This term is based on of J. Urry’s “new paradigm of mobilities”: “As for the spatial, sociology (not counting urban studies) has generally paid insufficient attention to the fact that social practices are formed by spatial patterns, which have a serious substantive impact on these practices” [50. P. 125]. Urry insists on the coexistence of various types of interconnected mobilities in social space: physical movement of individuals in spatial-temporal segments; physical movement in production and commercial relations; imaginary travel under virtualization of social practices (cinema, television, Internet, etc.); communicative travel through the exchange of messages by e-mail, SMS, etc. [51]. All objects surrounding individuals can be classified in terms of their real and potential mobility: permanently stationary (railway); temporarily fixed (transport at the parking lot); portable (books); attached to the body (watches); social “prostheses” (mobile phone, tablet, pacemaker); based on complex technical codes (computer, household appliances such as a washing machine or microwave oven). Urry considers mobility as an interaction of phenomena, images and individuals, focusing on its social consequences. The totality of these interactions (“flows”) constitutes the so-called “channel” — wide networks (of information and communication) that intersect and create

interconnected nodes. Such flows overcome not only geographical boundaries but also virtual ones.

The “new paradigm of mobilities” is particularly relevant for the theory of neo-information society, since its fundamental thesis is the formation of the space of flows as a set of symbols (signs), i.e., there is a transition from social order to information-communication order. In the neo-information society, the erasure of boundaries between global and local communication determines the formation of a new social structure characterized by transboundary social-communication relations of subjects. Mobile phone seems to be the main factor in the development of mobile society: “First, it is the most widespread means of communication; second, it ensures individualization of information exchange, opening up new opportunities for interpersonal communication.; third, it is devoid of that element of alienation that is still felt and manifested when using the Internet and websites. Thus, mobile communications are the most direct connection between people, devoid of the impersonality of mass communication — newspapers, radio, television. And this advantage contributes to the further development of the mobile phone not only for interpersonal communication but also for exchange of information” [61. P. 6].

Today, there are new audiovisual telecommunication technologies in the Internet (In the first half of the 2010s, Skype was the most widespread, later many others — Yandex.Telemost, Microsoft Teams, Zoom, including the corresponding options of WhatsApp, Viber, Telegram messengers) actively used not only in everyday life but also in professional activities (educational practices and interaction with colleagues), since they provide a greater social-communication effect than telephone due to visualization of the interlocutor [59]. However, mobile phones with access to the Internet make communication individualized, interpersonal, group and mass at the same time, which is proved by the growing popularity of IIP (Individual Information and Personal Access Media) — robotic technologies offering content relevant to the consumer — and messengers with a wide range of channels. In the consumer perspective, mobile communication has become a priority in the network system: thus, already in 2020, 72% of Russians were mobile Internet users and 52% — desktop users (1); in 2022, 90% of users consumed the media content on the Internet with mobile devices, 35% combined mobile and desktop, but the largest exclusive desktop audience is older groups (55%) (7). The elderly still prefer television content, being conservative in their routine practices.

It should be noted that mobility as the main (and the only) characteristic of the mobile society has become not just an integral attribute of social life but a kind of personal “extension” due to satisfying the entire set of one’s needs (information, communication, recreation, education, professional, civil), which makes mobility one of the basic characteristics of the neo-information society (especially in terms of patterns of media consumption and media production). At the same time, it is not correct to reduce the essence of social-communication

relations to the technocratic factor and partly to the ontological level, ignoring their symbolic meaning: this can be prevented by the use of the dialectically connoted term “neo-information society”.

Platform society

At the turn of the 2020s, the category of platform society became quite widespread in academic discourse due to the significance of digital platforms in the social structure of everyday life [1; 52] (reproduction of basic social processes and social practices due to satisfying a wide range of needs). The main communication channels (platforms) are social media which can be divided into the following types: blogs; data exchange services; all forms of Wiki; online games with interactive elements; instant messengers; bulletin boards (like Avito); virtual dating services; e-mail; ; social networks [27. P. 15]. Media consumption studies confirm the priority role of these platforms in our everyday life: thus, in 2020, an average Russian spent 187 minutes a day on the Internet; the most popular resources were instant messengers, social networks, multifunctional systems (Yandex, Google, Mail), video hosting web-sited and interactive portals for online services (AliExpress, Avito) (1), i.e., the Internet landscape is primarily associated with the social media, reproducing the mediatized social structure [36]. In the platform society, “digital platforms of social networks represent not only complex social-technical complexes but also powerful social institutions, acting as regulators that organize social life both online and offline, change the nature of private and public communication, and qualitatively influence social behavior and everyday practices” [63. P. 170].

However, multiplatformity as a basic characteristic of the platform society cannot be reduced to social network resources or to social media in general (despite their obvious significance in the neo-information society), since it is also ensured by the “new media” (analogues and extensions of traditional media — newspapers, magazines, TV and stations; online publications and podcasting), online cinemas and interactive resources offering a wide range of online consumer services. Moreover, the thesis about social networks acquiring the status of powerful social institutions does not seem convincing: certainly, in the new media paradigm one can notice a redefinition of key communication channels and media institutions, but the institutional role of blogging is questionable. The very term “platform society” presupposes the full transition of social-communication relations in the Internet space (corresponding platforms), in many ways replacing offline communication.

Thus, the context-dependent combination of online and offline modes of communication should be considered one of the characteristics of the neo-information society, which makes the main limitation of the platform society concept its methodological underdevelopment, primarily in its operationalization and implied provisions. However, the very fact of paying attention to the special significance of platforms on the Internet as ensuring social-communication relations can be considered as a promising direction for further research in this subject area.

Neo-information society

Contemporary society, which combines the features of the information society, network society, digital society, smart society, mobile society, electronic society and platform society, produces individualized, interpersonal, group and mass communication, thus, being the most highly organized structure defined as the neo-information society. However, academic discourse still lacks its conceptualization as a specific stage of social-cultural development. Thus, the term “global information society” does not fully reflect all relevant aspects and characteristics and implies some utopian ideas. At the turn of the 21st century, “the intensive development of new information-telecommunication technologies gave a fundamentally new quality to cross-border information exchange and became a driving force of economic and social changes, which has a significant impact on relations between individuals and countries at the global level” [12. P. 23]. The main obstacle to the development of the global information society is the growing technological gap between developed and developing countries. Another definition of the neo-information society emphasizes that it is to a greater extent determined not by knowledge but by network communication: “People act using new information, and communication flows are not only not absorbed as a resource of activity, like raw materials or energy, but, on the contrary, multiply and accelerate, since information is not so much a resource as an incentive (motive) for action” [22. P. 361].

Thus, the Internet is a field for expanding not knowledge but communication links, which creates the information-communication society of knowledge” [47. P. 68]; dialogic and discursive attributes of media technologies should ensure social consensus to solve important social problems related to social interactions of subjects of the neo-information society. The Internet does not destroy the space of the city (the term “death of the city” means that all life activities do not need leaving home due to communication flows [26]) but gives it new dimensions, becoming itself a global city” [22. P. 480]. Indirect indicators of the neo-information society can also be found in the works about “post-information society” [16; 19; 39; 41; 53; 62], most completely conceptualized with the social-cultural approach: “The post-information period in social development comes when purely technological changes, inherent in their original forms to the information society, reach a truly global level, stimulating the formation of a new cultural identity, new types of communicative relations and a new system of cultural values” [35. P. 7]. The post-information society is characterized by a creative and constructive identity with an adaptive and protective intention, allegedly devoid of destructive meanings. However, such an understanding contains some methodological omissions: first, the formation of information and then neo-information society are inseparable from cultural transformations directly related to the formation of media space within social space (i.e., spatial and cultural differentiation at different stages of social-cultural development is questionable); second, the thesis about a creative and constructive form of individual identity with an adaptive and protective intention

as typical for the post-information society needs explanation, since media effects with inherent ambivalence are part of the neo-information society too; third, the very term “post-information society” seems dubious, since at the new stage of social-cultural development information (and communication) still prevails, but its role and significance for social relations and social institutions change, which determines the transformation of social structure.

Today, “any attempt to construct a concept of post-information society is only a temporary transition from the concept of information society to its alternatives under the criticism of the content of the concepts of post-industrial and information society with the forced acceptance of their theoretical-methodological basis; therefore, the concept of post-information society is not effective in either descriptive or operational sense” [32. P. 112]. The concept of neo-information society seems to be an alternative for explaining contemporary social-cultural realities: on the one hand, it develops previous concepts; on the other hand, overcomes their limitations.

Another relevant term is “hybrid society”, emphasizing external and internal dynamic integration and interdependence of social processes and elements, i.e., “inversion of space” [57]. Despite unconditional advantages, this type of society has some destructive consequences: increasing social gap between rich and poor countries; pressure from developed countries on developing ones; ethnic wars and religious conflicts; failure of the ideas of sustainable development, multiculturalism and tolerance; new forms of addiction (computer gaming); clip and collage consciousness; uncritical perception of reality; “flat” world of social network users; deformed socialization in the virtual space.

Based on all the above, we need to justify the category of neo-information society and its interdisciplinarity in the social-humanitarian discourse. The prefix “neo” means a new reading, a rethinking of the existing social order: the concept of neo-information society does not deny or exclude previously developed concepts but focuses on the role of communication and media in social processes and structures. Thus, neo-information society is a special, qualitatively different stage of social-cultural development, determined by simultaneous globalization and glocalization and the primacy of social-communication relations mediated by network and digital technologies and associated with individualization of needs and interests of society. Today’s technocentrism demassifies the media by both modernizing channels of traditional media (periodicals, radio, television) and creating new customized resources and platforms (blogs, social networks, messengers, portals for online services, mobile applications). The structure of social-communicative relations serves collaborative interactions of three main groups of agents — media producers, media consumers, and interested actors. Traditional media producers are structures with institutional channels for distributing media content, acting as communicators; traditional media consumers are target audiences that previously were just recipients but today acquired the functionality of the media content generator; the group of interested actors consists

of government structures and business elites, which, on the one hand, exert a systemic influence on the editorial policy of the media and, on the other hand, interact with media consumers both directly and indirectly (mediated).

According to the structuralist constructivism of Bourdieu, the structure of social-communication relations in the neo-information society is directly related to the possession of symbolic capital, which opens up opportunities for agents' symbolic and economic dominance: "symbolic capital is symbiotic with economic capital, since it represents a 'credit of trust' — the endowment of symbolic resources that not only determine a certain authority in the social system, but also, in turn, provide an opportunity for the abuse of the developed brand loyalty" [6. P. 55]. For media producers, symbolic capital represents an increase in rankings of their media products, for interested actors — an increase in electoral and consumer loyalty, for media consumers — satisfaction of media needs and an opportunity to influence the media agenda (acquire the status of the public opinion leader). This interpretation of social-communication relations allows us to identify the following main, interconnected and mutually determining features of the neo-information society: technologism, infocentrism, media orientation, digitalization, network nature of interactions, simultaneity of globalism and glocalism, mobility of social practices, cross-border communications, social integration, and transformation of social structure.

Notes

- (1) Mediascope, UI WEB-Index, Russia 0+, population 12+, September–November 2020.
- (2) Internet and Online Services. 2020. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402>.
- (3) N = schoolchildren in 7–11 grades and teachers from 10 cities of the Volga Federal District — regional and republican centers (Kazan, Nizhny Novgorod, Orenburg, Penza, Perm, Samara, Saransk, Saratov, Ulyanovsk and Ufa); combination of probability and quota sampling, representing the main social-demographic characteristics.
- (4) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586.
- (5) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320401.
- (6) URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72135254>.
- (7) Internet Audience. 2023. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/3d8/qr1hud7t7dxy-zw1rhtzvg3rwk8deg7uk/2022_%D0%98%D0%9D%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%9D%D0%95%D0%A2.pdf.

References

1. Andersson Schwarz J., Larsson S. (Eds.) *Developing Platform Economies: A European Policy Landscape*. Brussels; Stockholm, 2018.
2. Ardashkin I.B. Smart society as a stage of development of new technologies or a new stage of social development (progress). *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2017; 38. (In Russ.).
3. Batagan L. Methodologies for local development in smart society. *Economics of Knowledge*. 2012; 4 (3).
4. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. Moscow; 2004. (In Russ.).
5. Boltz N. *The ABCs of Media*. Moscow; 2011. (In Russ.).
6. Bourdieu P. *Social Space: Fields and Practices*. Moscow; Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).

7. Breten S. *Models of Man and Society: A Bridge Between Theory and Experience — From Sociology to Social Psychology*. Moscow; 2009. (In Russ.).
8. Brzezinski Z. *Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era*. New York; 1970.
9. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow; 2000. (In Russ.).
10. Castells M. *Communication Power*. Moscow; 2016. (In Russ.).
11. Chereshekin D.S., Smolyan G.L. Network information revolution. *Information Resources of Russia*. 1997; 4. (In Russ.).
12. Chernov A.A. *Formation of the Global Information Society: Problems and Prospects*. Moscow; 2003. (In Russ.).
13. Colin K.K. Social informatics — the scientific basis of post-industrial society. *Social Informatics*. 1994; 4. (In Russ.).
14. Craven P., Wellman B. The network city. *Sociological Inquiry*. 1973; 83.
15. Dyzard W. The coming of the information age. *New Technocratic Wave in the West*. Moscow; 1986. (In Russ.).
16. Evdokimov V.A. Systemic distortion of messages in the post-information society. *Science of Man: Humanitarian Studies*. 2015; 19 (1). (In Russ.).
17. Galbraith J.K. *The New Industrial State*. Moscow; Saint Petersburg; 2004. (In Russ.).
18. Gladden M.E. Who will be the members of Society 5.0? Towards an anthropology of technologically posthumanized future societies. *Social Sciences*. 2019; 8.
19. Gorokhov V.G. Scientific-technical policy in the society of ignorance. *Issues of Philosophy*. 2007; 12. (In Russ.).
20. Hartswood M., Grimpe B., Jirotko M., Anderson S. Towards the ethical governance of smart society. *Social Collective Intelligence Combining the Powers of Humans and Machines to Build a Smarter Society*. Bern; 2014.
21. Hiltz S.R., Turoff M. *The Network Nation: Human Communication via Computer*. New York; 1978.
22. *Information Society*. Moscow; 2004. (In Russ.).
23. Kachkaeva A.G., Shomova S.A. Media literacy and critical autonomy in the era of “communicative capitalism”, “empathetic media” and “sensitive data”. *Sociodigger*. 2021; 2 (6). (In Russ.).
24. Kazarova T.V. Digital society as a unique cultural-historical phenomenon. *Digital Society as a Cultural-Historical Context of Human Development*. Kolomna; 2016. (In Russ.).
25. Keane J. *Democracy and Media Decadence*. Moscow; 2015. (In Russ.).
26. Leibniz G. *Monadology*. Moscow; 2020. (In Russ.).
27. Lobodenko L.K. Social media as a new space for the development of communications. *Social Media as a Resource for Integrated Communication Practices*. Chelyabinsk; 2017. (In Russ.).
28. Lupton D. *Digital Sociology*. New York; 2015.
29. Lyotard J.F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Saint Petersburg; 1998. (In Russ.).
30. Martin J. Information society. *Theory and Practice of the Social-Scientific Information*. Moscow; 1990. (In Russ.).
31. Masuda Y. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington; 1981.
32. Matsevich I.Ya. Phenomenon of “post-information society” as an object of conceptualization. *Media Philosophy*. 2009; 2 (2). (In Russ.).
33. *Mature Society*. Moscow; 2010. (In Russ.).
34. Moiseev N.N. Information society as a stage of contemporary history. *Free Thought*. 1996; 1. (In Russ.).
35. Morgunov A.A. *Information Society and Prospects of its Transformation: A Philosophical-Cultural Analysis*. Samara; 2016. (In Russ.).
36. Muzykant V.L. Social mechanisms of functioning of media institutions: Genesis of addressee preferences. *RUDN Journal of Sociology*. 2017; 17 (1). (In Russ.).
37. Parsons T. *System of Modern Societies*. Moscow; 1997. (In Russ.).

38. Rakitov A.I. *Information, Science, Technology in Global Historical Changes*. Moscow; 1998. (In Russ.).
39. Rakitov A.I. Post-information society. *Philosophical Sciences*. 2016; 12. (In Russ.).
40. Roszak T. *The Cult of Information: A Neo-Luddite Treatise on High-Tech, Artificial Intelligence, and the True Art of Thinking*. Auckland; 1986.
41. Savchuk V.V. Man of the post-information society. *Bulletin of the Saint Petersburg University*. 1998; 6 (3). (In Russ.).
42. Schiller G. *Manipulators of Consciousness*. Moscow; 1980. (In Russ.).
43. Stoner T. The wealth of information: A profile of the post-industrial economy. *New Technocratic Wave in the West*. Moscow; 1986. (In Russ.).
44. Swan M. Sensor mania! The Internet of Things, wearable computing, objective metrics, and the quantified self 2.0. *Sensor and Actuator Networks*. 2012; 1 (3).
45. Tapscott D. *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. Kiev; Moscow; 1999. (In Russ.).
46. Toffler A. *The Third Wave*. Moscow; 2004. (In Russ.).
47. *Towards the Mobile Society: Utopias and Reality*. Moscow; 2009. (In Russ.).
48. Trotsuk I.V. All power to the experts? Contradictions of the information society as both depending on and devaluating expertise. *Russian Sociological Review*. 2021; 20 (1).
49. Trotsuk I.V. Possibilities and limitations of distance learning under the covid-19 pandemic and digitalization of higher education in Russia. *Education through the Covid-19 Pandemic: Socio-Humanistic Aspects*. University of Belgrade; 2024. Vol. 2.
50. Urry J. *Consuming Places*. London; 1995.
51. Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London; New York; 2000.
52. Van Dijk J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. New York; 2018.
53. van Dick J. *The Network Society: Social Aspects of New Media*. London; 2006.
54. Volodenkov S.V. Evolution of traditional institutions of representative democracy in the post-information society: Problems and prospects. *Electoral Legislation and Practice*. 2016; 3. (In Russ.).
55. Weber A.B. Social progress: Problems of measurement, comparative analysis and challenges for policy. *Social Sciences and the Present State*. 2015; 11 (3). (In Russ.).
56. Webster F. *Theories of the Information Society*. Moscow; 2004. (In Russ.).
57. Yanitsky O.N. Information society: Challenges for Russia. *Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice*. Moscow; 2016. (In Russ.).
58. Yefanov A.A., Budanova M.A., Yudina E.N. The level of digital literacy of schoolchildren and teachers: A comparative analysis. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (2). (In Russ.).
59. Yefanov A.A. The first “wave” of the coronavirus pandemic as evidence of the “strange” attractor in the Russian segment of the media space. *Bulletin of the Moscow University. Series 10: Journalism*. 2022; 6. (In Russ.).
60. Zasursky Ya.N. From electronic society to mobile society. *Information Society*. 2008; 5–6. (In Russ.).
61. Zasursky Ya.N. Mobile phone as a factor in the development of the information society. *Bulletin of the Moscow University. Series 10: Journalism*. 2009; 2. (In Russ.).
62. Zorina E.G. Conceptualization of the post-information society and the Influence of its characteristics on the political sphere. *Information Wars*. 2017; 2. (In Russ.).
63. Zvereva G.I. Concept of “platform society” in contemporary social-cultural studies. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology*. 2019; 8–1. (In Russ.).

Трансформация социальной структуры в неoinформационном обществе*

А.А. Ефанов^{1,2}, В.Л. Музыкант³

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, 125047, Россия

²Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

³Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: yefanoff_91@mail.ru; muzykant-vl@rudn.ru)

Аннотация. В статье предложена социологическая интерпретация неoinформационного общества как особой стадии социокультурного развития на основе использования ряда подходов: концептуализации, компаративистского анализа и вторичного анализа социологических и статистических (медиаметрических) данных. Применяя полипарадигмальный подход и критически переосмысливая такие взаимосвязанные категории, как информационное общество, сетевое общество, цифровое общество, smart-общество, мобильное общество и платформенное общество, авторы обосновывают правомочность введения в социогуманитарный дискурс категории «неoinформационное общество». В частности, во временном модуле обозначены исследовательские попытки приблизиться к концепции неoinформационного общества (глобальное информационное общество, пост-информационное общество, информационно-коммуникационное общество знания, гибридное общество) и их ограничения. Авторы предлагают определять неoinформационное общество как такую социальную систему, где структура социокоммуникационных отношений предопределена коллаборативным взаимодействием трех главных групп агентов — традиционных медиапроизводителей, традиционных медиапотребителей и заинтересованных акторов. В статье охарактеризованы основные свойства неoinформационного общества и сделан вывод, что его полипарадигмальное изучение позволяет, с одной стороны, определять особенности модернизации медиапространства в современных социально-политических, социально-экономических, социотехнических и социокультурных реалиях, а, с другой стороны, эксплицировать своеобразие социально-коммуникационных отношений на переопределение социальной структуры.

Ключевые слова: неoinформационное общество; социокультурное развитие; социальная структура; Интернет; медиапроизводство; медиапотребление

Для цитирования: Ефанов, А.А., Музыкант В.Л. Трансформация социальной структуры в неoinформационном обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 762–779. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-762-779>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-780-796

EDN: AGIIUI

Основные компоненты социологического изучения счастья*

И.В. Троцук^{1,2}, А.Е. Калуга³

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Высшая школа экономики,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

³ООО «Ипсос Комкон»,
ул. Красносельская Верхняя, 3, стр.2, Москва, 107140, Россия
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; kalugasashar2324@gmail.com)

Аннотация. Поиски ответов на вопрос о том, что такое счастье и что для него необходимо, начались в глубокой древности, но однозначных ответов на эти вопросы все еще нет. Уже античные философы разработали первые концепции счастья, связывая его с добродетелью, отсутствием страданий и жизнью в соответствии с разумом, — эти идеи в той или иной мере разделяются до сих пор, но не считаются достаточными основаниями для современной трактовки и обретения счастья. Первые попытки социальных обследований по проблематике счастья относятся к середине XX века, когда оформилось понятие «субъективное благополучие» как своего рода «приземленный» аналог значительно более эфемерного счастья — сочетание удовлетворенности жизнью с преобладанием положительных эмоций. Постепенно сложилось предметное поле множества наук в изучении счастья, в частности социология сосредоточилась на социальных его факторах (поддержка и доверие), а экономика — на взаимосвязи экономических показателей и субъективного благополучия. Репрезентативные общенациональные и международные исследования счастья проводятся крупнейшими социологическими организациями. В России цель таких «измерений» — оценка уровня счастья в контексте характеристики благополучия населения, в том числе для международных сопоставлений, выявления факторов, влияющих на ощущение счастья и социальное благополучие, и разработки мер государственной политики. В последние десятилетия и государство стало проявлять озабоченность уровнем счастья, признавая ограниченность экономических показателей и демонстрируя рост интереса к менее «количественным» индикаторам качества жизни. В статье обозначены основные на сегодняшний день компоненты социологического изучения счастья (поиски концептуального определения в междисциплинарном контексте; специфика эмпирической интерпретации и методики измерения; факторы, определяющие уровень и «качество» счастья), а также некоторые изменения, наметившиеся в их использовании и/или восприятии.

*© Троцук И.В., Калуга А.Е., 2025

Статья поступила в редакцию 10.03.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Ключевые слова: счастье; субъективное благополучие; социальное благополучие; уровень счастья; качество жизни; концептуальное определение; эмпирическая интерпретация; методики измерения; факторы и агенты счастья

Для цитирования: Троцук, И.В., Калуга А.Е. Основные компоненты социологического изучения счастья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 780–796. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-780-796>

Междисциплинарное концептуальное определение

Счастье как достаточно абстрактное понятие долгое время было исследовательской прерогативой философских и религиозных теорий. Философские трактовки варьируют от эпикурейского/гедонистического понимания счастья как состояния удовольствия и избегания страданий до аристотелианского/эвдемонического подхода, рассматривающего счастье как «разумное процветание» — через реализацию своего потенциала, стоический акцент на внутреннем спокойствии и утилитаристский принцип «наибольшего блага для наибольшего числа людей» [14; 34]. Религиозные взгляды связывают счастье с духовностью: в христианстве — это следование заповедям, добродетельная и деятельная честная жизнь, в исламе — покорность божьей воле и соблюдение принципов шариата, в буддизме — освобождение от страданий через медитацию и осознанность. Одни религии считают возможным достижение счастья в земной жизни, другие — лишь в загробном мире, но все сходятся в том, что истинное счастье обретается через истинную веру и преданное следование ее предписаниям. Ключевые элементы этого пути — соблюдение божественных заповедей, забота о ближних и непрерывное стремление к личностному (духовному) росту и деятельному улучшению мира [26; 37].

В последние десятилетия (со второй половины XX века) счастье активно изучается разными дисциплинами: психология исследует субъективное благополучие и факторы личностно трактуемого счастья, социология — более объективные социальные детерминанты счастья, экономика — связь экономического благосостояния (материального достатка и других возможностей) со счастьем, нейронаука — роль нейронных процессов в переживании счастья и т.д. [39]. Междисциплинарный интерес объясняется растущим пониманием важности субъективного благополучия для индивида и общества в целом, а также разработкой все новых «инструментов» для оценки счастья (шкала удовлетворенности жизнью, шкала субъективного счастья, всемирный индекс счастья, индекс удовлетворенности жизнью и др.). Во-первых, счастье, или субъективное благополучие, признается центральным индикатором качества жизни, оказывающим влияние на психическое и физическое здоровье, продуктивность деятельности и продолжительность жизни [57]. Во-вторых, философские рассуждения о природе счастья требуют эмпирической верификации и практического развития, что требует приме-

нения строгих научных методов [30]. В-третьих, счастье оказывает влияние на социально-экономическую и управленческую сферы, определяя экономическое поведение, политические предпочтения, общественную активность и уровень кооперации. И, наконец, новые подходы (нейровизуализация, поведенческая экономика, большие данные) предоставляют беспрецедентные возможности для изучения феномена счастья в его индивидуальных и социальных проявлениях [3].

Счастье, как и многие другие содержательно насыщенные понятия, по сути, стало всеобъемлющим, «зонтичным» термином, включив в себя широкий спектр критериев для оценки разных аспектов социальной жизни. Акцент на отдельных компонентах и факторах счастья, как правило, зависит от позиции оценивающего: так, с точки зрения непосредственного участника повседневной жизни мы стремимся к счастью в обществе, которое способствует или препятствует этому, предлагая/допуская конкретные способы достижения счастья. В то же время представители других «жизненных миров» (в шюцевской трактовке — науки, политики, управления) стараются абстрагироваться от обыденных представлений о счастье, чтобы разработать систему объективных эмпирических индикаторов для оценки уровня и тенденций изменения «счастливости» общества.

Разные дисциплины подходят к изучению счастья, используя специфические инструменты и методы, — их подбор зависит от особенностей концептуального определения счастья. Так, психологию интересуют факторы, формирующие переживание счастья (черты характера, отношения с другими людьми, мотивация и эмоциональная компетентность) [47]. Экономика исследует взаимосвязь между счастьем и экономическими показателями (уровень дохода, занятость, инфляция и неравенство), стремясь разработать «рецепты» повышения благосостояния общества, политология — взаимосвязь между уровнем счастья и политическими институтами, государственной политикой и вовлеченностью граждан в политическую жизнь [51]. Медицина и здравоохранение сосредоточены на воздействии ощущения счастья на физическое здоровье, продолжительность жизни, выздоровление и общее самочувствие [41]. Философия продолжает заниматься осмыслением природы счастья, его ценности и места в человеческом бытии [43].

Несмотря на широкое распространение понятия счастья в научном дискурсе, отсутствует его общепринятое определение — в экономике, социологии и психологии его зачастую используют как синоним социального/субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью [23]. Поэтому традиционная оценка эффективности государственного управления, опирающаяся исключительно на экономические индикаторы вроде роста ВВП, все чаще дополняется показателями, отражающими субъективное благополучие (удовлетворенность работой и доходами, доступность качественного медицинского обслуживания и образования, эколо-

гическая ситуация, возможность проводить время с семьей и друзьями, реализовывать свой потенциал и др.). Для комплексной оценки благосостояния граждан используются разные системы измерений: например, в международном индексе счастья основные показатели — ожидаемая продолжительность жизни, субъективное ощущение счастья, неравенство доходов и экологический след [19]; в «валовом национальном счастье» — психологическое благополучие, состояние здоровья, использование времени, уровень образования, культурное разнообразие, «хорошее управление», жизнеспособность сообществ и экологическая жизнестойкость [31]; в глобальном индексе благополучия — материальный достаток (и обеспечиваемые им возможности), состояние здоровья, уровень безопасности, свобода выбора и социальные отношения [9].

Счастье — категория, глубоко укорененная в философской традиции, но разнообразные трактовки счастья можно встретить в фольклоре практически всех народов мира (например, в русских пословицах и поговорках — «не в деньгах счастье», «счастье не в пирогах», «счастье у каждого свое» [5]), они отражены в литературе и искусстве. В обыденной речи понятие счастья обычно используется для обозначения наивысшего уровня благополучия, полного удовлетворения жизнью, кульминации позитивных эмоций, наивысшей точки духовного развития [29]. Философские концепции — теоретическая основа для социологического анализа, задающие его ключевые категории и направления эмпирических поисков, в свою очередь социологические данные «верифицируют» и уточняют философские теории, раскрывая социальную обусловленность и «контексты» счастья. Психологические исследования рассматривают счастье как мимолетную, но сильную позитивную эмоцию, как устойчивый позитивный эмоциональный фон или как эквивалент субъективного благополучия [55]. Одни исследователи фокусируются на эмоциональной составляющей счастья как компоненте субъективного благополучия, другие практически отождествляют счастье с ощущением полной удовлетворенности жизнью. В этом смысле хотя активные междисциплинарные исследования субъективного благополучия начались относительно недавно (около пятидесяти лет назад), поиски счастья занимают человечество на протяжении всей его истории: содержательное наполнение понятия «счастье» менялось, но неизменным оставалось стремление к благополучию/счастью как недостижимому (в полной мере или на постоянной основе) идеалу [11].

Вследствие широкого употребления в повседневной жизни и содержательной размытости понятие «счастье» может легко привести к подмене задач научного анализа морально-философскими или этическими поисками. Чтобы избежать такой подмены, в социальных науках, особенно в эмпирических исследованиях, предпочтение отдается таким «эквивалентам» счастья с «осязаемой» системой индикаторов, как удовлетворенность жизнью

и (субъективное) благополучие, поскольку они легче поддаются операционализации. В результате понятие счастья оказалось на периферии социальной теории, будучи заменено разнородными синонимами [12].

Специфика эмпирической интерпретации

Первоначально интерес социальных мыслителей к понятию «счастье» был обусловлен осознанием важности эмоций как фактора, влияющего на социальные процессы, что особенно ярко проявилось в «субъективистской» социологии на рубеже XIX–XX веков, акцентировавшей роль индивидуальных переживаний, мотивов и ценностей как определяющих факторов социального поведения. Однако и более ранние работы были посвящены эмоциям и их потенциальному воздействию на социальный порядок: так, Г. Лебон утверждал, что счастье не обладает той объединяющей силой, что негативные эмоции, способные спланировать общество для разрушительных целей [22]; М. Вебер выделял «аффективный» тип социального действия [4]; Г. Зиммель рассматривал счастье не столько как индивидуальное чувство, сколько как элемент, взаимодействующий с аналогичными переживаниями других людей и формирующий общий эмоциональный фон/климат общества [8]. Для Э. Дюркгейма как противника психологизма эмоции — не индивидуальные психологические состояния, а коллективные явления, возникающие в ходе социальных ритуалов и церемоний [10; 13], поэтому индивидуальное чувство счастья — производное от участия в коллективной жизни и следования социальным нормам. Позже среди последователей Дюркгейма наметился поворот/возврат к психологизму, поскольку понимание социальных процессов невозможно без учета индивидуального опыта и мотиваций, а эмоции играют важную роль в формировании социальных связей и идентичности (влияют на макросоциальные процессы и отношения). В середине XX века Р. Коллинз объединил макро- (социальный строй, конфликты и расслоение) и микро- (эмоции, в частности ощущение счастья) уровни, полагая, что индивидуальное стремление к счастью и социальная солидарность — объединяющие силы общества [20].

Обобщая подходы к определению счастья, можно выделить несколько ключевых принципов его эмпирического изучения:

- Множество факторов влияют на общее (индивидуальное и коллективное) ощущение счастья. Одни исследователи связывают счастье с уровнем жизни (считается, что более высокий уровень жизни соответствует более высокому уровню субъективно оцениваемого благополучия), другие — с успешностью социальных сравнений [2].
- Счастье — это субъективное благополучие, т.е. обязательный компонент общей оценки жизни. В такой интерпретации благополучие состоит из конкретных удовольствий и удовлетворенных потребностей, но амбивалентно: позитивные и негативные аспекты в нем могут спокойно/гармо-

нично сосуществовать [12] (например, человек счастлив в браке, несмотря на разногласия, или любит работу, связанную с высоким уровнем стресса).

- Уровень счастья социальной группы/сообщества/общества зависит от удовлетворенности в разных сферах жизни, которые могут быть выстроены в иерархию в зависимости от доминирующих социальных ценностей (например, личные сферы — семья и здоровье — могут быть выше/ниже по значимости публичных сфер — карьеры и статуса). Иерархия ценностей и соответствующая детерминация счастья зависят от культурных особенностей, экономических условий и политической системы (считается, что в индивидуалистических обществах большее значение придается личному успеху и самореализации, а в коллективистских — общественному благу и гармонии интересов). Важным фактором счастья выступает наличие перспектив на будущее (кратко-, средне- и долгосрочных), которые более чувствительны к изменениям в обществе, чем декларируемый в ходе опросов «уровень счастья».

Самооценки — достаточно надежный инструмент измерения счастья [40], если корректно контекстуализированы объективными (макро-, мезо- и микро-) факторами. Задача социологии — эмпирический анализ счастья на основе данных, которые получены от респондентов/информантов, живущих в конкретных социальных условиях. В качестве основных эмпирических индикаторов (и/или факторов) счастья используются такие показатели, как удовлетворенность жизнью, уровень дохода, семейное положение, типы/возможности досуга, уровень образования, профессиональная подготовка, сфера деятельности и занимаемая должность, качество и плотность дружеских отношений, состояние здоровья и т.д.

Социология стремится понять, как счастье (личная самооценка или ощущение) связано с реальными внешними обстоятельствами и объективными условиями жизни [27], поэтому эмпирическое определение счастья таково: доминирующее направление мыслей и чувств (индивидов и групп), обладающее социальной значимостью и соответствующее принятым в обществе нормам (эмоциональным, поведенческим, самооценочным и пр.). Это доминирующее направление проявляется в высокой степени удовлетворенности своей деятельностью, условиями и образом жизни, которые обусловлены принадлежностью к определенному обществу или социальной группе и выражаются в позитивных эмоциях (радость и др.) [16]. Данное определение не устраняет всех сложностей социологической трактовки счастья, что объясняется множественностью его концептуальных определений, поэтому в эмпирических исследованиях приходится «разбивать» счастье на более мелкие составляющие, «измерение» которых и формирует оценку (уровня) счастья. Следует помнить, что представления о счастье у человека формируются под влиянием конкретных социально-экономических, политических и социокультурных условий, и этими представлениями он руководствуется,

говоря о собственном счастье или оценивая таковое в окружающих, даже если не до конца осознает, что именно понимает под счастьем, как его понимание влияет на разные аспекты его жизни и какие действия ему необходимо предпринять, чтобы достичь или сохранить искомое состояние счастья [28]. Несмотря на данное серьезное ограничение, вклад социологии в анализ счастья заключается в применении методических решений, позволяющих «измерять» семейное (и иное) благополучие, удовлетворенность материальным состоянием, уровень душевного спокойствия и другие индикаторы счастливой жизни, а затем в объединении полученных данных в единое концептуальное целое на аналитическом уровне.

Соответственно, общепринятое социологическое определение счастья сводит его к ключевой характеристике коллективного и индивидуального мышления, имеющей социальную ценность и нормативный характер. Счастье проявляется в высокой степени удовлетворенности жизнью, своей профессиональной и иной деятельностью и положением в обществе, а также в конкретном (положительном) эмоциональном спектре (радость, внутреннее спокойствие, доброжелательность и т.д.). Преимущество такого определения — комбинация разных подходов (макро- и микро-, объективного и субъективного, рационального и эмоционального), что позволяет социологам претендовать на адекватную оценку роли счастья в обществе, выявление факторов, на него влияющих, и условий, необходимых для его достижения, устраняя концептуальную неоднозначность данного понятия и избегая постоянных перемен в наборе эмпирических индикаторов для измерения уровня счастья на индивидуальном и групповом уровнях.

Методики изучения и их ограничения

Центральный вопрос эмпирического изучения счастья — принципиальная возможность его измерения как такового и необходимые для этого методические решения. Выделяют два методологических подхода: однокомпонентный и интегральный. Первый предполагает оценку счастья с помощью одного или нескольких простых вопросов, часто в формате шкалы или «меню» — чтобы получить общее представление об уровне удовлетворенности жизнью или ощущении счастья в конкретный момент. Например, к преимуществам индекса счастья, разработанного ВЦИОМ [7], относят простоту, скорость и широкий охват, к недостаткам — поверхностность, неучет многогранности счастья, зависимость от сиюминутного настроения и низкую надежность [44]. Интегральный подход использует многофакторные шкалы и опросники, включающие большое количество вопросов для оценки удовлетворенности в разных сферах жизни (семья, работа, здоровье, финансы, социальные отношения, личное развитие и т.д.) [45; 56], т.е. это более точная и комплексная оценка, учитывающая различные аспекты благополучия и позволяющая выявить факторы, влияющие на счастье, что обеспечивает высокую надежность и валид-

ность результатов, но требует больших временных и ресурсных затрат и зависит от выбора факторов и субъективной интерпретации.

Для преодоления ограничений двух подходов можно сочетать опросы с построением сводных индексов. Опросные методики (самооценки) обладают внутренней согласованностью, валидностью и надежностью, но субъективность делает их уязвимыми для ситуативных факторов [54]; наблюдаются сложности с однозначной интерпретацией шкал и используемой терминологией [42], что усиливает влияние фактора социальной желательности/одобрения (частично может быть преодолено проективными методиками, но их сложно использовать в массовых опросах) [1]; неизбежны проблемы сопоставления в сравнительных исследованиях (особенно кросс-культурных) вследствие различий в социальных нормах и лингвистической неэквивалентности основных понятий [46; 48]. Сводные индексы строятся путем сбора и анализа данных из разных источников (статистические отчеты, опросы населения и др.), что формирует комплексную картину, доступную для сопоставления в разных странах; сводные индексы могут объединять множество факторов в одной метрике, что делает информацию более доступной и понятной, и показывают взаимосвязи между различными аспектами жизни и счастья, однако следует помнить о сложностях в интерпретации данных и возможных искажениях вследствие влияния социальных и культурных особенностей [18].

Подход к изучению счастья как субъективного благополучия (доминирует сегодня) можно охарактеризовать тремя особенностями: субъективистский — исходит из того, что личное переживание счастья может быть оценено только самим индивидом; фокус на непосредственном измерении позитивных аспектов жизни, а не на факте отсутствия негативных; интегральная оценка жизни, хотя возможен акцент на отдельных ее сферах (если такова цель эмпирического проекта) [23]. Например, эмпирические данные демонстрируют устойчивую корреляцию между уровнем экономического благосостояния и субъективным ощущением счастья, но динамика роста удовлетворенности жизнью не всегда коррелирует с увеличением благосостояния: согласно «парадоксу Истерлина» [49], увеличение ВВП на душу населения приводит к росту субъективного благополучия лишь до определенного порогового значения, и дальнейший рост доходов не оказывает статистически значимого влияния на уровень счастья, т.е. даже в странах с самым высоким уровнем ВВП на душу населения люди могут испытывать неудовлетворенность жизнью, несмотря на ее высокий уровень. Данный эффект объясняют «гедонистической адаптацией»: по мере роста доходов увеличиваются и притязания — после удовлетворения базовых потребностей (в пище, жилье, безопасности) на субъективное благополучие оказывает большее влияние относительный, а не абсолютный доход [40]. Иными словами, следует оценивать не абсолютное значение счастья (относительно стабильное), а дисперсию распределения счастья и определяющие ее факторы [50].

Несмотря на оправданный скептицизм научного сообщества относительно обоснованности индексного подхода (субъективность выбора показателей, сложность взвешивания акторов, возможности манипулировать данными, ограниченное отражение сложных социальных явлений, культурная обусловленность показателей) [38], эмпирические исследования показали его надежность с точки зрения стабильности результатов во времени, согласованности с другими показателями социального благополучия и способности отражать общие тенденции в развитии стран и регионов. Иными словами, для устранения большинства ограничений индексного подхода следует проводить более тщательную методическую работу при формировании вопросов/критериев измерения всех составляющих сводного индекса.

Сегодня социологам доступно множество методик изучения счастья: помимо (применяемых преимущественно в экономических целях) объективных подсчетов соотношения групп по уровню удовлетворенности жизнью и более субъективных шкал, применяемых в опросах, можно изучать счастье по личным записям с фиксацией самоощущений, например, «дневник счастья» позволяет фиксировать позитивные события, чувства и мысли в течение дня [32], «карты счастья» [52; 53] помогают визуализировать факторы, которые приносят человеку удовлетворение, и т.п. Основываясь на субъективных самооценках респондентов, полученных в системе координат, предложенной исследователем, измерения счастья неизбежно носят условный характер, поскольку система координат (эмпирических индикаторов) как результат декомпозиции социального благополучия или качества жизни ограничена в том смысле, что не может охарактеризовать все обследуемые группы. Невозможность создания универсальной и непротиворечивой «формулы счастья» объясняется воздействием как минимум двух факторов: своего рода эмерджентности — респонденты лишены предварительных критериев оценки (мы не задумываемся постоянно о том, счастливы ли мы, насколько, чем обусловлено наше счастье), формулируя их в момент интервью/заполнения опросника в конкретной ситуации (некая «импровизация»); и постоянных изменений критериев/факторов счастья под влиянием как внешних социальных сил, так и внутренних индивидуальных процессов (чувства к ближнему, самовосприятие, материальное положение, семейный статус и т.д.).

Неизменные факторы и некоторые (новые) агенты

Поскольку в рамках концептуальных определений в социологии принято выделять теоретические подходы, структурные компоненты и факторы, следует кратко остановиться на факторах счастья, которые уже были упомянуты в контексте субъективного благополучия, но сегодня требуют и «агентного» уточнения: в последние десятилетия о принципиальном интересе к счастливости граждан стало заявлять и государство. Так, в России в 2020 году идею создания министерства счастья озвучил губернатор

Камчатского края, заявив о необходимости министерства социального благополучия и семейной политики как аналога «министерства счастья», поскольку его цель — не только решение социальных проблем, но и обеспечение счастья жителей региона. Государство как ключевой социальный институт имеет возможности и обязательства по созданию условий для удовлетворения потребностей граждан в различных сферах, т.е. может влиять на факторы, способствующие (коллективному) ощущению счастья [21]. В то же время государство не должно навязывать гражданам трактовку счастья, поскольку это субъективное переживание, и каждый имеет право на собственные ценности и убеждения, в том числе в понимании счастья. Кроме того, подобное вмешательство государства может привести к обратному результату: причиной неудач многих грандиозных/громких государственных инициатив выступают чрезмерные обобщения и упрощения, а также угрозы и риски, связанные с деятельностью авторитарного государства [33].

Сегодня наблюдается тенденция формирования «политики счастья», или фелицитарной политики [15], на основе объединения экономических и социально-политических теорий с результатами эмпирических исследований [17]. Безусловно, обеспечение «счастья для всех» — труднодостижимая и даже утопичная цель [36], поскольку объективные экономические факторы, сложившаяся система социальной стратификации и конкурентная борьба в широком смысле слова оказывают более существенное влияние на субъективное восприятие счастья (по крайней мере в средне- и долгосрочной перспективе), чем любые экономические и пропагандистские кампании. В (весьма нереалистичной) перспективе концепция фелицитарной политики может привести к пересмотру принципов государственного управления, включив в них приоритет благополучия граждан, расширение их участия в принятии решений, обеспечение социальной справедливости и новые критерии оценки эффективности государства (валовое национальное счастье, уровень социальной сплоченности, качество жизни и др.) [35]. Пока же данное направление «осчастливливания» граждан в условиях ограниченных ресурсов и объективных трудностей сводится к облегчению тягот жизни самых социально уязвимых слоев [25].

Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко отметила необходимость федерального закона, направленного на обеспечение всеобщего счастья россиян, и выразила надежду на создание специализированного органа исполнительной власти — министерства счастья — для оценки всех принимаемых нормативно-правовых актов с точки зрения их влияния на уровень социального благополучия. Однако ее предложение поддержала лишь четверть россиян (25 %), 23 % сочли идею стоящей, а каждый пятый затруднился ответить на соответствующий вопрос (21 %). Основным аргументом в пользу учреждения такого министерства стала неудовлетворенность жизнью значительной части населения (29 % сторонников нововведения), основ-

ным контраргументом — принципиальная невозможность достижения всеобщего счастья (19 % противников инициативы), избыток чиновников и без такого министерства (16 %), бесполезность и бессмысленность таких (лишних) бюджетных трат [6]. Впрочем, и у представителей власти инициатива по созданию министерства счастья не нашла поддержки.

Приходится констатировать, что счастье остается сложным для концептуального определения и эмпирического изучения феноменом, несмотря на многочисленные исследования в рамках разных научных направлений. Наличие широкого синонимичного ряда при отсутствии четких демаркационных границ между составляющими его понятиями затрудняет эмпирическое «измерение» счастья, порождая его многочисленные сопряженные операциональные определения и пересекающиеся методические инструменты измерения. В социологии счастье рассматривается как комплексное макро-микро-явление, структурное и факторное содержание которого обусловлено взаимодействием индивидов с обществом с конкретными культурными особенностями, социальными нормами и ценностными приоритетами. Все большее смещение фокуса социологического интереса к микроуровню счастья объясняется растущим пониманием важности субъективного благополучия для индивида и общества, но социологи не забывают о влиянии объективных факторов (поддержка окружающих, уровень социального доверия, успешность механизмов социализации и социальной адаптации и т.д.). Вероятно, одна из основных новаций последнего времени в социологических (и не только) исследованиях счастья — расширение «реестра» факторов, на него воздействующих: новый «агент» (государство) стал влиять на интерпретацию и замеры счастья (в силу декларируемой заинтересованности в повышении счастья максимального количества граждан). Однако реализация «политики счастья» затруднена по объективным причинам (множество внешних детерминант счастливой жизни), субъективным причинам (разнообразие критериев самооценки людей в терминах счастья) и в силу устойчивого стереотипа, что счастье зависит от индивида, а несчастье — зона внешних воздействий.

Библиографический список

1. *Абрамова М.А.* Визуальная репрезентация образа «счастье» как способ исследования социокультурного архетипа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1.
2. *Булкина Н.А.* О феномене счастья: обзор зарубежных и отечественных исследований // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 5.
3. *Вакарина Е.А.* Междисциплинарный подход к исследованию благополучия личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 4.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
5. *Владимирова А.В.* К репрезентации концепта «счастье» на материале русского устного народного творчества // Дорога знаний. 2022. № 3.

6. ВЦИОМ: Министерство счастья. 28.11.2023 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ministerstvo-schastja>.
7. ВЦИОМ: Счастье в России. 18.04.2024 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>.
8. Ганин А.В. Георг Зиммель о проявлении и сдерживании эмоций // *Философская мысль*. 2024. № 1.
9. Горбашко Е.А. Мировые рейтинги социально-экономического развития: ретроспективный анализ, современные тенденции и перспективы // *Проблемы современной экономики*. 2018. № 2.
10. Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России: рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М., 2001.
11. Джидарьян И.А. Психология счастья и оптимизма. М., 2013.
12. Долгов А.Ю. Понятие счастья в социальной теории: классические и современные подходы к концептуализации // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. 2020. № 3.
13. Дюркгейм Э. Моральное воспитание. М., 2021.
14. Ермоленко Д.А., Мехдиева Д.З. Осмысление философской категории счастья // *Форум молодых ученых*. 2019. № 1–1.
15. Зяблова Т.Е. Право на счастье и его содержание // *Вестник Владимирского юридического института*. 2018. № 2.
16. Качур Н.В. Эволюция социологической интерпретации счастья // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2013. № 4.
17. Киварина М.В. Концепт счастья как феномен современной социально-экономической реальности // *Социологический альманах: Материалы XI Орловских социологических чтений / Под общ. ред. П.А. Меркулова, Н.В. Проказиной. Вып. 12. Орел*, 2020.
18. Кислицына О.А. Подходы к измерению прогресса и качества жизни (благополучия) // *Экономический анализ: теория и практика*. 2016. № 10.
19. Коковин И.А. Международный индекс счастья как один из ключевых показателей развития государства // *Материалы XXI Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов*. М., 2018.
20. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.
21. Лактаева Н.Е., Купцова И.В. Перспективы использования концепции экономики счастья в оценке социально-экономического развития макрорегиона // *Государственное управление*. 2023. № 101.
22. Лебон Г. Толпотворение // *Новое время*. 1998. № 3.
23. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2020. № 1.
24. Львов С.В. Счастье — понятие философское, но оттого не становящееся эфемерным // *Социодиггер*. 2021. Т. 2. № 4.
25. Новоселова Е.Н. Интерпретация феномена счастья в социологии // *Социология*. 2017. № 2.
26. Петрова Л.А. Концептуализация счастья и радости в русской религиозной философии XIX — первой половины XX в // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2016. № 1.
27. Полюшкевич О.А. Социальное измерение счастья // *Социология*. 2022. № 2.
28. Попова С.А., Соловьева А.В., Половцева В.А., Данкина М.А., Копоть А.Д. Цивилизационные аспекты понятия «счастье» в категориальном аппарате исследователя // *Мировые цивилизации*. 2022. Т. 7. № 1.
29. Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Проблема выражения концепта «счастье» в различных языках // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2006. № 8.

30. Рахманкулова Н.Ф. Можно ли измерить счастье? // *Философия и общество*. 2021. № 2.
31. Родионов-Зражевский А.Г. От эпохи валового внутреннего продукта к «экономике счастья» // *Проблемы современной экономики*. 2013. № 3.
32. Симонова О.А. Методологические и методические аспекты современной социологии эмоций (аналитический обзор) // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*. 2016. № 4.
33. Скотт Дж. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М., 2005.
34. Сухорукова Е.И. Сравнение представления о счастье в классической греческой философии с представлением о счастье в философии стоицизма // *Клио*. 2022. № 4.
35. Фрумкин К. Счастье вместо ВВП // *Свободная мысль*. 2011. № 5.
36. Фрумкин К.Г. Политическая экономия счастья. Футурологический этюд // *Знамя*. 2011. Т. 11.
37. Цибизова И.М. Мораль и религия: основание эволюционной и философской платформы // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия: Реферативный журнал*. 2021. № 1.
38. Чепурных М.Н. Индексы счастья: опыт Запада (социологический обзор) // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 9.
39. Чепурных М.Н. Теоретический анализ основных научных подходов к изучению феномена счастья // *Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2012. № 2.
40. Шматова Ю.Е., Морев М.В. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2015. № 3.
41. Akabayashi A. The concept of happiness in oriental thought and its significance in clinical medicine // *Philosophy and Medicine* 1997. Vol. 54.
42. Busseri M.A., Sadava S.W. A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis // *Personality and Social Psychology Review*. 2011. Vol. 15.
43. Chappell T. Eudaimonia, happiness, and the redemption of unhappiness // *Philosophical Topics*. 2013. Vol. 41. No. 1.
44. Diener E. Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. 1984. Vol. 95. No. 3.
45. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale // *Journal of Personality Assessment*. 1985. Vol. 49. No. 1.
46. Diener E., Oishi S., Lucas R.E. Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life // *Annual Review of Psychology*. 2003. Vol. 54.
47. Diener E., Suh E.M., Lucas R., Smith H. Subjective well-being: three decades of progress // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125. No. 2.
48. Duncan G. What do we mean by “happiness”? The relevance of subjective wellbeing to social policy // *Social Policy Journal of New Zealand*. 2005. Vol. 25.
49. Easterlin R.A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // *Nations and Households in Economic Growth*. New York, 1974.
50. Easterlin R.A., O'Connor K.J. The Easterlin Paradox // *IZA Institute of Labor Economics*. 2020. IZA DP No. 13923.
51. Esaiasson P., Dahlborg S., Kokkonen A. In pursuit of happiness: Life satisfaction drives political support // *European Journal of Political Research*. 2020. Vol. 59. No. 1.
52. Godbold N. Researching emotions in interactions: Seeing and analyzing live processes // *Emotion Review*. 2015. Vol. 7. No. 2.
53. Holmes M. Researching emotional reflexivity // *Emotion Review*. 2015. Vol. 7. No. 1.
54. Kahneman D., Krueger A.B. Developments in the measurement of subjective well-being // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. Vol. 20. No. 1.

55. *Kuppens P.* The role of positive and negative emotions in life satisfaction judgment across nations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. No. 1.
56. *Lyubomirsky S., Lepper H.S.* A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation // *Social Indicators Research*. 1999. Vol. 46. No. 2.
57. *Taylor T.E.* The markers of wellbeing: A basis for a theory-neutral approach // *International Journal of Wellbeing*. 2015. Vol. 5. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-780-796

EDN: AGIIUI

Main components of the sociological study of happiness*

I.V. Trotsuk^{1,2}, A.E. Kaluga³

¹RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²National Research University Higher School of Economics,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

³LLC Ipsos Comcon,
Krasnoselskaya Verkhnyaya St., 3–2, Moscow, 107140, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; kalugasashar2324@gmail.com)

Abstract. The search for answers to the question of what happiness is and what is necessary for it began in ancient times, but there are still no unambiguous findings. Ancient philosophers proposed various concepts of happiness, linking it with virtue, absence of suffering or life in accordance with reason — today these ideas are still shared to some extent but considered insufficient for understanding and finding happiness. First surveys on happiness date back to the mid-20th century, when the concept of “subjective well-being” became a kind of “grassroot” analogue of a more ephemeral happiness, being a combination of life satisfaction with positive emotions. Gradually, a subject field of many sciences in the study of happiness developed, for instance, sociology focuses on social factors of happiness (support and trust), while economics — on the relationship between economic indicators and subjective well-being. Representative national and international studies of happiness are conducted by major sociological organizations worldwide. In Russia, such “measurements” aim at assessing the level of happiness in the context of general social well-being, including for a comparative international analysis, and at identifying factors influencing happiness and social well-being, including for public policy goals. In recent decades, the state has also shown concern about happiness, recognizing limitations of economic indicators alone and demonstrating a growing interest in less “quantitative” indicators of life quality. The article outlines the main components of sociological studies of happiness (search for its conceptual definition in an interdisciplinary context; features of its empirical interpretation and measurement; factors determining the level and “quality” of happiness) and some changes in their use and/or perception.

Key words: happiness; subjective well-being; social well-being; level of happiness; quality of life; conceptual definition; empirical interpretation; measurement techniques; factors and agents of happiness

*© I.V. Trotsuk, A.E. Kaluga, 2025

The article was submitted on 10.03.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

For citation: Trotsuk I.V., Kaluga A.E. Main components of the sociological study of happiness. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 780–796. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-780-796>

References

1. Abramova M.A. Vizualnaya reprezentatsiya obraza “schastye” kak sposob issledovaniya sotsiokulturnogo arkhetaipa [Visual representation of the image of “happiness” as a way to study the social-cultural archetype]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 1. (In Russ.).
2. Bulkina N.A. O fenomene schastya: obzor zarubezhnyh i otechestvennyh issledovaniy [On the phenomenon of happiness: A review of foreign and Russian research]. *Mir Nauki. Pedagogika i Psikhologiya*. 2020; 5. (In Russ.).
3. Vakarina E.A. Mezhdistsiplinarny podkhod k issledovaniyu blagopoluchiya lichnosti [Interdisciplinary approach to the study of personal well-being]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2023; 4. (In Russ.).
4. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Vladimirova A.V. K reprezentatsii kontsepta “schastye” na materiale russkogo ustnogo narodnogo tvorchestva [Representation of the concept of “happiness” based on the Russian oral folklore]. *Doroga Znaniy*. 2022; 3. (In Russ.).
6. WCIOM: Ministerstvo schastya [Ministry of Happiness]. 28.11.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ministerstvo-schastja>. (In Russ.).
7. WCIOM: Schastye v Rossii [Happiness in Russia]. 18.04.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/schaste-v-rossii-monitoring-18042024>. (In Russ.).
8. Ganin A.V. Georg Zimmel o proyavlenii i sderzhivanii emotsiy [Georg Simmel on manifestation and restraint of emotions]. *Filosofskaya Mysl*. 2024; 1. (In Russ.).
9. Gorbashko E.A. Mirovye reytingi sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya: retrospektivnyy analiz, sovremennyye tendentsii i perspektivy [World rankings of social-economic development: A retrospective analysis, current trends and prospects]. *Problemy Sovremennoy Ekonomiki*. 2018; 2. (In Russ.).
10. Gofman A.B. *Emile Durkheim v Rossii: retseptsiya durkheimovskoy sotsiologii v rossiyskoy sotsialnoy mysli* [Emile Durkheim in Russia: Reception of Durkheimian Sociology in the Russian Social Thought]. Moscow; 2001. (In Russ.).
11. Dzhidaryan I.A. *Psikhologiya schastya i optimizma* [Psychology of Happiness and Optimism]. Moscow; 2013. (In Russ.).
12. Dolgov A.Yu. Ponyatie schastya v sotsialnoy teorii: klassicheskie i sovremennyye podkhody k kontseptualizatsii [Concept of happiness in social theory: Classical and contemporary approaches to conceptualization]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2020; 3. (In Russ.).
13. Durkheim E. *Moralnoe vospitanie* [Moral Education]. Moscow; 2021. (In Russ.).
14. Ermolenko D.A., Mekhdieva D.Z. Osmyslenie filosofskoy kategorii schastya [Understanding the philosophical category of happiness]. *Forum Molodyh Uchenykh*. 2019; 1–1. (In Russ.).
15. Zyablova T.E. Pravo na schastye i ego sodержanie [The right to happiness and its content]. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2018; 2. (In Russ.).
16. Kachur N.V. Evolyutsiya sotsiologicheskoy interpretatsii schastya [Evolution of the sociological interpretation of happiness]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2013; 4. (In Russ.).
17. Kivarina M.V. Kontsept schastya kak fenomen sovremennoy sotsialno-ekonomicheskoy realnosti [Concept of happiness as a phenomenon of contemporary social-economic reality]. *Sotsiologichesky almanah: Materialy XI Orlovskikh sotsiologicheskikh chteniy*. Pod obshch. red. P.A. Merkulova, N.V. Prokazinoy. Vyp. 12. Orel; 2020. (In Russ.).

18. Kislitsyna O.A. Podkhody k izmereniyu progressa i kachestva zhizni (blagopoluchiya) [Approaches to measuring progress and quality of life (well-being)]. *Ekonomichesky Analiz: Teoriya i Praktika*. 2016; 10. (In Russ.).
19. Kokovin I.A. Mezhdunarodny indeks schastya kak odin iz klyuchevykh pokazateley razvitiya gosudarstva [World Happiness Index as a key indicator of state development]. *Materialy XXI Vserossiyskogo ekonomicheskogo foruma molodykh uchennykh i studentov*. Moscow; 2018. (In Russ.).
20. Collins R. *Sotsiologiya filosofiy. Globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya* [The Sociology of Philosophies A Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk; 2002. (In Russ.).
21. Laktaeva N.E., Kuptsova I.V. Perspektivy ispolzovaniya kontseptsii ekonomiki schastya v otsenke sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya makroregiona [Prospects for the concept of the economy of happiness in the assessment of macroregional social-economic development]. *Gosudarstvennoe Upravlenie*. 2023; 101. (In Russ.).
22. Le Bon G. Tolpotvorenie [The crowd]. *Novoe Vremya*. 1998; 3. (In Russ.).
23. Leontyev D.A. Schastye i sub'ektivnoe blagopoluchie: k konstruirovaniyu ponyatiynogo polya [Happiness and subjective well-being: Developing a conceptual field]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskoe i Sotsialnye Peremeny*. 2020; 1. (In Russ.).
24. Lvov S.V. Schastye — ponyatie filosofskoe, no otogo ne stanovyashcheesya efemernym [Happiness is a philosophical concept, which does not make it ephemeral]. *SotsioDigger*. 2021; 2 (4). (In Russ.).
25. Novoselova E.N. Interpretatsiya fenomena schastya v sotsiologii [Interpretation of the phenomenon of happiness in sociology]. *Sotsiologiya*. 2017; 2. (In Russ.).
26. Petrova L.A. Kontseptualizatsiya schastya i radosti v russkoy religioznoy filosofii XIX — pervoy poloviny XX v. [Conceptualization of happiness and joy in the Russian religious philosophy of the 19th — first half of the 20th century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Filosofiya i Konfliktologiya*. 2016; 1. (In Russ.).
27. Polyushkevich O.A. Sotsialnoe izmerenie schastya [Social dimension of happiness]. *Sotsiologiya*. 2022; 2. (In Russ.).
28. Popova S.A., Solovyeva A.V., Polovtseva V.A., Dankina M.A., Kopot A.D. Tsivili-zatsionnye aspekty ponyatiya “schastye” v kategorialnom apparate issledovatelya [Civilizational aspects of the concept of “happiness” in the categorical apparatus of the researcher]. *Mirovye Tsivilizatsii*. 2022; 7 (1). (In Russ.).
29. Prokhorova O.N., Chekulay I.V. Problema vyrazheniya kontsepta “schastye” v razlichnykh yazykakh [The problem of expressing the concept of “happiness” in different languages]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. 2006; 8. (In Russ.).
30. Rakhmankulova N.F. Mozhno li izmerit schastye? [Is it possible to measure happiness?]. *Filosofiya i Obshchestvo*. 2021; 2. (In Russ.).
31. Rodionov-Zrazhevsky A.G. Ot epokhi valovogo vnutrennego produkta k “ekonomike schastya” [From the era of gross domestic product to the “economics of happiness”]. *Problemy Sovremennoy Ekonomiki*. 2013; 3. (In Russ.).
32. Simonova O.A. Metodologicheskie i metodicheskie aspekty sovremennoy sotsiologii emotsiy (analitichesky obzor) [Methodological aspects of the contemporary sociology of emotions (analytical review)]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2016; 4. (In Russ.).
33. Scott J. *Blagimi namereniyami gosudarstva: pochemu i kak provalivalis proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow; 2005. (In Russ.).
34. Sukhorukova E.I. Sravnenie predstavleniya o schastye v klassicheskoy grecheskoy filosofii s predstavleniem o schastye v filosofii stoitsizma [Comparison of the concept of happiness in the classical Greek philosophy with the concept of happiness in the philosophy of Stoicism]. *Clio*. 2022; 4. (In Russ.).

35. Frumkin K. Schastye vmesto VVP [Happiness instead of GDP]. *Svobodnaya Mysl*. 2011; 5. (In Russ.).
36. Frumkin K.G. Politicheskaya ekonomiya schastya. Futurologichesky etyud [Political economy of happiness. A futurological essay]. *Znamya*. 2011; 11. (In Russ.).
37. Tsbizova I.M. Moral i religiya: osnovanie evolyutsionnoy i filosofskoy platformy [Morality and religion: A basis of the evolutionary and philosophical platform]. *Sotsialnye i Gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 3: Filosofiya*. 2021; 1. (In Russ.).
38. Chepurnykh M.N. Indeksy schastya: opyt Zapada (sotsiologichesky obzor) [Happiness indices: Western experience (sociological review)]. *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*. 2012; 9. (In Russ.).
39. Chepurnykh M.N. Teoretichesky analiz osnovnykh nauchnykh podkhodov k izucheniyu fenomena schastya [Theoretical analysis of the main scientific approaches to the study of the phenomenon of happiness]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 2012; 2. (In Russ.).
40. Shmatova Yu.E., Morev M.V. Izmerenie urovnya schastya: literaturny obzor rossiyskikh i zarubezhnykh issledovaniy [Measuring the level of happiness: A review of Russian and foreign studies]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2015; 3. (In Russ.).
41. Akabayashi A. The concept of happiness in oriental thought and its significance in clinical medicine. *Philosophy and Medicine*. 1997; 54.
42. Busseri M.A., Sadava S.W. A review of the tripartite structure of subjective well-being: Implications for conceptualization, operationalization, analysis, and synthesis. *Personality and Social Psychology Review*. 2011; 15.
43. Chappell T. Eudaimonia, happiness, and the redemption of unhappiness. *Philosophical Topics*. 2013; 41 (1).
44. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*. 1984; 95 (3).
45. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The satisfaction with life scale. *Journal of Personality Assessment*. 1985; 49 (1).
46. Diener E., Oishi S., Lucas R.E. Personality, culture, and subjective well-being: Emotional and cognitive evaluations of life. *Annual Review of Psychology*. 2003; 54.
47. Diener E., Suh E.M., Lucas R., Smith H. Subjective well-being: three decades of progress. *Psychological Bulletin*. 1999; 125 (2).
48. Duncan G. What do we mean by “happiness”? The relevance of subjective wellbeing to social policy. *Social Policy Journal of New Zealand*. 2005; 25.
49. Easterlin R.A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. *Nations and Households in Economic Growth*. New York; 1974.
50. Easterlin R.A., O'Connor K.J. *The Easterlin Paradox*. 2020. IZA DP No. 13923.
51. Esaiasson P., Dahlborg S., Kokkonen A. In pursuit of happiness: Life satisfaction drives political support. *European Journal of Political Research*. 2020; 59 (1).
52. Godbold N. Researching emotions in interactions: Seeing and analyzing live processes. *Emotion Review*. 2015; 7 (2).
53. Holmes M. Researching emotional reflexivity. *Emotion Review*. 2015; 7 (1).
54. Kahneman D., Krueger A.B. Developments in the measurement of subjective well-being. *Journal of Economic Perspectives*. 2006; 20 (1).
55. Kuppens P. The role of positive and negative emotions in life satisfaction judgment across nations. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008; 95 (1).
56. Lyubomirsky S., Lepper H.S. A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social Indicators Research*. 1999; 46 (2).
57. Taylor T.E. The markers of wellbeing: A basis for a theory-neutral approach. *International Journal of Wellbeing*. 2015; 5 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-797-811

EDN: AFGBJI

Ambient media в формировании образа социокультурного пространства города*

Е.А. Голубкова¹, Е.В. Грунт¹, С. Атлагич²

¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620000, Россия

²Белградский университет,
ул. Йове Илича, 165, Белград, 11000, Сербия

(e-mail: e.a.golubkova@urfu.ru; helengrunt2002@yandex.ru; sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs)

Аннотация. В статье представлен компаративистский анализ восприятия ambient media в социокультурном пространстве Екатеринбурга (Россия) и Ньюкасла (Великобритания), проведенный с позиции конструктивного сценария преодоления отчуждения городского пространства и адаптации к динамическим изменениям. Авторы предлагают свое определение ambient media, включающее следующие элементы: особая форма нестандартных рекламных коммуникаций; точное контекстное соответствие рекламного сообщения окружающей среде; включенность в окружающую среду (новая форма организации социокультурного пространства); моделирование городского пространства посредством наполнения его новыми смыслами. В исследовании сочетались количественный (онлайн-опрос жителей Екатеринбурга) и качественный (фокус-группы с «активными» горожанами Екатеринбурга, интервью с профессиональной группой горожан — представителями рекламного рынка и интервью с жителями Ньюкасла) подходы. Оценка ambient media профессиональными и непрофессиональными группами горожан показала актуальность и жизнеспособность данной формы рекламы и позволила выявить ее коммуникативные, социокультурные и психологические преимущества. Для жителей Ньюкасла наиболее важны функциональные и коммуникативные аспекты ambient media, а также забота рекламодателя о потребителе, тогда как для екатеринбуржцев — эстетический фактор (изменение облика города, встроенность интересной рекламы в его архитектуру). Исследование зафиксировало проективную модель социокультурного пространства образа Екатеринбурга, созданного с помощью ambient media: креативность, современность, забота о горожанах, привлекательность для туристов, формирование чувства гордости у местных жителей. Авторы признают, что восприятие ambient media может быть иным в малых и средних городах, поэтому отмечают необходимость продолжения исследований и расширения их предметного поля.

Ключевые слова: социокультурный феномен; городское пространство; новые медиа; рекламная коммуникация; ambient media; восприятие горожанами; жители крупных городов

*© Голубкова Е.А., Грунт Е.В., Атлагич С., 2025

Статья поступила в редакцию 01.03.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

Для цитирования: Голубкова Е.А., Грунт Е.В., С. Атлагич. Ambient media в формировании образа социокультурного пространства города // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 797–811. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-797-811>

Ambient media, новый вид рекламной коммуникации, опровергающий традиционные представления о ее видах, методах и формах, в последнее десятилетие стал предметом интереса западных [18; 19; 24; 27] и российских исследователей [10; 11]. В конце XX века появились «нетрадиционные» виды рекламных коммуникаций, формирующие новый «сенсорный баланс общества, задавая новые мироощущение и мироуяснение, новый стиль мышления, новый образ жизни и, в конечном итоге, новые формы социальной организации» [8. С. 10]. В основе ambient media лежит метод ненавязчивой включенности (*ambient* — в переводе с английского «окружающий, обволакивающий, обтекающий», а в форме существительного — «окружающая среда») в городское пространство, благодаря чему обеспечивается особое взаимодействие рекламы с потребителем. Феномен ambient media подтверждает тезис Н. Лумана, что современные коммуникационные процессы не ограничиваются передачей информации [7], но обладают свойствами самоорганизации, саморазвития и самовоспроизводства. Ambient media — это рекламные сообщения, незаметно встроенные, растворенные в городском пространстве, их носитель — не привычные рекламные объекты (щиты, экраны, страницы газет и журналов), а предметы быта, с которыми человек взаимодействует в повседневной жизни [24; 25], т.е. эта форма рекламы встроена в социокультурное пространство [24. С. 27]. Особенность данного типа коммуникации — стремление обеспечить человеку возможность безопасной и комфортной жизнедеятельности при получении медиаинформации, не испытывая медийного давления и отчуждения среды [7].

С одной стороны, ambient media — новый феномен, который имеет ярко выраженный урбанистический характер и способен существовать только внутри социокультурного пространства города, уникальным образом взаимодействуя с городской средой [2]. С другой стороны, это социокультурный феномен, который существует не только физически, но и в сознании людей, т.е. выступает одновременно и культурным замыслом своего создателя, и культурным паттерном, воплощенным, как правило, в социокультурном пространстве города. Ввиду своей новизны ambient media постоянно «эволюционируют вместе с обществом и его инновационными идеями» [21. С. 18], поэтому достаточно сложны для научного изучения. Одни исследователи определяют ambient media как новый и нестандартный вид средств массовой коммуникации, отличающийся необычным месторасположением — данная реклама использует объекты окружающей инфраструктуры в качестве носителей информации [13. С. 26]. Другие считают ambient media «партизан-

ским вариантом классической наружной рекламы — размещенным в необычных местах, интегрированным в непосредственную социальную среду целевой аудитории» [20. С. 97; 23. С. 737; 27. С. 166; 29]. Третьи видят в них «комплексную форму корпоративных коммуникаций, которая использует элементы окружающей среды, включая любую доступную физическую поверхность, для доставки сообщений, вовлекающих потребителя» [18. С. 34]. Таким образом, отличительными свойствами *ambient media* оказываются «место» контакта человека с рекламным сообщением, его инновационный характер и использование объектов окружающей среды в качестве рекламного носителя [4; 6; 10. С. 695; 16; 22].

Результаты экспертных опросов в США показали, что *ambient media* может принимать разные формы рекламных коммуникаций — партизанского и уличного маркетинга, наружной рекламы, но речь всегда идет об использовании городского ландшафта (раскрашенный тротуар, цветная вода в бассейне, уличное шествие или хореография флэш-моба — любой новый опыт или погружение в предлагаемую реальность) [30. С. 67]. Таким образом, *ambient media* — это средство массовой коммуникации, лишенное медийного фокуса, не привязанное к формальным, известным потребителю рекламным носителям, и основанное исключительно на личном опыте индивида (воспринимается естественно, без отторжения), т.е. данная рекламная коммуникация оказывается не столько медийной, сколько эмпирически воспринимаемой — вездесуща как повсеместная часть окружающей нас среды» [22. С. 9]. *Ambient media* передает сообщение мягко и ненавязчиво, причем и его содержание не является директивным и не принуждает человека к каким-либо действиям: *ambient media* отличается от традиционных рекламных форм тем, что не вызывает раздражения, не вызывает недоверия или отторжения [1].

Отсюда очевидны социальный аспект *ambient media* — естественная адаптация человека к рекламному сообщению [16] за счет совпадения содержания рекламы и места/среды размещения рекламного сообщения, а также социокультурный аспект — все культурные и эстетические формы *ambient media* (свет — амбиентное освещение, театр, литература, «сопровождаемая жизнь» — вид социальной помощи пожилым, социальные сети, медиакommunikации) [15]. В целом нетрадиционные рекламные коммуникации, в том числе *ambient media*, связаны с концепцией выживания в современном агрессивном социокультурном пространстве, где человек вынужден искать социальные ниши, где чувствует себя защищенным (концепция травмы П. Штомпки [14], экзистенциального одиночества Ж.-П. Сартра [12]). По сути, наблюдается массовая тенденция обращения к культурно-эстетическим и социальным стилям *ambient* как «техникам самосохранения в условиях социальной и сенсорной бомбардировки городской жизни» [25. С. 112].

Мы предлагаем следующее определение *ambient media*: социокультурный феномен и особая форма нестандартных рекламных коммуни-

каций, обеспечивающая точное контекстное соответствие рекламного сообщения окружающей среде; отвечающая концепции включенности в социокультурное пространство; способная как воздействовать на индивида посредством медийной и эмпирической (данной в повседневных практиках) реальности, так и изменять, моделировать привычное городское пространство, наполняя его новыми смыслами, символами, содержанием; способствующая снижению травматичного воздействия на человека посредством создания новых социальных отношений — более позитивных и менее разрушительных для индивида. Тем самым, *ambient media* становится альтернативой комфортной социальной ниши и стимулирует поиск мест, групп и отношений, которые могут быть классифицированы как «свои» в отчужденном городском пространстве. Данное определение позволяет не ограничиваться медийной природой и прямыми функциями рекламных коммуникаций, а оценивать их влияние на восприятие городского пространства и социальной реальности.

Эмпирическое исследование было проведено в конце 2021 — начале 2022 года в Екатеринбурге, одном из крупных уральских городов, и Ньюкасле (Великобритания). Ньюкасл не является столичным городом, как и Екатеринбург, и по стандартам Великобритании относится к категории «мегаполис» (крупный промышленный и образовательный центр, культурный центр северо-восточного побережья Англии), поэтому данные, полученные в ходе интервью жителей Ньюкасла, могут быть сопоставимы с данными, собранными в Екатеринбурге. В исследовании сочетались количественная и качественная стратегии (анкетирование и интервью). Был проведен онлайн-опрос жителей Екатеринбурга (N=530; пользователи социальных сетей и ответившие на рассылку анкеты). 73 % опрошенных проживают в Екатеринбурге более десяти лет; 79 % — женщин; 51 % — молодежь в возрасте 18–25 лет, 30 % — 26–39 лет; 30 % — специалисты, 44 % — студенты. Качественный блок представлен двумя методами: интервью (N=22) и фокус-группой. В интервью информантами выступили руководители рекламных и маркетинговых агентств/отделов, проживающие и работающие в Екатеринбурге, — «профессиональная» группа (имеет знания и опыт взаимодействия с *ambient media*).

Фокус-группы были проведены с «активными горожанами» (определены по результатам экспертных интервью как наиболее активно взаимодействующие с социокультурным пространством города). Критерием «активности» стали частые посещения публичных мест, культурных и общественных мероприятий, бизнес-событий, регулярные прогулки по улицам, паркам, скверам. Было проведено четыре фокус-группы с разными представителями «активных горожан»: студентами разных специальностей (гуманитарных, социально-экономических, технических и творческих) (17–23 года); мамы с детьми дошкольного и младшего школьного возраста (27–48 лет); деятели

науки, культуры и искусства (35–72 года); бизнесмены, топ-менеджеры крупных коммерческих компаний (30–42 года).

Интервью с жителями Ньюкасла проводились с использованием электронных ресурсов (Zoom): равномерно представлены мужчины и женщины, доминирует молодежь и те, кто родились в Ньюкасле или же живут, работают или учатся более десяти лет.

Группы жителей Екатеринбурга, Ньюкасла, а также «активные горожане» Екатеринбурга составили «непрофессиональную» группу, поскольку могут узнать и оценить ambient media только посредством личного опыта в повседневных практиках.

Итак, в ходе исследования были выявлены сходства и различия в восприятии ambient media жителями крупного российского и европейского города. Большинство опрошенных жителей Ньюкасла оценивают свою вовлеченность в городское пространство как высокую — уверенно относят себя к активным горожанам, отмечая, что часто гуляют по городу и посещают разные городские мероприятия. *«Любим посещать замки и парки, каждые выходные стараюсь найти какое-нибудь открытое городское мероприятие, чтобы сходить с детьми — там и развлечение, и ярмарка, и познавательная часть. Активно слежу за всем, что происходит в городе — это мой город».*

Чаще всего респонденты характеризуют свой город как «уютный», «лучший», «незаурядный», «шумный» и «свой», демонстрируя высокую степень идентичности с ним: *«Мой город удобен для жизни, прежде всего, это хорошие дороги и транспорт, отовсюду могу легко добраться до работы и до развлечений. Хотел бы жить только здесь, даже не представляю как может быть по-другому»; «Это мой город, здесь живет моя семья, дорогие мне люди, у меня много друзей, которые меня понимают, и нам всегда есть, чем заняться. Есть любимые кафе, парк, где мы гуляем, особенно любим, когда приезжает ярмарка или проходят концерты под открытым небом».* Причины непризнания города «своим» лежат в плоскости организации публичных пространств: *«мало интересных событий... мне в нашем городе скучновато».*

Жители Ньюкасла демонстрировали готовность брать ответственность за жизнь своего города и активно участвовать в процессах его развития и трансформации, поэтому считают, что за появление и распространение нестандартной рекламы должны отвечать не только городские власти и рекламные агентства, но и сами горожане: *«Если вы планируете установить в городе какой-то арт-объект... или организовать что-то новое, то, прежде всего, я должен иметь возможность согласиться или не согласиться с таким решением. Ведь это мой город, мне в нем жить, а, значит, мне должно нравиться то, что в нем происходит. Не надо решать за меня».*

Опрос горожан в Екатеринбурге также зафиксировал высокую степень вовлеченности в жизнь города и активную позицию по отношению к город-

ской среде. Так, профессиональная группа стремится через профессиональную деятельность созидать городскую среду, в которой хочется жить: *«Я могу изменять город с помощью своих проектов, особенно нетрадиционных. Я придумал интерактивную рекламу для благотворительного фонда банка: на здании банка нанесено изображение... мы устанавливаем прямо внутри картины терминал для оплаты. Каждый проходящий может подойти и сделать пожертвование, а сверху в виде бегущей строки идут цифры — сколько денег собрали. Когда деньги собраны, мы картину раскрашиваем — она становится цветной. Так я несу добро и красоту в мой город. В таком городе я хочу жить!»*.

Высокую вовлеченность и степень идентичности с городом показывают как фокус-группы с «активными горожанами», так и онлайн-опрос «непрофессиональных» групп. 67 % считают себя активными участниками жизни своего города (таблица 1), но речь идет преимущественно о прогулках и посещении мероприятий, а не об участии в принятии решений относительно городской среды — лишь 1 % пишет обращение в административные органы и дает обратную связь муниципальным службам, добиваясь повышения качества их работы. Препятствуют активному участию в жизни города, по мнению респондентов, иные интересы и отсутствие свободного времени.

Таблица 1

Оценка позиции в отношении своего города (по возрастам, %)

Оценка участия в городской жизни	18–25	26–40	40–65	65+
Я считаю себя человеком, активно участвующим в жизни моего города	32,3%	29,4%	35,8%	50%
Я не считаю себя человеком, активно участвующим в жизни моего города	67,7%	70,6%	64,2%	50%

У английских респондентов идентичность с городом проявляется благодаря удовлетворенности функционированием и комфортом городской среды (продуманная инфраструктура, удобное транспортное сообщение, хорошие дороги, бесплатные развлекательные и образовательные мероприятия), тогда как для екатеринбуржцев наиболее важны социальные отношения (наличие друзей и единомышленников, проживание семьи, возможность знакомства с новыми интересными людьми): *«Я познаю свой город снова и снова, прежде всего через людей. Мои знакомые делают много интересных проектов в Екатеринбурге — строят дома, устраивают фестивали, вечеринки, и я чувствую сопричастность к этим делам. Люблю свой город, он мой»*. Данные онлайн-опроса подтверждают эти выводы: по мнению опрошенных, отсутствие крепких социальных связей — более важный фактор неотождествления себя с городом (41 %), чем отсутствие насыщенной городской жизни, развитой инфраструктуры и доступных публичных пространств.

В отличие от жителей Ньюкасла, екатеринбуржцы не готовы брать на себя ответственность за развитие своей городской среды: по мнению респондентов, этим должен заниматься кто-то другой — государство и специальные общественные объединения. *«А что я могу изменить? У нас решают сверху, нам остается только радоваться или горевать, да и тратить время впустую мне не хочется, у меня есть, чем заняться»*. Результаты онлайн-опроса подтверждают низкую степень ответственности горожан по отношению к своему жизненному пространству (таблица 2)

Таблица 2

Ответственные за изменения в городском пространстве

Ответственные	%
Администрация города	48,3
Рекламные агентства	76,9
Общественные организации	18,5
Инициативные группы	23,5
Творческие организации	56,5
Сами горожане	13,7

Что касается восприятия ambient media жителями Екатеринбурга и Ньюкасла, то схожим оказалось позитивное отношение к ambient media, высокая узнаваемость, неожиданность и удивление при контакте. Однако для россиян наиболее значим эстетический аспект, а для англичан — коммуникативный, функциональность и полезность ambient-объектов, а также забота рекламы о потребителе. Наше исследование подтвердило данные, полученные ранее европейскими учеными: для европейцев ценность ambient-объектов обусловлена, в первую очередь, заботой о потребителе, особым отношением рекламодателя к потребителю и функциональностью объекта [26].

Мы обнаружили высокий уровень узнавания данной рекламной формы и ее принятия как экспертами, так и «непрофессионалами» (53 %). Для повышения точности данных и во избежание путаницы терминов представителям второй группы были показаны примеры ambient media и реклама одного и того же продукта в разных формах — традиционной и ambient. Корреляционный анализ показал прямую зависимость восприятия ambient media от отношения к городскому пространству: чем выше уровень вовлеченности и активности в городском пространстве, тем позитивнее воспринимаются ambient media (активные горожане считают, что они ненавязчиво встроены в городскую среду и не являются раздражающим фактором).

Определение ambient media не вызвало затруднений у экспертов: *«Ambient сразу ассоциируется у меня с нестандартными рекламными решениями. Это реклама, интегрированная в городскую среду, например,*

в виде офлайн-инсталляций». Эксперты смогли привести примеры ambient media в Екатеринбурге, тем более что часто такие проекты были выполнены их коллегами по рекламному рынку. Поскольку термин был не знаком непрофессионалам, в ходе опроса им были продемонстрированы примеры ambient-рекламы. Было выявлено следующее различие: жители Ньюкасла правильно приводили примеры, называя рекламу, которую встречали на улицах своего города или в других городах Англии, тогда как жители Екатеринбурга вспоминали любые нестандартные объекты в городе — относящиеся и к рекламе, и к стрит-арту, и к креативным архитектурным решениям. Видимо, в Екатеринбурге пока недостаточно нетрадиционных форм рекламы (ambient media) по сравнению с Ньюкаслем.

Сходством в восприятии ambient media у жителей двух городов стала высокая оценка и преобладающее положительное отношение даже при неприятии рекламы в целом (таблица 3): *«Обожжаю такую рекламу, всегда заставляет меня улыбнуться и взбодриться, даже на работу веселее идти»; «Это однозначно позитив, интригует, сразу же хочется сфотографироваться с таким объектом, отрицания точно нет, хотя рекламу терпеть не могу, очень раздражает»*. Результаты онлайн-опроса подтверждают этот вывод: 65 % опрошенных екатеринбуржцев считают ambient media более привлекательными, чем другие виды рекламы; 64 % отмечают, что такая реклама не травмирует, не раздражает, а, наоборот, привлекает внимание.

Таблица 3

Оценка ambient media в зависимости от отношения к рекламе в целом, в %

Отношение к рекламной информации	Больше привлекает ambient media	Больше привлекает традиционная реклама
Стараюсь не замечать, игнорировать	64 %	36 %
Воспринимаю как фон, не вижу в этом проблемы	65 %	35 %
Выбираю то, что может быть интересно и полезно именно мне	69 %	31 %
Меня это раздражает	64 %	36 %
Ощущаю бессилие от обилия информации, с которой сложно справляться	72 %	28 %

Итак, к схожим характеристикам ambient media в двух городских пространствах можно отнести: новизну подачи рекламной информации, за счет чего повышается интерес к объекту ambient media; уникальность каждой ambient-рекламы (по содержанию и форме его представления), поэтому ее сложно игнорировать, она надолго остается в памяти и продолжает жить в пересказах людей; ненавязчивость и неявность (естественно встраиваясь в окружающее пространство, не раздражает человека и не заставляет его ди-

рективно обратить на себя внимание); интерактивность (приглашение к разгадке рекламного сообщения, расшифровке коммуникативного кода); активное восприятие (не может восприниматься как фон, приглашает к игре, в которой человек становится активным действующим лицом как инициатор взаимодействия с объектом); изменение городского пространства под воздействием ambient media.

Основные различия в восприятии ambient media прослеживаются в том, как горожане характеризуют городскую среду и ее изменения под воздействием ambient media. Так, для жителей Ньюкасла ambient media выполняют важную коммуникативную функцию — рекламный объект становится местом для встречи с друзьями, провоцирует на общение и поиск новых связей: *«Ambient media создает необычную среду, в которой прикольное общаться. Все места, которые были до этого — ты в них уже побывал, а хочется чего-то нового. Есть повод сходить посмотреть, пообсуждать, поболтать с теми, кто тоже здесь»*. На восприятие екатеринбуржцами городского пространства, в котором представлены ambient media, влияет не столько коммуникативный, сколько эстетический фактор — изменение облика города, встроенность интересной рекламы в его архитектуру. Екатеринбургцы считают ambient media достопримечательностью, которую хочется показать гостям города, рассказать о ней тем, кто мало знает о городе, т.е. ambient media воспринимается как архитектурный объект, который украшает город и делает его ярче: *«Например, реклама бургера на остановке автобусов в виде микроволновки мне очень нравится эстетически. Такие объекты формируют наш эстетический вкус, город становится красивее. А вот бургер я все равно бы не купил»*. А вот высказывание жителя Ньюкасла: *«Реклама есть реклама, не думаю, что она сделает город ярче, он и без нее хорош»*.

Можно сделать вывод, что разница в восприятии жителей двух городов обусловлена, во-первых, качеством городской среды: ambient media, по мнению екатеринбуржцев, могут повысить эстетику окружающего пространства, что не актуально для жителей Ньюкасла; во-вторых, насмотренностью — для англичан привычно присутствие ambient media в городе, такая реклама естественно вписывается в окружающую среду и не оценивается лишь как визуальное изменение пространства, а, например, как место притяжения, встреч. В-третьих, для англичан более значим фактор функциональности (полезных функций объектов ambient media в городской среде), который делает жизнь горожан удобнее и проще (например, обогреваемые остановки общественного транспорта, скамейки с козырьками от дождя, души на общественных пляжах, пандусы для багажа и пр.). *«Я думаю, это сложно назвать рекламой, ведь реклама нацелена продать мне что-нибудь, а эта, наоборот, обо мне как будто заботится. Куплю я шоколад или нет, зато теперь мне есть на чем в парке посидеть. Большое уважение тем, кто такую рекламу выдумал»*.

В свою очередь, жителей Екатеринбурга отличает интерес к проективным моделям города, в котором присутствует ambient media (хотели бы жить в таком городе). По мнению как «профессиональных», так и «непрофессиональных» горожан, благодаря ambient media Екатеринбург мог бы наполниться новыми смыслами, такими как город прогрессивных людей, свободный от предрассудков, город молодых — юный, современный, творческий, динамично изменяющийся. *«Это была бы другая энергетика города. Энергия созидания, молодости, креатива, а не серость будней».*

В то же время нельзя не отметить и социальные риски, связанные с активным распространением нового вида рекламы в городе. Во-первых, риски оригинальной архитектуры города, риски испортить эстетику городской среды: *«Рекламы и так слишком много в нашей жизни, рябит в глазах: отовсюду — возьми, купи. Это не то, на что хочется смотреть в городе, должна быть уместность, чтобы не разрушить то хорошее, что уже есть».* Во-вторых, риск уничтожения ambient media: *«Не факт, что такие объекты и день простоят. У наших граждан большое желание все разукрасить, разбить, в общем “нагадить” или просто пожить на теплых остановках, например, бомжам».* В-третьих, риски непонимания или неверного истолкования значения ambient media: *«Например, рекламодатели хотели показать символ свободы, а я его вижу как агрессию, и мне неприятно. Уверена, что многие вообще не поймут, что все это значит, и попросят убрать».*

Основным инструментом устранения рисков, по мнению горожан, может стать орган контроля за созданием и размещением ambient media, в который должны войти представители не только государственных структур и творческих объединений, но и широкой общественности: решения об установке любого нестандартного объекта в городской среде должны приниматься посредством голосования в городских чатах; орган контроля должен следить за сохранением объектов ambient media, хотя, по мнению опрошенных, объекты ambient media будут воспитывать у горожан эстетический вкус, привычку к ним и культуру поведения в пространстве с ambient media, что со временем снизит уровень вандализма.

Иными словами, наше исследование подтвердило высказанные ранее оценки [21], что ambient media формируют образ социокультурного пространства современного города, наполняя его новыми смыслами и значениями. По мнению «активных горожан», возможный будущий образ социокультурного пространства Екатеринбурга включает в себя следующие характеристики: город будущего, более современный, креативный и динамично развивающийся — *«с ambient media в городе появляется новый ритм, новый драйв, своя неповторимая энергетика... это был бы город будущего, который всегда в движении»;* «умный город», «думающий» и «заботящийся» о своих жителях, *«которые умеют создать умное пространство для себя и тех, кто здесь живет вместе с ними.... умный город — умные создают,*

умные пользуются, умная среда и даже реклама умная». Ambient media могут стать примером высокого стандарта городской среды как в эстетическом аспекте, так и в плане развития активной гражданской позиции по отношению к своему городу: «Ambient media, при условии что реклама сделана грамотно и не диссонирует с традиционным городом, вещь уникальная с точки зрения воспитания юного поколения. Создавая подобные объекты, мы показываем молодым сплав креатива, красоты, функциональности и коммерции... воспитываем вкус эстетический и вкус к жизни в новом городском пространстве».

Существенна роль ambient media и в формировании нового коммуникативного пространства: «активные горожане» утверждают, что город, для которого естественен феномен ambient media, провоцирует людей на сближение, обеспечивает легкий поиск «своих» посредством объединения по интересам вокруг объектов нестандартной рекламы. Ambient media придают новый облик городу: он становится более позитивным, ярким, что способствует развитию удаленных, унылых, непривлекательных районов. «Активные горожане» убеждены, что люди будут специально приезжать в ранее непосещаемые районы, чтобы увидеть необычный объект в городском пространстве: «Я бы захотел съездить в другие районы, где никогда раньше не был, — посмотреть, что за интересный объект, это был бы хороший повод провести время с друзьями, не только ведь в ресторане сидеть»; «такая реклама может раскрасить наши серые будни».

Ambient media формируют у жителей чувство идентичности с городом — он становится «своим», «родным» пространством, в котором имеются уникальные места. Можно говорить о присвоении городского пространства: город, в котором есть нечто «свое», близкое, понятное, вызывает у горожан душевный отклик, становится «роднее», помогает избегать социальной изоляции и отчужденности среды. Ряд информантов отметили, что места и даже целые районы, где представлены ambient media, могут привлечь туристов: «Город стал бы более интересным, сразу же привлек больше туристов. Если бы это еще гармонично сочеталось с архитектурой, я бы обязательно водила смотреть на такие прикольные объекты своих друзей из других городов и стран»; «Где-то есть Кремль, где-то набережная, но такие достопримечательности не редкость, а вот если бы у нас была остановка, греющая в холода, то это могло бы стать символом города, все туристы помнили бы ее и говорили, что Екатеринбург — теплый».

Таким образом, новая форма рекламы, встроенная в окружающее пространство, провоцирует взаимодействие индивида с городской средой: посредством нестандартных рекламных объектов, вписанных в окружающее пространство, город особым образом коммуницирует с жителями, поскольку

ambient media не только представляют содержание рекламного сообщения в нестандартной, но и имеют социальное значение, зачастую более значимое для горожан, чем развлечение от яркого арт-объекта. Соответственно, проективная модель социокультурного пространства города включает в себя следующие характеристики: креативность, современность, устремленность в будущее, забота о горожанах, уникальность, динамика развития, привлекательность для туристов, формирование чувства принадлежности и гордости. Ambient media как нативный способ коммуникации рекламодателя с потребителем не вызывает отторжения и раздражения, но способствует привлечению внимания к рекламируемому продукту и вовлечению в городское пространство, присвоению его ценностей и смыслов.

Библиографический список

1. Голубкова Е.А. Нестандартные коммуникации в оценках профессионального рекламного сообщества Екатеринбурга // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14. № 4.
2. Джейкобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011.
3. Жигунина Л.В., Лебедев А.Б. Феномен совершеннолетия в ситуации «постидеологии»: что нам покажет реклама? // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1.
4. Игнатъев В.М., Гежина Д.А., Шум В.А. Реклама: функции, принципы и виды // Экономика и социум. 2015. № 2–2.
5. Кириленко Н.П., Прангшвили И.Г. Ambient media как новая форма рекламы: история и особенности // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2014. № 2.
6. Левинсон Дж.К. Партизанский маркетинг. Простые способы получения больших прибылей при малых затратах. СПб., 2015.
7. Луман Н. Реальность масс-медиа. М., 2005.
8. Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М., 2007.
9. Назарчук А. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М., 2012.
10. Прангшвили И.Г. Ambient media как новый вид СМИ: к вопросу об истории // Молодой ученый. 2014. № 1.
11. Прангшвили И.Г. Ambient media как новый вид рекламы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. Ч. I.
12. Сартр Ж.П. Сумерки богов. М., 1989.
13. Сырцова И. Рекламный фэншуй, или окружающая среда как рекламоноситель // Практика рекламы. 2015. № 12.
14. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.
15. Blackman S., Matlo C., Bobrovitskiy Ch. et al. Ambient assisted living technologies for aging well: A scoping review // Journal of Intelligent Systems. 2015. Vol. 1.
16. Dahlen M., Modig E., Rosengren S. The value of ambient communication from a consumer perspective // Journal of Marketing Communications. 2015. Vol. 21. No. 1.
17. Dalcher D. Time to rethink the social element of projects: Building on ambient awareness and social media // PM World Journal. 2015. Vol. 5. No. 5.
18. Gambetti R.C. Ambient communication: How to engage consumers in Urban Points // California Management Review. 2010. Vol. 52. No. 3.
19. Hutter K., Hoffmann S. Guerrilla marketing: The nature of the concept and propositions for further research // Asian Journal of Marketing. 2011. Vol. 5. No. 2.
20. Hutter K., Hoffmann S. Surprise, surprise. Ambient media as promotion tool for retailers // Journal of Retailing. 2014. Vol. 90. No. 1.

21. Levordashka A., Utz S. Ambient awareness: From random noise to digital closeness in online social networks // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 60. No. 3.
22. Lugmayr A., Serral E., Scherp A. et al. Ambient media today and tomorrow // *Multimedia Tools and Applications*. 2016. Vol. 71. No. 1.
23. Luxton S., Drummond L. What is this thing called ambient advertising? // Australian and New Zealand Marketing Academy Conference “Visionary Marketing for the 21st Century: Facing the Challenge”. Gold Coast, 2011.
24. McCulloch M. Ambient Commons: Attention in the Age of Embodied Information. The MIT Press, 2015.
25. Roquet P. Emotion, Space and Society. Ambient Media: Japanese Atmospheres of the Self. Minneapolis, 2016.
26. Rosengren S., Modig E., Dahlen M. The value of ambient communication from a consumer perspective // *Journal of Marketing Communications*. 2015. Vol. 21. No. 1.
27. Ryan-Segger T. How ambient media has grown up // *B&T Weekly*. 2007. Vol. 57. No. 2603.
28. Schäfer F. Ambient media: Japanese atmospheres of self by Paul Roquet // *Journal of Japanese Studies Society*. 2018. Vol. 44. No. 1.
29. Shankar A., Horton B. Ambient media: Advertising’s new media opportunity // *International Journal of Advertising*. 1999. Vol. 18. No. 3.
30. Shelton A.J., Łukasz P., Wojciechowski J., Warner J. Ambient marketing practices in the United States: A professional view // *Communication Today*. 2016. Vol. 7. No. 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-797-811

EDN: AFGBJI

Ambient media in the formation of the social-cultural space image of the city*

E.A. Golubkova¹, E.V. Grunt¹, S. Atlagic²

¹Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Mira St., 19, Yekaterinburg, 620000, Russia

²University of Belgrade,
Jove Ilića St., 11000 Belgrade, Republic of Serbia

(e-mail: e.a.golubkova@urfu.ru; helengrunt2002@yandex.ru; sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs)

Abstract. The article presents a comparative analysis of the perception of ambient media in the social-cultural space of Yekaterinburg (Russia) and Newcastle (United Kingdom), based on the constructive scenario for overcoming the alienation of urban space and adapting to dynamic changes. The authors suggest a definition of ambient media, which includes the following elements: a special form of non-standard advertising communications; precise contextual correspondence of the advertising message to the environment; inclusion in the environment (a new form of the social-cultural space organization); modeling of urban space by filling it with new meanings. The study combined quantitative (online survey of Yekaterinburg residents) and qualitative (focus groups with “active” Yekaterinburg residents, interviews with a professional group — representatives of the advertising market — interviews with Newcastle residents) approaches. The

*© E.A. Golubkova, E.V. Grunt, S. Atlagic, 2025

The article was submitted on 01.03.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

assessment of ambient media by professional and non-professional groups of city residents showed the relevance and viability of this form of advertising together with its communicative, social-cultural and psychological advantages. For Newcastle residents, the most important are functional and communicative aspects of ambient media and the advertiser's concern for the consumer, while for Yekaterinburg residents — the aesthetic factor (changing the city appearance, integration of interesting advertising into city architecture). The study reveals a projective model of the social-cultural space image of Yekaterinburg, created with the help of ambient media: creativity, novelty, concern for city residents, attractiveness for tourists, pride of local residents for their city. The authors admit that the perception of ambient media may be different in small and medium-sized cities, so they note the need to continue research and expand its subject field.

Key words: sociocultural phenomenon; urban space; new media; advertising communication; ambient media; perception by city residents; residents of megacities

For citation: Golubkova E.A., Grunt E.V., S. Atlagic. Ambient media in the formation of the social-cultural space image of the city. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 797–811. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-797-811>

References

1. Golubkova E.A. Nestandartnye kommunikatsii v otsenke professionalnogo reklamnogo soobshchestva Ekaterinburga [Non-standard communications in the assessments of the professional advertising community of Yekaterinburg]. *Izvestiya Uralskogo Federalnogo Universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye Nauki*. 2019; 14 (4). (In Russ.).
2. Jacobs J. *Smert i zhizn bolshih amerikanskikh gorodov* [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow; 2011. (In Russ.).
3. Zhigunina L.V., Lebedev A.B. Fenomen sovershennoletiya v situatsii “postideologii”: chto nam pokazhet reklama? [The phenomenon of coming of age in a “post-ideology” situation: What will advertising show?]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*. 2013; 1. (In Russ.).
4. Ignatyev V.M., Sereda M.V. Klassifikatsiya reklamy v sovremennom marketinge [Classification of advertising in contemporary marketing]. *Upravlenie Sotsialno-Ekonomicheskimi Sistemami: Teoriya, Metodologiya, Praktika*. 2017; 5. (In Russ.).
5. Kirilenko N.P., Prangishvili I.G. Ambient media kak novaya forma reklamy [Ambient media is a new form of advertising]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, Zhurnalistika*. 2014; 20 (2). (In Russ.).
6. Levinson J.C. *Partizansky marketing. Prostye sposoby polucheniya bolshih pribylej pri malykh zatratakh* [Guerrilla Marketing: Easy and Inexpensive Strategies for Making Big Profits]. Saint Petersburg; 2015. (In Russ.).
7. Luhmann N. *Realnost mass-media* [The Reality of the Mass Media]. Moscow; 2005. (In Russ.).
8. McLuhan M. *Ponimanie Media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow; 2007. (In Russ.).
9. Nazarchuk A. *Uchenie Niklasa Luhmanna o kommunikatsii* [Niklas Luhmann's Theory of Communication]. Moscow; 2012. (In Russ.).
10. Prangishvili I.G. Ambient media kak novy vid SMI: k voprosu ob istorii [Ambient media as a new type of mass media: History of the phenomenon]. *Molodoj Ucheny*. 2014; 1. (In Russ.).
11. Prangishvili I.G. Ambient media kak novy vid reklamy [Ambient media as a new type of advertising]. *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*. 2014; 6 (1). (In Russ.).
12. Sartre J.P. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow; 1989. (In Russ.).
13. Syrtsova I. Reklamny fengshui, ili okruzhayushchaya sreda kak reklamonositel [Advertising Feng Shui, or environment as an advertising medium]. *Praktika Reklamy*. 2015; 12. (In Russ.).

14. Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of Modern Society]. Moscow; 2005. (In Russ.).
15. Blackman S., Matlo C., Bobrovitskiy Ch. et al. Ambient assisted living technologies for aging well: A scoping review. *Journal of Intelligent Systems*. 2015; 1.
16. Dahlen M., Modig E., Rosengren S. The value of ambient communication from a consumer perspective. *Journal of Marketing Communications*. 2015; 21 (1).
17. Dalcher D. Time to rethink the social element of projects: Building on ambient awareness and social media. *PM World Journal*. 2015; 5 (5).
18. Gambetti R.C. Ambient communication: How to engage consumers in Urban Points. *California Management Review*. 2010; 52 (3).
19. Hutter K., Hoffmann S. Guerrilla marketing: The nature of the concept and propositions for further research. *Asian Journal of Marketing*. 2011; 5 (2).
20. Hutter K., Hoffmann S. Surprise, surprise. Ambient media as promotion tool for retailers. *Journal of Retailing*. 2014; 90 (1).
21. Levordashka A., Utz S. Ambient awareness: From random noise to digital closeness in online social networks. *Computers in Human Behavior*. 2016; 60 (3).
22. Lugmayr A., Serral E., Scherp A. et al. Ambient media today and tomorrow. *Multimedia Tools and Applications*. 2016; 71 (1).
23. Luxton S., Drummond L. What is this thing called ambient advertising? *Australian and New Zealand Marketing Academy Conference "Visionary Marketing for the 21st Century: Facing the Challenge"*. Gold Coast; 2011.
24. McCulloch M. *Ambient Commons: Attention in the Age of Embodied Information*. The MIT Press; 2015.
25. Roquet P. *Emotion, Space and Society. Ambient Media: Japanese Atmospheres of the Self*. Minneapolis; 2016.
26. Rosengren S., Modig E., Dahlen M. The value of ambient communication from a consumer perspective. *Journal of Marketing Communications*. 2015; 21 (1).
27. Ryan-Segger T. How ambient media has grown up. *B&T Weekly*. 2007; 57 (2603).
28. Schäfer F. Ambient media: Japanese atmospheres of self by Paul Roquet. *Journal of Japanese Studies Society*. 2018; 44 (1).
29. Shankar A., Horton B. Ambient media: Advertising's new media opportunity. *International Journal of Advertising*. 1999; 18 (3).
30. Shelton A.J., Łukasz P., Wojciechowski J., Warner J. Ambient marketing practices in the United States: A professional view. *Communication Today*. 2016; 7 (1).

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-812-822

EDN: AEITWM

Educational migration as a new direction of labor migration from Central Asia: A theoretical analysis*

A.Kh. Rakhmonov

Mahidol University,

Phuthamonthon 4 Road, 999, Phuthamonthon, Salaya, Nakhon Pathom 73170, Thailand

Institute for Demographic Research of FCTAS RAS,

Fotieva St., 6–1, Moscow, Russia, 119333

(e-mail: abubak.93@mail.ru)

Abstract. Educational migration has become a significant form of labor migration in Central Asia due to a growing number of students seeking higher education abroad and subsequently joining foreign labor markets. The article examines the interconnection between educational and labor migration, highlighting economic, social and institutional factors that make students remain in host countries after graduation. The study focuses on such theoretical frameworks as human capital theory, social mobility and brain drain vs brain circulation, providing a comprehensive analysis of how educational migration influences workforce mobility and national development. The author's findings show that economic incentives, declining quality of higher education in Central Asia and favorable migration policies in destination countries contribute to the transformation of educational migration into long-term labor migration. Host countries of Central Asian students facilitate this transition by work permit programs and job market strategies, making foreign education a direct pathway to permanent employment. However, such challenges as work restrictions, labor discrimination and labor market saturation remain barriers to labor migration. The article also discusses implications of educational migration for both sending and receiving countries. While destination countries benefit from the skilled labor, Central Asian nations face brain drain, losing highly educated professionals that choose foreign labor markets. To mitigate these effects, the corresponding policies should include investment in national education reforms, incentives for return migration, and international cooperation for the degree recognition.

Key words: educational migration; labor migration; Central Asia; brain drain; social mobility; human capital theory; international students; higher education

For citation: Rakhmonov A.Kh. Educational migration as a new direction of labor migration from Central Asia: A theoretical analysis. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 812–822. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-812-822>

*© A.Kh. Rakhmonov, 2025

The article was submitted on 07.03.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

Educational migration has become a significant trend in Central Asia — thousands of students move abroad to get higher education. While traditionally viewed as a temporary phase in academic journey, educational migration is increasingly recognized as a pathway to the long-term labor migration. Many students leave their home countries for education and do not return after graduation, joining labor markets of host nations. This trend raises important social-economic and policy questions about brain drain, labor mobility and their long-term implications for both sending and receiving countries.

The phenomenon of educational migration as a form of labor migration is determined by multiple factors, including economic conditions, quality of higher education and government policies in both home and host countries. Limited career opportunities, low wages and outdated curricula in Central Asian nations push students to study abroad, often with the intention of remaining in host countries after graduation. In contrast, receiving countries (Russia, EU and China) encourage student retention by favorable visa policies, work permits and integration programs. Consequently, educational migration has become a strategic decision for many young professionals seeking economic stability and career opportunities.

The article explores the evolving nature of educational migration from Central Asia, analyzing its role in shaping the labor migration patterns; examines such theoretical perspectives as social mobility, human capital and brain drain vs brain circulation debates. By assessing motivation, opportunities and challenges of migrating students, the study shows how educational migration contributes to labor migration trends. Furthermore, it discusses potential policy solutions to address the corresponding negative consequences for both sending and receiving countries. The study is based on the qualitative methodology to analyze educational migration as a form of labor migration from Central Asian countries. The research methods include: a comprehensive analysis of scholarly works, theories and empirical studies on educational migration, which includes contributions of key researchers and helps to contextualize educational migration within broader migration theories such as human capital, social mobility and brain drain vs brain circulation debates; a comparative analysis of migration trends and policies in sending (Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan) and receiving (Russia, China, Western Europe) countries to show how host nations facilitate or hinder the transition from the student status to employment; a multiple theoretical framework (human capital theory, social capital theory, mobility transition models, etc.) to explain why students migrate for education and how this leads to long-term labor migration (factors of educational migration and observed trends); cases from the literature, such as Central Asian student experiences in Russia, China and EU countries, and reviews of relevant policy documents to show how specific host-country policies (e.g., work permit programs, post-graduation visas) and home-country contexts influence the education-to-labor migration pathway. This multi-method approach ensures a comprehensive understanding of educational migration, combining theoretical perspectives with empirical data and policy analysis.

Theoretical definition of educational migration

Educational migration has become a critical social phenomenon in the era of globalization and higher education reforms: many scholars have explored its causes, implications and theoretical foundations, offering diverse perspectives of its role in shaping demographic and social-economic structures. Thus, educational migration is considered a territorial-social mobility process driven by the necessity of acquiring quality education and better professional opportunities [3. P. 230]. Unlike economic or political migration, educational migration is primarily motivated by the pursuit of knowledge and skills. While academic works tend to focus on challenges associated with educational migration, its fundamental cause is the growing demand for education in the knowledge economy, i.e., individuals migrate for education to enhance career prospects and improve social-economic standing.

P.A. Sorokin's theory of social mobility is particularly relevant to explain educational migration [29]: migration, including that for education, serves as a key mechanism for upward social mobility. The ability to access higher education in more developed regions or countries provides individuals with greater opportunities for career, thereby enabling social-economic mobility. This perspective was expanded by incorporating educational migration into the broader category of territorial mobility, since globalization and the competitive nature of education systems have intensified student movement across borders [4. P. 63; 34]. These perspectives underestimate the fact that educational migration is not just about acquiring knowledge but also about securing better life prospects.

The Human Capital Theory, pioneered by G. Becker and expanded by J. Mincer and T. Schultz, focuses on an economic rationale for educational migration [8; 15; 26]: education is an investment that enhances individual productivity and earning potential. Thus, migration for education is a rational decision aimed at improving one's economic and professional prospects, which is why migration for education should be viewed as a long-term investment in human capital [28. P. 1622]. This theory suggests that individuals who pursue education abroad often have higher employment opportunities and income levels, which proves that educational migration is a strategic move for long-term success. This perspective is widely accepted as it explains migration decisions in economic terms, highlighting the role of education in improving financial and social status.

P. Bourdieu and J.S. Coleman introduced the concept of social capital as playing a significant role in educational migration decisions [9; 10]. Social capital refers to the resources gained through social networks, and in the context of educational migration it influences how students choose study destinations. Factors such as alumni networks, institutional affiliations and family recommendations often guide students in their migration decisions in addition to institutional factors, such as university rankings, scholarships and international partnerships, which facilitate student mobility [3. P. 231]. This approach highlights that educational migration

is not merely an individual choice but is deeply embedded in social and institutional networks that shape opportunities for students.

Educational emigration from low developed countries can be considered part of labor emigration, since educational migration from these regions eventually transforms into labor migration [19]. This perspective suggests that students who migrate for education often seek employment in host countries instead of returning home, thereby contributing to brain drain in countries of origin. This approach highlights the economic dimension of educational migration and its potential long-term effects for labor markets and national economies. Moreover, there are different forms of educational migration: social interaction migration involves cultural and social integration alongside education, fostering international cooperation; soft power migration highlights that education serves as a diplomatic tool for building international relations; scientific and educational migration implies an exchange of knowledge and expertise. This classification broadens the understanding of educational migration, stressing its cultural, political and intellectual dimensions [24. P. 5].

The analysis of different scholarly perspectives shows that educational migration is a multifaceted phenomenon influenced by various social, economic and institutional factors and affecting territorial and social mobility, economic aspects of human and social capital, labor migration and brain drain, geopolitical and academic situation. Educational migration is not a single process but an interplay of multiple factors that shape individual decisions and national policies. While it offers numerous benefits (knowledge transfer and global workforce development), concerns about brain drain and social-economic inequalities persist, which explains the need for a more comprehensive approach to challenges and opportunities associated with educational migration in the contemporary world.

Educational emigration as a path to labor migration

Migration for educational purposes has evolved into a structured pathway for labor migration, which makes scholars examine the relationship between international student mobility and employment in host countries, focusing on its opportunities and challenges. While some authors emphasize the role of host country policies in facilitating labor market integration, others stress obstacles that hinder a seamless transition from the student status to professional employment.

E.M. Girsberger argues that host country policies significantly affect the transition from education to employment for international students [11]: migration policies, such as scholarships, work permits and post-study visas, play a crucial role in educational migrants' situation on the labor market. Thus, students who study abroad are more likely to remain in host countries (skilled labor force). This perspective underscores the structural role of educational migration in shaping global talent distribution and workforce development. R. Banerjee and A. Verma support this idea, emphasizing that many new immigrants in Canada get education

to obtain credentials for employability [7]: the link between education and labor migration is not only strong but also essential for immigrants seeking stable careers in host countries. Likewise, education-related migration often leads to long-term labor migration, since economic incentives and job availability encourage international graduates to stay [5. P. 40].

A more region-specific analysis of Central Asian students' motivations for studying abroad [20. P. 63] shows that students from Tajikistan view foreign education as a strategic step towards securing stable employment in more favorable labor markets. Educational migration is not merely about knowledge but a rational decision for a long-term career. For instance, students from Kyrgyzstan and Uzbekistan choose study destinations based on employment prospects [31. P. 74]; Russia seems a key destination for them, since the state facilitates the transition from the student status to full-time employment. The alignment of educational migration with labor market demands, particularly in Russia, seems a significant driver of long-term migration trends, and the empirical data strengthens this argument: over 60% of Central Asian students in Russia stay after graduation for employment [12. P. 85]. This statistical evidence supports the idea that educational migration acts as a major contributor to labor migration; moreover, many Central Asian students perceive the Russian labor market as more favorable than the return to home countries, which proves that educational migration serves as a gateway to long-term labor market integration.

However, not all scholars share this optimistic view: according to a more critical perspective, the transition from education to employment is not always straightforward [32. P. 94] due to various barriers (complex work permit procedures, employer discrimination and job market saturation). Thus, while studying abroad offers opportunities, foreign graduates face significant challenges securing stable employment and residency, which highlights the limitations of educational migration as a direct pathway to labor migration. Moreover, scholarly opinions on the link between educational and labor migration vary significantly: some researchers stress economic advantages and structural support that encourage international students to remain in host countries, while others — obstacles that complicate this transition. The extent to which educational migration leads to labor migration largely depends on host country policies, labor market conditions and legal frameworks.

Key drivers of educational emigration as connected to labor migration

Educational emigration is a multifaceted phenomenon influenced by economic, academic, social-political and policy-driven factors. Scholars have explored motivation of student migration and its connection to labor migration, offering diverse perspectives on the underlying causes and implications. Many scholars emphasize economic factors as the primary drivers of educational migration: students often consider educational programs as a means to secure employment

and long-term settlement (student visas as pathways to work authorization and permanent residency) [22. P. 1225]; students from Somaliland and Puntland pursue foreign education due to the limited recognition of local degrees, which hinders their employment prospects [25]. A stronger economic perspective emphasizes that the lack of high-paying jobs in Central Asia pushes students toward international education in pursuit of stable employment [20. P. 65; 14. P. 59], which aligns with global migration trends (financial stability remains a dominant factor in student mobility). Countries like Russia and China strategically attract Central Asian students with affordable education and good employment opportunities [33. P. 85]. However, these approaches underscore the economic rationale behind educational migration, reinforcing that financial incentives are often the primary motivation.

In addition to economic reasons, the quality of higher education is a critical push factor: students view foreign education as a steppingstone to enhanced career prospects due to the superior quality of institutions and research abroad [6] and the systemic problems in the national higher education (corruption, outdated curricula, inadequate research facilities) [16. P. 142; 13. P. 77]. Thus, students seek not only better salaries but also a high-quality education that increases their competitiveness in the job market. Foreign universities' graduates get benefits both domestically and internationally but are more likely to remain abroad after completing studies [20. P. 66]. There is a strong link between educational migration and long-term labor migration, since students often choose to stay in host countries in which their qualifications are better recognized and valued.

While economic and educational factors dominate the discussion, some scholars focus on political and social aspects of migration: political instability, restrictions on freedoms and limited career opportunities in Kyrgyzstan and Tajikistan motivate students to study abroad, which often leads to permanent emigration [1. P. 60]; students from authoritarian states prefer democratic societies due to greater academic freedom and professional mobility [23. P. 95]. The social-political dimension of educational migration suggests that governance and civil liberties significantly affect student decisions. The idea that political instability can drive educational migration aligns with broader migration patterns: individuals from restrictive or unstable regimes seek opportunities in more stable and democratic environments.

Another crucial aspect of student mobility is the proactive role of host countries: for instance, Russia's state-sponsored programs attract Central Asian students with scholarships and streamlined work permit policies, ensuring that many remain after graduation [33. P. 88], i.e., receiving countries' policies influence student decisions and facilitate the transition from educational to labor migration. Thus, educational migration is not driven only by push factors in home countries but also by pull factors in by host nations. By implementing policies that encourage students to remain after graduation, destination countries strengthen the link between educational emigration and labor migration.

Educational emigration is a complex process driven by multiple factors. While economic incentives remain a primary motivator as students seek higher-paying jobs and financial stability, concerns about educational quality, political instability and governance also affect migration decisions. In addition, policies of host countries shape migration trends by facilitating the transition from student status to long-term residency and employment. In general, educational migration is deeply intertwined with labor migration. As students seek better opportunities abroad, they join the workforce of host countries, reinforcing the broader trend of migration as a pathway to improved economic and professional prospects. This interplay between education and labor migration reveals the need for policymakers to consider both push and pull factors when addressing global migration trends.

Brain drain or brain circulation

Educational migration has led to debates about its effects in source countries. Some scholars argue that the outflow of skilled professionals depletes the national workforce and hinders economic development, while others believe that the effectively managed migration can foster knowledge exchange and innovation. The pessimistic view emphasizes that the migration of talented youth weakens home countries by reducing their human capital and innovation potential [17. P. 62; 27. P. 101], which aligns with the traditional notion of brain drain — the outflow of skilled professionals exacerbates shortages in such critical sectors as healthcare, engineering and technology. Authors argue that without adequate policies to encourage return migration source countries will continue to struggle with economic stagnation and weakened institutional capacities. This viewpoint is particularly valid for developing economies that fail to provide competitive wages, career growth opportunities or research funding, which makes skilled workers seek better prospects abroad. However, this argument assumes mainly a one-way loss, overlooking potential benefits such as remittances, knowledge transfer and expatriate engagement with home economies.

A more optimistic stance asserts that educational migration can contribute to brain circulation rather than brain drain if managed effectively [21. P. 38]: returning graduates can “inject” advanced skills, innovation and global networks into home economies, provided active government intervention, including job placement programs, research funding and economic incentives to encourage repatriation. Thus, migration does not have to be a permanent loss — with the right policies source countries can stimulate their educated diaspora to enhance national development. This argument hinges on the ability of domestic labor markets to absorb and reward highly skilled workers; otherwise, return migration will remain limited despite incentives.

The third perspective shifts the focus from return migration to diaspora engagement: rather than calling professionals to return, Central Asian governments should harness digital connectivity and remote work opportunities

to integrate their expatriates into national development efforts [2; 10]. This model acknowledges the global workforce realities — emigrants can contribute through remote collaborations, mentorship programs and investment initiatives without physical relocation — and is particularly relevant in the digital age. However, while this approach provides an alternative to return migration, it may not fully compensate for the lack of professionals in critical sectors requiring physical presence (medicine or engineering).

The above-mentioned perspectives highlight different dimensions of educational migration: the pessimistic one underscores the challenges of brain drain for developing economies, particularly when structural weaknesses drive skilled individuals away; the conditional optimism suggests that with proper government intervention migration can be converted into brain circulation; the pragmatic approach recognizes that diaspora engagement can be alternative strategy for leveraging the expertise of expatriates. Ultimately, the impact of educational migration depends on how home countries respond to its challenges and opportunities. While brain drain can be detrimental in the absence of supportive policies, strategic initiatives (return incentives and diaspora engagement) can transform migration into an asset. Therefore, a nuanced approach that combines elements of all three perspectives — addressing structural weaknesses, driving return migration and fostering digital engagement — may offer the most effective solution.

Policy recommendations

Higher education in Central Asia faces multiple systemic challenges, including outdated curricula, insufficient infrastructure and corruption, which have led to significant brain drain due to many students getting education abroad and choosing not to return. Scholars make various recommendations to improve national education systems and encourage the return of educated professionals [13. P. 78; 18. P. 95; 30. P. 115], primarily focusing on reforms, return migration incentives and international cooperation for degree recognition.

Investment and reforms in higher education, including for infrastructure and curriculum modernization and anti-corruption measures [13. P. 78]. The improved quality of local universities would enhance their appeal, reducing the necessity to seek education abroad, since well-developed institutions can retain talent and increase research productivity. However, implementation of such sound recommendations depends on the political will of Central Asian governments to allocate resources effectively and enforce anti-corruption policies.

Incentives for return migration include financial measures, research grants and job opportunities to attract students back to home countries [18. P. 101; 30. P. 78]. Many authors assume that economic and professional benefits are key motivators for return migration. While financial support is undeniably important, other factors, such as political stability, career opportunities and

academic freedoms also influence migration decisions, since many students who study abroad might perceive their home countries as lacking these essential conditions, which makes financial incentives alone insufficient. Therefore, policy recommendations need to be combined with structural labor market reforms to be truly effective.

Agreements for degree recognition: non-recognition of foreign degrees seems to be a major barrier preventing students' return [30. P. 78], which is why governments should make international agreements to facilitate diploma validation, thus ensuring job opportunities for returning graduates. This recommendation is particularly pragmatic due to directly addressing the bureaucratic obstacle that discourages repatriation. However, such agreements require diplomatic negotiations and mutual recognition of educational standards, which makes such conditions challenging given the diversity of higher education systems and varying academic degrees. Moreover, some countries may refuse to recognize degrees of institutions they perceive as less rigorous.

Thus, infrastructure and curriculum reforms require significant government commitment and resources, while financial incentives for return migration can be supported by broader structural changes and international agreements for degree recognition depend on complex diplomatic negotiations. A holistic approach that combines these policy recommendations while addressing systemic problems (corruption, political instability, labor market inefficiencies) would be the most effective strategy to improve the higher education system in Central Asia and mitigate brain drain. The extent to which educational migration benefits or harms Central Asian nations depends on government policies, labor market structures and international cooperation. Addressing barriers to return migration and leveraging diaspora engagement are the keys to transforming educational migration into a sustainable developmental strategy rather than a permanent loss of talent.

References

1. Alimova N.K. Diversification of the higher education system in the light of the scientific communication problems. *Information and Innovations*. 2018; 13 (3). (In Russ.).
2. Delovarova L.F. Return migration in Central Asia: Main factors and potential for voluntary return and reintegration programs in the region. *Science. Culture. Society*. 2020; 1. (In Russ.).
3. Nikolenko A.N. Theoretical approaches to the study of educational migration. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy, Sociology and Social Technologies*. 2009; 1. (In Russ.).
4. Schensnovich V.N. Migration features of the Central Asian countries (analytical review). *Russia and the Muslim World*. 2023; 1. (In Russ.).
5. Ali S. "Go west young man": The culture of migration among Muslims in Hyderabad, India. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2007; 33 (1).
6. Bakewell O., Bonfiglio A. Moving beyond conflict: Re-framing mobility in the African Great Lakes region. *African Great Lakes Mobility Project*; 2013.
7. Banerjee R., Verma A. Determinants and effects of post-migration education among new immigrants in Canada. *Canadian Labor Market and Skills Researcher Network*; 2009.

8. Becker G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. New York; London; 1975.
9. Bourdieu P. *The Forms of Capital. Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York; 1986.
10. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital. *American Journal of Sociology*. 1988; 94.
11. Girsberger E.M. *Migration, Education and Work Opportunities. IZA Discussion Paper*. 2017. No. 11028.
12. Ismailov B. The transition from educational to labor migration in Russia: Trends among Central Asian students. *Migration Studies Journal*. 2021; 45 (2).
13. Koshanova S.R. On some aspects of educational migration from Kazakhstan to China. *Kazakhstan Spector*; 2016. (In Russ.).
14. Lobarev V., Kalykova A. Economic determinants of student migration from Central Asia. *Central Asian Economic Review*. 2020; 12 (3).
15. Mincer J. *Schooling, Experience, and Earnings*. New York; 1974.
16. Nasimova G., Kaplan C., Smagulov K., Kartashov K. Reasons for and factors in educational migration from Kazakhstan. *Central Asia and the Caucasus*. 2020; 21 (3). (In Russ.).
17. Nurzhanov D. The impact of educational migration on brain drain in Central Asia. *Asian Migration Review*. 2021; 19 (4).
18. Pismennaya E. Higher education and migration trends in post-Soviet countries. *International Journal of Migration Studies*. 2008; 7 (2).
19. Rakhmonov A.Kh. Educational migration from Tajikistan to OECD countries: Scale and trends. *Challenges of the Contemporary World in the Framework of Social and Humanitarian Knowledge. In Search of an Alternative: Proceedings of the II All-Russian Scientific-Practical Conference*. Izhevsk; 2024. (In Russ.).
20. Rakhmonov A.Kh. Educational migration from Tajikistan to Russia: Trends and consequences. *Management*. 2022; 10 (3). (In Russ.).
21. Rakisheva Z., Poletaev D. Brain circulation as a development strategy for Central Asian nations. *Eurasian Migration Studies*. 2011; 14 (3).
22. Rutten M., Verstappen S. Middling migration: Contradictory mobility experiences of Indian youth in London. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2014; 40 (8).
23. Sadovskaya E. International student mobility and academic migration from Central Asia. *Higher Education and Globalization*. 2014; 22 (1).
24. Sagitova V.R. The phenomenon of educational migration. *Science. Society. Defense*. 2024; 12 (1). (In Russ.).
25. Samuel H.C. *Investing in Somali Youth: Exploring the Youth-Employment-Migration Nexus in Somaliland and Puntland*. IOM Somalia; 2015.
26. Schultz T.W. Investment in human capital. *American Economic Review*. 1961; 51 (1).
27. Shibutov M. The consequences of skilled migration in Kazakhstan and Uzbekistan. *Eurasian Migration Review*. 2020; 25 (2).
28. Sjaastad J. Sources of inspiration: The role of significant persons in young people's choice of science in higher education. *International Journal of Science Education*. 2011; 34 (10).
29. Sorokin P.A. *Social and Cultural Mobility*. New York; 1959.
30. Toktogulova A. Recognition of foreign degrees and return migration policies. *Journal of Higher Education Policy*. 2017; 30 (4).
31. Toleuov Zh.S. Post-graduation employment of Central Asian students in Russia. *Migration & Employment Studies*. 2021; 39 (3).
32. Vassilenko L. Barriers to labor market integration for international graduates. *Comparative Migration Review*. 2019; 15 (1).
33. Yuldashev K. State policies on student migration: The case of Russia and China. *Asian Migration Policy Review*. 2021; 18 (2).
34. Zelinsky W. The hypothesis of the mobility transition. *Geographical Review*. 1971; 61 (2).

Образовательная миграция как новое направление трудовой миграции из стран Центральной Азии: теоретический анализ*

А.Х. Рахмонов

Университет Махидол,
Пхутхамамотхон 4, 999, Пхутхамамотхон, Салая, 73170 Накхон Патхом, Таиланд

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия

(e-mail: abubak.93@mail.ru)

Аннотация. Образовательная миграция стала важной формой трудовой миграции в странах Центральной Азии, поскольку растет число студентов, стремящихся получить высшее образование за рубежом и впоследствии стать частью зарубежных рынков труда. В статье рассмотрена взаимосвязь между образовательной и трудовой миграцией, выделены экономические, социальные и институциональные факторы, которые заставляют студентов оставаться в принимающих странах после окончания учебы. Исследование основано на таких концептуальных моделях, как теория человеческого капитала, социальная мобильность и «утечка мозгов» в сопоставлении с «циркуляцией мозгов», что позволило автору показать, как образовательная миграция влияет на мобильность рабочей силы и национальное развитие. Результаты проведенной автором работы свидетельствуют о том, что экономические стимулы и снижение качества высшего образования в Центральной Азии на фоне благоприятной миграционной политики в странах, принимающих иностранных студентов, способствуют превращению образовательной миграции в долгосрочную трудовую миграцию. Страны, принимающие студентов из Центральной Азии, активно содействуют этой трансформации с помощью программ предоставления разрешений на работу и стратегий интеграции иностранных специалистов на рынок труда, что превращает получение высшего образования за рубежом в прямой путь к постоянному трудоустройству. Однако такие проблемы, как ограничения на выдачу разрешений на работу, дискриминация со стороны работодателей и перенасыщенность рынка труда, все еще препятствуют такой трудовой миграции. В статье показаны и противоречивые последствия образовательной миграции для отправляющих и принимающих стран. Например, страны назначения получают выгоду от приобретения квалифицированной рабочей силы, тогда как отправляющие студенты страны Центральной Азии сталкиваются с проблемой утечки мозгов, теряя высокообразованных специалистов на зарубежных рынках труда. Чтобы смягчить негативные последствия образовательной миграции, государство должно наращивать инвестиции в отечественную систему высшего образования, стимулировать обратную миграцию и развивать международное сотрудничество в целях взаимного признания дипломов и ученых степеней.

Ключевые слова: образовательная миграция; трудовая миграция; Центральная Азия; утечка мозгов; социальная мобильность; теория человеческого капитала; иностранные студенты; высшее образование

Для цитирования: *Рахмонов А.Х.* Образовательная миграция как новое направление трудовой миграции из стран Центральной Азии: теоретический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 812–822. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-812-822>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-823-834

EDN: ACZPJ

Salient topics in the local news of the digital media and societal security: A cross-national comparative study*

A.S. Sumskaia¹, G. Simons², A. Kumar Biswas²

¹Ural Federal University,
Lenina St., 51, Yekaterinburg, 620000, Russia

²Daffodil International University,
Daffodil Smart City, Birulia, Savar, Dhaka–1216, Dhaka, Bangladesh

(e-mail: anna.sumskaia@urfu.ru; gregmons@yahoo.com; ananda.ku.mds18@gmail.com)

Abstract. The paper presents a cross-national comparative study of the content of the media agenda in Russia, Tajikistan, Latvia, Sweden, and Bangladesh. The media agenda is reconstructed through journalistic materials as components of the national digital media systems. Based on social-cultural and semantic approaches, concepts of salience and diversity, the authors examined the national media content that was released simultaneously and reproduced the local (national) agenda. The study identified significant themes, nominal and thematic diversity across countries. At the empirical stage of the study, the corpus manager Sketch Engine was used to apply the corpus linguistics techniques. The empirical base consisted of more than 300,000 words. Lexical-statistical, contextual, and thematic analyses allowed the authors to group the “strongest” key words and phrases into lexical-semantic groups, identify the most important thematic areas and specific topics and analyze the nominal and thematic inter-country diversity in terms of societal security. The distinctive topics seen in the media reproduce issues that are unique to each country and associated with its history, culture, and social-political situation. These topics preserve the structural stability of journalism and demonstrate the cultural diversity of discourse: the countries of the European Union (Latvia and Sweden) were in the summer holidays, Bangladesh was going through a revolution, Russia was engaged in the SMO and Tajikistan was facing the perennial economic development issues. Thus, national culture and identity were colored by national political priorities in news production.

Key words: national media space; news agenda; comparative analysis; social-cultural and semantic approaches; thematic diversity; distinctive topics; societal security

For citation: Sumskaia A.S., Simons G., Kumar Biswas A. Salient topics in the local news of the digital media and societal security: A cross-national comparative study. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 823–834. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-823-834>

*© A.S. Sumskaia, G. Simons, A. Kumar Biswas, 2025

The article was submitted on 28.03.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

Under “homogenization” of the national media systems caused by digitalization and globalization, we decided to study news flows that reproduce national issues for local audiences by identifying the most significant topics in the media agenda of different countries, their nominal and thematic diversity. On the one hand, the scientific discourse has long considered the media agenda, revealing obvious differences in agendas of various national media systems. On the other hand, there is not enough research of intra- and inter-country agendas [1. P. 173], especially agenda studies that consider local realities and traditions [2. P. 20]. The importance of such studies is determined by digital transformation of media systems, which changes the understanding of society and its communicative capabilities, and by the need to analyse trends that unite or divide media systems of countries (despite or due to their historical or territorial proximity) in the given national-journalistic context. Therefore, such studies can contribute to understanding traditional values of local cultures under globalization, which is now determined not so much by Westernized ideological-political factors as by communicative technologies.

We conducted a comparative analysis of news in the national media intended for local audiences in five countries — Russia, Latvia, Tajikistan (the post-Soviet space), Sweden (representative of the European Union), and Bangladesh (South Asia), i.e., geographically, the East and the West, Europe and Asia, following the idea of the Eastern-Western cultural diversity. The traditions of the Western civilization are important to Latvia and Sweden, the traditions of the Eastern civilization — to Tajikistan and Bangladesh, while Russia can be described as a distinct Eurasian state-civilization. Although three out of five countries are post-Soviet nations with the shared history, under digitalization and technological unification the post-Soviet media systems have minimized previous similar semantic vectors and even more so the current unifying ones [3. P. 622].

At the start of the study, we had two hypotheses: first, journalistic materials continue to represent each country’s unique issues connected with its history, culture and social-political situation, which means that national media systems maintain the systemic stability of journalism even under the influence of global trends; second, despite different geographical, social-political, historical and cultural factors, media agendas, even those intended for local audiences, may have similarities in different countries in terms of nominal and thematic diversity.

The theoretical basis of the study consisted of three conceptual blocks: first, the agenda-setting theory [4] and the ideas of diversity and salience that underlie it. The agenda-setting theory explains how the media audience’s “information menu” is formed, how the media constructs media reality [5] and social reality, and how the media logic of the digital age determines social-cultural effects. The concept of salience allows to identify the most important issues and events reflected in the national media systems (the classical agenda of the first level), while the concept of salient topics (media salience) — to evaluate thematic media content as a multidimensional construct based on three-level indicators. The first two

indicators provide an external characteristic of content (attention as measured by the quantity of information on the topic on the agenda [6] and prominence as a leading topic highlighted by the editorial board) and an internal one (valence — its positive, negative or neutral tonality). According to Thompson, the author of the social theory of media, believes that today we live in the era of high media visibility [7. P. 49] and fight for external visibility — a strong and extensive presence in the media; we either achieve or fail to get public recognition in the open digital media space. Visibility of coverage as a feature of thematic content and an external indicator of its salience is of paramount importance [8], while valence has conditional significance for determining the topic's salience (alternative indicators of topic salience can be used when analysing content — mental images, frames, and other semantic categories of national importance). The concept of media diversity allows to identify the “representation” [9] of content in the media agenda through its quantitative (a nominal characteristic — number of journalistic materials on the agenda) and qualitative (a thematic characteristic — the range of topics and events on the agenda) variability. Nominal diversity is determined by the number of categories from the suggested list, whereas the quantity of materials on particular topics make them rich and dense in terms of thematic diversity [10. P. 50]. “The specific weight of an information array on a certain topic reinforces the significance of information, ensures its recognizability for the audience (transforms the message into something “valuable for me”) [11. P. 10]. The increased (both quantitatively and qualitatively) coverage of specific issues establishes the media agenda priorities, pushes messages in the zone of dominant meaning and increases their value for the recipient.

The second important theoretical block focuses on how the media space represents national cultural traditions and values and reproduces the journalistic content of the national media systems, i.e., news is a form of culture that unconsciously or consciously incorporates universal and national values and beliefs [12; 13]. News makers (the journalistic community) function as a cultural transmitter, conveying meanings and symbols to society and create a networking of values that people live by and that form the foundation of their worldview. Thus, the media act as agents of national development, because they not only produce, process, distribute and store information with nationally specific characteristics but also affect patterns of behavioural, linguistic and mental self-organization. Cultural diversity can be preserved by shifting away from the globalized and universalist discourse and by strengthening cultural harmony based on local standards for analysing news and media systems that reproduce local values and issues [2. P. 14].

The third theoretical block emphasizes the unique role of language in preserving national identity (central/core and peripheral discourses in the agenda of the national media systems). With corpus linguistics methods (like keyword and collocations analysis) we can identify semantic fields in the media from a certain historical moment and highlight its central and peripheral components; separate lexical-semantic groups and reconstruct “media portraits” of reality based on such

groups [14]; identify significant topics in the agenda as determined by local cultural, historical, and social-political contexts.

The research methodology consisted of the previously developed lexical-statistical and contextual analysis in Sketch Engine [14] for identifying the most salient topics in the country-specific selections and of the thematic analysis for identifying the most salient topics of nominal and thematic intra- and inter-country media diversity (to find similarities in the media agenda of highly differing countries). The empirical base has the following features:

Arrays of media texts from the largest national media in Russia, Tajikistan, Latvia, Sweden, and Bangladesh for July 2024. Traditionally, the middle of summer is a period of vacations, decline in social-political activity, and broadcasting of specific seasonal themes repeated at different times of the year. The first condition for the research design was the similarity of sample media texts due to their national diversity (each country has its unique media system). Possible significant variations in the national media [15] and possible ambiguous results make it difficult to justify sampling for such comparative studies [16]. However, since we analyzed digital national media and reconstructed the media agenda in the same month, we consider the sample method relevant for a comparative analysis and for identifying the most salient topics in the national collections of media texts.

Materials about foreign events, including those of global significance (like the US Presidential Elections and the Olympics), were excluded from the sample due to the research focus on the media agenda for the local (national, intra-country) audience.

The number of texts published in different national media in July 2024 varied significantly, so the lexical-statistical analysis allowed to reduce it to comparable data. However, when identifying the nominal and thematic diversity of the most salient topics, we realized the need to make corpora of media texts with the same volume for a comparative cross-national analysis of media systems, and this method can be viewed as exploratory. Nevertheless, we believe that such artificial sameness and limited volume of texts provided objective findings about nominal diversity in the national media text samples.

After several attempts to follow the two criteria specified above (materials published in July 2024 and not related to foreign events), we concluded that a sample of approximately 60,000 words was optimal, which resulted in the total sample of over 300,000 words from all countries for the first and second stages of the comparative study. Thus, Russian media texts were selected from news articles in the *Izvestia*, a famous online media that carries on the traditions of the country's oldest social-political and business daily newspaper established in February 1917. This media was also chosen because it had been banned in the EU in May 2024 “for manipulating information and gross distortion of facts”. To reach the established 60,000 words, the following steps were taken: since from 60 to 100 materials (10 per tab) were published on each online page, and 2/3 of these were news, three to four texts on the Russian agenda were chosen from each consecutive page of the relevant materials.

The sample of media texts for Tajikistan was also formed in Russian, because Sketch Engine does not have a reference corpus of the Tajik language. The content of four medias was considered to reach 60,000 words, since no single major Tajik media published enough news on the national agenda in Russian: ASIA-Plus (an independent media group with a correspondent network in all regions of Tajikistan; content in Tajik, Russian and English), Avesta (a major independent media), Radio Ozodi (a regional office of “Radio Svoboda”) and Sputnik Tajikistan (regional representative of the media group Sputnik founded by the Russia Today). Certainly, the media owners and, consequently, editorial policies of four medias were diverse; however, the main research goal at this step was to form a comparable collection of texts.

The largest news portal LA.LV was chosen for the analysis of the Latvian media (the sample of texts was formed in Latvian), in Sweden it was the largest news portal SVT.SE (texts in Swedish), in Bangladesh — the largest digital newspaper The Daily Star (content is published in Bengali and English, the sample was formed in English for the same reason as in the Tajikistan case). Thus, an advantage of this research project is its ability to analyze media content of countries that have never been analyzed with Sketch Engine before, although the corpora formation faced unique issues and occasional interference that reduced the high quality of the collected data. The fact that the corpora for Sweden, Latvia and Russia were formed in their national languages is another advantage of the study.

All media text collections were analyzed with the Sketch Engine’s “keywords” and “keyword collocation” methods: a hundred of the most common keywords and collocations in each country’s text array were found with the automatic context analysis; they were divided into thematically related groups with additional (manual) contextual analysis. The “score” indicator was added to show the “strength” of vocabulary, i.e., to identify the most salient topics. This indicator demonstrates the topic’s “visibility” in the public space (the topic’s salience in the media agenda). “Score” compiles information about the lexeme’s typicality, priority and frequency in a given corpus compared to the reference corpus of Sketch Engine. Table 1 displays the top 50 “strongest” keywords in the texts under analysis. Then the list of the most salient topics was identified.

Thus, in the Russian local news the most salient topic is “SMO” and, more broadly, “Russian Armed Forces’ military operations”; the second most significant category is “state, power, and social order” as associated with the names of state leaders and those in power and with the activities of government entities and law enforcement agencies both on the frontlines and at home (e.g., the main naval parade), informing about the strengthening of new Russian territories and the full control over the country’s daily life. The third most significant category is “incidents and legal issues”, since people are constantly concerned about their safety, and incidents associated with crimes and terror attacks stand on a par with military reports in the conditions of military operations (news about incidents involving fatalities).

Table 1

The “strongest” key words in the national text samples

	Russia			Tajikistan			Latvia			Sweden			Bangladesh		
	Key word	Score		Key word	Score		Key word	Score		Key word	Score		Key word	Score	
1	2	3		4	5		6	7		8	9		10	11	
1	telegram-канал	751.65	сомони		1812.631	Citskovskis		495.67	prestalesperson		317.99	Chhatra		943.2	
2	ВСУ	530.95	Таджикистана		1581.396	TV24		425.88	Northvolt		312.89	Dhaka		921.39	
3	Путин	457.23	Эмомали		1297.258	Tet		307.67	Floderus		235.18	quota		842.07	
4	Гладков	197.4	Душанбе		1068.941	drege		146.19	skjutning		221.29	Chattogram		640.77	
5	спецоперации	178.16	Рахмон		875.582	ju		141.53	TBE		213.16	BCL		591.16	
6	СВО	159.04	Согдийской		795.541	Klailis		137.39	veteranbil		190.32	Tk		521.73	
7	Мишустин	154.16	Хатлонской		774.774	VDD		128.43	Anhöriga		150.3	Guader		509.6	
8	БПЛА	146.99	таджикский		388.512	Covid-19		110.44	skottlossning		147.34	Razakar		425.8	
9	тыс	146.75	Усмонзода		316.135	Kijiva		108.63	Dalsjön		146.43	upazila		424.32	
10	уточняется	136.93	Маджлиси		298.73	Kreile		105.51	parkslide		145.88	Awami		412.11	
11	беспилотника	135.99	сель		293.19	eviks		105.32	skyddsobjekt		140.53	Shahbagh		408.41	
12	дронов	111.93	ҚЧС		291.125	Trons		101.57	morduppdrag		133.3	Hasina		405.53	
13	Развожаев	106.35	Худжанда		258.638	Premjere		100.69	polisregion		130.15	Obaidul		371.32	
14	обстрел	106.19	Азия-плюс		225.118	Čakša		98.744	anhållen		129.81	Hossain		367.5	
15	ОЗХО	105.37	Цзиньпина		220.399	darbnespēja		97.829	jaktkort		129.42	Nahid		367.23	
16	РСЗО	98.7	Муминзода		215.617	soctikla		96.178	vapenbrott		126.35	enforcer		349.42	
17	КХЛ	97.396	чайхана		207.649	Evika		94.464	hemförlösning		121.71	BNP		339.65	
18	Himars	96.744	Хакимов		188.11	Tavars		86.267	Torpshammar		120.18	Yunus		328.15	
19	ИИХФ	91.959	Нурали		166.461	Mmom		83.083	Momqvist		119.63	NBR		296.17	
20	беспилотниками	86.691	Рохат		164.286	SEPLP		83.083	matbibel		118.14	Rangpur		286.68	
21	Шебекино	86.485	намондагон		162.787	arborists		78.967	Ulriksfors		116.46	Alam		260.73	
22	Минобороны	84.974	Шокирджон		152.44	Kronbergs		78.246	badgäst		113.85	DMCH		253.26	
23	пески	83.279	Мирзозода		152.156	ligumreiss		77.872	anstalt		113.21	Dhanmondi		250.99	
24	Дроновка	81.954	Расулзода		152.142	loto		76.178	rättspsykiatriisk		111.34	Uddin		249.56	

Ending of the Table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
25	Кунафин	80.59	Зарафшан	152.048	Rajevs	75.4	skåpbil	110.15	Kurigram	242.3
26	уточнялось	80.304	Горно- Бадахшанской	147.865	Mazepins	75.296	Klarin	108.06	HC	239.86
27	артезиан	79.993	Айни	142.846	Siliņa	74.053	Fahlström	106.26	Nazmul	237.32
28	автокредитов	79.488	Ашурзода	139.87	avioreiss	73.318	frontalkrock	105.96	Rahman	230.46
29	позывной	73.889	Шамсиддин	139.337	Ribņikovs	72.982	Gecer	104.86	Rajshahi	225.77
30	Ковальчук	72.621	Ховар	137.907	Tobago	69.571	bärföretagare	104.43	anti-quota	219.48
31	Минченко	72.507	ГБАО	136.058	Rovanpere	69.402	avföringsbakterie	104.27	Uttara	219.46
32	Купальский	71.011	Гутерриш	135.39	Larsons	69.193	älgstamm	102.59	Bogura	219.06
33	ДНР	70.04	Цзиньпин	134.66	UPP	69.017	algblooming	101.9	BGB	205.52
34	Кохал	67.337	ШОС	131.84	Imantdiēna	69.017	E18	101.05	Rampura	203.32
35	Рвачева	67.015	Рудаки	128.771	Jakaite	68.671	Kristoffersson	100.63	Sylhet	195.26
36	Русяев	66.691	Шохин	127.802	Rokens	68.363	isoleringscell	96.496	Faisal	186.19
37	Таволжанка	66.614	Халимзода	127.245	Lelis	67.962	häkte	95.428	protester	186.09
38	Тарабрин	65.645	Сайдмуродова	127.2	Telia	66.106	sommarspel	94.692	curfew	178.17
39	BCM	65.584	Ахмадзода	127.189	Gute	65.516	cruising	90.679	Bazar	177.62
40	Superjet	65.404	ПЭРТ	127.121	Valainis	65.212	mordförsök	90.244	Haque	172.07
41	Белгородской	65.318	Солиева	126.884	LPV	65.142	Norrlidengång	90.111	Begum	170.71
42	рэпера	64.46	Наргис	122.926	LRS	62.651	Hallebratt	90.088	Bangla	169.59
43	пересдача	63.977	ЕАБР	118.98	Jančevskis	60.32	bilträff	89.383	Teesta	168.31
44	специперация	63.344	Солехджона	114.621	studētgrībētājs	57.899	ambulanshelikopt	88.839	Anisul	167.4
45	Мосбиржи	63.04	Гієсиддин	114.621	Mamikins	56.606	anstaltschef	87.458	Razakars	163.79
46	Драганов	62.987	джамоат	114.427	Kariņš	56.368	Gisslén	86.252	Huq	162.15
47	Вильфанд	62.39	Абдухалим	114.316	ķīvīte-urtāne	55.722	Strömsund	83.051	Parishad	161.09
48	НСН	62.053	НИАТ	112.196	valstspīlēta	55.722	fägelbaja	82.868	Sayed	155.51
49	Купала	60.989	Улем	105.916	disciplinārlīeta	55.617	utskrivningsprövning	82.848	Fakhrul	153.64
50	чистотел	60.519	Лахути	101.969	ūdensmotociklists	55.135	kroppsskada	79.359	Bhaban	152.99

The next in frequency topics are “economic sustainability” (multifaceted problems solved by the country, including import substitution; effects of an act of international terrorism — the Nord Stream explosion — as reflecting a crisis in the international economic interaction; not guaranteed safety due to the Zaporizhzhya NPP shelling; the automotive industry and stock market volatility); “social media” (Telegram as a leading social network); “professional education” (seasonal topic, since July is the traditional time for admission to Russian universities and colleges, but it is also connected with the SMO with the “preferential right of enrollment” due to the state policy of supporting SMO participants and their families; the country’s need for blue-collar workers with the secondary vocational education). The following topics are less prevalent but nonetheless salient: “religion and traditions”, “Slavic culture”, “health and innovative treatment methods”, “spectator sports”.

Within the categories of nominal diversity, the following salient topics can be identified: “army and military operations”, “state and power”, “law and order”, “government spending”. “technology/research activities”, “education”.

In Tajikistan, the two most salient topics in the local news are political stability and economic sustainability, and the latter is determined by the fact that this developing country strives to improve the well-being of its citizens by attracting resources and fostering collaboration with other countries and regions (*Somoni*, the Tajik currency, ranks highest among the most frequent and typical words in the analyzed array). “Political stability” is the second most salient topic, since the state and political structures control the editorial policies of the official media, there are stability, harmony and hierarchy as national cultural traditions, and the materials cover the activities of political leaders and parties. Other salient topics include “preservation of national culture and art” (prominent poets and cultural leaders, strong Muslim traditions and customs); “agriculture” (an agrarian-industrial country, adverse weather conditions that could affect crop yields); “military service” (hazing).

Within the categories of nominal diversity, the following salient topics can be identified: “economy”, “state, power and politics”, “culture and art”, “agriculture”, “military service”.

In July 2024, the controversy surrounding the former Latvian Prime Minister Krišjānis Kariņš’s special airline flights was the key news on the Latvian portal LA.LV, which forms the topic “corruption scandal”. The second most salient topic was “compensation for the employee’s incapacity for work due to illness” (the conflict over sick leave payment between policymakers (employers and trade unions) and employees. Since July is traditionally the month of admission to universities in Latvia. The third salient topic was “summer admission campaign” (especially applications to the Latvian University of Biosciences and Technologies), the fourth —

about the technology company SIA “Tet” (access to its fixed-line optical network infrastructure), the fifth — “technology and the state” (construction of the fence on the Latvian-Belarusian border), the sixth — “anti-Russian rhetoric” as part of the government policies towards post-Soviet countries (cases against “pro-Kremlin activists”, “genocide committed by the USSR in Latvia”, national independence, integration into the EU value system). Since July is the month of enlistment in the National Defense Service in Latvia, another salient topic is “military service”.

The most salient topics in the Swedish local news were primarily seasonal, except for “criminal” topic standing out the most. “Crime and justice” was the largest category in quantitative and qualitative terms (the growing level of criminality and violence in Sweden which currently ranks sixth in the world for rapes; construction of new prisons). Another salient topics are related to summer activities and the environment (mainly cultural events — generally positive news focused on how society functions in the summer, including festivals, and sports events), “health hazards on roads and water bodies” (seasonal and eternal health risks and hazards for Sweden locally, regionally and nationally; some environmental issues like climate change, depletion of ozone layer, manmade disasters and environmental degradation due to invasive plant and animal species), and “migration policies” (a bill to facilitate a smoother and quicker administrative process for refugees, adherence to the EU’s policy).

In Bangladesh, two topics were the most salient in the local news. Student unrest was the most significant topic of national concern, while the other was related to the necessity of a sustainable economy and corresponding issues. The semantic field of student unrest throughout the country was defined as “quota reform movement” (protests against the quota system in government jobs, which aimed at a transition to a merit-based system; participation of prominent organizers, tactics used during protests, government response; substantial mobilization in several locations, notably in large urban centers; substantial disruptions, including the imposition of curfews, Internet blackout, teargas usage and blockades in key cities; enduring effects in public life; participation of political parties and law enforcement agencies), but the historical causes of this rise in student protest activity were explained on the periphery of this semantic field (the Liberation/Independence War in Bangladesh was mentioned as a reference). The second salient topic, although rather on the periphery of the first one was “economic development of the country” (impact of the national VAT regulations, a draft of the universal pension model, national financial stability as significantly affected by the economic consequences of Chinese loans and persistent floods).

The nominal and thematic diversity of the most salient topics in the analyzed national samples is summarized in Table 2.

Table 2

Nominal and thematic diversity of salient topics in the local news

Russia	Tajikistan	Latvia	Sweden	Bangladesh
Army , military service and military operations	<i>Economy</i>	<i>Politics</i>	<i>Law and order</i>	<i>State, power, and education</i>
<i>State and power</i>	<i>State and power</i>	<i>Health</i>	<i>Culture</i>	<i>Law and order</i>
<i>Law and order</i>	National culture and art	<i>Education</i>	<i>Health</i>	<i>Politics</i>
<i>Economy</i>	Agriculture	<i>Technology</i>	<i>Economy</i>	Memory of the Liberation War
<i>Technology Research</i>	<i>Military service</i>	<i>Policy towards some post-Soviet countries</i>	<i>State and power</i>	<i>Economy</i>
<i>Education</i>		<i>Military service</i>	Environment	
			<i>Sport</i>	

Thus, in July 2024, the Swedish media had the most nominally diverse agenda, while Bangladesh — the least diverse one. Moreover, the seasonal agenda was represented to the greatest extent in Sweden compared to other countries. The studied texts contain unique topics such as references to the Bengali liberation war in Bangladesh and military actions of the Russian army to defend national interests, environmental issues in Sweden, agriculture and cultural traditions in Tajikistan, violation of financial and ethical standards by the Latvian government. Concerning nationally determined signs and symbols, in the Russian corpus these include the proximity of Orthodox and Muslim cultures, the role of the top state officials in decision-making, and an emphasis on the defensive position during military operations; in the Tajikistan corpus — a focus on hierarchy and continuity, dedication to Muslim culture, and the importance of the senior state authorities in decision-making; in the Latvian corpus — aspirations of the people for self-sufficiency and self-determination, country’s current integration into the EU value system, and the policy of non-acceptance of the values of some post-Soviet countries, especially Russia and Belarus; in the Swedish corpus — the seasonal work and rest schedule of the local population, and the country’s adherence to the EU policy regarding foreign nations; in the Bangladeshi corpus — memories of the Liberation War and the unfair treatment of the descendants of that war’s veterans by the ruling structures. The value semantics of the media content reflects various national histories and cultures as demonstrated by salient topics. We believe that such unique topics in the national media reproduce historical, cultural and social-political features of each nation, thus maintaining the systemic stability of journalism and preserving the cultural diversity of media discourse despite the trends of unification and globalization.

Nonetheless, there are also some similarities in the following salient topics represented in all national media agendas albeit to varying degrees: economic challenges, political decisions, law and order, national health, technology, education and culture. These findings suggest that there are similar media content and similar structural elements of different national media systems even in the intentionally limited samples. An additional and unforeseen outcome of the study was that in July 2024 all national media agendas presented one leading conflict: in Russia — international and potentially global; in all other cases — intra-country (local), but with different characteristics (moral and legal in Sweden, resonant political in Latvia, legal in Tajikistan, massive and ideological in Bangladesh).

Acknowledgement

The authors would like to thank the following contributors to the research: Ivan O. Nekrasov, Pavel F. Sumskey, Yosuman G. Islonova from the Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); Mara Simons (Independent Researcher, Sweden); Abdul Kabil Khan from the Daffodil International University (Dhaka, Bangladesh).

References

1. Sinyakova E.A. Thematic diversity of regional news on the TASS News Feed. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2024; 13 (1). (In Russ.).
2. Shi-xu. A cultural discourse studies approach to communication. *Journal of the Russian Media and Journalism Studies*. 2022; 1.
3. Martynenko E.V., Bazanova A.E., Malakhovsky A.K., Ivanova A.A. Media systems of post-Soviet space: Evolution vectors and research methods. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2024; 13 (4). (In Russ.).
4. McCombs M.E., Shaw D.L. The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*. 1972; 36 (2).
5. Sumskaya A.S., Sumskoy P.F. Modeling TV news in the context of information policy of a television channel. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2018; 7 (4). (In Russ.).
6. Dearing J. *Communication Concepts 6: Agenda-Setting*. London; 1996.
7. Thompson J.B. The new visibility. *Theory, Culture & Society*. 2005; 22 (6).
8. Kioussis S. Explicating media salience: A factor analysis of New York Times issue coverage during the 2000 U.S. Presidential Election. *Journal of Communication*. 2004; 54 (1).
9. Weaver D.H. Thought on agenda setting, framing, and priming. *Journal of Communication*. 2007; 57 (1).
10. Peter J., Claes H.I.M. Agenda-rich, agenda-poor: A cross-national comparative investigation of nominal and thematic public agenda diversity. *International Journal of Public Opinion Research*. 2003; 15.
11. Zubanova L.B. Contemporary media space: Approaches to research and principles of interpretation. *Bulletin of Culture and Arts*. 2008; 2 (14). (In Russ.).
12. Schudson M. The news media as political institutions. *Annual Review of Political Science*. 2002; 5 (1).
13. Kulibaba S. *Media Space and Transmission of Spiritual Values. Media Culture of New Russia: Methodology, Technology, Practices*. Moscow; 2007. (In Russ.).
14. Sumskaya A.S., Islonova Y.G. Semantic “portraits” of the Russian “media center” and “media periphery”: Lexical-statistical and ideographic analysis. *Media Linguistics*. 2024; 11 (4).
15. Mackie I. The comparative method. D. Marsh, G. Stoker (Eds.) *Theory and Methods in Political Science*. London; 1995.
16. Mancini P. Some ideas to update “comparing media systems” to the digital age. *Digital Journalism*. 2024; 12 (3).

Значимые темы в местных новостях национальных цифровых СМИ и общественная безопасность: международное сравнительное исследование*

А.С. Сумская¹, Г. Симонс², А. Кумар Бисвас²

¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Ленина, 51, Екатеринбург, 620000, Россия

²Международный университет Даффодила,
Бирулия, Савар, Дакка–1216, Дакка, Бангладеш

(e-mail: anna.sumskaia@urfu.ru; gregmons@yahoo.com; ananda.ku.mds18@gmail.com)

Аннотация. В статье представлены результаты международного сравнительного анализа медийной новостной повестки в России, Таджикистане, Латвии, Швеции и Бангладеш. Авторы реконструируют новостную повестку на основе журналистских материалов, формирующих цифровую медийную систему в каждом страновом кейсе. Исследование сочетает социокультурный и семантический подходы, идеи значимости и разнообразия — на этом концептуальном фундаменте авторы изучили новостной медиаконтент, который создавался одновременно (был выбран один временной промежуток) и воспроизводил характерный, национально специфический новостной дискурс. В результате были выявлены как конституирующие новостную повестку наиболее значимые темы в каждом страновом кейсе, так и их номинальное и тематическое разнообразие в сопоставительной перспективе. На эмпирическом этапе исследования методики корпусной лингвистики применялись в программном пакете Sketch Engine к выборке из более чем 300 тысяч слов. Лексико-статистический, контекстуальный и тематический виды текстового анализа позволили авторам сгруппировать наиболее «сильные» ключевые слова и фразы в лексико-семантические группы, определить наиболее важные тематические области и составляющие их конкретные темы, оценить номинальное и внутреннее новостное разнообразие в контексте проблемы социетальной безопасности. В частности, те отличительные темы, что средства массовой информации воспроизводят как уникальные для каждой страны (связанные с ее историей, культурой и современной общественно-политической ситуацией), обеспечивают структурную устойчивость журналистского дискурса и его культурное своеобразие: в исследуемый период в странах Европейского Союза (Латвия и Швеция) были летние каникулы, Бангладеш переживал студенческую революцию, Россия проводила СВО (специальную военную операцию), а Таджикистан преодолевал характерные для себя экономические проблемы. Таким образом, в новостной повестке особенности национальной культуры и идентичности оказываются «окрашены» политическими приоритетами.

Ключевые слова: национальное медийное пространство; новостная повестка; сравнительный анализ; социокультурный и семантические подходы; тематическое разнообразие; отличительные тематики; социетальная безопасность

Для цитирования: Сумская А.С., Г. Симонс, А. Кумар Бисвас. Основные темы в разделе местных новостей национальных цифровых СМИ и общественная безопасность: международное сравнительное исследование // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 823–834. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-823-834>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-835-844

EDN: ACY EVP

Non-Western coverage of local crises in the societal-security perspective*

A.K. Khan, A. Hossain, A.N. Shazed

Daffodil International University,
Daffodil Smart City, Birulia, Savar, Dhaka–1216, Dhaka, Bangladesh

(e-mail: kabilkhan.jmc@diu.edu.bd; aftab.jmc@diu.edu.bd; abu24-749@diu.edu.bd)

Abstract. The article considers a small segment of the non-Western-centric world to understand how a selection of Bangladeshi news media covers the Russia-Ukraine conflict, i.e., the authors focus on the mass media coverage rather than how the Bangladeshi government may influence the news production. The research is based on two questions: *RQ1*. How do Bangladeshi newspapers frame the Russian Ukrainian conflict; *RQ2*. Which variables seem to impact the conflict coverage by Bangladeshi newspapers. The article begins with a literature review that briefly summarizes the current state of knowledge about the mass media coverage of armed conflicts. The second section presents the theoretical tools used to interpret the collected data on media framing, the third section — the research methodology, the fourth section — the case of the daily Bangladeshi newspapers coverage and framing of the Russian Ukrainian armed conflict. This study of two major daily newspapers in Bangladesh and their coverage of the Ukraine crisis and the Special Military Operation (SMO) represents a Non-Western mass media content analysis. The Ukraine crisis represents a major newsworthy topic in the Global North (the collective West), which is very deeply politicised as a form of information warfare against Russians and Russia's interests. Therefore, the authors make use of a media framing as a theoretical basis in this qualitative study of the SMO news content of *Daily Star* and *Dhaka Tribune*. The results of the study are interesting and controversial: the Bangladesh mass media framing of the news stories resembles that of the Global North. However, there are some specific national features determined by the country's history and active pursuit of a balanced and neutral foreign policy towards the Global North and the Global South, which creates a nuanced understanding of Russia's security concerns and dilemma as legitimate, since Bangladesh's foreign policy philosophy is based on the idea of being no one's enemy and a friend to everyone. However, this philosophy leads to obvious contradictions and dissonance described in the paper.

Key words: Bangladesh; mass media; framing; Russian Ukrainian conflict; journalism; news production; content analysis; conflict media coverage

For citation: Khan A.K., Hossain A., Shazed A.N. Non-Western coverage of local crises in the societal-security perspective. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 835–844. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-835-844>

*© A.K. Khan, A. Hossain, A.N. Shazed, 2025

The article was submitted on 28.03.2025. The article was accepted on 17.06.2025.

Global media information flows, including coverage of armed conflicts, tend to be dominated the Western news organisations and Western standards of journalism, thus, interpreting and framing news with Western values and geopolitical priorities [43; 46]. Therefore, there are often geopolitical biases in news framing based on the Western discourse. Wars are very newsworthy and attract attention of the media and audiences; the news media create relationships between news makers and news consumers through interpretation and representation of armed conflict [36]. Although, truth is the first casualty of war [25], this is an arena for war correspondents to be seen as heroes and act as mythmakers, while the mass media act as an instrument of war [32].

There is an increasing gap between Western-centric and non-Western-centric worlds, which can be seen in the mass media news coverage, giving an insight into the quality and nature of not only journalism but also the country's cultural and political life. Changes in the mass media content and its framing are closely linked to changes in the wider society [26]. While Western audiences tend to be aware of mainstream political and media coverage of conflicts, there is less awareness of the non-Western-centric media which have another set of values and frames when covering the same conflict. Government and media framing can encourage a specific exchange of ideas and perceptions between the government, mass media and mass public [16].

Connections, dependencies and relationship between the mass media and wars have been established after more than a century of retelling battles and shaping public perception. War stories are selected or ignored by the mass media, retold in such narratives that justify the past or prepare for future wars, creating empowering myths of heroism of the “just” and of barbarism of the “unjust”. The mass media representation and interpretation of war have changed the way in which war stories are told and in which wars are fought [2]. This situation facilitates the politics of warfare driven by activities and flows in the information realm and affecting perceptions and conclusions in the cognitive realm. Hoskins and O'Loughlin [21] argue that war is diffused through an intricate mesh of the everyday media, which can both facilitate and contain the power and presence of the “enemy”, hostile “other”. This situation has destroyed the conventions of warfare through the interconnectedness and accessibility of war in the physical realm.

Journalists (war correspondents) convey the “reality” of contemporary armed warfare, playing a key role in the simultaneous information war within the physical war. They present a spectacle for global audiences that do not experience the combat of wars first-hand [40], thus influencing and shaping their perception and opinions. Military conflicts have political and cultural dimensions, and in the contemporary global information environment, the resulting interrelationships between conflict and media has changed and intensified [18] through narrating and constructing. “Newsworthy” events

(including warfare) are covered by instant global communications 24/7, providing audiences with numerous texts, images and videos, the nature and quality of which are influenced by political, cultural and professional factors that can blur information with entertainment in media representations [12; 39]. In terms of Western politics and culture, even though warfare is represented otherwise, warfare contradicts the central values and principles of democracies [11], which creates complex problems waging wars, requiring information-cognitive solutions. The strategic and cognitive environment is altered by the media in terms of how actors of war and politics change the way in which they act and interact: linear strategic interactions no longer dominate, since there are also mediated interactions [13]. This changing nature of warfare and the mass media contribution to this change determine tensions and expectation gaps regarding the role of media in conflicts.

Thus, when the Western mass media are perceived as failing to be an objective guardian of public interest, there is a backlash of criticism that politics and media misled the public and society [6; 44; 46]. Thus, the mass media become an instrument of war, which is in part the result of the increasing politicization of warfare that needs a selective and careful framing to meet geostrategic goals [32]. This is evident in how the Western mainstream media frame the current Russian Ukrainian conflict. The mainstream Western orthodoxy of knowledge (group consensus on the “reality”) insists that Russia carries sole responsibility for launching the military invasion, Ukraine is a helpless victim, the “international community” must support Ukraine as saviours, and Ukraine is to win. These assumptions and projections are deeply Western-centric, descriptive and lacking context. On the contrary, the US’s geostrategic goal of weakening Russia shall ultimately fail, and Russia will continue to build closer relations with the non-Western world. Thus, more and more articles question the represented moral basis of war and the choice of the further path — more war or a shared responsibility to end the war; the Western mass media are criticised for failing to report true but unpleasant news; media framing still plays a key role in how audiences understand and react to mediated events, especially warfare. The production and communication of news is not coincidental: news of a certain nature and timing is intended to ensure public consent [7], i.e., the construction and presentation of news determine how the audience understands it, which in turn have cognitive effects (opinions and perceptions) that are also politically managed and regulated.

Framing is a means to project power relations to mass audiences, which is especially important in foreign and security policy. Framing implies “selecting and highlighting some facets of events or issues and making connections among them so as to promote a particular interpretation, evaluation, and/or solution” [16. P. 5]. There are different types of frames such as a narrower focus and procedural frames that suggest a political actor’s legitimacy but does not allow an audience

to be motivated and ready to engage in a meaningful political action [16. P. 6]. There are three different classes of objects in the mass mediated news framing — political events, issues and actors [16. P. 22]; certainly, warfare has been and is still a deeply political act [32]. Frames are not uniform across the mass media; there are differences across editorial and political lines. For instance, in the media framing of the Syrian war by CNN and Antiwar.com, there were significant ideological differences: CNN's frames supported the policy and armed intervention against the Syrian government, while Antiwar.com's frames reminded audiences of the past government deceptions and disasters in the “humanitarian warfare” [1]. Frames can vary under the presence of foreign international media in the national media market: thus, Russia Today in Germany used different frames for the Ukrainian compared to the German public service media mostly reflecting the German government position, challenging the legitimacy of German policy [27]. Media frames can create binary ethical or moral dichotomies as a hierarchy of “worthy” actors and circumstances [10]. Framing can change after crossing international borders, since “news production is shaped by competing influences, including cultural values” [31. P. 1].

The authors conducted a qualitative framing analysis to identify non-Western framing patterns [17] for the Russian Ukrainian conflict. Two English language newspapers — *Daily Star* and *Dhaka Tribune* — were chosen, since this is an international crisis. In Bangladesh, all newspapers are private, and urban readers prefer primarily English language newspapers. *Daily Star* was established in 1991, after the fall of the autocratic regime of General Ershad. Due to objective journalism and commitment to freedom of the press, *Daily Star* became one of the most trustworthy English news media in the country. Today this is the largest English-language daily in the country, with professional journalists working 24/7 in both print and digital formats [37]. *Dhaka Tribune* is the fastest growing English newspaper in the country, which was established in 2013 and is famous for diverse range of opinions in editorials by contributors from Bangladesh and overseas.

Almost a three months' time frame was selected — from February 22 to April 7, 2022 — as the initial phase of this conflict. On February 24, 2022, Russia launched a special military operation in Ukraine to liberate the Donbass region, where the People's Republics of Donetsk and Lugansk were under regular attacks from Kiev's government. In early April 2022, the conflict moved to the South and East of Ukraine. A total of 52 news reports were selected — 42 from *Daily Star* and 19 from *Dhaka Tribune*: a random sample method was applied after the search based on the relevant key words (like crime, Ukraine, Russia, conflict, etc.); editorial and opinion articles were not included. The collected articles were divided into several sub-themes and later three dominant themes were identified in the conflict coverage. NVivo Software was used for coding and interpretation; findings are organized according to the research questions [42].

The authors analysed news stories with the qualitative thematic approach to show how the global media agendas and local narratives interact to influence public discourse about international crises [14; 22]; the media framing reflects Bangladesh's political, economic and humanitarian concerns [33]. Thus, the Bangladeshi media framed the Russian Ukrainian conflict primarily with two conflicting narratives — Russian military aggression and Ukrainian resistance [8; 30] — also shaped by the geopolitical context, particularly Bangladesh's Non-Western perspective and historical ties with Russia and other nations, by the media's relationship with Western and Russian narratives, and the global political and economic landscape.

Both newspapers presented the Russian army as an aggressor and the invasion of Ukraine as an unprovoked military operation that posed a threat to the global stability, particularly in Europe [45]. When describing Russia's actions, the media used phrases consistent with the representation of Russia in Western publications, for instance: "Russian President Vladimir Putin launched a full-scale invasion... killing dozens and forcing thousands to flee for their lives". On the other hand, Dhaka Tribune published an article on "The Russian invasion of Ukraine is justified, says Myanmar junta": by highlighting international support for Russia from countries such as Myanmar, the newspaper reiterated the typical Western governments' condemnation. This framing emphasized the global split and the consequences of conflict for both regional and international peace [15], since the media consistently reported losses among both civilians and defence forces in Ukraine [5].

On the contrary, Ukraine's resistance was presented as a valiant and resolute effort against insurmountable challenges: both media emphasized the valour of the Ukrainian people and the government's appeal for global assistance. The determination of Ukraine was highlighted by reports of civilians enlisting for military service and the pervasive solidarity throughout the nation. This framing created a narrative of a small yet resolute nation opposing a formidable attacker, echoing bigger themes of sovereignty and self-determination. Both newspapers continuously reported on the escalating humanitarian catastrophe stemming from the armed conflict by focusing on civilian losses and the refugee situation (mainly families escaping violence and the devastation of infrastructure) — the portrayal of the war's effects on civilians intensified the narrative of Russian aggression [20]. The relocation of millions of Ukrainians made a frame of the humanitarian crisis, which led to both *Daily Star* and *Dhaka Tribune* reporting on the diplomatic initiatives aimed at de-escalating the violence: involvement of international organizations and politicians striving to escalate peace was to contrast the view of Russia as the principal aggressor. For instance, *Dhaka Tribune* stated that "the Bangladesh government has abolished consular fees for Bangladeshi nationals seeking to return from the distressed country", and many articles

discussed the implementation of sanctions against Russia, encompassing the cessation of the Nord Stream 2 pipeline and the immobilization of assets (a prominent aspect of the coverage was the international reaction).

There are various aspects in the framing of the Russian Ukrainian conflict in Bangladeshi media: the country's historical and geopolitical connections and settings; the media's comprehension and ties to both Western and Russian narratives [9]; the global political and economic environment [29]. Both newspapers agreed with international condemnation of Russia's invasion, yet they endeavoured to balance the narrative by acknowledging Russian grievances, including NATO's eastward expansion and Russia's security concerns about Ukraine's prospective NATO membership [19]. This was mainly because Bangladesh strives to maintain a neutral position (friend with everybody, enemy to no one) in international crises [24]. For instance, *Daily Star* stated that "Putin told his security council it was necessary to consider an appeal from the leaders of two breakaway regions in eastern Ukraine for Russia to recognise them as independent". This shows Russia's perspective (including separatism in Ukraine and Russia's perceived security threat from NATO expansion), which was often presented in Bangladeshi media. There was also the news that "Putin says Moscow's interests are 'non-negotiable'", which captures Russia's inflexible position on its security and its desire to prevent Ukraine's NATO membership, a factor that both the Western and Bangladeshi media acknowledged as part of the geopolitical dynamics influencing the conflict. Moreover, there were media statements reflecting Bangladesh's understanding of the geopolitical importance of maintaining relations with both the West and Russia [28]. Thus, Bangladesh preserves a longstanding position of neutrality in significant international disputes while acknowledging national sovereignty.

The political bias of media organisations further shaped media narratives about the Russian Ukrainian conflict. *Daily Star* typically follows the pro-Western storylines and narratives; however, while critical of Russia's invasion, the newspaper adopted a more impartial position, since Russia's geopolitical intentions mirrored the main diplomatic goals of Bangladesh. For instance, *Daily Star* reported that "Western officials were not yet describing Putin's moves as an invasion, but US officials say there is at least a 150,000-strong Russian force poised to launch an all-out assault", and this statement demonstrates how *Daily Star* aligns with the Western coverage. The influence of international media also shaped the representation of the conflict in Bangladeshi newspapers. Both *Daily Star* and *Dhaka Tribune* often referred to the western narratives, including those of the US, EU, UN and news agencies like AP and AF [9]. Not because the understanding of English sources is easier but due to the language barrier regarding Russian narratives. This dependency on Western sources framed the conflict within the context of global geopolitics. For instance, *Daily Star* reported that "Western capitals say Russia has amassed 150,000 troops

in combat formations on Ukraine's borders with Russia, Belarus and Russian-occupied Crimea and on warships in the Black Sea", which shows the connection and understanding of the Western intelligence reports and how global sources affect the narrative of Bangladeshi newspapers. *Dhaka Tribune* published that "US National Security Advisor Jake Sullivan said yesterday intelligence suggests any Russian invasion of Ukraine would employ a particularly brutal strategy to "crush" the civilian population", which reveals the direct influence of the US intelligence reports on framing Russia's strategy.

Let us return to the research questions posed in the abstract — *RQ1* and *RQ2*. Several frames in both newspapers were identified. First, "Russia's aggression and Ukraine's defence", which involved moral judgement, concerns about politics of warfare, and ensuring public consent about the constructed reality that resembled the mainstream Western media reporting rather than that of the Global South. Second, "humanitarian crisis and diplomatic efforts and sanctions", which mainly presents the development of the crisis and possible "remedies" to it, although also with some moral judgement to render the named aggressor as passive and reactive in the ongoing information war, to justify the policy and actions of the "victim" and their façade of "legitimacy". Although the general Bangladeshi media framing resembles the anti-Russian Western mainstream media coverage, there are some evident nuances in Bangladeshi media narratives: understanding and recognition of Russia's right to security and protection of national interests; Bangladesh's desire to preserve neutrality that positions it as a friend to everybody and an enemy to no one. Therefore, beyond the narrow vision and frame of the Ukrainian crisis, the mass media in Bangladesh present the broader geopolitical context that is absent in the Western mainstream mass media (the security threat posed to Russia by NATO's continued eastward expansion and the plight of citizens in the Donbas region).

Acknowledgement

We would like to thank Professor Greg Simons from the Daffodil International University for his assistance in the research.

Notes

- (1) Marks R. No Matter Who Wins Ukraine, America Has Already Lost. August 21, 2022. URL: <https://nationalinterest.org/feature/no-matter-who-wins-ukraine-america-has-already-lost-204288>.
- (2) Benjamin M., Davies N.J.S. Peace Talks Essential as War Rages on in Ukraine. September 6, 2022. URL: <https://www.fairobserver.com/politics/peace-talks-essential-as-war-rages-on-in-ukraine>; Carment D., Beio D. The Ukraine Crisis — More War or Shared Responsibility? June 6, 2022. URL: <https://iaffairscanada.com/2022/the-ukraine-crisis-more-war-or-shared-responsibility>.
- (3) Halimi S., Rimbart P. News We Don't Want to Hear. September 2022. URL: <https://mondediplo.com/2022/09/08ukraine-media>.

References

1. Alitavoli R. Framing the news on the Syrian War: A comparative study of antiwar.com and cnn.com editorials. *Media, War & Conflict*. 2020; 13 (4).
2. Andersen R. *A Century of Media, A Century of War*. New York; 2007.
3. Asadchykh O., Poinar L., Pereloma T., Kuzmenko Y., Nechaieva N. Russian aggression against Ukraine in the media discourse of Asian countries (using the example of China and Japan): Literature review. *International Journal for the Semiotics of Law — Revue Internationale De Sémiotique Juridique*. 2024. URL: <https://doi.org/10.1007/s11196-024-10114-6>.
4. Azeem M., Salfi N.A. Usage of NVIVO software for qualitative data analysis. *Academic Research International*. 2012; 2–2 (1).
5. Batyrgareieva V., Netesa N. Assessment of the danger of glorification of Russian aggression against Ukraine and its participants: Social-legal, economic and criminological analysis. *Baltic Journal of Economic Studies*. 2024; 10 (4).
6. Bennett W.L., Lawrence R.G., Livingston S. *When the Press Fails: Political Power and the News Media from Iraq to Katrina*. Chicago; 2007.
7. Bernays E. The engineering of consent. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1947; 250 (1).
8. Billah M.M., Biswas A. Media representation of the Russia-Ukraine war: A comparative discourse analysis of Reuters and TASS. *South Asian Journal of Social Sciences and Humanities*. 2024; 5 (5).
9. Brusylovska O., Maksymenko I. Analysis of the media discourse on the 2022 war in Ukraine: The case of Russia. *Regional Science Policy & Practice*. 2022; 15 (1).
10. Caddick N., Cooper L., Godier-McBard L., Fossey M. Hierarchies of wounding: Media framings of ‘combat’ and ‘non-combat’ injury. *Media, War & Conflict*. 2021; 14 (4).
11. Calhoun L. *War and Delusion: A Critical Examination*. New York; 2013.
12. Carruthers S.L. *The Media at War*. Basingstoke; 2011.
13. De Franco C. *Media Power and the Transformation of War*. Basingstoke; 2012.
14. Dolgova Y.I. Russia and Ukraine in the mirror of each other’s TV channels. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2023; 28 (2).
15. Drugă D.I. War in Ukraine: Russian propaganda themes. 2022. URL: <https://www.cceol.com/search/article-detail?id=1105964>.
16. Entman R.M. *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy*. Chicago; 2004.
17. Entman R.M. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. 1993; 43.
18. Eskjaer M.F., Hjarvard S., Mortensen M. (Eds.). *The Dynamics of Mediatized Conflicts*. New York; 2015.
19. George J., Sandler T. NATO defence demand, free riding, and the Russo-Ukrainian war in 2022. *Journal of Industrial and Business Economics*. 2022; 49 (4).
20. Green J.A., Henderson C., Ruys T. Russia’s attack on Ukraine and the jus ad bellum. *Journal on the Use of Force and International Law*. 2022; 9 (1).
21. Hoskins A., O’Loughlin B. *War and Media: The Emergence of Diffused War*. Cambridge; 2010.
22. Hossain A., Wahab J.A., Khan M.S.R. A computer-based text analysis of Al Jazeera, BBC, and CNN News shares on Facebook: Framing analysis on covid-19 issues. *SAGE Open*. 2022; 12 (1).
23. Hossain A., Wahab J.A., Khan M.S.R., Sammak M.H., Sweetey J.B. National interest through news lens: A computer-based textual analysis of covid-19 vaccine coverage in China, United Kingdom, and the USA. *Malaysian Journal of Communication*. 2024; 40 (3).
24. Hossain M.K.R., Hoque M.S. 21st century geopolitical doctrine for Bangladesh to become a smart power: A Bangladeshi perspective. *International Journal of Social Sciences and Management*. 2024; 11 (4).

25. Knightley P. *The First Casualty: The War Correspondent as Hero and Myth-Maker from the Crimea to Iraq*. Baltimore; 2004.
26. Lasky M.J. *Media Warfare: The Americanization of Language*. New York; 2017.
27. Lichtenstein D., Koerth K. Different shows, different stories: How German TV formats challenged the government's framing of the Ukraine crisis. *Media, War & Conflict*. 2022; 15 (2).
28. Mahmud K.U., Jabin N. Responses of Bangladesh and Myanmar to the Ukraine crisis: A comparative analysis from a neo-classical realist perspective. *Southeast Asia a Multidisciplinary Journal*. 2022; 22 (2).
29. Mbah R.E., Wasum D. Russian-Ukraine 2022 war: A review of the economic impact of Russian-Ukraine crisis on the USA, UK, Canada, and Europe. *Advances in Social Sciences*. 2022; 9 (3).
30. Muzykant V.L., Hossain B. Shifting narratives: Russia's image in South Asian media in 2022–2024 (on the example of the mass media in People's Republic of Bangladesh). *Theoretical and Practical Issues of Journalism*. 2024; 13 (4).
31. Nwankpa N.N., Ezeji A.O., Chile S.T. One war, different coverage: Exploring cultural influences on international media framing of the Iraq war. *American Journal of Communication*. 2021; 3 (1).
32. Payne K. The media as an instrument of war. *Parameters*. 2005; Spring.
33. Ptaszek G., Yuskiv B., Khomych S. War on frames: Text mining of conflict in Russian and Ukrainian news agency coverage on Telegram during the Russian invasion of Ukraine in 2022. *Media War & Conflict*. 2023; 17 (1).
34. Ran T., Liu Z. "The Russia-Ukraine war" or "The US-Russia war"? Thematic analysis of Global Times' coverage of the Russia-Ukraine war. *Media Asia*. 2023; 51 (1).
35. Repnikova M. Russia's war in Ukraine and the fractures in Western soft power. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2022; 19 (2).
36. Seaton J. *Carnage and the Media: The Making and Breaking of News About Violence*. London; 2005.
37. Staff correspondent: Daily Sun 2nd highest circulated English daily. February 4, 2020. URL: <https://www.daily-sun.com/post/459524>.
38. Sufi F. Social media analytics on Russia–Ukraine cyber war with natural language processing: Perspectives and challenges. *Information*. 2023; 14 (9).
39. Thussu D.K., Freedman D. (Eds.). *War and the Media: Reporting Conflict 24/7*. London; 2003.
40. Tumber H., Webster F. *Journalists under Fire: Information War and Journalistic Practices*. London; 2006.
41. Van Nguyen P., Ngo V.M., Nguyen H.H. Are sanctions costly for the energy industry of sanctioning states? A difference-in-differences approach to sanctions during the Russia–Ukraine war. *World Economy*. 2024; 47 (9).
42. Wang Y., Sannusi S.N., Kadir S.A. News framing of the 2022 Russian–Ukrainian conflict: A comparative analysis of CNN (USA) and CCTV (China) from a war and peace journalism perspective. *e-Bangi Journal of Social Science and Humanities*. 2024; 20 (4).
43. Wessler H., Adolphsen M. Contra-flow from the Arab world? How Arab television coverage of the 2003 Iraq war was used and framed on Western international news channels. *Media, Culture & Society*. 2008; 30 (4).
44. Western J. *Selling Intervention and War: The Presidency, the Media and the American Public*. Baltimore; 2005.
45. Yekelchyk S. Naming the war: Russian aggression in Ukrainian official discourse and mass culture. *Canadian Slavonic Papers*. 2022; 64 (2–3).
46. Zollmann F. *Media, Propaganda and the Politics of Intervention*. New York; 2017.

Незападное освещение локальных кризисов в контексте оценки общественной безопасности*

А.К. Хан, А. Хоссейн, А.Н. Шазед

Международный университет Даффодила,
Бирулия, Савар, Дакка-1216, Дакка, Бангладеш

(e-mail: kabilkhan.jmc@diu.edu.bd; aftab.jmc@diu.edu.bd; abu24-749@diu.edu.bd)

Аннотация. В статье представлен небольшой сегмент незападноцентричного мира — показано, как несколько бангладешских средств массовой информации освещают российско-украинский конфликт, т.е. авторы сосредоточены на особенностях медиафрейминга, а не на том, как правительство страны могло бы контролировать производство новостей. Авторы провели исследование, чтобы ответить на два вопроса: как именно представлен российско-украинский конфликт в бангладешских газетах с позиций используемых для этого приоритетных фреймов; какие переменные определяют медийное освещение данного конфликта. В начале статьи приведен краткий литературный обзор, суммирующий основные направления и результаты изучения медийной репрезентации вооруженных конфликтов, затем охарактеризованы концептуальные основания интерпретации эмпирических данных при реконструировании медиафрейминга, уточнена исследовательская методология и обоснован выбранный «кейс» — особенности освещения и фрейминга российско-украинского вооруженного конфликта в бангладешских газетах. Авторы считают, что изучение двух основных ежедневных бангладешских газет в заданном тематическом поле (репрезентации специальной военной операции) — своего рода качественный контент-анализ особенностей медиафрейминга в незападно-центричном пространстве. Украинский кризис — наиболее важная новостная повестка на Глобальном Севере (коллективном Западе), которая глубоко политизирована в интересах ведения информационной войны против россиян и российских интересов. Авторы используют теорию медиафрейминга как концептуальное основание для качественного анализа медийного освещения (доминирующих фреймов) специальной военной операции в двух бангладешских газетах — «Дейли Стар» и «Дакка Трибьюн». Результаты анализа интересны и противоречивы: с одной стороны, используемые бангладешскими газетами фреймы повторяют те, что используются Глобальным Севером; с другой стороны, очевидны и национальные особенности медиафрейминга, обусловленные историей страны и ее активными попытками проводить сбалансированную внешнюю политику — нейтралитета в отношении как Глобального Севера, так и Глобального Юга; результат — признание легитимными опасений России относительно своей национальной безопасности. Философия бангладешской внешней политики «дружить со всеми, ни с кем не враждовать» порождает противоречия в медийном отражении важных международных конфликтов.

Ключевые слова: Бангладеш; средства массовой информации; фрейминг; российско-украинский конфликт; журнализм; производство новостей; контент-анализ; медийное освещение конфликта

Для цитирования: Хан А.К., Хоссейн А., Шазед А.Н. Незападное освещение локальных кризисов в контексте оценки общественной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 835–844. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-835-844>

*© Хан А.К., Хоссейн А., Шазед А.Н., 2025

Статья поступила в редакцию 28.03.2025. Статья принята к публикации 17.06.2025.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-845-850

EDN: ABWAAK

Философские основания многозначности понятия «забота»*

Н.П. Нарбут¹, В.Н. Иванов^{1,2}

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия

(e-mail: narbut-np@rudn.ru; vilen_ivanov@bk.ru)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу Б. Гройса «Философия заботы» (пер. с англ. А. Фоменко. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 120 с). Эта небольшая книга закладывает концептуальные основания для исследовательской работы с понятием заботы как имеющим фундаментальное значение с точки зрения соотношения автономии и зависимости, заботы-о-себе и внешней, институциональной заботы, а не только как с «прикладным» термином, посредством которого мы склонны описывать некое идеальное положение дел (эмоциональное наполнение труда в широком смысле этого слова) в сфере медицины, воспитания, сохранения культурного наследия, обеспечения экологической безопасности и т.д.

Ключевые слова: забота; внешняя/институциональная забота; забота-о-себе; автономия; независимость; труд

Для цитирования: Нарбут Н.П., Иванов В.Н. Философские основания многозначности понятия «забота» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 845–850. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-845-850>

Слово «забота» не часто встречается в социологическом и — шире — научном дискурсе. Скорее наличие заботы подразумевается в научном и — чаще — публицистическом описании разных сфер общественной жизни и ожидаемой вовлеченности в профессиональную деятельность. Скажем, социологам принадлежит особая роль в современном экспертном сооб-

*© Нарбут Н.П., Иванов В.Н., 2025

Статья поступила в редакцию 27.02.2025 г. Статья принята к публикации 18.08.2025 г.

шестве не только потому, что мы системно изучаем общество, опираясь на значительные эмпирические массивы, но и потому, что от социологов как профессионально занятых изучением актуальных проблем жизнедеятельности россиян ожидается небезразличие к этим проблемам и забота (просветительско-рекомендательная) о тех, чьи проблемы мы смогли понять. В свою очередь, к тем исследователям, кто в первые постсоветские годы активно участвовал в рыночном реформировании российского общества, до сих пор предъявляются претензии гуманистического толка — что они «не заботились о последствиях» реформирования для простого человека [см.: 3]. Получается, что «забота» оказывается в каком-то смысле синонимом ответственности в духе Кодекса Российского общества социологов, согласно которому социолог обязан помнить, «что его рекомендации, выводы, социальные технологии, действия могут оказать существенное влияние на жизнь людей, целых социальных групп и общества в целом». По сути, социолог обязан «заботиться» о последствиях своей профессиональной деятельности не только в методическом, но и в гуманистическом смысле, что сближает нашу деятельность с врачебной (принцип «не навреди»).

Более очевидный социологический контекст «заботы» — прикладной. Например, исследователи тяготеют к альтруистическому описанию приемного родительства: представляют такие семьи «оплотом заботы и любви» благодаря устойчивому восприятию приемного родительства в российском обществе не как «легитимной формы занятости» (хотя при опекуновстве она институционализирована), а скорее как морального служения (несмотря на оправданный материальный мотив) [2; см. также: 4]. Причем «прикладная» трактовка заботы может быть значительно расширена, чему есть множество примеров. С одной стороны, от представителей социальных профессий (в широком смысле) ожидается большее служение, чем предписано правилами и нормативами. Поэтому «забота» становится одним из значимых ожиданий и критериев оценки управленцев — отсюда важность репутации как символического капитала [см., напр.: 5; 6; 8]. С другой стороны, в критической ситуации забота может обретать значение образца поведения [см., напр.: 10] или критерия героизма (когда забота врачей о пациентах в условиях пандемии достигает уровня самопожертвования [см., напр.: 9]).

Сегодня понятие заботы встречается и в неожиданном контексте — описаниях трансформации любви и констатации потенциала заботы как инструмента выхода из нынешнего кризиса нелюбви [см., напр.: 7]. В XXI веке любовь оказалась подчинена жестким правилам рационального «выстраивания отношений», потому что для неолиберальной стадии капитализма характерно распространение экономической логики на все сферы жизни за счет гипертрофированной сосредоточенности на индивидуальной свободе, автономии, независимости (не одиночество, а самодостаточность). Поэтому «любовь с точки зрения неолиберальной рациональности — это тоже проект, который

можно и нужно непрерывно оптимизировать — с тем, чтобы она приносила максимум удовольствия» [1. С. 14]. Оставив за скобками соответствующую дихотомию «эмоционального капитализма» (проникновение логики экономической эффективности/выгоды во все сферы человеческого взаимодействия) и «эмоционального социализма» (отказ от логики продуктивности в пользу чувственного опыта и идеи судьбы), отметим, что исследователи «общества негативных социальных отношений» видят выход в «логике заботы». Она отказывается видеть в человеке «существо, стремящееся к максимальной суверенности и максимальной пользе для самого себя», отмечая наличие в нас «чувства сопричастности с другими, признания желания быть с кем-то» — «мы атакуем социальные конструкты, которые разделяют и учреждают неравенства, и на их месте создаем новые нормы, более человеческие и более соразмерные жизни» [1. С. 164, 169].

Столь различные акценты в концептуализации заботы говорят о ее «мифологизации» и вариативной трактовке. Значит, нам необходимо не только систематизировать содержательное наполнение данного понятия, но и его понимать философские основания. Для этого социологу будет полезно прочесть философскую книгу Б. Гройса, в которой он рассматривает два вида заботы. С одной стороны, «это самый распространенный вид труда в современных обществах — труд заботы; забота о человеческих жизнях считается высшей целью нашей цивилизации... и государств как биополитических образований — их основная функция состоит в заботе о здоровье и благополучии своих граждан» (С. 6), за обеспечение чего отвечают институты медицины, питания, транспорта, строительства и т.д. С другой стороны, человек — «субъект заботы-о-себе» в медицинском, политическом и административном смыслах. «Разные философские учения постулируют разные типы отношения между внешней заботой и заботой-о-себе — между зависимостью и автономией» (С. 6), и книга предлагает читателю обзор трактовок этого отношения с многочисленными примерами из прошлого и настоящего.

Автор реконструирует взгляды Гегеля (человеческая история как «история освобождения субъективности от неясности и тяжести вещей»), доходя до идеи постгегелевского тела в биополитическом государстве Фуко; «резко отделяет философию здоровья Ницше (здоровье выражается в агрессии, потому что самоутверждается) от философии свободы Гегеля (свобода самоотрицательна)» и называет книгу «Ессе Ното» «самой аутентично современной», потому что «Ницше провозглашает абсолютную биологическую уверенность в себе» (С. 34). Хотя, казалось бы, у Ницше наблюдается противостояние принятия социальной заботы (государства и общества) и «отвержения ее во имя великого здоровья» сверхчеловеком (практикует заботу-о-себе как борьбу с биополитическим государством), но автор трактует «ницшеанское великое здоровье» как «желание признания и славы, и как таковое его можно реинтегрировать в гегелевский исторический нарратив»

(С. 44). Далее автор обращается к идеям Маркса об «оппозиции духа и тела как оппозиции человека как машины и человека как животного»: в первом случае (рабочая машина) «система заботы ставит перед собой цель поддерживать в людях здоровье (функциональное состояние), дабы они продолжали работать», во втором случае (животное) «здоровье начинает пониматься как интенсивность желания — как способность желающего человека (взрыв витальных сил) порвать с системой заботы и бороться за удовлетворение своих желаний (их система, заинтересованная в человеке-рабочем, пытается максимально редуцировать) до победного конца» (С. 53–54).

Во второй условной части книги автор опирается на работы Батая и Кайуа: «с одной стороны, их рассуждения — взывая к дионисийским силам, праздничному опьянению и приливу витальных сил — выглядят вполне ницшеанскими; с другой стороны, оба настроены явно не футуристически, а ностальгически... не столько проповедуют будущие приключения, сколько восхищаются следами и остатками прошлых культурных формаций, сохранившихся в современной культуре несмотря на все исторические изменения» (С. 70). Ностальгический настрой автор объясняет тем, что выход за институциональные рамки заботы «сулит возможность освободиться от работы... жить внутри институтов заботы значит также работать на них... не только заниматься своим профессиональным делом, но и вкладывать массу усилий в построение карьеры, чтобы приобрести больше возможностей и влияния в институциональных иерархиях — это изматывающий труд» (С. 67). Сначала стратегий бегства от институтов заботы было «созерцание Логоса (платоновская онтология разума)», но затем созерцание истины вытеснила «мобилизация для креативной работы — вместо вечности (христианство, буддизм) привилегированным метаинституциональным местом стало будущее: отныне предполагалось, что человек должен нарушить все институциональные правила, порвать со всеми традиционными конвенциями и в итоге создать нечто радикально новое» (С. 68).

С одной стороны, прославление витальных сил и креативности позиционировалось как оппозиция (рационалистическим и моралистическим конвенциям) или даже реакция на традиционную буржуазную рациональность, для которой даже искусство — «неразумная трата энергии и времени». С другой стороны, идеология креативности была быстро принята буржуазным обществом и превратилась в идеологию потребления, которое жизненно необходимо капиталистической экономике — она легитимировала креативность ровно в той степени, в какой смогла подчинить ее логике коммодификации. Гройс показывает это на примере Вагнера: он хотел быть «революционером», провозглашал «свое универсальное произведение искусства инструментом единения всего человечества» (а не буржуазной публики), но не смог «преодолеть общество заботы: даже если творец имитирует празднества сакральных, мифических времен, он держится в рамках институтов заботы... и сталкивается с “декадентской” публикой, приученной биополитическим государством...

Но эта публика не разрушает, а поддерживает культурные институты и готова ходить на постановки опер Вагнера и читать книги Ницше» (С. 81).

Учитывая имплицитное политэкономическое содержание заботы в приведенных выше контекстах, не удивительно, что, по мнению автора, «впервые в истории философии понятие заботы заняло центральное место в “Бытии и времени” Хайдеггера» благодаря сосредоточенности на «конфликте между заботой-о-себе, понятой как самоутверждение, и институтами современной, публичной заботы». Хайдеггер определяет человека как *Dasein* (здесь-бытие, бытие-в-мире): «наше отношение к миру носит характер заботы и, по сути, заботы-о-себе... *Dasein* существует, поскольку заботится о себе — и существует в модусе беспокойства о себе. Забота оказывается основным онтологическим модусом человеческого существования» (С. 83). Забота-о-себе подразумевает, в первую очередь, борьбу за такой модус существования в мире, который исключает превращение в «мирскую вещь»: сегодня «*Dasein* — узник технологий, контролируемый ими» (С. 86).

Выход из ситуации автор видит в сложной философской программе гуманистического толка: если и допускать «объективацию» человека, то только «превращая в объект заботы» — «есть очевидная параллель между больницей и музеем — оба института ставят своей целью заботу и защиту — человеческих тел (посредством прав) или вещей». Согласно гуманистической программе, резюмированной Кантом, «в просвещенном, светском обществе человек может рассматриваться лишь как цель, но не как средство... может быть только предметом созерцания (отсюда идея радикальной музеификации жизни в федоровской концепции «общего дела» или идея нарциссического самодизайна как формы самозащиты, заботы-о-себе в виртуальном пространстве социальных сетей), а не активного использования — убийства, насилия и порабощения» (С. 94–95).

Конечно, столь философски нагруженную трактовку заботы придется тщательно «препарировать» для использования в эмпирических исследованиях, однако именно она позволяет увидеть истоки множественной коннотированности данного понятия в научном и повседневном дискурсах.

Библиографический список

1. Аронсон П.Я. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств. М., 2021.
2. Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И. Экономика усыновления: стратегия выживания малых сел. М., 2024.
3. Иванов В.Н. Об идеологических аспектах образования и ответственности социолога (введение в дискуссию) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 1.
4. Ишимухаметов Р.Р. Сельские школы и приемное родительство: экономика и забота // Крестьяноведение. 2025. Т. 10. № 2.
5. Розанова Н.Н. Информационное поле концепта «репутация российской власти» в зеркале экспертного и общественного мнения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3.
6. Розанова Н.Н. Особенности восприятия населением репутации губернаторов в региональной модели «центр–периферия» // Крестьяноведение. 2022. Т. 7. № 3.

7. Троцук И.В. (Не) любовь и другие последствия (не) свобод и (не) выбора в эпоху «эмоционального (пост) модерна» (что бы таковой ни значил) // Социологическое обозрение. 2025. Т. 24. № 3.
8. Троцук И.В. Повседневный народный российский патриотизм: возможности и ограничения социологического исследования и типологизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4.
9. Троцук И.В., Субботина М.В. Представления россиян о героях и героизме: устойчивые и изменчивые компоненты (по материалам опросов общественного мнения) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
10. Ярская-Смирнова В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р., Зайцев Д.В. Темпоральность социальной заботы в пандемичном контексте развития урбанизма и культуры инклюзии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 1.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-845-850

EDN: ABWAAK

Philosophical foundations of the polysemy of the concept of “care”*

N.P. Narbut¹, V.N. Ivanov^{1,2}

¹RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS,

Fotieva St., 6–1, 119333, Moscow, Russia

(e-mail: narbut-np@rudn.ru; vilen_ivanov@bk.ru)

Abstract. The article is a review of B. Groy's *Philosophy of Care* (transl. from English by A. Fomenko. Moscow: New Literary Observer, 2024. 120 p.). This short book presents the conceptual foundations for the study of care as having fundamental importance in terms of the relationship between autonomy and dependence, self-care and external, institutional care, i.e., care is not just an “applied” term with which we tend to describe some ideal state of affairs (emotional content of labor in the broad sense) in medicine, education, cultural heritage preservation, environmental safety, etc.

Key words: care; external/institutional care; self-care; autonomy; independence; labor

For citation: Narbut N.P., Ivanov V.N. Philosophical foundations of the polysemy of the concept of “care”. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 845–850. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-845-850>

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-851-857

EDN: AADMNJ

Типология как результат включенного наблюдения в медицине*

Л.В. Пашигорова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: lp5526425@outlook.com)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию-размышление по мотивам книги А. Решетуна «Пациентология: ждун, лгун и “мне только спросить”» (М.: Альпина Паблишер, 2025. 197 с.). С социологической точки зрения это не только, как заявлено в аннотации, «ироничный путеводитель по сложному миру взаимоотношений врача и пациента» и «попытка взглянуть на привычные ситуации, с которыми мы сталкиваемся в поликлиниках и больницах, с неожиданной стороны», но и результаты экспертного включенного наблюдения, которые могут быть полезны для проведения социологических исследований теоретического и эмпирического характера в сфере медицины и здравоохранения.

Ключевые слова: врачи; пациенты; типология; включенное наблюдение; повседневное взаимодействие; отношения «врач-пациент»

Для цитирования: Пашигорова Л.В. Типология как результат включенного наблюдения в медицине // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 851–857. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-851-857>

Один из основных «инструментов» социологического анализа — типологизация (или типологический анализ/метод — в зависимости от задач исследования, типа данных и процедуры их обработки) [15; 16; 19]. Типологизация может служить упорядочению накопленных объяснений социальных реалий [см., напр.: 4; 6; 7] или систематизации результатов эмпирической работы (классификация большого объема данных для выявления «типологических синдромов»; обработка транскриптов интервью в качественном исследовании и т.д.) [см., напр.: 1; 5; 13; 20; 21; 22; 23]. В любом случае подразумевается, что типологизацию проводит социолог, чтобы «в методологическом плане решить проблему качественной однородности, а в прагматическом плане — реконструировать из данных такие группы, которые являются носителями одного и того же социального типа и их можно было бы интерпретировать как объект социального управления или контроля» [17. С. 119].

*© Пашигорова Л.В., 2025

Статья поступила в редакцию 24.02.2025. Статья принята к публикации 18.08.2025.

Типологизация как аналитический подход применяется и в социологическом изучении сферы медицины. Так, речь может идти о приспособительных практиках медицинских работников в условиях реформирования здравоохранения [18]; о восприятии результатов институциональных изменений в сфере здравоохранения двумя их «целевыми группами» — врачами и пациентами [8]; о дисбалансах во взаимоотношениях медицины и населения, во многом порожденных постсоветскими реформами [14]; о болезнях образа жизни в современных мегаполисах [10] и т.д. [см., напр.: 11; 12]. Нередко «типологические» примеры из области медицины встречаются и в работах по иной тематике, например в изучении феномена заботы. Позитивное содержание заботы выражается в том, что «медицинским сестрам формально запрещено устанавливать дружеские отношения со своими клиентами, обмениваться с ними подарками, взаимодействовать с ними в нерабочее время... но они устанавливают дружеские отношения, созваниваются с клиентами, решая те их проблемы, которые не относятся к предмету формального договора... чтобы гарантировать эффективный уход (а не только в экономических интересах)» [2. С. 24]. Негативное содержание заботы имеет более философский характер [3. С. 8–10]: медицина «начинает заботиться об индивидуальном теле, только если пациент обратился к ней, потому что почувствовал себя нездоровым». Однако сегодня медицина столь высоко специализирована, что «сделать первоначальный выбор в пользу того или иного медицинского учреждения или специалиста пациенту крайне трудно» по причине смутных знаний о собственном теле и отсутствия специальных медицинских знаний. В результате вместо рационального выбора пациент совершает «иррациональный прыжок веры», а система медицинской заботы «социализирует, бюрократизирует, политизирует и медикализует его тело», лишая приватности и делая «предметом публичного интереса и политической дискуссии» (что, в частности, подтверждают медийные споры о запрете/регулировании абортов, контрацепции и пр.).

Появляются и публицистические издания, которые в увлекательно-историческом формате описывают «типы» отношений медицины с обществом. Благодаря таким работам мы узнаем, что, как и сегодня (в контексте российской государственно-демографической риторики), «в классическую эпоху Древней Греции беременность и роды рассматривались не только как ключевой способ продолжения человеческого рода, но и как социальная и политическая обязанность» [9. С. 45]; как и сегодня (если вспомнить разные экстремальные новшества типа «лотосовых родов»), «люди древности были хорошо осведомлены об опасностях беременности и родов... культурная тревога выражалась в религиозных, магических и медицинских верованиях... а медицина включала в себя как практические, так и магические методы лечения» [9. С. 47]; как и сегодня (во многих странах), «прерывание беременности и любая информация о нем носили табуированный характер в связи с религи-

озными, социальными и политическими запретами» [9. С. 55]; как и сегодня (что показала пандемия ковида), «люди пытались справиться с негативными последствиями чумной болезни, катастрофической эпидемиологической ситуацией с помощью единения, сближения и общности» [9. С. 164] и т.д.

Для социолога как «человека со стороны», «внешнего наблюдателя», медицина остается закрытым организационным «кейсом» по причине формализованного входа в данную систему на всех ее уровнях и специфичной корпоративной этики профессионального врачебного сообщества. Полезным информационным ресурсом здесь могут стать публицистические заметки «внутреннего наблюдателя» — врача/медицинского работника, способного к «отстраненной» аналитической типологизации. А. Решетун описывает разнообразие отношения «врач—пациент», опираясь на свой профессиональный опыт, используя примеры из практики своих коллег и личных наблюдений в обоих качествах — и врача, и пациента. Для этого описания автор выбрал обыденный формат «общения» с читателем: отказался от специализированной терминологии и выбрал нормализующий фрейм, поскольку в сфере медицины «люди ведут себя по-разному... как и в семьях, и в обществе», и одновременно гуманистический — книга призвана «помочь и врачам, и пациентам внимательнее относиться и к собственному поведению, и к собственному здоровью» (С. 8).

Поскольку книга интересует нас с точки зрения пользы для социологического чтения, выделим в ней наиболее важные с исследовательской точки зрения «сюжеты». Прежде всего, это «компетентное информирование», что «клятва Гиппократова — скорее традиция, нежели нормативный документ, о чем знают не все» (С. 11). «Обладая когда-то формальным юридическим смыслом, она, по всей видимости, постепенно трансформировалась в красивый ритуал — раскрученный бренд, не имеющий никакой правовой силы... став кратким тезисным изложением врачебной этики и деонтологии со своими временными особенностями», т.е. «правильно общаться с пациентом — это искусство, которому нужно учить студента медицинского университета... на протяжении всего периода обучения» (С. 14). Сегодня деятельность врача регулируют иные документы, прописывающие его права и обязанности, но в условиях свободного рынка медицина низводится до уровня услуг. Получается, что «только у врача есть обязанности и только у пациента есть права»; «некоторые представители врачебной профессии рассматривают свою деятельность исключительно как способ добывания денег» (забывая об этических нормах и сострадании) (С. 19); «товарно-денежные отношения породили множество околomedicalных организаций, где сомнительные люди с сомнительным образованием оказывают сомнительные услуги», но общественное недовольство этими шарлатанами распространяется на всех представителей врачебного сообщества (С. 20); «сакральность человека в белом халате пропала... и пациент стал справедливо считать, что

раз он платит, то врач ему должен и обязан всем» (С. 21); платность в медицине стала ассоциироваться с качеством (С. 23) и т.д. В этой ситуации автор считает нужным развести «адекватных пациентов» и тех, «кто представляет собой ложку дегтя в бочке меда, но строго по аналогии с врачами: на абсолютное большинство нормальных ответственных докторов приходится отдельные личности, по которым судят обо всей медицине» (С. 24).

Прежде чем представить типы «девиаций» среди врачей, автор развенчивает несколько социальных стереотипов, например, что врач постоянно недоволен, потому что «он один, а больных много». Однако это скорее результат не видимой пациенту жесткой регламентации работы врача. Пациент/больной просто «не представляет, как устроен рабочий день врача, и иногда вместо того, чтобы помогать ему, тратит драгоценное время на выяснение отношений» (С. 29). Другой стереотип — «круговая порука» как суть корпоративной культуры и этики медицинского сообщества. Однако «в каждой профессии есть узкоспециализированные особенности, о которых обычным людям знать не обязательно... они их не поймут просто в силу незнания каких-то узких профессиональных вопросов... или неправильно истолкуют, что особенно опасно» (возможен медийный резонанс, губительный по своим последствиям).

Представленная в книге типология «недостойного поведения врача или любого другого медицинского работника» включает в себя: вымогательство денег за работу и внимание, «пользуясь медицинской неграмотностью больного, его подавленным состоянием, растерянностью и страхом за свое здоровье» (С. 38); грубость и хамство (невоспитанность врача, неумение общаться с людьми, пошлость и специфический, чернушный медицинский юмор), «которые дискредитируют профессию в целом» (С. 48); некомпетентность (встречается крайне редко). У перечисленных «девиаций» есть «нормальные» вариации: искренняя благодарность пациентов без каких-либо намеков со стороны врача; выплеск эмоций физически и психологически уставшим врачом с последующим извинением; банальный недостаток клинического практического опыта и невозможность быть специалистом во всех вопросах в рамках нынешней узко специализированной медицинской компетентности. Поскольку автор — известный блоггер, он попросил своих читателей поделиться случаями некорректного отношения медицинских работников: более половины претензий были чисто эмоциональными высказываниями без серьезного содержания; каждая третья претензия напрямую касалась организации медицинской помощи, к которой обычный врач не имеет никакого отношения и часто страдает от ее несовершенства даже больше пациентов; только каждая пятая претензия затрагивала важные проблемы в работе врача, которые действительно требовали внимания и решения.

Переходя к типологии неадекватных пациентов, автор повторно подчеркивает, что их гораздо меньше, чем «адекватных, осознающих уровень сво-

ей ответственности и понимающих, что в процессе лечения они выступают в роли активных участников, помогающих себе выздороветь». Однако «все плохое запоминается гораздо лучше, чем хорошее, поэтому так же, как плохие врачи, которые портят всю картину, существуют и пациенты, запоминающиеся очень надолго» (С. 79). Типология «плохих» пациентов включает в себя следующие поведенческие формы:

- хронические опоздуны, которые пытаются ворваться в кабинет, «нарушая шаткую и зыбкую гармонию отношений “врач–пациент”, что гарантированно не улучшает настроения ни самому опоздуну, ни людям в очереди, ни доктору» (С. 84);
- паникеры — склонные к ипохондрии, впечатлительные, переживающие за малейших чих или царапину «профессиональные пациенты» (чаще женщины), иногда это родственники больного (одна из причин — общедоступность неверной и ангажированной информации в Интернете, множество сайтов с псевдомедицинской информацией при отсутствии регулярных практических занятий по оказанию первой медицинской помощи начиная с детского сада);
- противоположность паникеров — ждуны (авоськины и небоськины) (чаще мужчины), которые надеются, что «само пройдет» (и не идут к травматологам), боятся врачей (как правило, стоматологов) или страшного диагноза, категорически не доверяют врачам или ждут разрешения на посещение больницы личным астрологом, поэтому заглушают боль и борются с симптомами «всякими лекарственными, народными и даже антинародными средствами» (С. 107);
- чудики (нередко в комбинации со ждунами) — занимаются мракобесным самоиздевательством в виде самолечения (например, кариеса — наждачной бумагой и эпоксидным клеем), пытливого изучения естественных отверстий своего тела с помощью не подходящих для этого объектов (как правило, под влиянием алкоголя) и экспериментов (роды в удивительных позах и местах, лечебное голодание для выведения шлаков, уринотерапия);
- блатные (невероятно капризные и требовательные) и быдло — за это обозначение автор многократно извиняется, но иначе не может назвать тех, для кого в принципе не существует норм морали, правил поведения, нравственных принципов и уважения к окружающим (алкоголь в данном случае не причина, а стимул для яркой демонстрации своего «отрицания социальных правил»).

Данная «пациентология» рассчитана на два типа читателей. Во-первых, на широкую аудиторию, потому что каждый из нас, независимо от своего социального статуса, когда-нибудь неизбежно оказывается пациентом: типология «пациентов-экстремалов» помогает понять объективные ограничения в работе врача и «увидеть со стороны», как нельзя (неправильно, недостойно) себя вести в медицинском учреждении. Тем более что «подобные происше-

ствия оставляют глубокий след в душе каждого медицинского работника» — для него «неоказание медицинской помощи, кроме конкретного воплощения в статье Уголовного кодекса, невозможно с чисто моральной точки зрения... врач обязан помочь... даже мерзавцу» (С. 182). Во-вторых, книга рассчитана на врачей, особенно молодых и начинающих, в профессиональной подготовке которых автор видит множество проблем и потому «ворчит на эту тему». По его мнению, врачи должны быть профессионально и морально готовы столкнуться с разными типами «плохих» пациентов и коллег (пусть это очень немногочисленные, но крайне запоминающиеся группы), «осознавая свою ответственность за здоровье и жизнь каждого пациента... такая парадигма пока еще превалирует во врачебном сообществе, несмотря на реформирование, оптимизацию и превращение медицины в медицинскую услугу» (С. 182). Остается только надеяться, что так оно будет и дальше (в духе «оптимистичного реализма» автора).

Библиографический список

1. Барков С.А., Романцева Е.Е. Проектный работник как новый тип личности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.
2. Галиндабаева В.В., Карбаинов Н.И. Экономика усыновления: стратегия выживания малых сел. М., 2024.
3. Гройс Б. Философия заботы. М., 2024.
4. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М., 2003.
5. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Типологии аномалий в высшем образовании // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3.
6. Иванов А.В., Попков Ю.В. Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 2.
7. Иванов Д.В. Этапы эволюции социологии и доминантные типы теоретизирования // Социологические исследования. 2013. № 9.
8. Караева О.С. Реформа здравоохранения в оценках врачей и пациентов: социологический анализ институциональных изменений 2012–2016 гг // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4.
9. Лапина И., Чирвон Т., Таранов В., Малахова А., Гомзикова В. Королевская история медицины: как болели, лечились и умирали знатные дамы. М., 2024.
10. Мартыненко Т.С. Болезни образа жизни: здоровье человека в современном городе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1.
11. Назарова И.Б. Мониторинг состояния здоровья населения и факторов риска (к методологии изучения здоровья) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 3.
12. Назарова И.Б., Ляликова С.В. Эмоциональное здоровье: понимание и определение // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 4.
13. Савенкова А.С., Субботина М.В. Возможности метода неоконченных предложений в изучении «культуры отмены» // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.
14. Семина Т.В. Социологические аспекты дисбаланса взаимоотношений медицины и населения в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 3.
15. Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М., 1999.
16. Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М., 2007.

17. Татарова Г.Г., Бабич Н.С., Бессокирная Г.П., Кученкова А.В. Типологический анализ в социологии как диагностическая процедура. М., 2023.
18. Темнова Л.В., Файман Н.С. Профессиональные деформации в социномических профессиях // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1.
19. Троцук И.В. Компендиум по типам «типологического» в социологии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.
20. Троцук И.В. Повседневный народный российский патриотизм: возможности и ограничения социологического исследования и типологизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 4.
21. Троцук И.В. Типология и топология сельского расселения: возможности и ограничения краткого изложения // Крестьяноведение. 2025. Т. 10. № 2.
22. Троцук И.В., Субботина М.В. Представления россиян о героях и героизме: устойчивые и изменчивые компоненты (по материалам опросов общественного мнения) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 3.
23. Троцук И.В., Цимбал М.В. Современные магические практики: исторические основания типологизации (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 3.

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-851-857

EDN: AADMNJ

Typology as a result of participant observation in medicine*

L.V. Pashigorova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: lp5526425@outlook.com)

Abstract. The article is a review-reflection on A. Reshetun's *Patientology: Those Who Wait, Lie, and 'Just Want to Ask'* (Moscow: Alpina Publisher, 2025, 197 p.). In the sociological perspective, the book is not only, as stated in the annotation, “an ironic guide to the complex world of doctor-patient relationships” and “an attempt to look at familiar situations in clinics and hospitals from an unexpected angle”, but also the results of the expert participant observation, which may be useful for conducting theoretical and empirical sociological studies in the field of medicine and healthcare.

Key words: doctors; patients; typology; participant observation; everyday interaction; “doctor-patient relationships”

For citation: Pashigorova L.V. Typology as a result of participant observation in medicine. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (3): 851–857. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-851-857>

К ЮБИЛЕЮ Н.Г. СКВОРЦОВА

Поздравляем с юбилеем Николая Генриховича Скворцова — доктора социологических наук, профессора, декана факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета!

Николай Генрихович внес огромный вклад в развитие отечественного социологического образования, является известным специалистом в области этносоциологии, культурной антропологии и межкультурной коммуникации. В 1980 году он окончил философский факультет Ленинградского государственного университета. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации работал в экономической лаборатории на Тихвинских производствах объединения «Кировский завод», а в 1985 году возглавил социологическую лабораторию завода «Трансмаш». Его дальнейший трудовой путь связан с Санкт-Петербургским государственным университетом (в тот период — Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова): в 1988 году Николай Генрихович вернулся в родной университет на должность заведующего Лабораторией этнической социологии и этнической психологии Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ). С 1991 года он директор Центра гуманитарных исследований и социальных прогнозов ЛГУ (затем — СПбГУ).

В 1995 году Н.Г. Скворцов возглавил кафедру культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии. В 1997 году защитил диссертацию на тему «Социальная природа этничности: социологический и социально-антропологический аспекты» на соискание ученой степени доктора социологических наук. С 2000 года с небольшим перерывом — декан факультета социологии СПбГУ. В период с 2008 по 2013 годы занимал должность проректора по научной работе Санкт-Петербургского университета.

Заслуги Н.Г. Скворцова в области науки и образования бесспорны: председатель Социологического общества имени М.М. Ковалевского, вице-президент Российской социологической ассоциации (РОСА), член Международной социологической ассоциации (ISA), Российского общества социологов (РОС), Санкт-Петербургской ассоциации социологов (СПАС). Он работает в редколлегиях ведущих социологических журналов: «Вестник СПбГУ. Серия 12: Социология»; «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социально-гуманитарные знания», «Социология», «Социология науки и технологий» и др. Николай Генрихович много лет занимается экспертной работой в области социологического образования и управления социальными процессами, его вклад отмечен наградами: нагрудным знаком Министерства образования и науки «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Николай Генрихович — наш давний друг и единомышленник в деле развития отечественной социологии и социологического образования. Связи между нашими университетами, обмен опытом и личные контакты крепнут и развиваются.

Редколлегия журнала «Вестник РУДН. Серия: Социология» поздравляет Николая Генриховича с юбилеем! Примите наши искренние поздравления с днем рождения. Крепкого Вам здоровья, надежного благополучия, творческой энергии и радости жизни!

*С уважением и признательностью,
коллектив кафедры социологии РУДН*

НАШИ АВТОРЫ

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: p.a.ambarova@urfu.ru).

Атлагич Синиша — доктор политических наук, профессор кафедры журналистики и коммуникативистики факультета политических наук Белградского университета (Сербия) (e-mail: sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs).

Барановская Татьяна Вячеславовна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник и ученый секретарь Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: btv20100404@mail.ru).

Белов Андрей Александрович — кандидат социологических наук, директор филиала технопарка ООО «ИнКата» в Минской области (e-mail: belov404.net@gmail.com).

Бугаков Илья Алексеевич — ассистент кафедры экономической политики и экономических измерений Государственного университета управления (e-mail: ilya.bugakov01@gmail.com).

Василенко Людмила Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vasilenkola@mail.ru).

Голубкова Екатерина Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры интегрированных коммуникаций и брендинга Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: e.a.golubkova@urfu.ru).

Грунт Елена Викторовна — доктор философских наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: helengrunt2002@yandex.ru).

Данилов Александр Николаевич — доктор социологических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси; заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета (e-mail: a.danilov@tut.by).

Жу Ди — профессор социологии, директор департамента социологии потребления и культуры Института социологии Китайской академии общественных наук (e-mail: zhudi123@cass.org.cn).

Ефанов Александр Александрович — доктор философских наук, профессор факультета медиакоммуникаций Российского государственного гуманитарного университета; доцент Института медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: yefanoff_91@mail.ru).

Захаров Николай Львович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (e-mail: znl29@mail.ru).

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

Иванов Вилен Николаевич — доктор философских наук, член-корреспондент и советник Российской академии наук; главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: vilen_ivanov@bk.ru).

Иванов Владимир Геннадьевич — доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов; профессор кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (e-mail: ivanov_vg@pfur.ru).

Ишмухаметов Рустам Рифатович — кандидат социологических наук, доцент кафедры управления современным образованием Института развития образования Республики Башкортостан (e-mail: rustish@list.ru).

Калуга Александра Евгеньевна — ассистент менеджера проектов в ООО «Ипсос Комкон» (e-mail: kalugasashar2324@gmail.com).

Касаткина Наталья Петровна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга территориального управления Научного центра социально-экономического мониторинга (Саранск, Мордовия); доцент кафедры социологии Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (e-mail: kasatkina-rrr@mail.ru).

Козырева Полина Михайловна — доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии по научной работе Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: pkozyreva@isras.ru).

Корнеев Максим Андреевич — аспирант экономического факультета Белорусского государственного университета (e-mail: max.berg711@gmail.com).

Костина Наталия Борисовна — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: kostinanb30@gmail.com).

Кострикин Евгений Геннадьевич — аспирант кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1142220970@rudn.ru).

Кумар Бисвас Ананда — преподаватель кафедры журналистики, средств массовой информации и коммуникации Международного университета Даффодил (Бангладеш) (e-mail: ananda.ku.mds18@gmail.com).

Литаш-Сорокина Елена Александровна — аспирантка кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: elena@lita.sh).

Музыкант Валерий Леонидович — доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов (e-mail: muzykant-vl@rudn.ru).

Назарова Инна Борисовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: inna-nazarova@mail.ru).

Нарбут Николай Петрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: narbut-np@rudn.ru).

Нархов Дмитрий Юрьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью Института физической культуры, спорта и молодежной политики Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: d.y.narkhov@urfu.ru).

Пашигорова Любовь Владимировна — соискатель кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: lp5526425@outlook.com).

Поляков Михаил Борисович — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (e-mail: polyakov-mb@mail.ru).

Полутин Сергей Викторович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (e-mail: polutin.sergei@yandex.ru).

Прямикова Елена Викторовна — доктор социологических наук, профессор департамента политологии и социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: pryamikova@yandex.ru).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и заведующая социологической лабораторией Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Рахмонов Абубакр — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; докторант Института народонаселения и социальных исследований Университета Махидол (Таиланд) (e-mail: abubak.93@mail.ru).

Симонс Грегори — доктор политических наук, профессор политологии и журналистики кафедры журналистики, средств массовой информации и коммуникации Международного университета Даффодил (Бангладеш) (e-mail: gregmons@yahoo.com).

Сметанина Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (e-mail: smetdipdok@mail.ru).

Смирнов Александр Ильич — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: smir_al@bk.ru).

Степнова Людмила Анатольевна — доктор психологических наук, профессор кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: stepnova@yandex.ru).

Сумская Анна Сергеевна — доктор филологических наук, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: anna.sumskaia@urfu.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Филинская Лариса Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (e-mail: filinskalv@gmail.com).

Хан Абдул Кабиль — доктор наук, доцент кафедры журналистики, средств массовой информации и коммуникации Международного университета Даффодил (Бангладеш) (e-mail: kabilkhan.jmc@diu.edu.bd).

Хоссейн Афтаб — доктор наук, доцент кафедры журналистики, средств массовой информации и коммуникации Международного университета Даффодил (Бангладеш) (e-mail: aftab.jmc@diu.edu.bd).

Чуев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Государственного университета управления (e-mail: sv_chuev@mail.ru).

Шозед Абу Ноуфель — ассистент кафедры журналистики, средств массовой информации и коммуникации Международного университета Даффодил (Бангладеш) (e-mail: abu24-749@diu.edu.bd).

Шалагина Елена Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Института общественных наук Уральского государственного педагогического университета (e-mail: elshal96@gmail.com).

Шихова Ольга Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Института общественных наук Уральского государственного педагогического университета (e-mail: krutikol@mail.ru).

Шумкова Наталья Викторовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева (e-mail: niiregion@mail.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. **Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисовочные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ♦ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ♦ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ♦ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ♦ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ♦ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four**.

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
